

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи
Российское историческое общество

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск VII

Ставрополь
2019

УДК 94.43 (082)
ББК 63.3(44) я43
Р 76

Редакционная коллегия:

Крючков И. В. – ответственный редактор (СКФУ),
Крючкова Н. Д. (СКФУ), **Миронов В. В.** (Тамбовский ГУ),
Павленко О. В. – ответственный редактор (РГГУ),
Романенко С. А. (РГГУ); **Стыкалин А. С.** (Институт славяноведения РАН);
Пеганов А. О. (Университет Тулузы), **Хаванова О. В.** (Институт славяноведения РАН)

Р 76 Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VII. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – 184 с.

ISBN 978-5-9296-1016-5

Седьмой выпуск «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели» посвящен памяти известного российского историка, специалиста по истории Венгрии Арутюна Гургеновича Айрапетова. В альманахе вошли материалы исследователей из разных городов России – Москвы, Ставрополя, Санкт-Петербурга, Тамбова, Курска. Кроме российских авторов, в альманахе представлены материалы зарубежных коллег из Австрии, Венгрии, США, Белоруссии.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей вузов, а также для всех интересующихся историей народов Средней Европы.

УДК 94.43 (082)
ББК 63.3(44) я43

ISBN 978-5-9296-1016-5

© Северо-Кавказский федеральный университет, 2019
© Российский государственный гуманитарный университет, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ А. Г. АЙРАПЕТОВА

- 5 **Памяти Арутюна Гургеновича Айрапетова (1950–2019)**
- 8 **Селиванов И. Н.** Дружба длиною в тридцать лет (мои воспоминания об Арутюне Гургеновиче Айрапетове)
- 13 **Шереш А.** Вместо некролога

РАЗДЕЛ I ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИИ

- 15 **Романенко С. А.** Хорватский аграризм между центробежной и центростремительными тенденциями в Австро-Венгрии (монархии Габсбургов). Братья А. и Ст. Радичи 1905–1918 гг.
- 26 **Крючков И. В.** Россия и проблема территориального переустройства Европы после первой мировой войны (сентябрь 1914 г. – начало 1915 г.)
- 34 **Миронов В. В.** «Босняки» в Первой мировой войне: между лояльностью и отторжением Габсбургской империи
- 42 **Тарасов К. А.** Распад Российской империи и Восточный фронт Первой мировой войны
- 50 **Kecskés G.** Paradigm shift in the French foreign policy towards East-Central Europe in 1917–1918
- 56 **Oberreiter M.** The territorial clauses of the Brest peace treaty between the central powers and Ukraine, and their impact on the nationality politics in Austria-Hungary
- 66 **Steinberg J. W.** Peacemaking in the east was not peacemaking at all: events at Brest-Litovsk, 1917–1918
- 75 **Юрлов А. Р.** «Концентрационный лагерь» или «лагерь для интернированных лиц»: к вопросу об институциональной сущности лагеря Талергоф в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны
- 85 **Сироткина Е. В.** «Возвращение домой»: эвакуация австрийских пленных с семьями из Тамбова в 1921 г.

Раздел II РОССИЯ И ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

- 89 **Шварц И.** Императорский инженер Боргсдорф – у основ петровской фортификации
- 102 **Птицын А. Н.** Формирование правового статуса австро-венгерских переселенцев в пореформенной России

Раздел III ИСТОРИЯ КAVKAZA

- 114 **Амбарцумян К. Р.** К вопросу о позиции России в отношении армянского вопроса: на материалах С. Д. Сазонова

- 122** **Ткаченко Д. С.** Народы Кавказа в описаниях первой половине XIX в.: сравнительный анализ подходов российских и британских военных разведчиков
- 131** **Bacher D.** Forced to go and to work: Civilian forced laborers from Stravropol region in todays Austria 1942 to 1945 and their post-war fates

Раздел IV МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

- 138** **Сальков А. П.** Проблема Южной Добруджи от Нёйи до Мюнхена: версальский диктат, политика Коминтерна в крае, положение в румынском Кадрилатере (ноябрь 1918 – сентябрь 1938 г.)

Раздел V ПУБЛИКАЦИИ

- 152** **Стыкалин А. С.** «Было что-то особенно тягостное во всей этой церемонии...». Сдача венгерского революционного войска в августе 1849 г. глазами русского офицера
- 167** **Шереш А.** Литовская молодежь: проявления солидарности с венгерскими революционерами в СССР

- 183** Сведения об авторах

ПАМЯТИ АРУТЮНА ГУРГЕНОВИЧА АЙРАПЕТОВА (1950–2019)

6 июля 2019 г. ушел из жизни научный руководитель факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, председатель Объединенного диссертационного совета по историческим наукам, доктор исторических наук, профессор Арутюн Гургенович Айрапетов.

Будучи уроженцем г. Баку, он получил историческое образование в МГУ имени М. В. Ломоносова, который закончил в 1972 г. В аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории, он начал работать над темой кандидатской диссертации, связанной со взглядами и деятельностью видного деятеля Социал-демократической партии Венгрии рубежа XIX–XX вв. Эрвина Сабо. Для этого ему пришлось осваивать непростой венгерский язык, совершенствуя свои языковые навыки во время научных стажировок в Венгрии.

В 1976 г. по окончании аспирантуры А. Г. Айрапетов пришел на работу в Тамбовский государственный пединститут, на кафедру истории, возглавлявшуюся Г. А. Протасовым. Перспективность будущей научной и педагогической карьеры молодого преподавателя в провинциальном вузе закладывалась не только привитыми в стенах МГУ фундаментальными научными знаниями, но и невероятной требовательностью к самому себе, граничившую с педантизмом, в любом порученном ему деле. В 1978 г. А. Г. Айрапетов успешно защитил кандидатскую диссертацию в МГУ имени М. В. Ломоносова, которая решением диссертационного совета была рекомендована к опубликованию. Создав семью, он прочно обосновался в г. Тамбове, где продолжилась его дальнейшая научно-педагогическая деятельность. В 1984 г. в московском издательстве «Мысль» вышла монография А. Г. Айрапетова на основе переработанной кандидатской диссертации. В 1985 г. А. Г. Айрапетову было присвоено ученое звание доцента. В последующие годы опыт изучения теории и практики венгерской социал-демократии, персонифицированной в личности Э. Сабо, существенно помог

А. Г. Айрапетову при подготовке совместно с А. И. Юдиным учебного пособия по истории утопического социализма в России и Западной Европе Нового времени, которое было рекомендовано к печати Госкомитетом СССР по народному образованию и в 1991 г. вышло в издательстве «Высшая школа».

В 1990 г. А. Г. Айрапетов возглавил кафедру всеобщей истории, которой бессменно руководил до лета 2012 г. Как заведующий кафедрой он уделял много внимания неформальному общению со своими сотрудниками, стремился вникнуть в тяготившие их личные и семейные проблемы, неизбежно отражавшиеся на качестве преподавания. А. Г. Айрапетова всегда отличали интеллигентность, ставшая образом жизни, порядочность и повышенное чувство долга перед своими родственниками, коллегами и студентами.

Началом 1990-х гг. датируется новая грань его научного творчества – социокультурная проблематика, ставшая в последующие годы «фирменным знаком» его собственных и кафедральных исследований. Произшедший в научной карьере А. Г. Айрапетова поворот (не без участия его научного наставника – Т. М. Исламова) от изучения феномена социалистической идеологии и политической борьбы венгерского рабочего класса конца XIX – начала XX в. к вдумчивому анализу его духовно-культурного мира и повседневности в контексте социокультурной истории стал концептуальной основой будущей докторской диссертации, успешно защищенной в 1997 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН. Тогда же в издательстве Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина вышла его монография, получившая высокую оценку научного сообщества. В 1998 г. усилиями А. Г. Айрапетова при кафедре всеобщей истории была открыта аспирантура по всеобщей истории (Новая и новейшая история) и состоялся первый набор в нее. В 2000–2007 гг. под научной редакцией А. Г. Айрапетова были выпущены 5 сборников статей препода-

давателей и аспирантов кафедры всеобщей истории, объединенные сквозной проблемой «Человек в истории».

Вместе с тем круг научных интересов А. Г. Айрапетова не исчерпывался одной лишь социокультурной проблематикой; его привлекала история «холодной войны» и что, как представляется, более важно – феномен национализма в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в., проанализированный через призму представлений О. Яси.

А. Г. Айрапетов стал автором обширной вступительной статьи и комментариев в переведенном в 2011 г. на русский язык труде О. Яси, посвященном распаду Габсбургской монархии. Оказавшись в Тамбове, А. Г. Айрапетов продолжал поддерживать научные связи с кафедрой новой и новейшей истории МГУ. Успешно складывались научные контакты и с коллегами из Брянска, Ставрополя, Воронежа и ряда академических институтов Москвы.

Признанием его авторитета в разработке проблем национализма стало участие в подготовке вместе с преподавателями кафедры новой и новейшей истории МГУ коллективной монографии к столетней годовщине Первой мировой войны. А. Г. Айрапетов развивал научное сотрудничество с Архивным институтом Венгрии в Москве, в рамках которого в 2015 г. увидел свет сборник документов и материалов по истории налаживания и поддержания дружественных связей между Тамбовской областью и венгерским регионом Толна в 1970–1980-х гг.

В 2016 г. в немецком издательстве «Palmarium Academic Publishing» вышла в свет монография А. Г. Айрапетова, написанная в русле интеллектуальной истории. Главными действующими лицами стали Э. Сабо и О. Яси, оживленно обсуждавшие в публицистике пути обновления политической системы, социально-экономических отношений, национально-административного устройства, духовно-культурной атмосферы в Венгрии начала XX века. Последняя опубликованная им в жанре политической публицистики статья была посвящена личности В. И. Ульянова-Ленина как политика.

А. Г. Айрапетов являлся участником международных научных конференций, посвященных истории Австро-Венгрии, и организатором крупных научных мероприя-

тий в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина, в частности «Чичеринских чтений». Также он входил в состав редколлегий «Российско-Австрийского альманаха», издающегося в Ставрополе, и «Вестника Тамбовского государственного университета. Серия: гуманитарные науки».

Сам он регулярно публиковался в центральных изданиях – журналах «Вопросы истории», «Новая новейшая история» и «Диалог со временем». В общей сложности А. Г. Айрапетов опубликовал индивидуально и в соавторстве более 160 научных публикаций. Под научной редакцией А. Г. Айрапетова были изданы 6 научных монографий. С момента создания диссертационного совета по историческим наукам в Тамбовском государственном университете он занимал должность заместителя председателя и в этом качестве участвовал в экспертизе и защите нескольких десятков кандидатских диссертаций. В 2015 г. он возглавил Объединенный диссертационный Совет. А. Г. Айрапетов тщательно оппонировал кандидатские и докторские диссертации, защищавшиеся в других диссертационных советах, и подготавливал отзывы ведущей организации.

Много сил А. Г. Айрапетов отдавал преподавательской работе, руководству учебной работой Института истории и политологии и подготовке научных кадров. Он дал путевку в жизнь 13 кандидатам и одному доктору наук. Аспиранты, прошедшие «школу Айрапетова», научились ясно излагать свои мысли и самостоятельно редактировать свои статьи. Под эгидой А. Г. Айрапетова в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина сложилось научное направление, представители которого сосредоточились на освещении социокультурных аспектов Нового и Новейшего времени. Проекты, разрабатывавшиеся в русле социокультурной истории, в том числе самого А. Г. Айрапетова, неоднократно получали финансовую поддержку российских и зарубежных фондов.

Студенты исторического факультета знали А. Г. Айрапетова как требовательного экзаменатора, прекрасного лектора и опытного преподавателя, ведущего семинарские занятия. Предпосылкой тому являлись качественные учебные пособия, подготовленные А. Г. Айрапетовым по истории зарубежной

политической мысли, новой и новейшей истории и истории исторической науки.

В последние годы жизни А. Г. Айрапетов сосредоточился главным образом на руководстве Объединенным диссертационным советом. Благодаря авторитету А. Г. Айрапетова существенно расширилась география соискателей ученых степеней, получивших бесценный опыт в научном общении с ним. Сам Совет работал практически без сбоев. В 2018 г. А. Г. Айрапетов был награжден Благодарностью Президента РФ за успехи в на-

учно-педагогической деятельности и заслуги в подготовке научных кадров. В том же году он был награжден Державинским орденом за заслуги перед университетом.

Коллектив факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина и редколлегия журнала выражают искренние соболезнования родным и близким Арутюна Гургеновича Айрапетова

От редакционной коллегии

И. Н. Селиванов

ДРУЖБА ДЛИННОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ (МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРУТЮНЕ ГУРГЕНОВИЧЕ АЙРАПЕТОВЕ)

Когда летом 2019 года я узнал о трагической гибели человека, с которым были связаны три десятилетия моей жизни, испытал настоящий шок. Вначале не мог в это просто поверить, поскольку буквально несколькими днями ранее общался с ним по электронной почте, мы выстраивали совместные планы. И вот в один миг все оборвалось... Перед глазами буквально пронесли основные вехи нашей дружбы и многолетнего сотрудничества.

Мое знакомство с Артемом Айрапетовым (именно так он просил его называть с первой нашей встречи) произошло в начале 1988 года, когда в моем лице молодой преподаватель исторического факультета Курского педагогического института перед поступлением в очную аспирантуру был направлен на четырехмесячную стажировку в Московский государственный педагогический институт имени Ленина. Я к тому моменту отслужил полуторагодичную срочную военную службу и, как тогда было принято для потенциального аспиранта-целевика, отработал два года ассистентом на кафедре всеобщей истории родного вуза.

На кафедре новой и новейшей истории МГПИ, куда меня наш заведующий Петр Иванович Остриков направлял в очную аспирантуру, к тому моменту сложилась весьма непростая ситуация, связанная со сменой ее руководства. Профессор В. Г. Сироткин вынужден был перейти на работу в Дипломатическую академию, и во главе кафедры временно поставили (поскольку она была категорически против постоянного руководства) известного ученого и преподавателя, человека с замечательными личными качествами – Евгению Ивановну Попову. Именно она курировала наше прохождение стажировки.

Евгения Ивановна подошла к порученному делу неформально. Она предложила

прослушать курсы лекций по актуальным проблемам исторической науки таких известных специалистов, как заместитель директора Института этнографии АН СССР В. А. Тишков (он вскоре на непродолжительный срок возглавил кафедру), историк Коминтерна И. Н. Ундасынов, профессор кафедры новой и новейшей истории МГПИ И. А. Никитина, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, ее бывший аспирант С. Б. Станкевич и др.

Местом проживания слушателей нашего потока, в котором были представлены вузовские преподаватели, образно говоря, «от Калининграда и до Владивостока», стало общежитие на улице Усачева, располагавшееся недалеко от учебного корпуса физического факультета МГПИ. Рядом находились только что вновь открывшееся для посещения Новодевичье кладбище и стадион Лужники.

Вначале меня поселили в одну комнату с заведующим кафедрой Наманганского педагогического института из Узбекистана, который вскоре переселился к землякам, а на его место, как мне «конфиденциально» сообщила комендант общежития, определили несколько запоздавшего с приездом на ФПК доцента из Тамбовского пединститута, с родственной моей кафедры всеобщей истории. Им как раз и оказался Артем Айрапетов. Как я сразу же выяснил в ходе нашего знакомства, он был на десять лет старше, кандидат наук и готовился писать докторскую диссертацию.

Но, самое главное, меня сразу поразил уровень его врожденной интеллигентности. Представить, что человек такого воспитания может сказать в ходе разговора какое-то неприличное слово, повысить голос на собеседника или же не выполнить данное кому-то обещание, было просто невозможно. И это не была какая-то показная «воспитанность»,

очень часто проявляющаяся в нашей сфере, а именно врожденное качество, которое он пронес через всю свою жизнь. Я сразу же оценил и второе его ценное качество: большой кругозор и компетентность по широкому кругу самых разных научных проблем.

Когда я узнал, что Артем специализируется по истории Венгрии, очень обрадовался. Эта страна меня сильно заинтересовала после трехнедельной поездки туда в 1982 году по линии ЦК ВЛКСМ. В составе советской делегации посчастливилось объездить это небольшое по российским меркам государство, что называется, вдоль и поперек. У меня как историка возникало много разных вопросов, но получить на них компетентные ответы у местных жителей зачастую не получалось по самым различным причинам. Не последнюю роль сыграла тогда и пресловутая «самоцензура».

И вот, спустя шесть лет, появилась прекрасная возможность пополнить свои знания по венгерской проблематике. Сам я в те годы специализировался по истории внешней политики Франции, но, преподавая самые разные учебные дисциплины, никогда не ограничивал себя только этой тематикой.

Свою роль сыграло и еще одно обстоятельство. Венгрия в советские времена в процессе изучения всемирной истории в педагогических вузах традиционно попадала в раздел «Малые страны Европы». Поэтому, чаще всего, из-за недостатка времени у преподавателей, она либо совсем не изучалась, или, в лучшем случае, фрагментарно рассматривалась в контексте истории Австро-Венгерской империи. В курсе же новейшей истории стран Европы и Америки о Венгрии чаще всего упоминалось в контексте «контрреволюционных событий 1956 года». Что-то большее, но не совсем объективное, можно было почерпнуть из научной и научно-популярной литературы. Увы, таковы были наши тогдашние реалии.

В результате наших бесед я узнал о Венгрии намного больше, чем за весь предыдущий период своего исторического образования. Артем никогда не ограничивался пересказом традиционных марксистских подходов в венгерской проблематике, был знаком с немарксистскими концепциями венгерской истории, в те времена, чаще всего, определявшие в советской историо-

графии термином «буржуазные». Артем мне подарил на память свою книгу о венгерском социалисте Эрвине Сабо, написанную на основе, защищенной в 1978 г. в МГУ диссертации. Она до сих пор находится в моей личной библиотеке.

Наши с ним беседы не были движением лишь в одну сторону. Артема очень заинтересовала история стран Индокитая, которые я стал усиленно изучать еще, будучи студентом. Много дискутировали с ним о Хо Ши Мине, режиме Пол Пота в Камбодже, «индокитайской» модели социализма в сопоставлении с ее «венгерским» вариантом. В общем, тем для разговоров было много. Для себя выяснил еще одно немаловажное обстоятельство: Артем хотел «докопаться» до сути, а не получать поверхностную информацию по тому или иному обсуждавшемуся нами вопросу. В этом плане мы с ним оказались, образно говоря, «родственными душами».

Кроме того, и это стоит особо отметить, первая половина 1988 года пришлась на разгар перестройки и политики гласности. Появились иллюзорные надежды на изменения к лучшему, но прозвенели уже первые тревожные звонки. Артем особенно сильно переживал из-за разгоравшегося «карабахского конфликта» между его исторической родиной – Арменией и Азербайджаном (он, армянин, родился и значительную часть жизни прожил в Баку).

Корпус исторического факультета, где проходили занятия ФПК, тогда находился в небольшом старом здании бывшей типовой восьмилетней школы рядом со стадионом «Крылья Советов» на Минском шоссе. Добираться туда приходилось на автобусе от Киевского вокзала минут 35–40. Пока ехали, было время обсудить самые разные темы: от вопросов внутренней политики и вплоть до событий в Восточной Европе, где постепенно разворачивались массовые антиправительственные выступления.

Во время занятий мы с Артемом всегда сидели вместе и вполголоса комментировали то, что приходилось слушать. Запомнилось одно из выступлений В. А. Тишкова, рассказавшего о своих впечатлениях от недавней зарубежной поездки. По словам Валерия Александровича, через очень короткое время нам, исследователям, не придется лично приходить в издательства или

в помещения научных журналов со своими рукописями, поскольку появится некая «электронная доставка» и подготовленные материалы можно будет присылать напрямую через «персональный» компьютер. Из издательства таким же образом готовый макет книги или журнала будет опрарвлен в типографию, а уже из нее – обычной почтой автору. Таким образом, до минимума будет сведен «бумаготорот» при подготовке научных работ к изданию. Сегодня это выглядит смешно и наивно, но мы такого рода информацию встретили, мягко говоря, с недоверием.

Вспоминается часто (тем более что сегодня этот человек не сходит с телевизионных экранов, активно участвуя в многочисленных политических ток-шоу) Сергей Борисович Станкевич, который читал на ФПК курс лекций по применению компьютерных технологий в исторических исследованиях. Нам с Артемом было очень интересно, но все же не могли понять, где их еще можно эффективно использовать, кроме как в количественных методах. Для Артема в этой сфере высшим авторитетом был академик И. Д. Ковальченко, преподававший ему в МГУ. Но напрямую высказываться по данной тематике мы не решились, а тем более спорить, поскольку не считали себя тогда достаточно компетентными в этой специфической сфере.

Будучи членами КПСС, стали на партийный учет в МГПИ и регулярно посещали партийные собрания на истфаке. Именно там произошли первые наши знакомства с Э. М. Щагиным, В. Г. Тюкавкиным, В. Б. Кобриним, Н. И. Павленко, А. Г. Кузьминым и другими работавшими там известными историками. Деканом факультета был производивший на нас самое позитивное впечатление А. Ф. Киселев, а секретарем партбюро – интеллигентнейший Р. М. Введенский, постоянно интересовавшийся у меня, «как там обстоят дела в Тамбове», а у Артема – тот же самый вопрос, но в Курске. Мы на Ростислава Михайловича за это совсем не обижались, скорее наоборот.

Происходившие на партсобраниях дискуссии (а порой они были весьма острыми в силу разных политических предпочтений их участников) для нас были в диковинку, поскольку ничего подобного в наших вузах не происходило. Сами мы, приехавшие «из глубинки», старались в них не вмешиваться, внимательно слушали, а уже после высказывали свое мнение в личных беседах.

Интересно было наблюдать и за студенческой жизнью, особенно за работой «неформалов» из ячейки «Конфедерации анархо-синдикалистов», где главную роль играли ныне широко известные политик из «Единой России» Андрей Исаев и историк Александр Шубин. Они периодически вывешивали на стенах в коридорах свои агитационные материалы, производившие на нас двойственное впечатление. Артем тогда метко назвал это явление «детской болезнью неформализма» в советском молодежном движении. Но все равно для нас, не разделявших подобные взгляды, это было очень интересным и познавательным. До сих пор храню дома некоторые их «самиздатовские» бюллетени, любезно нам подаренные самими «студентами-анархистами».

Из сотрудников кафедры новой и новейшей истории, на заседаниях которой мы также постоянно присутствовали, особенно сильное впечатление производили Мурат Куриев и Александр Родригес, который вскоре сменил В. А. Тишкова на должности заведующего кафедрой. Мурат Магомедович, к большому нашему сожалению, вскоре сменил сферу деятельности (стал работать на телевидении), а с Александром Мануэльевичем, дай бог ему здоровья и долгих лет жизни, у нас с Артемом на многие годы сложились самые теплые и дружеские отношения.

После окончания ФПК я, как и планировал, поступил в очную аспирантуру. Артем уехал в Тамбов, вскоре стал там заведующим кафедрой. Наше очное общение на несколько лет прекратилось, но мы регулярно переписывались по «обычной» почте, поскольку электронной к тому моменту еще не было. Он в своих письмах давал мне, как старший товарищ, много полезных советов, в том числе и по технологиям подготовки диссертации. И это было не случайно, поскольку он сам очень трепетно относился к написанию любого текста, под которым стола его подпись. Артем еще несколько лет тщательно работал над уже практически готовой докторской под руководством своего наставника и научного руководителя в аспирантуре – известного историка Т. М. Исламова, о котором он всегда отзывался с восхищением. Когда в 2004 году Тофика Муслимовича не

стало, Артем не мог сдержать своей скорби, он рассказывал, как много в своей жизни и успешной научной карьере был обязан своему земляку-бакинцу.

В 1997 г. я защитил в МПГУ докторскую диссертацию и практически одновременно в Институте славяноведения РАН защитился Артем по очень интересной теме, связанной и историей венгерского рабочего класса на рубеже XIX–XX вв. В том же году в Тамбове была издана его монография по данной тематике.

Оба мы к тому времени возглавляли кафедры всеобщей истории в своих вузах. Артем занимал эту должность более 20 лет, я на этом посту бессменно уже 23 года. Естественно, что наши интересы еще сильнее сблизились, и вскоре появился повод для нового формата тесного общения.

В Тамбове в 2001 году открылся диссертационный совет по истории, где Артем стал заместителем председателя. Он меня (уже занимавшего аналогичную должность в Курском диссозвете) и рекомендовал в его состав в качестве внештатного члена. Мне было очень интересно сравнить, как была организована работа с аспирантами и подготовка к защитами в наших вузах.

Весной того же года я приехал в Тамбов и первым, кто меня встретил на вокзале, был как раз Артем. Мы обнялись как старые друзья после долгой разлуки и следующие 11 лет, несмотря на большую загруженность по основному месту работы, я старался не пропускать ни одного заседания. Очень много узнавал для себя нового и полезного. После заседаний часто гуляли по вечернему Тамбову, который он очень любил. Благодаря Артему я этот город узнал достаточно хорошо.

Как-то известный тамбовский историк Валерий Владимирович Канищев (сам уроженец этих краев) вспоминал, что когда после окончания аспирантуры Артем приехал в Тамбов, он с коллегами, видя его потенциал, вначале подумали, что такой многообещающий специалист у них надолго не задержится. К их большому удивлению, они ошиблись. Здесь Артем очень скоро нашел свою вторую половину, и вся его дальнейшая жизнь оказалась связана с этим старинным русским городом. Гуляя с ним по тамбовским улицам, я всегда поражался, сколько людей

при встрече с ним приветливо здороваются, интересуются его текущими делами. Чувствовалось, что он в их жизни когда-то сыграл далеко не последнюю роль.

Председателем диссозвета все эти годы был прекрасный человек и настоящий интеллигент Лев Григорьевич Протасов. Именно ему вместе с Артемом удалось создать в нем настоящую деловую атмосферу. Я увидел новые качества Артема как администратора и наставника в научной сфере. Он стал руководителем целой группы талантливых тамбовских аспирантов. Особенно хочется выделить из их числа Елену Мягкову и Владимира Миронова, великолепно защитивших свои диссертации.

Вспоминается еще один весьма показательный момент. Диссертация одного из его аспирантов была чуть слабее остальных, ранее защищенных. После окончания ее успешной защиты Артем с виноватым видом подошел ко мне и извинился. Я ему ответил: дорогой Артем, все познается в сравнении. «Худшая» диссертация, о которой идет речь, могла бы стать одной из лучших в любом другом диссозвете, где мне в то время пришлось участвовать в различных качествах.

Артем вместе со своим бывшим студентом, а затем и коллегой, Владимиром Викторовичем Романовым (ныне деканом Факультета истории, мировой политики и социологии ТГУ им. Г. Р. Державина) много времени и сил отдавали организации и проведению в Тамбове научных конференций под названием «Чичеринские чтения», в которых я неоднократно и с удовольствием принимал участие. Секционные заседания были особенно интересны, когда выступал Артем и показывал всем нам высочайший уровень своей компетенции по обсуждавшимся там вопросам.

В 2008 году тамбовский диссозвет по истории был реформирован, меня вновь включили в его состав. Теперь к приему к защите в нем допускались и докторские диссертации. Очень горд, что первой в этом совете такую диссертацию успешно защитила моя бывшая аспирантка Ирина Александровна Конорева, которая ныне успешно работает деканом исторического факультета Курского государственного университета. Артем с его большим опытом ей много помогал при подготовке к предзащите, а потом и в самой защите. И в этом также в очередной раз проя-

вились его замечательные личные качества как человека и ученого.

В 2012 г. диссовет стал межрегиональным и я уже не мог участвовать в его работе, поскольку не являлся штатным работником в организациях, его учредивших. Но с Артемом все последующие годы, вплоть до его трагической гибели, я периодически встречался на заседаниях Воронежского диссовета, где с ним несколько лет был внештатным членом, а также и на научных конференциях. Мы всегда просили организаторов, чтобы нас поселили вместе. Много времени общались в неформальной обстановке, обсуждали общие проблемы и не только научные. Артем очень любил свою супругу, Галину Михайловну, с которой прожил в мире и согласии много лет, гордился своими сыновьями Виталием и Сергеем, очень радовался появлению внуков.

В последние годы я видел, что у Артема начались проблемы со здоровьем, но он никогда не жаловался и стоически переносил последствия воздействия на него панкреатита. Он всегда много работал и очень переживал, когда ушел с заведования кафедрой, что в какой-то момент окажется неостребованным как преподаватель. Я его старался успокоить таким аргументом: жизнь на этом не остановится и, «нет худа без добра», появится больше времени для не менее им любимой научной работы.

Несомненно, учитывая большие заслуги Артема перед Тамбовским госуниверситетом, его назначили на должность Научного руководителя родного факультета, в мае 2018 года ему была выражена Благодарность Президента Российской Федерации.

После смерти в 2015 году Л. Г. Протасова, Артем стал председателем Тамбовского диссертационного совета по историческим

наукам. Он стал инициатором и руководителем местного отделения Российского общества интеллектуальной истории, под эгидой которого и под редакцией Артема в Тамбове издавался весьма содержательный сборник научных работ «Человек в истории».

Артем периодически присылал мне подготовленным им, но пока неопубликованные научные статьи, хотел знать мое мнение. Последняя из них – о В. И. Ленине, была весной 2019 г. опубликована в журнале «Вопросы истории». Артем как-то пошутил по этому поводу: Игорь, наконец, занялся Микояном, а я – Лениным. В общем, неисповедимы пути историков!

Еще в 2015 году Артем одобрил мое решение начать работу над большой монографией о международной деятельности А. И. Микояна. Вспомнили, как в 1988 году были Новодевичьем кладбище и остановились у его могилы. Отмечая несомненные заслуги Микояна перед страной, пришли к общему выводу, что это явно недооцененная фигура в советской истории. И вот спустя много лет я решился написать о Микояне что-то более фундаментальное, чем серия статей в научных журналах, о которых Артем отзывался весьма положительно. Обсудили с ним план работы, возможные методы исследования. Артем сам вызвался стать рецензентом. Летом 2019 года эта работа мной была, наконец, завершена (в ней есть и «венгерская глава»), и я ему сообщил об этом. Он попросил несколько дней «передышки» для отдыха и обещал за лето сделать по ней рекомендации и возможные правки. Но жизнь распорядилась по иному...

Монография, надеюсь, вскоре выйдет из печати, и я обязательно в предисловии к ней упомяну добрым словом своего многолетнего друга и коллегу.

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА*

Следующие строки мне хотелось бы посвятить светлой памяти моего друга Арутюна Гургеновича Айрапетова (1950–2019 гг.), российского ученого-историка и педагога, доктора исторических наук, профессора, на протяжении многих лет возглавлявшего кафедру всеобщей истории в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина. Прекрасный профессионал и человек поистине творческий, он оставил немало научных трудов. Значительная их часть посвящена проблемам венгерской истории – А. Г. Айрапетов был одним из признанных в России специалистов в этой области.

Мы первый раз встретились с Арутюном Гургеновичем только осенью 2011 года в Москве, и в ходе первой же нашей беседы вдруг выяснилось, что в определенном (причем, душевном) смысле мы «породнились», стали «побратимами» намного раньше, вскоре после моего рождения. Дело в том, что Арутюн Гургенович, окончив МГУ, а затем аспирантуру, получил распределение в Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Так, начиная с 1976 г. он жил в городе Тамбове, а Тамбовская область, участвуя в движении «породненных областей», поддерживала тесные связи как раз с моей родной землей, Толненской областью в Венгрии. Именно этот немаловажный момент стал исходной точкой не только нашего сотрудничества в области исторической науки, но и нашей дружбы. Он любил Тамбовщину (хотя родился и вырос в Баку), а я, несмотря на то, что уже 25 лет не живу в моем родном городе, Сексарде, продолжаю быть связанным с ним тесными узами.

* Автор выражает свою благодарность Арунасу Бубнису, директору по научным делам Исследовательского центра истории резистенции и геноцида жителей Литвы, Кристине Буринскайте, старшему научному сотруднику того самого института, Римантасу Микнису, директору Института истории Литвы и Беатрикс Тёлдешши, доцента Кафедры балтийских языков Будапештского университета им. Этвеша Лоранда за оказанное ими содействие к написанию данной статьи.

Мы оба чувствовали, как в человеческом, так и в профессиональном плане, что историческая традиция, которая связывала эти два прекрасных края, обязывает нас, ее каким-то образом продолжить, увековечив историю взаимоотношений между Тамбовщиной и Толной. Для Артёма это было важно еще и потому, что он был не только непосредственным очевидцем, но в какой-то мере и действующим лицом в этих связях. Он мне рассказывал, что в 1980-е годы его, человека, знавшего венгерский язык, что было совсем уж экзотикой для Тамбова, не раз вызывали в здание обкома КПСС, сажали за стол в закрытом кабинете и поручали заниматься переводом с венгерского на русский язык документов, поступавших в Тамбовский обком КПСС от породненной партийной организации, Толненского обкома ВСРП. По позднему признанию Артёма, это, как правило, были всякие «пустяки», документы не слишком интересные: приветственные письма и телеграммы, отправленные по поводу государственных праздников СССР и, соответственно, праздников международного рабочего движения. Но, в конце концов, плодом нашего сотрудничества стал весомый сборник документов об истории взаимосвязей между Тамбовской и Толненской областями в 1970-е – 1980-е гг. в более широком контексте многосторонних отношений между странами социалистического лагеря¹.

После выхода в свет этой книги у нас возникла новая идея. Мы задумались над тем, чтобы приступить к выявлению и научной обработке источников, отражающих реакцию отдельных граждан СССР и общественных

¹ В этом сборнике опубликованы в основном документы из Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). См.: Тамбов – Толна. Области-побратимы 1971–1989. Документы и материалы // Редакторы: А. Г. Айрапетов (отв. ред.), Г. М. Дробжева, Атилла Шереш. Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета, 2015. 350 с.

групп (интеллигентов, рабочих, церковников и т. д.) на венгерскую революцию 1956 г. По этой теме, если брать ее в масштабе всего Советского Союза, мы и сегодня располагаем очень скудными сведениями. На основании малочисленных публикаций мы сделали предположение, что определенная часть населения СССР не подверглась влиянию советской пропаганды и не верила в официальную версию советского руководства относительно сути «венгерских событий» 1956 г. Мы полагали также, что наиболее активно симпатии к венграм-повстанцам могли проявляться в национальных образованиях СССР, в союзных и автономных республиках, особенно в Прибалтике, Закавказье, на Украине и т. д. Но нас интересовал и вопрос о том, как отреагировали на вооруженное восстание венгров и их попытку выйти из социалистического лагеря самые «обыкновенные» и при этом очень разные русские люди, жители различных областей РСФСР, как простые рабочие, так и должностные лица, при этом представлявшие разные возрастные группы, различавшиеся и по своему отношению к религии.

Когда после многолетней дипломатической службы в Москве я вернулся в Венгрию, мы начали переписываться с Арутюном Гургеновичем. Он мне писал о том, что в Государственном архиве социально-политической

истории Тамбовской области ему удалось найти всего один документ, относящийся к теме – подготовленную для ЦК КПСС докладную записку Тамбовского обкома КПСС о настроениях населения области в связи с текущими событиями в мировой политике. В нем среди прочего упоминалась отставка первого секретаря Центрального Руководства ВПТ Матяша Ракоши со своего поста в июле 1956 г. Хотя с архивными находками в этой области нам не слишком везло, мы были настойчивы и уверены в необходимости дальнейшей разработки этой темы.

Арутюн Гургенович был полон научных планов и покинул нас совершенно неожиданно. Испытанное после его кончины чувство горечи, равно как и память о замечательном человеке обязывают меня продолжить нашу совместно начатую работу по изучению и систематизации откликов самых обыкновенных граждан СССР на венгерскую революцию 1956 г. Поэтому, именно с этим моим намерением и связан выбор темы размещенной в данном выпуске альманаха публикации – мне захотелось реконструировать и представить историю одного конкретного «казуса» – речь идет о реакции молодых литовцев, студентов Вильнюсского государственного университета им. Капускаса на драматические события в Венгрии осени 1956 г.

Раздел I

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИИ

С. А. Романенко

ХОРВАТСКИЙ АГРАРИЗМ МЕЖДУ ЦЕНТРОБЕЖНОЙ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИЯМИ В АВСТРО-ВЕНГРИИ (МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ). БРАТЬЯ А. и СТ. РАДИЧИ 1905–1918 гг.

15

Аграризм – одно из популярных в начале XX в. идейно-политических течений в странах Юго-Восточной Европы и у народов Центральной Европы, до 1918 г. входивших в состав многонациональной империи Габсбургов – Австро-Венгрии. На рубеже XIX и XX вв. Наиболее ярко наряду с Сербией (Сербская народная (национальная) радикальная партия, 1881), Польшей (Польская народная (крестьянская) партия, 1895), Болгарией (Болгарский земледельческий народный союз, 1899), Чехией (Чешская (Чехо-славянская) аграрная партия, 1899–1905) и Венгрией (Партия мелких сельских хозяев, 1908), аграризм как значительная политическая сила проявил себя в Хорватии. В 1905 г. в Загребе братьями Антуном (1868–1919) и Стъепаном (1871–1928) Радичами была создана Хорватская народная крестьянская партия, ХНКП (Hrvatska pučka seljačka stranka). Хорватия в соответствии с установленной в 1867 г. системой австро-венгерского дуализма входила в состав Венгерского королевства, где по венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. пользовалась политической автономией. Аграризм принадлежал к политико-идеологическим концепциям нового поколения в хорватской политике и, до некоторой степени австро-венгерской политике вообще, в число которых входили социал-демократия и либерализм.

Аграризм – течение европейской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX вв. Идеи аграризма проникли в нарождавшееся в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе крестьянское политическое движение¹. Отличий программы ХНКП от партий германо-австрийского образца было два. Первое состояло в том, что братья Радичи, как и их единомышленники на Балканах и у славянских народов Австро-Венгрии претендовали на перестройку общественных отношений в интересах крестьянства, которое считали основой общества. В Хорватии, Болгарии, Сербии крестьяне составляли большинство населения. Поэтому идеологи аграризма считали необходимым создать крестьянское национальное государство. Эти идеи они обосновывали с помощью идей распространенного в конце XIX – начале XX вв. социального дарвинизма, исходя из особых психофизических черт крестьян и их особым социальным статусом – собственник и труженик в одном лице.

Вторым существенным отличием программ аграризма у славянских народов Ав-

¹ Напр., см.: Фрейдзон В. И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX века. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832–1914. М.: ИСБ РАН, 1993; Матвеев Г. Ф. Третий путь? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 3-5, 15-20, 26-27.

стро-Венгрии, в том числе и у ХНКП, было наличие в нем национальной программы, поскольку хорваты, чехи и поляки, хотя и относились к разделенным и неполноправным народам, обладали собственным историческим государственным правом, принципы которого были заложены в фундамент монархии Габсбургов и имели хотя и ограниченную, но все же собственную государственность в рамках автономии. Они были одновременно и социальными реформаторами, и национал-либералами, исходя из того, что процесс национального самоопределения хорватов до 1917–1918 гг. реализовать в рамках существовавшего многонационального австро-венгерского государства.

Идеология и мировоззрение рядовых членов ХНКП и её идеологов определялась различными вариантами (естественное право, историческое государственное право, национальный принцип, народный суверенитет, имперский патриотизм, идея верности династии Габсбургов, лоялизм и легализм. К этому следует добавить и программы национально-политического устройства многонационального государства – дуализм, триализм, федерализм, и в конце концов – национальная независимость, отделение от Австро-Венгрии и создание суверенного независимого государства. Все эти элементы по-разному сочетались между собой и в программе ХНКП, как и в программах других политических партий Хорватии, вступивших в конце XIX – начале XX вв. в период активного формирования и создания особой политической структуры хорватского и сербского национальных движений в Хорватии.

Выработка самостоятельной политической программы крестьянства его идеологами, А. и Ст. Радичами началась еще в середине 90-х годов XIX в. и окончилась 13 марта 1905 г. официальным принятием программы на учредительном съезде ХНКП. Но по мере социального расслоения и изменения положения зажиточной части села некоторые основополагающие принципы программы и идеологии «аграризма» подвергались пересмотру. Если первое время партия Радичей была выразительницей интересов и настроений крестьянского сословия в целом, то впоследствии ХНКП стала представительницей интересов его более зажиточной части. В то же время она постоянно соперничала

с хорватскими националистами – партиями Й. Франка и М. Старчевича, а также прогрессистами (левыми либералами) и социал-демократами.

В отличие от других партий, отражавших взгляды сторонников модернизации и изначально стремившихся предстать перед избирателями в качестве выразителей интересов всей «своей» нации, а не какого-либо отдельного сословия, идеологи ХНКП – «аграристы» – с первых же шагов заявили, что эта партия – организация крестьянства, «сердцевины нации» (как и социал-демократы – партия трудящихся). Одним из основополагающих принципов их концепции было так называемое крестьянское право. Под ним понималось право крестьянина на собственный надел, а также на участие в решении общественных дел в крестьянском государстве. Именно это сословие, считали А. и Ст. Радичи, сохранившее многие традиции и «национальный дух» в отличие от «омадьярившихся» господ (т. е., в его представлении, – интеллигенции), могло наилучшим образом отстаивать политические и экономические интересы нации. Основной своей целью партия провозглашала объединение всех хорватов и создание «своего государства со своими законами и указами». Идеологи ХНКП разделяли укоренившиеся в то время воззрения о необходимости сглаживания социальных противоречий во имя общенациональных интересов. Братья Радичи подчеркивали, что ХНКП – это вовсе не «бунтовщицкая или революционная партия, – партия бунтовщиков или революционеров, но организация, подчиняющаяся законам и властям»¹.

ХНКП и братья Радичи выступили против Риекской и Задарской резолюций 1905 г., впоследствии – и против организации, воплотившей идеи «нового курса» в Хорватии – сотрудничества с венгерской оппозицией и с национальным движением сербов в Хорватии – Хорватско-сербской оппозиции (ХСК). В этом отношении они оказались по одну сторону с партией хорватских националистов, ориентировавшихся на Вену и на династию Габсбургов, партию Йосипа Франка, а также австрийскими клерикалами. А. Радич опубликовал целую брошюру «Мадыры или

¹ Программу ХНКП, напр., см.: Radić A. Sabrana djela. Zagreb, 1936. Sv. VII. S. 17–137.

“Риекская резолюция”» от 3.X.1905 с точки зрения европейской народной (в оригинале – рийска. – прим. С.Р.) и реальной политики». В ней он попытался хорватский национализм поставить в контекст концепций западноевропейских идеологически. «Сербы присоединяются к мадьярам, когда те выступают против Австрии, и более всего потому, что думают, что Австрия хочет распространиться на те земли, которые сербы считают сербскими, т. е. Боснию и Герцеговину, старую Сербию и Македонию», – писал он¹. В границы хорватской этнической территории Радич-старший отнес Далмацию, Хорватию и Славонию, Истрию, Боснию и Герцеговину, Меджимурье, Бачку и Банат. В число хорватских он также включил и словенские территории – Приморье, Краньску (Крайну) и Штаерску (Штирию); при этом Радич использовал словенские, а не австро-немецкие топонимы, поскольку считал их «тем же племенем, что и мы, хорваты». Он полагал также, что «наше» племя «создало по соседству два самостоятельных государства – Сербию и Черногорию»². Столь обширные границы «племени» и «нации» объяснялись его представлением о том, что «наши ученые и образованные люди учили издавна, что мы, хорваты, являемся с остальными славянами одним племенем и не принадлежим ни к немцам, ни к итальянцам, ни тем более к мадьярам». В то же время А. Радич, считал, что «хорваты не только крупное племя (к характеристикам «племени» он относил «язык, обычаи и образ жизни». – прим. С.Р.), но значительной частью уже одна нация по сознанию, т. е. значительная часть нас, хорватов, знает, что... у нас одна национальная идея». В этом он видел первое доказательство того, что «хорваты в значительной мере уже являются сложившейся нацией». Вторым доказательством политики и этнолог считал тот факт, что «Хорватия уже около тысячи лет без перерыва вплоть до сегодняшнего дня является отдельным государством». Хорватам не нужны революции и мятежи. Им не надо выпрашивать у Европы, чтобы та признала за ними одно или другое; хорваты обладают по закону, который действует и поныне, своим особым государством, они обладают своим хорватским государствен-

ным правом. Особенно полезно упомянуть, что, согласно хорватскому государственному праву, единое государство составляют не только Банская Хорватия (Хорватия и Славония) и Далмация, но и те области, которые находились под (властью) турок (т. е. Босния и Герцеговина. – прим. С.Р.). И это признал король в своей присяге 1868 г. Одним словом, хорваты по численности своего племени и по своему национальному сознанию или идее, по просвещенности, по своему государственному праву – это сердцевина и дрожжи целого единого особого государства» – писал А. Радич, пытаясь соединить хорватское историческое и естественное право³.

Далее в брошюре рассматривались чисто политические варианты целей и линии поведения хорватского национального движения. По его мнению, хорватам не следует идти вместе с Веней (в данном случае, по-видимому, имелись в виду династия и власть); не следует поддерживать ни дуализм («дуализм поддерживают те, кто помогает мадьярам»), ни централизм («его никто не хочет»). Отвергал А. Радич и «немецкое господство в монархии», считая «пангерманизм» гибельным. В этом пункте его взгляды совпадали с идеологией «нового курса». К сотрудничеству с Пештом (мадьярами) – в данном случае он отождествил название столицы государства – символ власти, с этнонимом, А. Радич изначально отнесся отрицательно. По его мнению, подобный вопрос начал только одно: «хотим ли мы помочь мадьярам стать хозяевами в Хорватии»⁴.

Поэтому Крестьянская партия выразила свое согласие с негативной оценкой Риекской резолюции и Хорватско-сербской коалиции, высказанной «старчевичевской партией права (“франковцами”) и с попами около [газеты] “Hrvatstvo” (с “фуртимашами”), по отношению к которым, в особенности к первым» – она находилась «в самой резкой оппозиции». «Никакие тайно принятые резолюции нескольких господ не скажут последнего слова о хорватах и мадьярах. Об этом примет решение, когда получит возможность высказаться, сама хорватская нация и ее сердцевина – хорватский крестьянин», – заканчивал А. Радич, соединяя политические и правовые принципы хорватского национального движения с идеей аграризма⁵.

¹ Radić A. Sabrana djela. Sv. VII. S. 188.

² Ibid. S. 191.

³ Ibid. S. 192.

⁴ Ibid. S. 194-196.

⁵ Ibid. S. 200, 201.

Партия разделяла общий для хорватского национального движения тезис о том, что нация является обладателем «верховой власти, или суверенитета», в государстве. В 1905 г. братья Радичи еще не разрешили вопроса о соотношении понятий «нация» и «государство». Сельская буржуазия еще не нашла форму компромисса, обеспечивавшего ее социальные интересы в рамках данного государства. Под государством идеологи ХНКП подразумевали «свое отечество (территорию) со своим правительством»¹.

В социальном отношении нация в представлении братьев Радичей состояла из двух основных социальных слоев – «люда» (простого народа, «rik» – хорв.) и господ. Понятие «люд» охватывало кроме крестьянства ремесленников и мелких торговцев.

В 1905 г. партия из тактических соображений отказалась от четкой формулировки своего отношения к монархии и от оценки Соглашения 1868 г., ссылаясь на «изменчивость политической ситуации у соседей и сил хорватской нации». Но при этом косвенно она дала понять, что не выходит за рамки общих принципов буржуазного национального движения, оставаясь сторонницей сохранения Монархии и ее границ. Свое отношение к династии Габсбургов и монархии ХНКП четко выразила только в 1909 г., после аннексии Боснии и Герцеговины. В вопросе об акте коронования позиция ХНКП мало отличалась от позиций партий Й. Франка и М. Старчевича, занимавших в основном антивенгерские и продинастические позиции. «Естественно, что наш правитель, который является также австрийским императором, – писал А. Радич, – правит иначе, чем правитель, обретший свою силу и честь благодаря тому, что он является хорватским королем»². Но коронование австрийского императора в Загребе хорватской короной вовсе не означало бы ослабление связей с империей в целом, в особенности экономических. ХНКП резко высказывалась против проведения таможенной границы между австрийской и венгерской частями государства, ибо это самым неблагоприятным образом повлияло бы на положение хорватского крестьянства,

связанного тесными узами с австрийским рынком, и на всю торговлю Хорватии. Братья Радичи выступали за превращение монархии в союз национальных областей, за ее федерализацию и введение персональной национально-культурной автономии, при которой в национальное представительство «выбирались бы лица, относящиеся к данной нации на всей территории империи». Эта идея перекликалась, по крайней мере, по форме, с программой культурно-национальной автономии СДПАв – австронемецкой и югославянской её организаций.

ХНКП весьма критически относилась к Соглашению 1868 г., считая, что «нынешнее государственно-правовое и финансовое соглашение с Венгрией не гарантирует Хорватии достаточной государственной индивидуальности и препятствует хозяйственному, культурному и общенациональному развитию». Преодоление такого положения партия видела в расширении автономии Хорватии и передаче в компетенцию автономных властей вопросов земледелия, суда, торговли, транспорта, финансов, обороны и «внешних культурных связей»³.

В программе 1905 г. ХНКП провозгласила сербов и хорватов одной нацией, которой следует найти согласие в политической власти, в особенности в местах чересполосного проживания, все-таки постепенно партия по отношению к сербам стала занимать все более нетерпимую позицию. В 1909 г., после аннексии Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г., из уст Радичей прозвучала резкая критика в адрес тех, кто «признает, что сербы имеют одинаковое право с хорватами управлять Хорватией». Отказывая в праве на политическую индивидуальность сербам, они, ссылаясь на теорию «одной нации». Хотя С. Радич по-прежнему называл сербов «братьями», на деле он и его партия все больше скатывались на позиции последовательного хорватского этнического национализма⁴.

Крестьянская партия впервые приняла участие в выборах в сабор в 1906 году. Тогда она не получила ни одного места. В 1908 г. ей удалось провести троих, а в 1910 г. – десять депутатов. В 1913 г. ХНКП получила только

¹ Ibid. S. 42.

² Цит. по.: Романенко С. А. Проблемы национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX вв. // Балканы в конце XX – начале XXI века. С. 147.

³ Radić A. Sabrana djela. Sv. VII. S. 43-44.

⁴ Na trećoj glavnoj skupštini hrvatske pučke seljačke stranke // Dom. 1907. 24. kolovoza; Kako je bilo na trećoj glavnoj skupštini hrvatske pučke seljačke stranke // Dom. 1907. 4. rujna.

три места. Не так уж был далек от истины в своей оценке роли ХНКП и Ст. Радича его политический противник, член Югославянского комитета в Лондоне А. Мандич, который написал в 1916 г. в справке для российского МИД: «Аграрная партия С. Радича... состояла кроме Радича еще из двух или трех крестьянских депутатов и их приверженцев. Направление этой партии колебалось в разные времена между крайним "русофильством" и крайним "австрофильством", и вообще, наделало больше шума, чем стоило»¹.

В претендующей на научность и даже изданной культурно-научным учреждением «Matica hrvatska» книге «Современная Европа или характеристика европейских государств и народов» (1905) Ст. Радич выделил четыре области европейской культуры. Первую, славянскую, он назвал «моральной» или «нравственной»; вторую, англосаксонскую – «материальной»; третью, германскую – «интеллектуальной» и четвертую, романскую – «художественной»². При этом и Прибичевич, и Радич, несмотря на разные национальности и политические взгляды, во многом ориентировались на работы одних и тех же, преимущественно французских, авторов – А. Леруа-Болье, А. Дебидура, А. Сореля.

Не могла ХНКП обойти и религиозно-конфессиональные проблемы, в частности – в области образования. «Крестьянский национализм, совпадающий всегда по своему характеру с национализмом его руководителей – церкви и священника, носит обыкновенно оборонительный характер; он дает отпор пришлым элементам и чуждым ему по языку чиновникам, и как только эта цель достигнута, успокаивается», – говорилось в российском аналитическом издании по национальному вопросу, опубликованному в 1910 г.³ В Хорватии эти идеи больше поддерживали городские пролетарские, люмпенские и мелкобуржуазные слои. Интересы хорватского крестьянства отражала в большей степени ХНКП, занимавшая вполне светские и демократические позиции и не связанная с

католической церковью. Хорватский католический клир был более политически раздроблен и «многоцветен», чем словенский.

ХНКП разделяла общий тезис о том, что нация является обладателем «верховой власти или суверенитета в государстве», под которым подразумевалось «свое отечество (территория) со своим правительством». По своему отношению к целостности монархии Габсбургов партия была близка к позициям Франка. «Естественно, что наш правитель, который является одновременно и австрийским императором, правит иначе, нежели правитель, обретший свою силу и честь от того, что он является хорватским королем», – писал А. Радич⁴.

В программе 1905 г. ХНКП провозгласила хорватов и сербов одной нацией, которой следует найти согласие в политике, особенно в местах совместного проживания. Но постепенно в сербском вопросе партия переходила на более радикальные позиции. В 1909 г. из уст ее руководителей уже звучала критика тех, кто «признает, что сербы имеют одинаковое право с хорватами управлять Хорватией». Отказывая сербам в праве на политическую индивидуальность, Радичи ссылались на теорию одной нации. Это, однако, не мешало им по-прежнему называть сербов «братьями»⁵.

Схожее с прогрессистами, которые называли славянскую общность на патриархальный манер «большой родней», восприятие межславянских взаимоотношений было присуще и А. и Ст. Радичам. Этнические связи воспринимались как кровнородственные, этнические, а не конфессиональные. Но даже родственники, полагали они, не могут вмешиваться в дела друг друга: в рамках славянского родства каждый народ сохраняет свою индивидуальность и независимость. Ст. Радич выступал за сотрудничество исключительно между славянскими народами, исходя из того, что они составляют большинство населения монархии Габсбургов. Он выделял славян из конгломерата народов Средней Европы, каждому из которых он хотел предоставить экстерриториальную политическую и культурную автономию.

Претерпели изменение и взгляды основателей крестьянской партии по славянско-

¹ Записка члена югославянского комитета в Лондоне Мандича/АВПРИ. Ф.135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 285. Л. 11.

² Radić S. Savremena Evropa ili karakteristika evropskih država i naroda. Zagreb, 1905. S. 198-416.

³ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 26.

⁴ Radić A. Sabrana djela. Sv.VII. Zagreb, 1936. S. 31-34, 41-43.

⁵ Ibid. S. 33-34.

му и хорватскому вопросам. «Для нас, хорватов, важно, – писали они, – что мы славяне и что славяне [составляют] большинство в империи». Они также утверждали, что «славяне издревле имеют свое особое государство». «Хорваты и сербы – это одна нация, и уже, поэтому они могут найти согласие и в политической деятельности, в особенности [в тех областях], где проживают совместно. Это относится ко всем хорватам и всем сербам, а не только к хорватам и православным в Банской Хорватии, – писали братья Радичи. – Не все православные в Банской Хорватии являются сербами по происхождению»¹.

Вместе с тем, ХНКП постепенно приближалась к трактовке этногенеза сербов и хорватско-сербских отношений к партии промонархическим хорватским националистом Й. Франка и хорватским же христианским социалистам. А. и Ст. Радичи утверждали, что «сербы – это только жители Срема². Остальные православные называют себя сербами только из-за религии, которая по приказу Куэна-Хедервари (бана Хорватии-Славонии 1883–1903 гг. – прим. С.Р.) называется официально сербско-православной; поэтому называют себя православными и крестьяне в Верхней Хорватии». Соединяя социальную и этническую демагогию, руководители ХНКП, после вышеприведенных фраз о семейном родстве и согласии между славянскими народами, вполне в духе Й. Франка писали: «По наущению своих господ они (сербы. – прим. С.Р.) стали требовать и сербское знамя, и какие-то особые сербские права, иными словами вести сербскую политику в Хорватии».

«Эту сербскую политику на территории Хорватии партия не признает, – продолжали братья, – но она хочет, и стремится к тому, чтобы православных братьев-крестьян как можно сильнее привлечь к [идее] хорватского государственного права и к [нашей] крестьянской программе»³.

«Среди нашей крестьянской нации до недавних времен в Хорватии господствовало искренне братство независимо от вероисповедания, это наш мир, и католики с православными жили в согласии». В отличие от

«франковцев», братья Радичи и «радичевцы» в росте межэтнической напряженности обвиняли «эгоистичных и развращенных господ, некоторых священнослужителей с обеих сторон и евреев, которые рассорили народы вплоть до рукопашной». «Теперь [надо] многое сделать, чтобы сохранить мир, и, тем более, чтобы вернулось прежнее согласие», – продолжали А. и Ст. Радичи. С одной стороны, они справедливо выступали против отождествления этнической и профессиональной принадлежности; с другой, отождествляя этническое и политическое самосознание, лишали сербов в Хорватии национальных прав. Продолжая возлагать ответственность за закономерный рост напряженности в хорватско-сербских отношениях по мере развития процесса самоопределения обеих этнических общностей на внешние силы и другие народы, (что противоречило ими же провозглашенным христианским принципам), Радичи заключали: «Наша крестьянская партия может добиться хотя бы того, чтобы православное крестьянство не пошло за своими господами среди мадьяронов⁴, как пошло оно во времена Куэна, глупо и дурно думая, что мадьяр для серба лучше, чем хорват»⁵.

Впрочем, за сербами, проживавшими на территории королевства Сербия, они признавали право на этническую и государственно-политическую индивидуальность. «Иное дело, сербы в Сербии, – писали братья-политики. – Они также издревле обладают своим государством, как и хорваты своим, и мы им желаем, как братьям, говорящим на том же языке и принадлежащим к тому же племени, всего самого лучшего, как братьям»⁶.

Именно с этой идеей связывал проведение славянской политики С. Радич. «Наш патриотизм, – писал он, – должен быть хорват-

¹ Ibid. S. 108.

² Территория, находящаяся в Среднедунайской низменности. До 1918 г. целиком входила в состав Австро-Венгрии (Венгрии), ныне частично находится в Хорватии, частично – в Сербии.

³ Ibid. S. 108-109.

⁴ Мадьяроны – лица невенгерского происхождения, путем отказа от своей национальности, языка и (иногда) веры приобретали права кровных мадьяр. В политическом смысле – партия мадьяронов или унионистов была создана в 40-х гг. XIX в. из представителей консервативного крыла хорватского дворянства. Выступала за объединение Хорватии с Венгрией. После 1868 г. поддерживала политику бана Левина Рауха. Впоследствии, объединившись с Национальной партией, стала опорой режима бана К. Куэна-Хедервари. Ориентировалась на Будапешт и выступала за неизменность соглашения 1868 г. и сохранение системы дуализма.

⁵ Ibid. S.109.

⁶ Ibid. S.108.

ским, чешским, русским, польским и т. д., но идея наша и вследствие этого наша политика – славянской, она другой быть не может, особенно в международных отношениях»¹. Ближайшая цель, по его мнению, заключалась в сближении чехов со словаками и поляками и в объединении всех южных славян. В его статьях нашла выражение идея сплочения всех южных славян в одну «живую отчизну», в «один народ» для борьбы против германской политики.

В брошюре «Славянская политика в Габсбургской монархии», вышедшей в Праге еще в 1892 г. и впоследствии переизданной в Загребе, С. Радич попытался обозначить рамки «славянской политической взаимности». Ее целью, по мнению Радича, должно было стать преобразование Австро-Венгрии в конфедерацию пяти государств: Чехии (с Моравией и Силезией), Галиции, Хорватии (в том числе и словенские земли), Венгрии и немецкой Австрии, включающей и итальянские земли. Радичу казалось ошибочным название «Австро-Венгерская империя», и он предлагал заменить его на «Придунайская федерация государств и народов». Эта федерация должна была поддерживать дружественные отношения с Россией, но проводить самостоятельную политику, особенно на Балканах и в Малой Азии².

Многие современники Радича посчитали этот проект либо пустой фантазией, либо тающим в себе угрозу status quo на Балканах. Создание под эгидой Австрии неких «Восточных Соединенных Штатов», в которых нашли бы место и славянские земли, не входившие в состав Габсбургской монархии, затронуло бы всю систему европейских союзов.

С. Радич выступал за сотрудничество исключительно между славянскими народами, но не всеми неполноправными народами Монархии, исходя из того, что они составляют большинство населения государства Габсбургов. Он выделял славян из конгломерата народов Средней Европы, каждому из которых он хотел предоставить экстерри-

ториальную политическую и культурную автономию³.

Симпатизировавший России С. Радич в научно-популярной книге «Современная Европа, или Характеристика европейских государств и народов» задался вопросом: «К кому принадлежат остальные славяне (т. е. нерусские. – прим. С.Р.) – к Западной Европе или к России?». На этот вопрос в духе Константина Леонтьева он дал неутешительный для России ответ: «Если судить по тому, что об этом предмете сейчас думает большая часть польской, болгарской и малороссийской (украинской. – прим. С.Р.) интеллигенции, и даже преобладающая часть интеллигенции русской, русских и остальных славян ничего не связывает, кроме языкового родства». Он относил и южных славян, и славян западных, а также малороссов «к Европе в узком смысле», отмечая также, что у чехов, поляков, хорватов и словенцев ощущаются следы римско-немецкого влияния⁴.

А. Радич в статье «Мадьяры, или "Риекская резолюция"» от 3 октября того же, 1905 г. писал «с точки зрения европейской народной и реальной политики»: «Мадьяры должны признать свободу за нациями (narodima. – прим. С.Р.) Мы хотим сами распоряжаться собственным (т. е. автономным. – прим. С.Р.) бюджетом. Мы против господства мадьяр в Хорватии»⁵.

Отзвуки общеславянских настроений в позитивном или негативном смысле продолжали встречаться в хорватской и сербской печати и в предвоенный период, в годы Балканских войн. Сербская печать во все большей степени связывала общеславянские и южно-славянские интересы, что было связано с Балканскими войнами⁶. «Застава» назвала Первую Балканскую войну «борьбой рас и вероисповеданий»⁷. Бросались в глаза расхождения в оценке между сербскими и хорватскими национал-радикалами Второй

³ Подробнее об этом см.: Фрейдзон В. И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX вв. М., 1993.

⁴ Radić S. Savremena Evropa ili karakteristika evropskih država i naroda. Zagreb, 1905. S. 204-205.

⁵ Radić A. Sabrana djela. Sv.VII. Zagreb, 1936. S. 199.

⁶ Словенско осефивање Чеха // Србобран 1912. 7.(20.) јула; Тријализам и чешко гледиште // Застава. 1912. 7.(20.) јулија; Народносно и јужнословенско питање; Русија и Аустроугарска // Застава. 1913. 9.(22.) фебруара.

⁷ Борба раса и вера (Балкански рат) // Застава. 1913. 20. фебруара (5. марта).

¹ Цит. по: Ibid. С. 108.

² Ненашева З. С., Романенко С. А. Формирование концепций национальной государственности и проблема сближения славянских народов Австро-Венгрии на рубеже веков (соотношение и взаимосвязи) // Балканы в конце XIX – начале XX века / отв. ред. Ю. А. Писарев. М., 1991. С. 108.

Балканской войны. Радикальная «Застава» писала о «вероломстве болгар», а «правашский» «Hrvat» – о «войне между братьями»¹. «Србобран» отмечал существование различий между интересами славянства и интересами Сербии².

Крестьянская партия Радичей заняла ту же позицию, что и в 1909 г., когда С. Радич защищал общеславянское дело, но критиковал «панславизм»³.

Особенно выделялась позиция создателя Хорватской народной крестьянской партии и активного сторонника «славянской взаимности» Стjepана Радича, неоднократно бывавшего в России. «Славянство в этом мире имеет вес только с Россией и ради России», говорилось в программе партии, принятой в 1905 году. Обосновывая свою позицию, С. Радич и его брат Антун писали далее: «Во всем мире хорошо знают, что такое Россия, и говорят о ней с большим уважением. Сейчас весь мир столь сильно взаимосвязан торговлей, политикой и культурой, что тот (народ), который находится в одиночестве в этом мире, отстанет (от других народов), а потом и вовсе погибнет. Поэтому... пусть всякий видит и знает, что в мировой политике хорваты всегда хотят стоять рядом с Россией. Случай недавно представился во время русско-японской войны, когда мы встали на сторону России. Хотя мы не смогли помочь, все же многие русские теперь знают, что у них есть самые верные и искренние друзья среди славянских братьев». Но «славянское братство» не рассматривалось братьями Радичами как исключительно эмоциональный духовный фактор. По их мнению, оно имеет экономическую, политическую и культурную ценность. В качестве первого шага по сближению хорватов с наиболее передовыми и сильными славянскими народами братья предложили в гимназиях, реальных училищах и других учебных заведениях ввести преподавание чешского и русского языков. Это было необходимо, в том числе и для того, чтобы хорваты смогли ознакомиться с

идеями «тех русских мыслителей, которые сочувствуют простому народу и чьи мысли созвучны народным думам»⁴.

Поражение России на Дальнем Востоке и нараставший социальный протест заставили хорватскую печать вновь обратить внимание на серьезность стоящих перед Россией проблем. После «Кровавого воскресенья» газеты единодушно писали об ответственности царского режима и чиновничьей бюрократии. Но были и статьи, в которых оправдывались репрессии и содержались намеки на то, что в движении протеста в России замешаны «иностранные деньги». После относительной стабилизации хорватские и сербские авторы стали больше писать о возможности реформ («Novi list», «Hrvatska misao»). С. Радич даже опровергал наличие в России революционных событий и тиранический характер самодержавия.

На траурной церемонии в саборе Хорватии по случаю гибели Франца Фердинанда радикальные хорватские националисты из Старчевичевской партии права резко критиковали ХСК, в состав которой входила Сербская независимая партия во главе со Светозаром Прибичевичем. Впервые после начала войны сабор собрался на свое заседание 14 июня 1915 г. Заседания сабора в Загребе (также как и Венгерское государственное собрание, он функционировал во время Великой войны, в отличие от Рейхсрата, возобновившего свои заседания только в 1917 г, при новом императоре Карле I (IV) были в основном заполнены полемикой между представителями двух течений в хорватском национальном движении – ХСК, ориентировавшейся на Будапешт, и радикального хорватского национализма, ориентировавшегося на Вену⁵. Постепенно сформировалось и третье течение – югославистское (партия «старчевичевцев» и его политические союзники). Однако ни то, ни другое течение не могло ни предложить реальных программ реформ дуалистической монархии, ни добиться их осуществления⁶.

¹ Вероломство Бугара // Застава. 1913. 24. јунија (7. јулија); Rat међу браћом // Hrvat. 1913. 15. српња.

² Србија и интереси славенства // Србобран. 1913. 6. (19.) јула.

³ «Što su Slaveni učinili za Hrvate» // Dom. 1909. Br. 34. // Radić A. Sabrana djela. Zagreb, 1938. Sv. XI. S. 139-141; Hrvati proti «panslavizmu» // Dom. 1912. Br. 27. // Radić A. Sabrana djela. Zagreb, 1938. Sv. XII. S. 319-320.

⁴ Radić A. Sabrana djela. Sv. VII. Zagreb, 1936, S. 18, 111-112. О судьбе С. Радича и его поездках в Россию, напр., см.: Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb, 1993. S. 85-100.

⁵ Stenografski zapisnici i prilozi Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. III. Godina 1915. i 1916. Zagreb, 1916. S. 5-7.

⁶ О работе сабора Хорватии в период Первой мировой войны см.: Krizman B. Hrvatska u prvom svjetskom ratu. Zagreb, 1989.

В основном дискуссии депутатов велись по проблеме обретения Хорватией суверенитета¹. Выступивший на первом заседании лидер ХНКП Ст. Радич по сути повторил традиционное требование сабора, выдвигавшееся им с момента заключения хорватско-венгерского Соглашения 1868 года, – корона должна обеспечить «экономико-финансовую самостоятельность Королевства Далмации-Хорватии-Славонии». Старчевичевцы наряду с триалистическими планами выдвинули и идею преобразования Монархии на основе союза входящих в нее народов. Однако ХСК, упорно придерживавшаяся идеи сохранения системы дуализма, отвергла это предложение. Депутаты ХСК полагали, что единственным вариантом является пересмотр Соглашения 1868 г. и присоединение Далмации к Хорватии². Поднимался вопрос и о присоединении к Хорватии Боснии и Герцеговины, которая, как считали члены партии Старчевича, и согласно естественному (этнически), и по государственному праву принадлежала Хорватии³.

В то же время депутаты критиковали политику властей по отношению к славянскому населению. Не исключая и верноподданных хорватов. 14 июня 1915 г. Ст. Радич говорил о терроре по отношению к хорватскому населению, 19 июня Иван Першич – о том, что в течение десяти месяцев войны была временно прекращена свобода печати и свобода слова свобода митингов⁴.

В саборе обсуждались и общие проблемы изменения будущего статуса Хорва-

тии после войны. Естественно, они носили официальный характер и отрицали с той или иной степенью жесткости выход Хорватии из состава Монархии и ее объединение с Сербией и Черногорией. Новая форма национального самоопределения виделась пока исключительно в рамках существующего государства. При этом депутаты обосновывали своим надежды и требования не только этническими мотивами. При этом все чаще речь шла не только о хорватах, но и о словенцах, т. е. о хорватско-словенском варианте югославизма и триализма. «И Австрия, и Венгрия стремятся к морю, хотят господствовать и хозяйствовать на море. Мы, хорваты и словенцы, занесены в кадастр в качестве исключительных и единственных хозяев, собственников и обладателей (...) и это изменить нельзя. Но мы, хорваты и словенцы, готовы предоставить право использования [Адриатического] моря всем народам нашей монархии. Хорваты за переустройство монархии. В качестве обоснования этой позиции И. Першич сослался на то, как храбро воюют хорваты в Карпатах и на р. Соче (р. Изонцо – ит., на австро-итальянском фронте – прим. С.Р.⁵) Такую же мотивировку представил сабору и Ст. Радич⁶.

Большой интерес вызвала речь члена ХСК Стjepана Загорца 24 июня 1915 г. Он заявил о том, что «Каллаи и мадьяры хотели создать Царство Душана (сербское. – прим. С.Р.) в союзе с Венгрией». «Мы (хорваты. – прим. С.Р.) стремимся иметь королевство хорватское, самостоятельное и свободное в границах монархии». Радич выкрикнул из рядов: «непосредственно под короной и Монархией», имея в виду отмену единого акта коронования венгерской и хорватской короной. Затем Загорац коснулся темы Италии – этнической геополитики. Он отметил, что Хорватия находится между притязаниями Сербии и Италии, а Монархия очень заинтересована в территории, занимаемой хорватскими и словенскими землями, а также Биг. Это пространство имеет исключительное значение для будущего монархии. Кто обладает Далмацией, обладает Адриатикой, а тот, кто обладает Адриатикой, тот имеет преобладающее влияние на Балканах», –

¹ Эволюцию взглядов части хорватского национального движения на роль и значение хорватского вопроса в империи и империи для хорватского вопроса, а также на соотношение хорватского и южнославянского вопросов можно проследить на примере двух изданий: Die kroatische – die südslavische Frage. Von einem aktiven Politiker der kroatischen Rechpartei. Abdruck aus der «Südslavischen Rundschau». Wien, 1913; Slavicus. Oesterreich-Ungarn und die sudslavische Frage. Bern, 1917.

² См. испещренную белыми пятнами военной цензуры книгу: Jurišić, dr. Svjetski rat i Hrvati. Pokus orijentacije hrvatskoga naroda još prije svršetka rata. U Zagrebu, 1915. Ср. с цензурированным изданием той же книги: [Pilar I.] Svjetski rat i Hrvati. Pokus orijentacije hrvatskoga naroda još prije svršetka rata. U Zagrebu, 1918.

³ См.: Bosna i Bošnjaci u hrvatskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. Sarajevo, 1999; Bosna i Bošnjaci u srbskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. Sarajevo, 1997.

⁴ Stenografski zapisnici Sabora kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Petogodište 1913–1918. Sv. III. Godina 1915. i. 1916. Zagreb, 1916. S. 58.

⁵ Ibid. S. 816-851.

⁶ Radić S. Za hrvatsku državu i za hrvatski seljački narod. U Zagrebu, 1915. S. 3-5, 90-96.

закончил Загорац в духе вышеназванных мифов о заинтересованности Монархии в южных славянах¹.

Написанная членом югославянского комитета А. Мандичем в июне 1916 г. называлась «Развитие партийной жизни в югославянских землях Австро-Венгерской монархии» и по жанру она совпадала со второй запиской другого члена ЮК словенца Фердинанда (Льва) Тумы². Она содержала краткую историю партий и межпартийной борьбы во всех югославянских землях – Хорватии, Далмации, Истрии, Боснии и Герцеговине, словенских землях. Построенная хронологически, она содержала ценные для МИД сведения, по условиям того времени можно считать, что из первых рук, относительно политико-психологической ситуации во время великой войны. Заканчивалась записка изложением позиции С. Радича, требовавшего «преподавания в хорватских школах русского языка и подчеркивавшего единство сербов, хорватов и словенцев. В своей речи он, между прочим, сказал: «Мы, славяне, убеждены в том, что славянский дух и славянская раса укажут новые пути человечеству. Мы связаны с русскими общим сознанием расового (выделено мной – прим. С.Р.) единства»³.

Сторонник создания хорватской крестьянской республики Ст.Радич писал о «февральской» революционной России: «Русский народ после революции в марте 1917 г. обрел такую степень свободы, что не имеет соперников среди других народов. Правда, русская рабочая революция эту свободу не только увеличила, но и подвергла опасности, во-первых, из-за насильственных действий по отношению к господским сословиям и против господских партий, во-вторых, из-за поспешного роспуска, если не сказать разгона, армии. Но вопреки этому, русские сейчас осуществляют такие вещи, о которых в других местах невозможно и мечтать. Ни русское государство, ни русский народ не стали меньше, а влияние России на другие народы только растет». Рассуж-

дая о влиянии русской революции на США, Великобританию, Францию и Италию, Радич в январе 1918 г., после начала переговоров в Брест-Литовске, пришел к выводу, что «русская революция изменила сами основы международного права, вернее, вместо существовавшего бесправия создала фундамент искреннему и уважаемому международному праву, которое обеспечит свободу, справедливость и счастье каждому хоть немного сознательному и свободному народу». В другой статье он, воздав хвалу русской революции, «на которой должна основываться политика хорватов как крестьянского славянского народа», утверждал, что «после речи Вильсона (8 января 1918 года. – прим. С.Р.) ... невозможно представить себе, чтобы с каким бы то ни было народом поступили как с бесправным «райя»⁴, то есть вся международная политика в мире будет основана на принципах, высказанных Вильсоном»⁵.

Идеологии хорватской социал-демократии и хорватского аграризма сочетали в себе стремление к модернизации с антимодернизационными элементами. Для «аграристов» этнонациональный момент играл несравненно большую роль, чем для социал-демократов. Однако они были сторонниками сохранения единого многонационального государства. В то же время пролетарский интернационализм, связанный с социальным протестом, отнюдь не всегда носил модернизационный характер. Позиции социал-демократов господствовавших и неполноправных наций различалась, несмотря на принадлежность к одной идеологии и к единой организации. Однако ни те, ни другие не были сторонниками создания моноэтничной государственности, даже при поддержке планов создания федерация на основе естественного права. Австронемецкие социал-демократы в сохранении многонационального государства и даже империи видели интернационализм. Парадоксальным

¹ Ibid. S. 109–118. См.: Žanić I. Simbolični identitet Hrvatske u trokutu raskrižje – predziđe – most // Historijski mitovi na Balkanu. Zbornik radova. Sarajevo, 2003. S. 178.

² АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 285. Мандич А. Развитие партийной жизни в югославянских землях Австро-Венгерской монархии. 20 июня 1916 г. Л. 8–25.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Райя (тур.) – податное сословие в Османской империи. С начала XIX века этим словом обычно с пренебрежительным оттенком называли немусульманское население.

⁵ Krizman B. Hrvatska u prvom svjetskom ratu. S. 148, 159. Также см.: Očak I. Radić postaje član Seljačke internacionale u Moskvi // Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb: Hrvat ska sveučilišna naklada, 1993. S. 129–131.

образом интернационализм (или формальный антинационализм) стал основой проимперской позиции СДПА, что и проявилось в позиции партии в период Первой мировой войны. Югославянским социал-демократам такая позиция была чужда. В то же время социализму неполноправных и отсталых наций не была чужда и антимодернизационная направленность.

Радикализируясь, имперскость и этнонационализм то, совпадая друг с другом, то, вступая в междоусобный конфликт, постепенно начали подрывать основы ослабленных затянувшейся войной государства и общества, так и не ставших единым гражданским полиэтничным целым. В конце 1916 – начале 1917 г. произошел поворот от господства центростремительной к господству центробежной тенденции внутри самой империи при отсутствии интеграционных процессов. Даже монархия, австрийские и венгерские власти, государственный аппарат против своей сути и воли начали играть центробежную роль. Ни австронемецкая династия Габсбургов, ни мадьярское правительство Венгрии не смогли стать наднациональным регулятором межнациональных противоречий. Подданство не могло заменить гражданство. И без того многослойная и хрупкая государственная система в 1918 г. начала распадаться на этнонационально-территориальные фрагменты.

Одновременно с попытками найти новые формы модернизации и национального самоопределения, а также способы их осуществления, политическая мысль и практика Австро-Венгрии бились над проблемой обеспечения стабильности и урегулирования

этнотерриториальных конфликтов, а также в поисках альтернативы имперскому варианту организации этнополитического пространства. Разными национально-политическими силами выдвигались различные региональные – среднеевропейские и балканские проекты, в частности – хорват С. Радич, исповедовавший противоречивую и меняющуюся с течением времени социально-политическую и национально-политические программы. Среднеевропейские проекты, исходившие из комбинаций австрославизма и югославизма при разном сочетании этнотерриториальных и административно-политических образований исходили из сохранения территориальной целостности этого государства при условии проведения преобразований (Соединенные Штаты Великой Австрии, Дунайские соединенные штаты; Дунайская федерация; Придунайская федерация государств и народов, католическая федерация; социалистическая федерация; среднеевропейская федерация). Балканские проекты, зачастую опиравшиеся на югославизм в его радикальном варианте, как правило, основывались на перспективе разрушения монархии Габсбургов (социалистическая федерация; союз балканских государств). Исторической реальностью стали централистское королевство (1918–1941) и социалистическая авторитарная федерация (1942–1991). Оба государства оказались менее жизнеспособными, чем империя Габсбургов: первое просуществовало чуть больше двух десятилетий, второе – распалось незадолго до своего официального пятидесятилетия.

И. В. Крючков

РОССИЯ И ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (СЕНТЯБРЬ 1914 г. – НАЧАЛО 1915 г.)

26

Перед началом Первой мировой войны у противоборствующих сторон не были четко сформированы возможные варианты территориального переустройства Европы в случае положительного исхода боевых действий. Хотя, Франция не сомневалась в необходимости возвращения ей потерянных в результате франко-прусской войны Эльзаса и Лотарингии. Ущемленная в 1871 г. национальная гордость требовала сатисфакции. Другие воюющие стороны, в лучшем случае, апеллировали отдельными европейскими регионами без определения четких границ, зачастую при смутном представлении об их этнической карте.

После пережитого шока во время летних дней 1914 г. вызванного обострением ситуации в Европе после сараевского убийства и начала Первой мировой войны, европейские дипломаты начинают прорабатывать возможные варианты территориального переустройства Европы после войны. Данная проблема имела два важных аспекта. Первый, получение территориальных компенсаций для воюющих государств. Второй, обещание территориальных приобретений для нейтральных государств с целью их привлечения на свою сторону. При этом ни кто не хотел жертвовать собственными территориями, особенно остро эта проблема высветилась во взаимоотношениях двух союзников по Тройственному союзу Австро-Венгрии и Италии, приведшая Рим в ряды Антанты¹.

Затягивание войны по свидетельству министра иностранных дел России С. Д. Сазонова актуализировала задачу определения контуров послевоенного устройства Европы, чем страны Антанты занялись осенью 1914 г.² В Петрограде в сентябре 1914 г. начинают проявлять интерес к данному вопросу. 27

сентября 1914 г. правительство России получило письмо, подписанное послом Франции в России Ж. М. Палеологом и французским министром иностранных дел Т. Делькассе, кстати, занимавшего до марта 1914 г. должность посла Франции в России. Поэтому он хорошо знал представителей российской политической элиты и их отношение к возможным территориальным приобретениям империи после войны.

В письме французская сторона предлагала свой предварительный вариант территориального переустройства Европы. России передавались Познань, Силезия и Галиция³. Тем самым, все польские территории оказывались под контролем Петрограда. В письме об этом не говорилось, но Париж симпатизировал идеи предоставления Польши автономии в рамках России. Присоединение к России Галиции для Петрограда имело еще одно важное значение. В результате данного шага украинцы из разделенного народа практически все, за исключением Буковины и Подкарпатской Руси, где украинское самосознание было слабо выражено, становились поданными Романовых. «Украинский Пьемонт» исчезал, решая для России одну из больших проблем в Центрально-Восточной Европе. Неслучайно, что с началом Первой мировой войны Петроград был озадачен возможными антироссийскими действиями украинцев Австро-Венгрии при поддержке посольства империи Габсбургов в Стамбуле на территории Северного Кавказа, где проживала значительная часть украинского населения (Кубань, Ставрополье).

Данные территориальные изменения должны были существенным образом ослабить Германию и ее военно-экономический потенциал. Восточная Пруссия оставалась

¹ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 451-452.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 270-271.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 4-5.

в составе Германии. С. Д. Сазонов подчеркивал уверенность Антанты в необходимости максимального ослабления Германии, в том числе путем сокращения ее территории и потери колоний¹. Все это способствовало ослаблению военного и экономического потенциал страны и создать преграды для возрождения германского милитаризма в будущем. Четкая граница между Германией и Россией не оговаривалась, являясь предметом для дальнейших переговоров. Следует отметить, что в письме оговаривались только общие контуры будущих территориальных изменений, не затрагивая вопрос о точных границах, что должны в будущем сделать эксперты и политики. Франция получила Эльзас и Лотарингию, и это не ставилось под сомнение во всех столицах союзников Парижа.

На этом территориальные потери Германии не заканчивались. Она должна была передать Шлезвиг-Гольштейн Дании вне зависимости от ее прямого участия в боевых действиях. Вопрос о принадлежности Кильского канала оставался открытым. Таким образом, Париж стремился пересмотреть итоги несправедливой по отношению Дании австро-пруско-датской войны. Бельгии отходили некоторых приграничные германские территории в качестве компенсации за агрессивные действия Берлина в августе 1914 г.². Весьма специфическим предложением становится восстановление независимого Королевства Ганновер³. Французская сторона в этой связи руководствовалась несколькими соображениями. Во-первых, реабилитация исторической справедливости. Ганновер, являвшийся одним из не многих германских государств, ставших на пути политики Пруссии во время объединения германских земель в 1866 г. Во-вторых, создание независимого Ганновера сильно ослабляло экономический и военный потенциал Германии. В-третьих, Франция хотела заручиться поддержкой Великобритании для реализации своего плана территориальных изменений в Европе, так как Великобританию и Ганновер связывали тесные исторические и династические связи.

Вопрос о будущем германской колониальной империи французская сторона ре-

шала радикальным образом. Все колонии Германии делили между собой Франция, Великобритания и Япония. Таким образом, Германия теряла все свои территориальные приобретения в Африке и Азиатско-Тихоокеанском бассейне. Однако в письме не содержалось конкретных указаний о том, какие германские колонии передавались той или иной стороне. Реализация данного пункта также должна была максимально ослабить потенциал Германии и ее позиции в мире, как и следующий пункт – выплата Германией контрибуции⁴. Следовательно, вопрос о германских послевоенных контрибуциях уже звучал в дипломатической переписке стран Антанты в сентябре 1914 г., но ее объемы и порядок выплаты не оговаривались.

Согласно плану Франции Австро-Венгрия сохранялась как европейское государство. С одной стороны, она должна была выступать в качестве противовеса Германии в Центральной Европе, а возможно и России. С другой стороны, Париж боялся создать ситуацию хаоса в регионе, вызванного распадом империи Габсбургов и возникновением небольших независимых государств, враждующих между собой и которые могли стать жертвой либо германской, либо российской экспансии в Центральной Европе. Однако, дуалистический вариант устройства Австро-Венгрии Францию абсолютно не устраивал. Париж предполагал создание триединой империи («федерализацию» – так указано в документе – *прим. И.К.*) с выделением трех имперских центров в лице Австрии, Венгрии и Богемии⁵. Выделение именно Богемии в качестве третьего имперского центра не являлось случайным. В Европе хорошо знали о содержании конфликта чехов с австро-немцами за доминирование в Цислайтании. Борьба чехов подкреплялась мощным экономическим потенциалом чешских земель в империи Габсбургов⁶. Кроме того, трансформация Богемии в отдельный имперский центр должна была способствовать снижению роли австро-немцев и венгров в политической жизни империи, так как большинство чехов не поддерживало пангерманизм и политику мадьяризации, выражая симпатии к России и Франции. В бу-

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 271.

² АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Бенеш Э. Смысл чешской революции / Бенеш Э. Речи и статьи. Прага, 1925. С. 164-165.

дущем данное обстоятельство могло стать хорошей основой, для установления тесных связей обновленной империи Габсбургов с Петроградом и Парижем. Следовательно, реализация «исторических прав» чехов становится первоочередной задачей Антанты.

Создание другого славянского имперского центра в империи Габсбургов становилось не возможным. Польские земли (Галиция) отходили к России. Югославянские территории Австро-Венгрии существенно урезались, лишая перспективы югославянский вариант триализма, поскольку французский план существенно увеличивал территорию Сербии за счет Австро-Венгрии. Она получала Боснию-Герцеговину и Далмацию¹. Во всей ситуации с территориальным переделом Австро-Венгрии обращает на себя важный момент. Все потери территорий происходили за счет австрийской половины империи (Галиция, Далмация, хотя ее Вена в перспективе обещала передать Венгрии – прим. И.К.) и Боснии-Герцеговины, имевшей в империи особый статус. Венгрия фактически не теряла ни чего, включая славянские территории.

Позицию Парижа можно объяснить следующими причинами: во Франции главный источник милитаризма в Австро-Венгрии видели в придворных кругах Вены, премьер-министр Венгрии И. Тиса до последнего выступал против начала войны в 1914 г.; ослабленная Венгрия не могла стать противовесом Австрии и Германии; уже осенью 1914 г. в столицах государств Антанты возникает идея проведения сепаратных переговоров с Будапештом о выходе империи Габсбургов из войны на стороне Германии; во Франции отмечались сильные симпатии к венграм, особенно после революции 1848 г.; Париж не вдавался во все нюансы славянского вопроса в Венгрии.

Осенью 1914 г. у России отсутствовало четкое понимание будущего Австро-Венгрии. В Петрограде не верили в жизнеспособность империи Габсбургов, раздираемой национальными и политическими конфликтами. Самое главное в ней видели главного потенциального союзника Германии и после завершения войны². Поэтому здесь возникало два варианта. Первый – полная ликвида-

ция Австро-Венгрии. Второй – сокращение ее территории и федерализация. В первом случае, несмотря, на всю его привлекательность в Центрально-Восточной Европе мог возникнуть политический вакуум. Его можно было заполнить максимальным расширением западных границ России и создания вассальных государств, но не было гарантии, что Париж и Лондон согласятся на такой вариант развития событий. Во втором случае, новая империя Габсбургов, с одной стороны по-прежнему могла оставаться союзником Берлина, а с другой стороны, стать привлекательным вариантом развития славянских народов под эгидой Габсбургов, на фоне медленной либерализации России с ее централистскими установками.

Особое внимание французская сторона уделила албанскому вопросу. К Албании Париж в 1914 г. относился как нежизнеспособному государственному объединению, во многом созданному искусственно под влиянием действий германской, итальянской и австро-венгерской дипломатий после балканских войн. Поэтому Франция предложила ликвидировать Албанию, а ее территорию разделить между Сербией, получавшей северную часть страны и Грецией, к которой отходила Южная Албания³. Правда, Греция оставалась нейтральной, но в Париже допускали возможность, а позже необходимость вступления Греции в войну на стороне Антанты и албанская компенсация могла привлечь Афины на сторону врагов Германии и Австро-Венгрии. Учитывая традиционные притязания Италии на Албанию, французский проект предполагал передачу порта Влера (Волона) Италии⁴. Однако данные расчеты не отражали политические реалии. Рим ни когда бы, ни согласился на потерю Албании, тем более на ее раздел между Сербией и Грецией. В сентябре 1914 г. Италия оставалась нейтральной и вопрос об ее участии в войне, оставался открытым, территориальные приобретения Рима, после войны в случае его поддержке Антанты мог стать предметом для дополнительных переговоров.

К сожалению, нам неизвестны комментарии МИД России и других официальных

¹ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 5.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 275.

³ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 5.

⁴ Там же.

структур на содержание этого плана. Его российская часть, в общем, соответствовала доминирующим настроениям среди правящих кругов империи. В тоже время во французском проекте ни слова не говорилось о Подкарпатской Руси и Буковине, на которые также могла претендовать Россия, тем более о будущем черноморских проливов. Территориальные изменения на границах Германии с Францией, Бельгией и Данией мало интересовали правящие круги страны, к тому же они не выходили за рамки «разумных» пределов. Ситуация на Балканах вызывала больше вопросов, чем ответов. Сербия, Греция, Италия, Болгария, Румыния имели собственные представления о будущих границах на полуострове и в России об этом хорошо знали. Более того, по мере затягивания войны, а все явно шло к этому, начиналась борьба за привлечение на свою сторону данных государств.

26 октября 1914 г. в продолжение, поднятой проблемы, посол России в Париже, бывший министр иностранных дел А. П. Извольский докладывал в Петроград, о содержании его доверительной беседе с Т. Делькассе. Оба политика согласились на передачу Эльзаса и Лотарингии Франции и значительное расширение границ России в Центрально-Восточной Европе. Но главную геополитическую задачу Франция и Россия видели в максимальном ослаблении Германии и ликвидации гегемонии Пруссии в жизни послевоенной Германии: «Необходимо сделать так, чтобы отдельные Германские государства были сами в этом заинтересованы»¹. Они понимали, что насильственные действия союзников могли привести к сложностям в реализации данной цели. Поэтому они стремились заручиться поддержкой части германского общества, зная о партикулярных настроениях, особенно в Южной Германии. Франция и Россия сомневались в возможности нового тотального раздела Германии, не веря в поддержку этого плана большинством немцев. Для достижения поставленной задачи посол и министр определили несколько направлений: Франция отказывалась соблюдать все договоренности с Германией в Марокко, получая полную свободу действий; раздел германских колоний между Францией и Великобританией,

в данном разговоре не шла речь о Японии, но это не значит, что она исключалась из числа потенциальных получателей колоний Германии в Азиатско-Тихоокеанском бассейне; уступка Шлезвиг-Гольштейна Дании, несмотря на двусмысленное поведение датского правительства, вызывавшего раздражение в Петрограде и Париже². Кроме этого стороны подтвердили намерение воссоздать независимое королевство Ганновер, если этот вопрос инициирует Великобритания.

Впервые после начала войны поднимается вопрос о судьбе черноморских проливов, хотя Османская империя в это время еще сохраняла нейтралитет, вступив войну только 2 ноября 1914 г. Франция и Россия в осторожной форме подтвердили необходимость сохранения принципа свободного судоходства, не вдаваясь в подробности³.

А. П. Извольский и Т. Делькассе не могли обойти стороной вопрос о будущем Австро-Венгрии. У российского посла после конфиденциального разговора с министром иностранных дел Франции сложилось мнение, что Париж судьбы империи Габсбургов мало интересовали. Во Франции к ней относились более лояльно, чем в Германии. Французская сторона подчеркивала нарастающее стремление Вены и Будапешта к разрыву союзнических отношений с Берлином, чем должны были воспользоваться государства Антанты. К тому же Франция не забыла симпатий, проявленных к ней Веней, во время марокканского кризиса⁴. По сведениям посла, и здесь он также ссылался на разговор с французским министром, к Австро-Венгрии еще больше симпатий проявляла Великобритания. Поэтому если по германскому вопросу в общих чертах у России, Франции и Великобритании складывалась общая позиция, то в случае с Австро-Венгрией возникала полная неопределенность.

А. П. Извольский Т. Делькассе изложил российское видение проблемы, подчеркивая, что империя Габсбургов является «историческим анахронизмом»⁵. Поэтому все народы империи должны были получить независимость, кроме поляков, которым предполагалось предоставить автономию в рамках России, после присоединения к ней

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же.

¹ Там же. Л. 10.

польских земель Германии и Австро-Венгрии. Проблема возникновения политической анархии в случае развала Австро-Венгрии постоянно присутствовала в переговорах государств Антанты в 1914 г. Неслучайно, А. П. Извольский предлагает в противовес Италии, Румынии и Венгрии создать сильное Сербо-Хорватское государство взамен Австро-Венгрии. Следовательно, Австрия и Венгрия теряли свои югославянские территории. Данная встреча примечательна еще одним обстоятельством. А. П. Извольский представил Ф. Супило Т. Делькассе, презентуя югославянский проект России¹. В заключение разговора Т. Делькассе попросил, чтобы Россия в максимально сжатые сроки предоставила свое видение территориальных изменений в Европе после войны и новых границ Российской империи на европейском континенте². Посол просил МИД ускорить данный процесс и подготовить для французской стороны обстоятельный ответ. Следует подчеркнуть, что это было трудно реализовать, поскольку между различными министерствами ведомствами России отсутствовало полное единодушие по этому поводу, даже в МИД возникли разногласия.

Между российскими дипломатическими миссиями возникают некоторые расхождения по поводу будущего Австро-Венгрии. М. Н. Гирс, покинувший Стамбул после объявления войны России и прикомандированный в Рим, а в марте 1915 г. ставший официально послом России в Италии, 23 ноября 1914 г. направляет письмо в МИД, где он излагает свои сомнения по поводу целесообразности полного развала империи Габсбургов.

По его мнению, крушение Австро-Венгрии порождает много внешнеполитических рисков. Польские территории, разумеется, отходили к России, районы, заселенные итальянцами к Италии, но что делать с Венгрией, которая имеет собственную государственность? Следствием распада империи Габсбургов станет практическое воплощение в жизни идей «Великой Сербии» и «Великой Румынии». Вполне вероятно данное обстоятельство может привести к их столкновению, и конфликтам с соседними государствами³.

¹ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 11.

² Там же.

³ Там же. Л. 13.

Реализация внешнеполитических амбиций Сербии и Румынии, по мнению российского дипломата, может привести к их внутривнутриполитической нестабильности, в связи с появлением многочисленных национальных меньшинств. Отдельно М. Н. Гирс выделял проблему словенцев, он не был уверен к кому они в будущем присоединятся, к чехам или сербам, сомневаясь в их способности создать собственную государственность. Тут же возникали проблемы будущего австро-немецких, чешских, словацких земель, Хорватии и они могли дестабилизировать ситуацию в Центрально-Восточной Европе.

На взгляд М. Н. Гирса, на месте Австро-Венгрии можно было реализовать проект Соединенных Штатов, что предполагало полный демонтаж дуалистической системы и, по сути, ликвидацию самой империи как таковой. В качестве одного штата могли выступить югославянские территории и не только Австро-Венгрии, сюда можно было включить Сербию, и другие югославянские народы Балканского полуострова⁴. Другой штат включал бы Румынию, Трансильванию и Буковины и т.д. Однако при моделировании проекта Соединенных Штатов Центрально-Восточной Европы М. Н. Гирс явно учитывал дуалистический опыт. Каждый штат получал полную внутреннюю автономию. В общем ведении оставались вопросы обороны, внешней политики, железные дороги, таможенные тарифы⁵.

В заключении дипломат делал оговорку, что возможно его проект преждевременен, как и все разговоры о территориальном устройстве Европы после Первой мировой войны. Но поражение в войне Германии и ее союзников приведет к необходимости полной перекройке границ в Европе и к этому необходимо будет заранее подготовиться⁶.

Обсуждая вопрос о будущем Европы, российские дипломаты стремились наладить контакты с представителями оппозиционных сил Австро-Венгрии и прежде всего со славянскими политиками империи. Эту миссию на себя взяли посольства России в Швейцарии и Италии, что не мешало и другими представительством заниматься сбором информации. Кроме этого, особая

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

миссия возлагалась на бывшего руководителя представительства Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В. П. Сватковского, который еще до войны, кроме прямой профессиональной деятельности, используя свои обширные связи, собирал разведывательную информацию для МИД России. В ноябре 1914 г. В. П. Сватковский переезжает в Швейцарию, где он создает один из центров российской разведки, он получает агентурное имя «Дюмулен». Правда, в последствии разведывательное управление разочаровалось в способностях В. П. Сватковского, не раз предоставлявшего ей непроверенную информацию¹.

В конце декабря 1914 г. В. П. Сватковский докладывает в МИД о своей встрече в Швейцарии с лидерами младочехов, которые российскому агентам изложили два варианта будущего чешских земель. Первый – широкая автономия в составе империи Габсбургов. Второй – создание «независимого королевства» под эгидой Романовых. С Россией новое государство имело бы общую армию, внешнюю политику и таможенный союз, то есть, повторяя дуалистический образец². Граница Чехии с Австрией и Венгрией проходила по Дунаю. При этом младочехи: «... считают необходимым ослабить Венгрию отнятием значительного пространства...», так как венгры неспособны улучшить отношения с Россией и славянами, даже в исторической перспективе³.

В декабре 1914 г. в Риме В. П. Сватковский встречается с Т. Масариком, где они обсуждали будущее Чешского королевства. Согласно декабрьскому плану 1914 г. Т. Масарика монархом Чехии становился представитель династии Романовых. Чехия с Россией в первое время имела общую внешнюю политику (!!!). Она заключала военный союз с Россией и государством южных славян, а также таможенный союз с Петроградом. Принципиальным для Т. Масарика являлось наличие общей границы Чехии с государством южных славян⁴. Одновременно чешский политик заявил о необходимости включения словацких земель в состав Чеш-

ского королевства. Данный проект в целом находил понимание у российской стороны. В своих воспоминаниях Т. Масарик пишет, что с самого начала войны он искал поддержку в Лондоне и Париже, опасаясь российского экспансионизма и авторитаризма⁵. Возможно, В. П. Сватковский неточно изложил слова чешского политика, а скорее всего в это время российской стороне Т. Масарик еще демонстрировал свое русофильство, решая собственные тактические и стратегические задачи.

21 ноября 1914 г. в Царском селе состоялась неформальная встреча императора Николая II с М. Палеологом. Раскрыв карту Европы, они начали обсуждать послевоенное устройство Европы. Первоначально император заявил о притязаниях Генштаба российской армии на Восточную Пруссию, вплоть до Вислы. Он сам это требование назвал чрезмерным, тем не менее, признав необходимость корректировки границы в Восточной Пруссии в пользу России⁶. Данный пример показывает наличие разногласий среди правящих кругов России по вопросу о послевоенных границах. Император признал необходимость присоединения Познани и возможно части Силезии (очевидно районов, где доминировало польское население – прим. И.К.) для воссоздания Польши под эгидой России.

От Австро-Венгрии Николай II намеривался заполучить Галицию и Северную Буковину, Сербии передать Боснию-Герцеговину и Далмацию. Здесь возникал вопрос о будущем самой Австро-Венгрии. М. Палеолог избегал однозначных ответов, но отметил, что если в войну на стороне Антанты вступят Италия и Румыния, то они потребуют значительной территориальной компенсации, в результате чего «Австро-Венгерский союз потерпит крах». Это означало развал дуалистической системы, но не полное исчезновение империи Габсбургов с политической карты Европы. Николай II признал возможность потери Венгрией Трансильвании, после чего ей будет сложно удержать под своим контролем Хорватию⁷. Чехи, по мнению императора, как минимум потребуют авто-

¹ См. подробнее Болтунов М. Е. Разведка под крышей. Из истории спецслужб. М.: Вече, 2015. 329 с.

² АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 28.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания. Т.1. Прага, 1926. С. 21.

⁶ Палеолог М. Ж. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 74.

⁷ Там же.

ному. В результате Австрия могла остаться только в границах «старых наследственных владений», но почему, то были названы только Зальцбург и Тироль. Скорее всего, на этот факт не стоит трактовать в буквальном смысле слова, поскольку районы, заселенные австро-немецкими были более обширными (Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Штирия и др.). Посол и император, в довольно осторожной форме обсуждали судьбы Австро-Венгрии, понимая, что сценарий развития событий внутри и за пределами империи Габсбургов в условиях ноября 1914 г. весьма трудно спрогнозировать. Они допускали как возможность сохранения преобразованной империи, так и полный ее демонтаж, но они не сомневались только в одном, не в жизнеспособности дуализма.

Император и посол прошли по изменению границ на Балканах. Албанию они делили между Сербией, Грецией и Италией, в соответствии с предложенным ранее французским планом. Болгария должна была получить часть Фракии до линии Энос-Мидия и компенсации от Сербии в Македонии. Константинополь, с проливами, либо объявлялись нейтральной зоной, либо переходили под контроль России¹.

Центральную задачу послевоенного устройства Европы Николай II и М. Палеолог видели в максимальном ослаблении Германии и искоренении германского милитаризма. Кроме потерь территорий на Востоке, Германия передавала Эльзас и Лотарингию Франции, более того император допускал переход части Рейнской области в районе Ахена в состав Франции. Николай II также настаивал на передаче Дании Шлезвига вместе с зоной Кильского канала. Отдельно участники встречи отметили целесообразность воссоздания королевства Ганновер и демонтажа германской колониальной системы². Николай II и М. Палеолог признали важность отстранения Гогенцоллернов от императорской короны и ликвидации доминирования Пруссии в жизни объединенной Германии.

Россия стремилась прояснить отношение своих союзников, в том числе Франции к территориальным преобразованиям в Ев-

ропе после войны не только в результате двухсторонних переговоров, но и из других источников. В конце января 1915 г. МИД России смог получить текст письма посла Японии в МИД страны, где он излагал информацию, полученную из различных источников во Франции. По его мнению, Россия, Франция и Великобритания пришли к полному компромиссу по территориальному переустройству Юго-Восточной Европы. К Румынии отходили Трансильвания и Южная Буковина, к Болгарии Южная Добруджа, потерянная по Бухарестскому миру 1913 г. и ряд территорий в Македонии за счет Сербии и Греции, Албания делилась между Сербией и Грецией, Босния-Герцеговина и Далмация переходили в состав Сербии³. В целом это перекликалось с внешнеполитическими задачами России в регионе.

По мере продвижения российской армии на Запад, российские власти начинали переходить от построения теоретических конструкций будущего переустройства Европы к практическому изучению территорий, которые могли перейти к России или остаться за ее пределами. По согласованию МИД и Генштаба в Буковину направлялся полковник А. А. Самойло для определения этнического состава населения и возможного разграничения в Буковине в случае ее раздела между Россией и Румынией⁴. Необходимо отметить, что в августе 1909 г. А. А. Самойло переводится в Главное управление Генерального штаба в разведывательный отдел, где он курировал Австро-Венгрию⁵. Одновременно, активно начинает изучаться этнический состав населения Северо-Восточной Венгрии и Словакии. Петроград, предъявляя свои притязания на Подкарпатскую Русь, стремился зафиксировать будущую западную границу России в этом регионе, определяя районы доминирования русинского, словацкого и венгерского населения.

В апреле 1915 г. Генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов направил на имя Начальника канцелярии МИД письмо, где он аккумулировал предложения военных о будущем разграничении Словакии, Подкарпатской Руси,

³ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л.52.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ См. подробнее о его разведывательной деятельности в Австро-Венгрии: Самойло А. А. Две жизни. М.: Воениздат, 1958. 274 с.

¹ Палеолог М. Ж. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.75.

² Там же.

Буковины и Северо-Восточной Венгрии. Они выдвинули два плана, которые можно было реализовать в зависимости от развития событий на фронте и хода послевоенных переговоров. План максимум предполагал передачу России Буковины, Подкарпатской Руси, комитата Марамарош Сегет, части Токайской долины до южного берега р. Тисы, Восточной Словакии, включая г. Кошице и г. Прешов. План минимум отдавал России Северную Буковину, территорию вокруг г. Надья-Банья (совр. Бай-Маре) без Токайской долины, часть Восточной Словакии вместе с г. Прешов, но без г. Кошице, Подкарпатскую Русь¹. Притязания на часть венгерской равнины Ю. Н. Данилов объяснял как военно-стратегическими соображениями, чтобы р. Тисы не являлась естественным оборонительным рубежом против России, так и экономическими, ибо славяне, проживавшие в Карпатах, нуждались в плодородной равнине для повышения собственного благосостояния². Падение Перемышля в марте 1915 г. и выход российской армии на территорию Венгрии подкрепляли оптимизм военных и политиков России. Но военное поражение весны-осени 1915 г. и тяжелые переговоры о вступлении в войну Италии несколько замедлили процесс формирования контуров будущего разграничения в Центрально-Восточной Европе.

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война, неизбежно, поставила вопрос о возможном территориальном разделе Европы после ее окончания. Согласно, имеющимся в нашем распоряжении документам, переговоры по данному поводу инициировала Франция в сентябре 1914 г., получив из Петрограда положительную реакцию. Россия также стремилась зафиксировать возможные территориальные приобретения

в послевоенной Европе. Ее, прежде всего, интересовала судьба черноморских проливов и расширение границ в Центрально-Восточной Европе. Франция уходила от предоставления России четких гарантий на получение Босфора и Дарданелл, одновременно, соглашаясь на передачу Петрограду Познани, Силезии, Галиции и возможно других территорий. В вопросе изменении границ в Западной Европе и на Балканах в конце 1914 – начале 1915 гг. между Парижем и Петроградом не отмечалось серьезных противоречий.

Главную задачу послевоенного передела границ, Россия и Франция видели в максимальном ослаблении военно-политического и экономического потенциала Германии и искоренении прусского милитаризма. Судьба империи Габсбургов оставалась неопределенной. Париж и Петроград сходились в одном – дуалистическая система должна быть ликвидирована. Дальнейшая судьба империи зависела от многих факторов: возможного начала с ней сепаратных переговоров, развития национального движения в Австро-Венгрии, в том числе в лице эмигрантских кругов (Т. Масарик, Ф. Супило и др.), вступления в войну Италии и Румынии на стороне Антанты.

В процессе обсуждения вопроса о будущем границ в Европе возникли некоторые расхождения между отдельными дипломатами, министерствами и ведомствами России. Однако в перспективе российское правительство в процессе диалога с союзниками и нейтральными государствами, намеривалось, подготовить максимально четкий план передела Европы после войны, оставив для обсуждения экспертов на мирной конференции детали и уточняющие моменты.

¹ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 474. Д. 580/625. Л. 52.

² Там же. Л. 72.

В. В. Миронов

«БОСНЯКИ» В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: МЕЖДУ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ И ОТТОРЖЕНИЕМ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопреки попыткам габсбургской гражданской администрации во главе с Б. фон Каллаем создать наднациональное «боснийское» самосознание¹, культурное и политическое тяготение боснийских сербов к Белграду оставалось неизменным² и не могло быть искоренено после последовавшей в 1908 г. аннексии Боснии и Герцеговины с помощью показательных судебных процессов³. Неоспоримым доказательством тому служит волна террористических актов, совершенных в 1910–1914 гг. членами просербских тайных обществ против представителей государственного аппарата⁴.

В этой связи заслуживает пристального внимания вопрос о том, как соотносились после начала Первой мировой войны национальная (конфессиональная) принадлежность военнослужащих австро-венгерской армии, призванных из Боснии и Герцеговины, с их лояльностью Габсбургской империи?

Накануне Первой мировой войны интеграционная по своему характеру идея преданности императору Францу – Иосифу I, культивировавшаяся в вооруженных силах Австро-Венгрии, стала давать сбой. Армии двуединой монархии становилось все труднее держаться в стороне от политических

и межнациональных распръ по мере укрепления национального самосознания подвластных Габсбургам «неполноправных» народов⁵. Уже в дни так называемого «мобилизационного кризиса» (осень 1912 г.) отмечались случаи открытого неповиновения военнослужащих распоряжениям военно-политического руководства Австро-Венгрии⁶. Вместе с тем современные исследователи справедливо предостерегают от абсолютизации национального фактора при рассмотрении поведения представителей национальных меньшинств в вооруженных силах европейских государств в годы Первой мировой войны, объясняя их причины индивидуальными, семейными и вытекавшими из унылой и безнадежной фронтовой реальности мотивами⁷.

Релятивизируя значение национально-политической мотивации военнослужащих австро-венгерской армии, исследователи обоснованно указывают на конъюнктурный характер как внедрявшейся в общественное сознание постимперской Австрии «легенды о дольштоссе», так и «патриотического мифа», легшего в основание государств-наследников⁸. Аргументация немецких наци-

¹ Okey R. Taming Balkan Nationalism. The Habsburg "Civilizing Mission" in Bosnia, 1878-1914. Oxford, 2007. P. 61, 62-64, 142, 253-254.

² Šehić Z. Über die persönlichen Vormerkungungen General Oskar Potioreks als historische Quelle für die Erforschung der innerpolitischen Situation in Bosnien-Herzegowina // LIČNE zabilješke generala Oskara Potioreka o unutrašnjopolitičkoj situaciji u Bosni i Hercegovini / urednici Dževad Juzbašić, Zijad Šehić ; [prevod na njemački jezik Sanela Efendić]. - Sarajevo, 2015. knj. 1. S. 72.

³ Bataković D. T. Prelude to Sarajevo: The Serbian Question in Bosnia and Herzegovina 1878–1914 // *Balkanica. Annuaire De L' Institut des Etudes Balcaniques XXVII*. Belgrade, 1996. P. 150-151.

⁴ Cupić – Amrein M. Die Opposition gegen die österreichisch – ungarische Herrschaft in Bosnien – Herzegovina (1878–1914). Bern – Frankfurt a/ m. – N. Y. – Paris, 1987. S. 399.

⁵ Cole L. Military Veterans and Popular Patriotism in Imperial Austria, 1870–1914 // *The Limits of Loyalty. Imperial symbolism, popular allegiances and state patriotism in the late Habsburg Monarchy* / Hg. L.Cole, D. L. Unowsky. N.Y.–Oxford, 2007. P. 37-39; Lein R. Pflichterfüllung oder Hochverrat? Die tschechischen Soldaten Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg. Wien, 2011. S. 50-51.

⁶ Stergar R. Fragen der Militärwesen in der slowenischen Politik 1867–1914 // *Österreichische Osthefte. Zeitschrift für Ost-Mittel und Südosteuropaforschung*. Jg. 46. 2004. H.3. S. 415-416.

⁷ См.: Minderheiten-Soldaten. Ethnizität und Identität in den Armeen des Ersten Weltkriegs / Hsg. Von O. Überegger. Paderborn, 2018.

⁸ Überegger O. Politik, Nation und Desertion. Zur Relevanz politisch-nationaler und ideologischer Verweigerungsmotive für die Desertion österreichisch-ungarischer Soldaten im Ersten Weltkrieg // *Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit*. 8 Jg. 2008. H. 2. S. 113-115; Šedivý I. Češi, české zeme a Velká válka 1914-1918. Praha, 2001. S. 146-147;

оналистов, как их оппонентов из лагеря национальной эмиграции, в равной степени контрпродуктивна. Отнюдь не все представители «угнетенных» народов отстаивали национальную независимость, сражаясь под флагом Антанты. Гораздо большее их число оставалось эффективно функционировавшей частью имперской армии до ее последних дней¹.

Более чем четырехвековое соседство православной, католической и мусульманской конфессий накладывало свой отпечаток на характер взаимоотношений в воинском коллективе. Требуется учета и прифронтовое положение Боснии и Герцеговины, пограничные округа, которых в 1914 г. были временно оккупированы сербской и черногорской армиями. Совокупность названных факторов, помноженная на фронтовые реалии, служила питательной почвой для радикализации аграрного в своей основе сознания военнослужащих боснийско-герцоговинских формирований, считавшихся элитой австро-венгерской армии.

Судя по архивным материалам, своим успехом «самое дилетантское убийство тирана Нового времени» было обязано атмосфере всеобщей терпимости к терроризму, царившей в «верхах». Капрал 2-го боснийско-герцоговинского полка М. Латинович, занимавший до войны должность адъютанта окружного суда Сараево, в августе 1916 г. в разговоре с сослуживцем похвастался своим участием в подготовке покушения на наследника престола: «Все большие господа Боснии и я тоже знали, что наследник будет убит, он должен был умереть, поскольку хотел включить Сербию в Австрию. Я находился в двадцати шагах от Принципа, когда он выстрелил в чету наследника престола и разговаривал с ним, поскольку он не знал, как и что делать. Мы выставили восемнадцать постов, так что наследник не мог скрыться от нас. В здании магистрата, где он

должен был остановиться и в саду под столами и стульями были заложены бомбы»². Трибунал 6-ой австрийской армии 1 ноября 1916 г. приговорил Латиновича за оскорбление императорской фамилии, мятеж и нарушение субординации к пяти годам лишения свободы. Верховный военный трибунал подтвердил в марте 1918 г. решение нижестоящей судебной инстанции, отклонив ходатайство осужденного о пересмотре дела³.

Выстрелы, прозвучавшие в Сараево, вызвали настоящую эпидемию доноительства. Ее жертвами, как правило, становились представители нетитульных наций. Так, в 1914 г. в словенских землях Штирии производились массовые аресты, основанием для которых служило одобрение на словах убийства наследника престола. Добровольные помощники полиции руководствовались разнообразными мотивами, включая месть и сведение счетов⁴. Вольноопределяющийся 4-го боснийско-герцоговинского полка А. Петрушич до своего поступления на военную службу стал жертвой подобного доноса. К. Чаич, комиссар по железным дорогам Б. и Г., являвшийся другом семьи А. Петрушича, принуждал его к вступлению в половую связь. Отец А. Петрушича добился начала расследования, но Чаич был оправдан за недостатком доказательств. Потребовав от отца 300 крон в качестве компенсации судебных издержек, Чаич угрожал доносом на Петрушича⁵. Последний 17 декабря 1915 г. в присутствии членов семьи Чаича якобы заявил, что чете наследника престола нечего было делать в славянской стране. Согласно показаниям Чаича, старшекласник реального училища, охваченный ненавистью к швабам, исключал саму возможность освоения немецкого языка. Дело не дошло до суда из-за мобилизации Петрушича в июне 1916 г. Не удовлетворившись доносом, Чаич

Galandauer J. Čeští vojáci ve Velké válce a vzájemný obraz Čechů a českých Němců // *Obraz Němců Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století* / Ed. J. Křen a E. Broklová. Praha, 1998. S. 88-89.

¹ Überegger O. *Tirol und der Erste Weltkrieg: Historiographiegeschichtliche Entwicklung und aktuelle Forschungstendenzen (Einleitung)* // *Heimatfronten. Dokumente zur Erfahrungsgeschichte der Tiroler Kriegsgesellschaft im Ersten Weltkrieg* /Hg, eingeleitet und kommentiert von O. Überegger. Innsbruck, 2006. Bd. 1. XII–XIII.

² Österreichisches Staatsarchiv (Wien) – (ÖStA) – Kriegsarchiv (KA) – Militärgerichtsarchiv (MGA), Feldkriegsgericht der 6. Armeekommando (Quartiermeisterabteilung). Karton 585/ 1916, Strafakt K 116/16, Milan Latinovic, Urteil vom 1.10.1916.

³ Ibid. Entscheidung des k.u.k. Obersten Militärgerichtshofes vom 4.3.1918.

⁴ Moll M. *Kein Burgfrieden. Der deutsch-slowenische Nationalitätenkonflikt in der Steiermark 1900–1918*. Innsbruck – Wien – Bozen, 2007. S. 216-218.

⁵ ÖStA – KA – MGA, Karton 8837/1917, Feldkriegsgericht der 55. Infanterietruppendivision (FKG der 55. ITD). Strafakt E 1022/17, Anton Petrusic, Protokoll aufgenommen mit dem Anton Petrusic, 13.11.1916.

30 августа того же года направил письмо командованию гарнизона Сараево, утверждая, что изменнический образ мыслей Петрушича, одобрявшим к тому же добровольную сдачу чехов врагам Австро-Венгрии, представляет угрозу для его товарищей по службе¹. Но делу так и не был дан оборот. Полицейское управление Боснии и Герцеговины 20 октября 1916 г. аттестовало Чаича по запросу военной прокуратуры крепости Комаром (Венгрия) как человека, склонного к преувеличению².

Первая мировая война актуализировала застарелый межнациональный конфликт, уходивший своими корнями в эпоху средневековья. Более чем пятивековое османское иго коренным образом перекроило этническую карту обеих провинций. Оккупировав в 1878 г., Боснию и Герцеговину, Вена не посягнула на крупные земельные владения, принадлежавшие мусульманам. Участие христиан и мусульман в восстании 1882 г., направленном против фискального гнета и закона о всеобщей воинской повинности, не смогло надолго сплотить обе общины из-за нерешенного аграрного вопроса³.

Отправка воинских контингентов из обеих провинций на сербский фронт осенью 1914 г. подлила масла в огонь тлевшего межконфессионального конфликта. Неудачный для Австро-Венгрии ход военных действий активизировал в армии адептов великосербской идеи, поспешивших сбросить «маску лояльности». Идея габсбургского патриотизма, не успевшая пустить глубокие корни в Боснии и Герцеговины, разделялась главным образом мусульманским и католическим населением⁴. Серьезное препятствие на этом пути создавала почти поголовная неграмотность мусульман⁵. Вместе с тем, в документах военных трибуналов Австро-Венгрии часто встречаются сведения о верности дина-

стии низших чинов, исповедовавших ислам. В 1916 г. трибуналом военного командования г. Граца, велось расследование по делу капрала С. Рачича. Он обвинялся в добровольной сдаче в плен сербам вместе со своим отрядом 2-го боснийско-герцеговинского пехотного полка. Показания свидетелей-мусульман, вернувшихся из плена после окончательного разгрома Сербии зимой 1915 г., полностью подтверждали версию следствия. Во время арьергардных боев у Милановача в ноябре 1914 г. отряд, состоявший из шести сербо-хорватов и шести «турок» (так в источнике. – прим. В.М.) под командованием капрала С. Рачича, укрылся в окрестном лесу. Солдаты-мусульмане хотели идти на соединение со своей ротой, сохраняя верность присяге. В ответ Рачич разразился нецензурной бранью, приказав солдатам-сербам, с симпатией относившимся к королевской сербской армии, взять мусульман под арест. Военнослужащие сербской армии, прибывшие для принятия капитуляции, решительно отклонили инициативу казни всех «турок», выдвинутую австрийским капралом. Гражданский суд так и не вынес решения о конфискации имущества изменника, сославшись на отсутствие у него компетенции рассматривать вопросы, связанных с выяснением обстоятельств дезертирства к врагу⁶.

Пехотинец М. Муслимович, обвинявшийся в преступлении против «военной мощи» государства, столкнулся при своем пленении с полной пассивностью земляков православного вероисповедания, не предпринявших попытки бегства от застигнувшего их врасплох сербского дозора. Сослуживцы – боснийские сербы убедили раненого Муслимовича не оказывать сопротивления. В плену оба его товарища выразили желание записаться в сербскую армию. За отказ последовать их примеру у Муслимовича отобрали шинель, обувь и наличные деньги. Поздней осенью 1915 г. фигурант уголовного дела разделил судьбу австрийских военно-

¹ Ibid. Koloman Caic, Kommissär der bosnisch – herzegowinischen Landesbahnen an das hochlöbliche k.u.k. Korpskommando in Sarajevo, 30.8.1916.

² Ibid. Polizeidirektion für Bosnien und Herzogowina, Sarajevo an den Militäranwalt des k.u.k. Festungskommandanten Komarom, 20.10.1916.

³ Cupic – Amrein M. Op. cit. S. 207-209, 212 -213.

⁴ Ibid. S. 334.

⁵ Ibid. S. 319. Prozentualer Anteil der Konfessionen an Analphabetentum in Bosnien-Herzegowina. По данным 1910 г. доля неграмотных составляла у мусульман 94,65 %, у православных – 89,92 %, у католиков – 77,45 %, у остальных конфессий – 38,27 %.

⁶ Ibid. Landesregierung für Bosnien und die Herzogowina an das Gericht des k.u.k. 6 Infanterietruppendivisionskommandos, 13.05.1918. Императорским указом от 9 июня 1915 г. движимая и недвижимая собственность дезертиров и изменников подлежала конфискации государством. См.: Führ C. Das k.u.k. Armeeeoberkommando und die Innenpolitik in Österreich 1914–1917. Wien, 1968. S. 99-102.

пленных, уводимых за собой деморализованной сербской армией. Последней остановкой для Муслимовича стал Ниш, где он встретил освобождение. Обобщая свои наблюдения, сделанные в плену, он показал, что «довольно большая часть военнопленных православного вероисповедания добровольно вступила в сербскую армию»¹.

Анализ характера взаимоотношений сербов и мусульман в лоне армейского коллектива в годы Первой мировой войны позволяет лучше осмыслить феномен «этнических чисток» в Боснии и Герцеговине начала 1990-х гг. В адрес верного династии военнопленного раздавались оскорбления от земляков-боснийцев православного вероисповедания, рисовавших мрачную перспективу сербского господства: «...Босния будет завоевана, все кто не являются сербами, будут убиты. Ты же сам не турок, а только мусульманин, твои предки были же сербами»². Приведенный материал показывает, что образ «мусульманского соседа» в сознании боснийских сербов отличался дифференцированностью. С одной стороны, отождествлялись понятия «турок» и «мусульманин», а с другой - проводилось четкое разграничение между потомками завоевателей и отуреченным сербским населением.

После подписанного летом 1915 г. соглашения с Россией сербская миссия начала вербовку добровольцев среди военнопленных – югославян австро-венгерской армии. В числе первых откликнулись боснийские сербы³. В 1915–1917 гг. военный трибунал Баня – Луки вел расследование по делу пятерых боснийских военнослужащих, обвинявшихся в государственной измене. По версии следствия, все пятеро условились во время всеобщей мобилизации 1914 г., что оказавшись на передовой, перейдут на другую сторону⁴.

¹ Ibid. Karton 6396/1917, FKG der 55. ITD, Straftakt K 514/17, Muslimovic Mumin. Protokoll aufgenommen am 8. Dezember 1915 mit dem Mumin Muslimovic, welcher am 8. Dezember aus serbischer Kriegsgefangenschaft zur Kompanie einrückte.

² Ibid. На территории Сербии, временно оккупированной в 1914 г. австро-венгерской армией, босняки (2-й и 3-й пехотные полки) отличались особой жестокостью в расправах над гражданским населением. Reiss R. A. Comment les Austro-Hongrois ont fait la guerre en Serbie. Paris, 1915. S. 17-19.

³ Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden, 2003. S. 227.

⁴ Ibid, Protokoll vom 2.7. 1915 über Einvernahme des Zeugen Gyorgyo Radovancevic.

Следует отметить, что неоспоримые доказательства измены имелись у трибунала лишь в отношении двух подозреваемых. Первым под подозрением оказался прапорщик Л. Радетич, происходивший из зажиточной купеческой семьи боснийского Приiedo-ра. После посещения в 1915 г. миссией австро-венгерского Красного Креста лагеря для военнопленных в г. Кузнецке (Саратовская губерния) стало известно о группе офицеров-боснийцев, готовившейся к отправке на сербский фронт⁵. В ее числе находился подозреваемый, незамечанный, судя по справке окружного магистрата, в политической деятельности до войны⁶. Во втором случае в основу обвинения легли свидетельские показания гражданских лиц населенного пункта Молотков (Галиция), уличавшие кадета Й. Зеленику в добровольном переходе на сторону врага и разглашении военной тайны⁷. К материалам уголовного дела был приобщен протокол допроса 2 июля 1915 г. окружным судом Баня – Луки Г. Радованчевича. В его показаниях просматриваются контуры будущего грандиозного политического процесса с одноименным названием, громкие разоблачения которого бросали тень на Белград⁸.

⁵ Ibid, Auszug aus den Vormerkungen der Frau Oberst Mihaloczy. Rote Kreuz Mission nach den Kriegsgefangenenlagern in Russland. Сведения поступили от супруги полковника австро-венгерской армии К. фон Михалоци, совершившей в качестве представителя Красного Креста Австро-Венгрии инспекционную поездку по лагерям военнопленных, размещенных в европейской части России и Средней Азии. О деятельности австро-венгерского Красного Креста на территории Российской империи в годы Первой мировой войны см.: Nachtigal R. Die dänisch-österreichisch-ungarischen Rotkreuzdelegierten in Russland. 1915–1918. Die Visitation der Kriegsgefangenen der Mittelmächte durch Fürsorgeschwestern des österreichischen und ungarischen Roten Kreuzes // Zeitgeschichte 11/12-November/December 1998, 25. Jg. S. 368-369 // Zeitgeschichte 11/12-November/December 1998, 25. Jg. S. 368-369.

⁶ Ibid. Bezirksamt Prijedor an das Gericht des k.u.k. Militärkommandos in Graz, 28.10. 1916.

⁷ Ibid, k.u.k. 7. Armeekommando. Freiwilliges Ergeben von Offizieren (Kadetten). Bosnisch – Herzogowinisches Regiment. №. 2. 22.6.1915.

⁸ Ibid. Protokoll vom 2.7. 1915 über Einvernahme des Zeugen Gyorgyo Radovancevic. На процессе в Баня – Луке, проходившем с 3 ноября 1915 по 22 апреля 1916 г., обвинение в государственной измене было предъявлено 156-ти боснийским сербам. В списке подсудимых значились фамилии 19-ти священников, 14-ти учителей начальных школ, 5-ти профессоров гимназий, 2-х врачей, 2-х инженеров, 1 адвоката, 8-ми госслужащих, 32-х торговцев, 6-ти трактирщиков, 12 учащихся, 26-ти

Военные действия, развернувшиеся на территории приграничных с Сербией и Черногорией округов Боснии (Вышеград, Чайнице, Рогатица, Фоча) неизбежно вовлекали в свой водоворот гражданское население. По переписи населения 1910 г. в указанных округах проживало 49.101 православных и 68.725 мусульман, что составляло соотношение 42 % к 58 %. Вторжение сербских и черногорских войск сорвало с насиженных мест 37.000 мусульман¹.

В 1914 г. приняло широкий размах добровольное поступление православного населения Боснии и Герцеговины, Бачки, Баната, Славонии, Срема на службу в сербскую армию². Так, 18-летний М. Коджо из округа Вышеград (Босния) обвинялся в записи в сербскую армию, где он использовался как погонщик вьючных животных. Бежав из страха перед наказанием в Сербию, он был схвачен после ее разгрома. Военный трибунал 55-ой пехотной дивизии распорядился 20 июня 1918 г. о продолжении следствия³.

Краевые органы власти с тревогой следили за поступающими от жандармерии сообщениями о бегстве православного населе-

ния в Сербию и Черногорию. По ходатайству командующего вооруженными силами на Балканах О. Потioreка католикам и мусульманам, собственность которых пострадала от действий православного населения, передавалось конфискованное имущество изменников. Они лишались гражданства вместе со своими близкими родственниками и подлежали высылке из провинции. Пришел в движение механизм военной юстиции. К примеру, в декабре 1914 г. были приведены в исполнение 18 смертных приговоров, вынесенных 7 октября 1914 г. военно-полевым судом в Тузле крестьянам из Кладанского округа. Они обвинялись в недонесении о приближающихся вражеских войсках, в их снабжении и участии в разрушении жилищ мусульман. 2 ноября 1914 г. в Тузле были казнены трое крестьян из Рогатицкого округа, а на следующий день двое из Кладанского. На основании составленных властями переписей об экспатриации и конфискации движимого и недвижимого имущества до ноября 1915 г. было осуждено на изгнание с родины 11.591 православных, из которых ранее 5.299 проживало в Сараевском округе, 3.243 – Рогатицком, 1.183 – Требиньском, 1.008 – Билецком. До конца 1915 г. на основании закона от 7 октября 1914 г. в округах Невешинье, Мостар, Бихач и Градачач было конфисковано 6.612 дунумов земли, из которой на два округа Требинье и Билеча падало 5.571 дунум или 84 % конфискованной земли⁴.

Служившие в созданной еще накануне войны местной военной полиции мусульмане и хорваты периодически устраивали резню сербского населения в разных частях Боснии мало отличавшуюся от принятого сегодня термина «этнические чистки»⁵. По версии мусульманской стороны, в карательных

крестьян. В числе подсудимых находилось две женщины. 16 подсудимых были приговорены к смертной казни, но помилованы длительным тюремным заключением благодаря вмешательству папы римского. См. Vrankić P. Religion und Politik in Bosnien und Herzegowina (1878–1918). Paderborn – München – Wien – Zürich, 1998. S. 317. Подробнее о ходе процесса в Баня – Луке см.: Plaschka R. G. Zwei Südslawen an der Schwelle von 1918. Brno, 1971; Haselsteiner H. Prozess Banja Luka 1916. Das Militärgutachten // Zbornik radova s međunarodnog skupa: Veleizdajnički proces u Banjaluci 1915–1916, održanog 25-27. septembra 1986. godine u Banjoj Luci, Institut za istoriju, Banja Luka, 1987.

¹ Šehić Z. U smrt za zara i domovinu. Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji Habsburške Monarhije. 1878–1918. Sarajevo, 2007. S. 105-106.

² Писарев Ю. А. Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и Новейшая история. 1992. № 1. С. 27. Вместе с тем отмечались случаи бегства мусульманского населения из Сербии в Австро-Венгрию. В конце августа 1914 г. в Боснию переселилось 7000 жителей Новопозарского санджака, отошедшего к Сербии и Черногории по итогам Первой Балканской войны. См.: Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Österreich -Ungarn und der Erste Weltkrieg. 2 Aufl., Graz – Wien – Köln, 1994. S. 183.

³ MGA, Karton 8840/1918, FKG der 55. ITD Strafakt E 1188/17 Milutin Kodžo, k.u.k. Gendarmeriekorps für Bosnien und die Herzogowina an das k.u.k. Truppenkommando Višegrad, 13.4.1916. Strafanzeige über Milutin Kodžo aus Višegrad wegen begangenen Hochverrat und Verbrechen gegen die Kriegsmacht. Fortsetzung des Verfahrens, 20.6.1918.

⁴ Šehić Z. Op. cit. S. 105-107. По мнению американского исследователя Д.Джорджевича, православное население приграничных округов Боснии отнеслось к освобождению от австрийского ига скорее сдержано по сравнению со своими единоверцами из Срема, активно поддерживавшими сербскую армию. Автор приписывает констатированную им умеренность православных Боснии в отстаивании общесербского дела обычной во время войны неопределенности. См.: Djordjevic D. Die Serben // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Wien, 1980. Bd 3. S. 773.

⁵ См.: Ђоровић В. Црна књига: патње Срба Босне и Херцеговине за време светског рата: 1914–1918. Београд, 1920; Слијепчевић П. Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење. Сарајево, 1929.

акциях участвовало наряду с мусульманами и хорватами немало самих сербов¹.

П. Бласкович, офицер 3-го боснийско-герцоговинского полка справедливо усматривал причины участвовавших в начале 1915 г. в Карпатах случаев перехода боснийских сербов на сторону русской армии в карательных мерах властей².

Вместе с тем нельзя игнорировать случаи насильственного угона оккупантами подданных Австро-Венгрии сербской национальности. Многие из них являлись военнообязанными и по недоразумению считались «уклонистами». Такого рода казус произошел с С. Тешевичем, незадолго до начала войны комиссованного из вооруженных сил. Еще до вручения ему повестки о призыве на военную службу, в Калиновик вступила черногорская армия, угнавшая часть местного населения на свою территорию. В числе депортированных, размещенных в с. Ясеница, находился С. Тешевич вместе со своей матерью. Черногорцы широко использовали труд насильственно перемещенных лиц в сельском хозяйстве. Когда С. Тешевич томился в неволе, австрийские власти необоснованно приписали ему дезертирство и государственную измену. После военного разгрома Черногории в 1916 г., Тешевич был помещен в специальный лагерь в Шопроне, где в течение трех месяцев проходил проверку благонадежности. Сыграла свою роль военная инвалидность, срывавшая подозрения в коллаборационизме³.

Учитывая, что участие в войне против Сербии и России могло служить источником нелояльного поведения на фронте военнослужащих православного вероисповедания, заслуживает особого внимания образ боснийского солдата на итальянском театре военных действий, сильно идеализированный в зарубежной литературе. Босняки неизменно предстают храбрыми, усердными в

военном деле воинами, наводящими ужас на неприятеля. Подчеркивалась их готовность для исполнения своего воинского долга поступиться в экстремальной ситуации религиозным запретом на употребление в пищу свиного жира⁴.

Позитивные качества боснийских солдат становились едва ли не предметом культа и обожествления. Подобная тенденция отчетливо прослеживается в докладе поручика Майера, командовавшим пулеметной ротой 1-го боснийско-герцоговинского полка на позициях Мрцли Врх летом 1917 г.: «...боснийский солдат австро-венгерской армии представляет собой крайне симпатичный тип верного и мужественного воина, беспримерные подвиги которого покрыты простотой и скромностью, контрастирующих с его успехами. Никогда боснийский солдат не вел себя как низкосортный наемник или как военный служащий колониальных войск. Боснийский воин постоянно ценился повсюду и особенно его офицерами как верный товарищ по оружию и абсолютно равноценный элитным частям армии солдат...»⁵. В годы Второй мировой войны доклад поручика Майера лег в основу литературного труда, благословлявшего в духе «староавстрийских традиций» набор дивизии СС из добровольцев-мусульман⁶.

Что может быть противопоставлено откровенно апологетическому портрету босняков на итальянском театре военных действий? Доподлинно известно, что военный служащий православного вероисповедания состояли под негласным надзором командования. Так, служебные инструкции предписывали вести строгий учет конфессионального состава подразделений, заступавших в дозорно-караульную службу. Считалось, что подобной мерой пресекалась опасность сговора военнослужащих-единоверцев, чреватого их дезертирством к врагу. Представители командного состава, допустившие переход полевого караула на сторону противника вследствие подобной небрежности, привлекались к уголовной ответственности⁷.

⁴ Schökl H. Österreich – Ungarns Isonzofront im Jahre 1917. Univ. Diss. Wien, 1997. S. 238.

⁵ Цит по: Ibid, S. 239.

⁶ Ibidem.

⁷ ÖStA - KA – MGA. Karton 5726/1918, FKG der 55. ITD, Strafakt E 2692/18, Spachic Mustafa, Strafanzeige, 5.4. 1917.

¹ Portmann M. Aspekte des nationalen Konflikts in Bosnien – Herzogowina von 1878 bis 1945. Wien, 2001. S. 14. Portmann M. Aspekte des nationalen Konflikts in Bosnien – Herzogowina von 1878 bis 1945. Wien, 2001. S. 14.

² Mit den Bosniaken im Weltkrieg. Auszug aus Pero Blašković „Sa bosnjacima u svejtskom ratu“ (Schriftenreihe der Landesverteidigungsakademie Wien, Bd. 3). Wien, 2001. S. 50.

³ ÖStA – KA – MGA, Karton 5726/1918, FKG der 55. ITD, Strafakt E 2695/ 18, Tešević Savo, Protokoll aufgenommen mit dem Tešević Savo, 21.3. 1917.

У военнослужащих, терпевших на передовой голод и лишения, часто не оставалось другого выбора, кроме как стать перебежчиками. Ценные сведения о мотивации босняков содержатся не столько в официальных материалах, сколько в источниках личного происхождения. Некоторые из них создавались в нестандартной обстановке, представляя собой записки, оставленные дезертирами для товарищей и командования. Обратимся к подобному документу, датированному 24 сентября 1917 г. Пехотинец Цорич, дезертировавший из расположения 2-го боснийско-герцоговинского полка, занимавшего позиции на Монте – Коломбаро (район Зибен Гемайнден), обобщал причины участившихся случаев перехода на сторону итальянцев: «Достопочтенные правители (командование полка. – *В.М.*) хочу Вам точно сказать, из-за чего Ваши солдаты отдаются в руки противника...Мы перебегаем из-за того, что с таким скудным довольствием вообще невозможно выполнить свой долг. Вы гоните людей, – продолжал автор записки, – на работу днем и ночью, не думая о том, могут ли они вынести ее из-за голода. Если Вы хотели сделать такое признание, то для нас оно было бы как пища, но солдат должен работать без жалоб, поскольку его за это наказывают...»¹. Дезертир доверил бумаге страдания военнослужащих, которым приходилось доставать кухонные отходы из выгребной ямы и готовить их на позициях. Неудивительно, что употребление такой пищи часто приводило к отравлениям. В записке обращалось внимание и на положение семей мобилизованных, влачивших жалкое существование.

Красной нитью в тексте послания проходила мысль о вынужденном характере нарушения воинского долга: «...Достопочтенные правители, я не могу сказать Вам, что охотно перехожу в руки врага, если бы я у него уже был, то сказал Вам, как там обстоят дела, знаю, что для меня там будет тяжелее. Я пишу это с глазами полными слез, но наша храбрость не признается ни здесь, ни дома. Когда солдат доволен, тогда он должен быть

¹ Ibid. Karton 8838/1917, FKG der 55. ITD, Strafakt E 122/17, Zorić, Übersetzung, 24.9. 1917. Цитируется по переводу записки на немецкий язык, сделанному для командования полка. О похожем случае, произошедшем в 1918 г. на позициях 82-го пехотного полка, упоминает З. Цехич. См.: Šehić Z. Op. cit. S. 237.

храбрым, и люди могут не идти своей дорогой, и причина всего этого в голоде и большой нечистоплотности. Вы не даете людям времени помыться и почистить одежду, так запустили солдат, что им в глаза лезут вши, и Вы гоняете людей пока они не сдохнут...»².

В расследовании обстоятельств ширившегося дезертирства босняков, военные власти стремились затушевать его социальные причины. Следствие предпочитало объяснять мотивы перехода линии фронта действиями отдельных преступных натур, подавшихся к врагу из-за страха перед неотвратимым возмездием³. Трактовка дезертирства как бегства от справедливого наказания, была призвана лишить героического ореола это ставшее массовым явление, замалчивая факты неповиновения военной машине по национальным, пацифистским и иным убеждениям.

Между тем, реальность имела мало общего с плакатным образом перебежчика. Военнослужащие, решившиеся на тяжелейшее нарушение армейской этики, нередко руководствовались несколькими соображениями. Эпизодическое присутствие в их числе расчета избежать наказания еще не дает оснований вести речь вслед за командным составом о некоей криминализации коллектива перебежчиков. Скорее следует констатировать действие закона «сообщающихся сосудов»: фронтовики остро реагировали на поступавшие с родины сведения о попиравшейся реквизиционными отрядами социальной справедливости⁴. Резонно предположить, что конфискация большей части собранного урожая на фоне тяжелейшего кризиса снабжения, задевала болезненные струны крестьянской души⁵.

² Ibidem.

³ Ibid. Karton 5041/ 1918, FKG der 55. ITD, Strafakt K 49/18, Celebić Muharem; Karton 6396/1917, FKG der 55. ITD, Strafakt K 509/17, Strbac Jovo; Karton 8836/1917, FKG der 55. ITD, Strafakt K 487/17, Tuča Pero.

⁴ Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974. Bd. 1. S. 224-225.

⁵ ÖStA – KA – MGA, Karton 6396/1917, FKG der 55. ITD, Strafakt K 509/17, Strbac Jovo, Hauptmann Siegmund Gandini an das Gericht des k.u.k. 6. Infanteriedivisionskommandos, 22.9.1917. Социальный компонент отчетливо просматривается и в других формах протеста босняков. Военнослужащие, сотнями просрочивавшие отпуска, пополняли отряды «зеленого кадра», притеснявшие главным образом имущее население. См.: Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Op.cit. Bd. 2. S. 81-89.

Деморализующее влияние на дисциплину в австро-венгерской армии оказывала массированная национальная пропаганда, развернутая противником весной – летом 1918 г. Римский конгресс «угнетенных народов» (8–10 апреля) инициировал масштабную агитационную кампанию, которая велась в воинских частях с помощью листовок, прокламаций и брошюр, сбрасывавшихся с аэропланов¹. План пропагандистских мероприятий предусматривал также засылку в австрийский тыл пацифистов и пораженцев. Вместо типографских листовок часто распространялись рукописные материалы от имени военнослужащих, якобы сдавшихся в итальянский плен².

Впрочем, не следует преувеличивать степень национальной одержимости австрийских военных, изменявшим своим знаменам. Отличное довольствие, выдававшееся солдатам и офицерам итальянской армии, служило самым эффективным средством пропаганды для терпевших голод и лишения австро-венгерских фронтовиков³. Неслучайно, что среди мотивов перебежчиков преобладал голод. По данным, приводимым английским исследователем М. Корнуоллом, на участке 4-ой итальянской армии в период с 15 мая по 14 июня 1918 г. линию фронта с австрийской стороны пересекло

43 дезертира, среди которых числилось 19 уроженцев Боснии. 15 из них указали причиной дезертирства голод, а остальные по одному – вступление в югославянский легион, вражескую пропаганду, усталость от войны и страх⁴. Создание югославянского легиона оказалось не слишком удачным предприятием Антанты. Его численность в отличие от чешского, насчитывавшего к октябрю 1918 г. 17.000 человек, составляла всего 943 волонтера. Почти половина всех добровольцев приходилась на боснийских сербов⁵.

Заключительным аккордом в эволюции мировоззрения солдат и офицеров стали волнения в 4-м полку, дислоцированном в Южном Тироле. 23 октября 1918 г. военнослужащие, возмущенные отсутствием всякого упоминания о Боснии и Герцеговине в императорском манифесте от 16 октября 1918 г., отказались выходить на позиции. «Бунтовщиками» двигало также недовольство реквизициями продуктов в тылу и положением родных, которым не выплачивались государственные пособия. Трудный процесс политического прозрения фронтовиков сопровождался переосмыслением причин мировой бойни: «...Они сражались не за императора и Отечество, а за торговлю Германии и Англии...»⁶.

¹ Cornwall M. The Undermining of Austria-Hungary: the battle for hearts and minds. Basingstoke; London; N. Y., 2000. P. 180-181, 193-197.

² Šehić Z. Op. cit. S. 237.

³ Ibid. S. 238; Vociurko M. Flugblattpropaganda an der Front. 1914–1918. Wien, 2002. S. 70-71. Югославянская пропаганда, усилившаяся после подписания 20 июля 1917 г. Корфской декларации, не могла быть поставлена в Италии должным образом из-за Лондонского соглашения 1915 г. Вступление в силу 7 марта 1918 г. «Римского пакта», признавшего неотъемлемое право югославян на этническое, языковое единство и собственную государственность, кардинально изменило ситуацию. В апреле 1918 г. действие пакта было распространено на остальных славян Габсбургской империи.

⁴ Cornwall M. Op. cit., P. 301. Table 7.3. Desertions to the Italian 4th Army, 15 May –14 Juni 1918.

⁵ Ibid. P. 383.

⁶ ÖStA – KA – MGA. Karton 5726/1918, FKG der 55. ITD, Strafakt E 2703/18, Vnjević Pero, Zeugenvernehmung von Pogorelec Friedrich, 23.10.1918; Schachinger W. Die Bosniaken kommen! Elitentruppe in der k.u.k. Armee. 1879–1918. Graz-Stuttgart, 1989. S. 251-252. Манифест, выпущенный императором Карлом 16 октября 1918 г., провозглашал федеративное устройство Цислейтании. См.: Rumpel H. Das Völkermanifest Kaiser Karls vom 16. Oktober 1918. Letzter Versuch zur Rettung des Habsburgerreiches. Wien, 1966.

К. А. Тарасов

РАСПАД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Важным фактором распада континентальных империй в начале XX в. стоит признать Первую мировую войну. Масштабный конфликт поставил перед всеми воюющими странами вопрос о мобилизации всего общества. В итоге гетерогенные империи в этом противостоянии рухнули. Во многом это было связано с тем, что в противостоянии между ними важным ресурсом стал национальный вопрос. В связи с этим следует подробнее разобрать фактор войны как элемент процесса распада империй и создания независимых национальных государств на их обломках.

Против стран Антанты Германия прибегла к политике «революционизирования», означавшей поддержку антиимперских движений¹. В подрывной работе против России особое внимание уделялось Финляндии и Прибалтийским губерниям, а также Украине, кавказским народам, евреям². Была создана формально независимая «Лига нерусских народов России», финансировался «Союз освобождения Украины», велись переговоры с литовскими, польскими и грузинскими националистами-эмигрантами. Однако эти организации имели слабую связь с родиной и не приобрели большого влияния ни до событий 1917 года, ни после³.

Особым направлением национальной антироссийской политики являлось создание лагерей для военнопленных из народов империи. Украинцев, финнов, грузин и

мусульман отделяли от остальных пленных и помещали в лагеря с более хорошими условиями, где с ними велась специальная работа с целью пробудить в них национальное сознание⁴. Однако и эта работа не имела большого успеха. Лишь незначительное число военнопленных соглашались вступить в ряды национальных формирований для того, чтобы бороться за независимость своего народа⁵.

Более успешным стоит признать сотрудничество некоторых национальных политических групп с Германским штабом по созданию воинских частей из добровольцев. Финские «активисты» вошли в сношения с германским командованием уже в начале августа 1914 г.⁶. Интересы этих двух сил сходились на необходимости освободительного восстания в Великом княжестве Финляндском. Для этого планировалось обучить военному делу финских добровольцев, которые должны были стать инструкторами для руководства восставшими финнами при вступлении на территорию княжества германских войск. С 1915 г. для этих целей в Прибалтике начал формироваться 27-й Королевский прусский егерский батальон. К началу 1916 г. он уже насчитывал 1890 человек⁷. В основном это были представи-

¹ См. Fischer F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegzielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Dusseldorf, 1961 (русское издание Фишер Ф. Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017).

² Колоницкий Б. И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 – начало 1915) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 199.

³ Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands, 1916–1918. Helsinki, 1978. S. 168.

⁴ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 171–183; Хаген М. фон. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 385–405; Усманова Д. И. Мусульманское население Российской империи в условиях Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 1. Политическая история. СПб., 2014. С. 597–598.

⁵ Нагорная О. С. Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 167.

⁶ Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 55.

⁷ Новикова И. Н. «Финская карта»... С. 111.

тели шведскоязычной интеллигенции¹. Егерей попытались использовать на Восточном фронте в Прибалтике, однако вскоре среди них начались волнения и большая их часть распущена².

Сразу после объявления войны Центральные державы предпринимали попытки организовать восстание в бывшем Царстве Польском. С таким призывом Ю. Пилсудский, лидер ППС, который еще до войны эмигрировал в Австро-Венгрию, обратился к полякам Российской империи³. Однако прошедшая мобилизация поляков в Русскую армию показала отсутствие массовой поддержки повстанческого проекта⁴. На территории Австро-Венгрии было разрешено сформировать Польские легионы, которые возглавил Ю. Пилсудский. Эти воинские части, насчитывавшие 15–20 тыс. человек, сражалась в составе сил австро-германского блока против России и Антанты. Однако даже когда польские легионеры вступили на территорию российской Польши, местное население смотрело на них как на австрийских наемников, а не на освободительную армию⁵.

Польские земли стали первой национальной территорией Российской империи, оказавшейся полностью под немецкой и австро-венгерской оккупацией в ходе масштабного отступления Русской армии весной-летом 1915 г. Враждующие стороны еще в ходе войны декларировали различные варианты решения вопроса о будущем политическом устройстве Польши для того, чтобы заручиться поддержкой местного населения. В итоге 5 ноября 1916 г. в Варшаве был издан акт, в котором говорилось о согла-

шении монархов Германской и Австро-Венгерской империи создать из польских территорий Российской империи независимое государство⁶. Основной причиной этого решения были сложные внешнеполитические обстоятельства, подтолкнувшие военное командование Центральных держав к идее организации польской армии⁷. Был даже создано переходное правительство Польши, Регентский совет Королевства Польского. Однако реальной власти он не получил. Ю. Пилсудский принял решение выйти из его состава и начал агитацию против включения Польского легиона в формируемую Германией польскую армию, за что был арестован и отправлен в Магдебург, где находился до самой ноябрьской революции в Германии⁸.

В 1915 г. Германия, помимо Привисленского края, оккупировала также Курляндскую, Сувалкскую, Ковенскую, Гродненскую и Виленскую губернии. Для этой территории со сложной этноконфессиональной картиной было создано особое управление «*Ober Ost*», где вся власть находилась в руках военных. С одной стороны, армейским командованием была запрещена любая политическая деятельность. С другой, в ограниченном масштабе здесь была разрешена национально-культурная деятельность белорусов, литовцев и евреев в качестве противовеса полякам. В частности, допускалось печатание газет и преподавание на местных языках⁹.

В этой ситуации по инициативе белорусских социалистов А. И. и И. И. Луцкевичей в середине декабря 1915 г. в Вильне была создана Временная Рада, провозгласившая целью формирование Конфедерации Великого княжества Литовского на основе равных прав всех народов. Со временем они планировали создать большое государство от Черного моря до Балтики на социали-

¹ Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 309; Новикова И. Н. «Финская карта»... С. 90; Клине М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 560.

² Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 274.

³ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. С. 23; Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 25.

⁴ Матвеев Г. Ф. Начало // Черные пятна – белые пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 20.

⁵ Крисань М. А., Булахтин М. А., Матвеев Г. Ф. Польша в XX веке: очерки политической истории. М., 2012. С. 71; Davies N. God's Playground: A History of Poland. Vol. 2. New York, 1982. P. 382.

⁶ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. С. 64–65; Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920. М., 1994. С. 14.

⁷ Нагорная О. С. Другой военный опыт. С. 163.

⁸ Крисань М. А., Булахтин М. А., Матвеев Г. Ф. Польша в XX веке. С. 86–87.

⁹ Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2004. P. 114, 121; Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Вепарусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918. Вільня-Беласток, 2010. С. 242–243; История имперских отношений. Белорусы и русские 1772–1991. Минск, 2010. С. 186; Шибек З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск, 2001. С. 171, 175.

стических началах¹. Однако эта инициатива фактически не встретила поддержки со стороны литовского национального движения. В новых условиях его представители, оставшиеся на оккупированных территориях, все больше склонялись к созданию отдельного национального государства².

Мировой конфликт оказал существенное влияние и на развитие национальных движений в остальной Российской империи, где «после Великого отступления 1915 г. царские власти решились на создание национальных воинских формирований из т.н. «инородцев» (которые прежде имело право не служить в армии). Кроме традиционных «туземных» конных подразделений из представителей мусульманских народов, появились латышские стрелковые полки, армянские дружины и польская стрелковая бригада³. К этому вопросу подходили с большой осторожностью, опасаясь давать оружие потенциальным сепаратистам. Лояльность новых воинских частей должна была основываться на их стремлении освободить свои земли от оккупации Центральными державами. В этом смысле опыт участия в национальных воинских формированиях являлся очень важным для формирования национального мировоззрения среди населения данных этносов.

Массовое беженство с оккупированных российских территорий также послужило катализирующим фактором национального вопроса. Десятки тысяч жителей империи после отступления Русской армии 1915 г. вынуждены были покинуть свои родные места. Царские власти не могли справиться с обеспечением всего этого человеческого потока, и было решено прибегнуть к организации

общественных комитетов беженцев, сформированных по национальному принципу. В организации таких комитетов принимали участие будущие лидеры национальных движений на западных окраинах. Опыт взаимодействия национальных общин в местах их расселения приводил к созданию более целостных этнических сообществ⁴.

После свержения монархии национальные движения смогли организоваться и легально развивать свою деятельность. Многим их представителям удалось добиться изменения статуса той или иной территории в структуре государства. Важную роль в данном процессе играло активное строительство национальных воинских частей. Весьма заметной была украинизация частей Русской армии, начавшаяся по инициативе снизу и получившая поддержку со стороны деятелей украинского национального движения из Центральной Рады в Киеве и российского командования⁵.

Также, Временным правительством было принято решение о разворачивании Польской стрелковой дивизии, к которой в царское время была некоторая недоверчивость, в 1-й Польский корпус во главе с генералом И. Р. Довбор-Мусницким⁶. Для многих национальных лидеров создание собственных вооруженных формирований означало гарантию будущей широкой автономии. Некоторые из этих национальных формирований впоследствии оказались в водовороте Гражданской войны, а другие просто растворились.

Вскоре после прихода к власти Совет народных комиссаров (далее – СНК), пришедший на смену Временному правительству в конце октября 1917 г., опубликовал «Декларацию прав народов России», провозглашавшую равноправие и суверенность народов страны, отмену национальных привилегий и ограничений, а также «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятель-

¹ Vakar N. P. *Belorussia: The Making of a Nation. A Case study.* Cambridge, 1956. P. 94; Snyder T. D. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999.* New Haven-London, 2004. P. 61.

² Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. 46–48; Гімжаскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоскай дзяржавы. Беласток-Вільня, 2012. С. 54–57; Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 г. Гродна, 2001. С. 304, 336.

³ Из последних работ, специально посвященных истории национальных воинских формирований в Русской армии в период Первой мировой войны особого внимания заслуживает Подпратов Н. В. и др. Национальный вопрос и этнические воинские формирования. Пермь, 2017.

⁴ Gatrell P. *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I.* Bloomington, 1999. P. 141–170, 195–197; Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 410.

⁵ См. Hagen M. von. *The Russian Imperial Army and the Ukrainian National Movement in 1917, in the Period of the Ukrainian Central Rada // Ukrainian Quarterly.* 1998. Vol. 54. №3–4. P. 220–256.

⁶ Польша в XX веке. С. 85; Яжборовская И. С., Парсданова В. С. Россия и Польша. С. 85–91.

ного государства». Этот документ, а также начало мирных переговоров в Брест-Литовске сыграли большую роль в утверждении советской власти на местах¹. Кроме того, был создан Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил И. В. Сталин. Большевики, которые с самого начала революции выступали в поддержку национальных движений в России, активно привлекали представителей различных народов к сотрудничеству².

Успешно завершилась борьба за установление Советской власти в неоккупированной части Прибалтики. В незанятых Германией латышских губерниях 8–9 ноября 1917 г. Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии провозгласил советскую власть, а Съезд Советов в Валке 16–17 декабря объявил о ее самоопределении и солидарности с Советской Россией³. Несколько ранее, 2 декабря 1917 г. в Валке по инициативе национальных общественных и политических организаций был создан Латышский временный национальный совет, выступавший за «свободную и единую Латвию», то есть объединения исторических земель Курземе, Видземе и Латгале⁴. Относительно быстро власть перешла к Советам в Эстонии. Уже к вечеру 23 октября 1917 г. Военно-революционный комитет Эстляндии взял под свой контроль все ключевые объекты в Ревеле. В течение 24–26 октября советская власть была установлена в Юрьеве, Нарве и других городах⁵. Временный земский совет, краевое управление эстонских губерний, не признал новой власти и был распущен, а его сторонники, создавшие Комитет спасения Эстонии, вынуждены были уйти в подполье⁶.

Похожая ситуация сложилась и в белорусских губерниях. Минский Совет объявил о переходе власти в городе и окрестностях в руки Советов, а в ноябре 1917 г. образован Исполнительный комитет Западной области и фронта. В декабре по инициативе Великой Белорусской рады, также претендовавшей на роль краевого управления, был созван I Всебелорусский съезд. Он объявил о праве белорусов на самоопределение, а также признал СНК. Однако отказался признать власть в регионе Исполкома Западной области и фронта. В связи с этим местные большевики приняли решение разогнать съезд⁷.

Переход власти к большевикам вызвал негативную реакцию в Великом княжестве Финляндском. В Сейме был поднят вопрос о том, что поскольку Временное правительство, ставшее преемником прав великого князя Финляндского, прекратило свое существование, то необходимо решить вопрос о высшей власти. Либеральные политики Финляндии поддержали идею независимости. Председатель Сената П. Э. Свинхувуд начал переговоры с СНК⁸. 26 декабря 1917 г. Центральный комитет большевиков принял принципиальное решение признать суверенитет Финляндии в ответ на просьбу руководства СДПФ. Это решение, по мнению, самих представителей СДПФ вырвало бы из рук «финляндских националистов их главное оружие»⁹. 31 декабря официальные представители Финляндии во главе с П. Э. Свинхувудом получили документ СНК о признании суверенитета своей страны¹⁰. Одновременно большевики призывали СДПФ к восстанию для свержения руководимого либеральными партиями Сената. Однако ее лидеры колебались, пытаясь добиться осу-

¹ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 39–41.

² Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2003. С. 373–374, 381, 389.

³ Октябрьская революция в Латвии. М., 1957. С. 392–303; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 75.

⁴ Кирчанов М. В. *Zemnieki, latvieši, pilsoņi*. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009. С. 183–184.

⁵ Великая Октябрьская совещательная революция в Эстонии. Сб. документов. Таллинн, 1958. С. 265.

⁶ Паюр А. Рождение манифеста о независимости Эстонии // Тупа. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту-Таллинн, 2006. С. 108.

⁷ Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921. С. 106; Михалюк Д. Революция 1917 года и белорусское национальное движение // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 110; Vakar N. P. *Belorussia. The Making of a Nation*. P. 99.

⁸ Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 288; Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. 1993. С. 32; Клинге М. Имперская Финляндия. С. 581–584; Новикова И. Н. «Финская карта»... С. 192.

⁹ Зубко М. В. 1 марта 1918 года. Договор, который хотели забыть // Вопросы истории. 2004. №8. С. 31.

¹⁰ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 151.

ществления своей программы парламентским путем¹.

В ноябре 1917 г. появилось и местное самоуправление в Бессарабии – Сфатул Цэрий, который выполнял высшие законодательные и исполнительные функции также до Учредительного собрания. 2 декабря 1917 г. он принял декларацию об автономии Молдавской демократической республики². Однако в то же время на ситуацию в регионе оказывала влияние борьба за власть в Совете солдатских, рабочих и матросских депутатов Румынского фронта, Одесского округа и Черноморского флота (Ручемрод) между умеренными социалистами и леворадикальными силами во главе с большевиками³. 10 декабря 1917 г. в Одессе состоялся I съезд Ручеморда, который поддержал политику СНК, а сформированный на его заседаниях новый исполнительный комитет провозгласил себя высшей советской властью на Румынском фронте⁴. В этих условиях Сфатул Цэрий принял решение обратиться за помощью к румынским властям⁵.

После прихода к власти большевиков III Всеукраинский войсковой съезд, «исходя из полного, ничем не ограниченного самоопределения наций», потребовал от Украинской Центральной Рады провозглашения Украинской народной республики в рамках федерации⁶. 7 ноября Рада приняла Третий Универсал, где нашли отражение эти требования⁷. СНК и Рада вполне могли наладить сотрудничество. Однако между ними начала нарастать конфронтация из-за поддержки последней казачьего Донского правительства, которое было враждебно советской власти. Советские войска, посылаемые на Дон, а также Красная гвардия разоружались

на всей контролируемой украинцами территории⁸. 4 декабря 1917 г. СНК обратился с ультимативным требованием к Центральной Раде прекратить подобные действия⁹.

4 января 1918 г. конфликт между Киевом и Петроградом стал открытым, советская сторона объявила о начале военных действий против Рады. В ответ 9 января 1918 г. украинские власти объявили о полной независимости Украинской народной республики от России в Четвертом Универсале, что позволило начать собственные переговоры в Брест-Литовске с целью заручиться поддержкой Центральных держав. Наступление советских войск под началом М. А. Муравьева проходило довольно успешно, и уже 25 января 1918 г. он смог овладеть Киевом. Остатки войск Центральной Рады выдвинулись в Житомир¹⁰.

В условиях противостояния Советов, украинских, румынских и русских войск, не подчинявшихся СНК, 24 января 1918 г. была провозглашена независимость Молдавской демократической республики, а Сфатул Цэрий стал ее верховным органом¹¹. В феврале 1918 г. против румынских войск в Бессарабии уже действовали войска М. А. Муравьева, которые достигли и здесь серьезных успехов¹².

Однако из-за провала переговоров в Брест-Литовске с советской делегацией, Центральные державы 18 февраля 1918 г.¹³ начали наступление на Восточном фронте. В короткие сроки территория Украинской народной республики, которая была де-юре признана Центральным блоком в Бресте, была занята австро-германскими войсками.

⁸ Михутина И. В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. С. 68.

⁹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Харьков, 1928. С. 404-405; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти на Украине. Ч. 2. Киев, 1957. С. 379-441.

¹⁰ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. М., 1933. С. 135-155; Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980. С. 86; Mace J. Communism and Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918-1933. Cambridge, 1983. P. 22; Булдаков В. П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 579.

¹¹ Подробно военных действиях в декабре 1917 – январе 1918 гг. см. Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010. С. 29-42.

¹² Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос... С. 47.

¹³ С 1(14) февраля 1918 г. даты даются по новому стилю.

¹ Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии. С. 320.

² Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012. С. 363-364.

³ См. Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2. Princeton, 1985. P. 350-378; Френкин М. С. Революционное движение на Румынском фронте (1917 г. – март 1918 г.). Солдаты 8-й армии румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. С. 196.

⁴ Дыков И. Г. Хроника событий в Бессарабии (март 1917 – январь 1918). Кишинев. С. 95-98.

⁵ Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010. С. 31.

⁶ Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2012. С. 56.

⁷ Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. С. 61.

Власть Центральной Рады была восстановлена в Киеве. Однако вскоре при поддержке германских войск она была заменена правительством гетмана П. П. Скоропадского. В то же время советские войска были выбиты из Бессарабии и Одессы. В сложившихся условиях 27 марта 1918 г. большинством голосов Сфатул Цэрий была принята Декларация об объединении Бессарабии с Румынией¹.

В январе 1918 г. гражданская война разразилась в независимой Финляндии. Она также началось с разоружения российских войск в регионе, которые оказывали поддержку формируемым частям финской Красной гвардии. 15 января 1918 г. социал-демократы подняли восстание в Гельсингфорсе. Для белых финнов, как стали называть воинские части Сената, их победа означала, что Финляндия превратиться в автономную область Советской России². Нельзя отрицать возможность подобного развития событий, но в любом случае Красная Финляндия стала бы важным союзником большевиков. Сами же красные финны считали эту войну революционной и не связывали ее с внешним влиянием³.

Силы противников были почти равны как по численности, так и по подготовке⁴. С одной стороны, это была Красная гвардия из финских рабочих, с другой – шюцкор, отряды самообороны. И те, и другие имели слабую военную подготовку и плохое вооружение. В связи с этим обеим сторонам требовалась помощь со стороны. Советская Россия при поддержке расквартированных здесь воинских частей снабжала красные отряды вооружением, а также небольшим количеством добровольцев⁵. Правительство же П. Э. Свинхувуда обратилась за помощью к Германии⁶. Первоначально эта помощь выразилась в переброске из Восточной Прус-

сии около 1000 егерей, возглавивших белые отряды. Однако впоследствии германское командование приняло решение прибегнуть к прямому военному вторжению⁷. Участие регулярных германских войск в гражданской войне в Финляндии решило ее исход. К тому же после заключения Брест-Литовского мира советская сторона была вынуждена вывести все войска, дислоцированные в регионе⁸. В течение апреля 1918 г. красные финны были вытеснены из Хельсинки, Таммерфорса и Выборга.

24 февраля 1918 г., когда советские войска вместе с администрацией покидали Ревель, Комитет спасения Эстонии выступил с манифестом, провозглашавшим ее независимость⁹. Однако, когда территория Эстонии в ходе германского наступления перешла под контроль Германии, новые власти отказались признавать правительство К. Пяста, а национальная армия была распущена¹⁰. Лидеры национального движения были арестованы¹¹.

Когда германские войска вторглись на территорию Советской России Белорусская рада обратилась к кайзеру Вильгельму II с телеграммой, в которой благодарил его за «освобождение Белоруссии германскими войсками от тяжелого чужого гнета, насилия и анархии»¹². 19 февраля 1918 г. во время эвакуации советских властей из Минска началось восстание, поддержку которому оказал польский легион И. Р. Довбор-Мусницкого. Через несколько дней, когда в город вошли германские войска Исполнительный комитет Всебелорусского съезда выпустил Первую уставную грамоту, в которой объявлял себя временной властью в Белоруссии¹³.

⁷ Балашов Е. А. Шюцкор. Феномен финского патриотизма. СПб., 2012. С. 27; Юссила О. и др. Политическая история Финляндии. С. 118.

⁸ Подробнее см. Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. М., 1923; Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. СПб., 2015.

⁹ Подробная история с изданием манифеста см.: Паюр А. Рождение манифеста о независимости Эстонии. С. 109-116.

¹⁰ Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. P. 205; Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917–1920. М., 1988. С. 43-44.

¹¹ Page S. W. The Formation of the Baltic States. Cambridge, 1959. P. 106.

¹² Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г. Сб. документов. Минск, 1947. С. 127.

¹³ Латышоняк А. Жаўнеры БНР. Смаленск, 2014. С. 58-60; Мазец В. Г. Геополитические аспекты становления белорусского государства в условиях военных конфликтов

¹ Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи. С. 367.

² Маннергейм К.-Г. Мемуары. М., 1999. С. 135.

³ Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости. С. 34.

⁴ Upton A. The Finnish Revolution, 1917–1918. Minneapolis, 1980. P. 297; Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб., 2012. С. 12.

⁵ Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии. М., 1967. С. 124-125.

⁶ Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии. С. 211; Юссила О. и др. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 116; Новикова И. Н. «Финская карта»... С. 225.

9 марта 1918 г. после заключения Брест-Литовского мирного договора, когда стало ясно, что территория Белоруссии будет разделена между Германией и советской Россией, Исполком I Всебелорусского съезда принял Вторую уставную грамоту, в которой объявил о создании Белорусской народной республики в районе расселения этнических белорусов. В конце апреля 1918 г. обращались к германским властям с просьбой оказать содействие в обороне целостности и независимости государства от большевиков в союзе с Германской империей¹. Однако никакой реакции со стороны оккупационных властей не последовало². Различные политические группы Белоруссии еще несколько раз безуспешно просили о признании БНР³.

Еще в период Брест-Литовских переговоров провозглашенное Советской Россией права наций на самоопределение было взято на вооружение германской дипломатией⁴. Представителям прибалтийских немцев было передано требование, чтобы они от имени местного дворянства заявили об отделении Курляндии, Лифляндии и Эстляндии от России, с тем, чтобы эти заявления можно было использовать в предстоящих переговорах⁵. Еще до революции в Прибалтике германские власти опирались на балтийских баронов, игнорируя притязания эстонских и латышских политиков. В новых условиях им было разрешено сформировать орган самоуправления Ландтаг⁶.

1914–1920 // Россия, Белоруссия, Украина: история, современность, будущее. Минск, 2014. С. 238.

¹ Сташкевич Н. С. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925. Минск, 1985. С. 168.

² Pipes R. The Formation of Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1964. P. 151; Ціхаміраў А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Минск, 2003. С. 33; Смирнова Т. М. Пути решения литовско-белорусской проблемы после образования независимого польского государства (конец 1918 – начало 1919) // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 138.

³ Латышонак А. Жаўнеры БНР. С. 61; Сташкевич Н. С. Приговор революции. С. 173.

⁴ Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920. СПб., 1995. С. 141.

⁵ Иностранная интервенция в Прибалтике. 1917–1920. М., 1988. С. 13, 89.

⁶ Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 г. и иностранная интервенция. Сб. документов и материалов. Т. 1. Рига, 1959. С. 40; Малышев М. О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-запада в 1918 году. Л., 1974. С. 51; Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. P. 200.

В марте 1918 г. балтийские бароны пригласили кайзера Вильгельма II занять трон⁷. В итоге на части этой территории было образовано Балтийское герцогство.

В качестве противовеса будущей независимой Польши Германия попыталась опереться на литовское национальное движение. В октябре 1917 г. создан Литовский совет (Тариба), которая объявила о независимости Литвы и пообещала тесные связи с Германией. Долгое время Тариба лавировала между интересами германского правительства, Рейхстага и военного командования с целью получить реальную самостоятельность в действиях⁸. 23 марта 1918 г. кайзер Германии признал независимость Литвы на основе декабрьской декларации 1917 г., говорившей о «вечных отношениях» с Германией⁹. Однако Тариба не пользовалась ни властью, ни авторитетом у германских властей, а Литва должна была стать королевством¹⁰.

В ноябре 1918 г. Германия подписывает Компьенское перемирие, означавшее ее капитуляцию в Первой мировой войне. Снова складывается вакуум власти на западных окраинах. В связи с этим на территориях бывшей Российской империи появляется ряд независимых государств, которым пришлось отстаивать свою независимость с оружием в руках в условиях наступления Красной армии, присутствия белых армий, активного вмешательства в происходящее германских войск, которые были временно оставлены в Прибалтике, интервенции стран Антанты, а также попытки Польской республики во главе с Ю. Пилсудским осуществить проект создания большого государства, включавшего на федеративных началах литовские, белорусские, а также украинские земли¹¹.

⁷ Page S. W. The Formation of the Baltic States. P. 98; Rauch G. von. The Baltic States: The Years of Independence Estonia, Latvia, Lithuania. 1917–1940. Berkley, 1974. P. 47–48.

⁸ Senn A. E. The Emergence of Modern Lithuania. New York, 1959. P. 27.

⁹ Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. P. 209; Петраускас З. Принцип самоопределения народов в контексте восстановления государственности Литвы // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 186–199.

¹⁰ Петраускас З. Принцип самоопределения народов в контексте восстановления государственности Литвы. С. 187.

¹¹ Подробно об этом Snyder T. The Reconstruction of Nations. P. 57–65.

В столкновении различных проектов государственного устройства полной независимости удалось добиться Латвии и Эстонии, а также Литве, потерявшей Вильну, которую литовцы считали своей столицей. Успешные военные компании Польши к 1920 г. позволили ей занять территорию Западной Белоруссии и Украины.

Именно в контексте Первой мировой войны были созданы условия для реализации проектов национальных государств на западных окраинах разваливающейся Российской империи. В начале XX в. казалось, что империи, существовавшие не одно столетие, будут существовать и впредь. Глобальный конфликт изменил расстановку сил. Имперским властям потребовалась поддержка своего очень неоднородного населения. Без серьезных изменений внутри страны, связанных с изменением положения различных народов в социальной структуре, надеяться на значительную мобилизацию этих сил не

приходилось. В то время как центральная власть ослабевала и в конце концов рухнула в феврале 1917 года, национальные движения, напротив, усиливались, получали возможность шире проводить свою деятельность. Уже Революция 1917 года сулила изменение расстановки сил в пользу национальных окраин. Однако поражение в войне сначала Российской империи, а затем и Центральных держав создали уникальную ситуацию, когда стала возможна реализация «программы максимум» национальных движений – создание собственного государства. Далеко не всем из них это удалось сделать. Гражданская война на территории бывшей Российской империи перемешивалась с межэтническими конфликтами и борьбой за независимость. Такие многосторонние конфликты являлись прямым следствием Первой мировой войны, существенно изменившей карту Европы.

G. Kecskés

PARADIGM SHIFT IN THE FRENCH FOREIGN POLICY TOWARDS EAST-CENTRAL EUROPE IN 1917–1918

50

In 1914, when World War I broke out, the peoples of Central and Eastern Europe were living in the territories of three empires, Germany, the Austro-Hungarian Empire, and Russia. By 1918–1919, however, the region became a zone of newly formed or substantially transformed small countries, with radical changes to the administrative frameworks of their lives. Contemporaries were already fully aware of the active role France played in bringing about these changes. Depending on personal involvements, later evaluations have to this day ranged from glorifying praise to embittered resentment, often stereotypical and exaggerated. Utilizing the findings of an already abundant literature on the topic, the paper attempts to present and especially interpret the process of transformation which took place in the approach of French foreign policy related to the region principally in 1917–1918.

We can affirm that the French foreign policy paradigm in relation to East-Central Europe went through a radical transformation during World War I. While earlier the French foreign policy administration did not support the independence efforts of the nationalities of the region usually living within an empire (in consideration of the interests of the allied Russia and, in the case of the Austro–Hungarian Empire, for the sake of maintaining the European power balance), the French government became more and more interested especially in the Polish and the Czech from 1916. This change was mainly due to the new challenges posed by the war theatres, and not to the pressure from the extremely active French Slavists and Czech emigrant politicians, or the pressure of the French public opinion for that matter. The utilization of the nationality question as a weapon by the Central Powers as well as the growing problem of the lack of supply of soldiers for the French army put the issue of the military deployment of the Czech prisoners of war and

the Polish on the agenda. Their military involvement strengthened the political position of the Polish and Czech emigration in France more and more. These emigrant organizations were considered to be the most recognized organs of the peoples represented by them internationally as well. Nevertheless, the factor that influenced the East-Central European policy of France the most was the dropout of its Russian ally from the war due to the Bolshevik revolution from November 1917. That is why Paris was forced to look for another counterpoise in the back of Germany instead of Russia. For the majority of the French population, the demographic advantage, the economic and military power of Germany and its presumed goals of European hegemony were considered to be an even more serious challenge at the breakout of the world war than the consequences of the 1870 French defeat¹. After the shrinking and collapse of the empires in East-Central Europe, the solution seemed to be the creation and reinforcement of a zone of France-friendly nation-states, of which the programme of the termination of the Habsburg Monarchy was a logical consequence. Thus we can declare that the foreign policy of France with respect to the region was determined during World War I by security policy considerations – as always throughout the centuries ever since early modern history.

In 1917–1918, Paris was more pro-active in this region than its Anglo-Saxon allies, who usually followed France with more or less delay, for example, when it came to the recognition of the emigrant organizations and cooperation with them. Undoubtedly, the bigger activism of the French foreign policy could be put down also to the fact that it was France that suffered the biggest losses in terms of human lives. Moreover, after the dropout of the Russian ally, it was up to France to affront the increased German danger

¹ Allain J-C, Guillen P., Soutou, G-H., Theis L., Vaisse M. Histoire de la diplomatie française. Tome II. De 1815 à nos jours. Paris, 2005. P. 287.

directly. After the failure of the secret separate peace talks with the Habsburg Monarchy, the influence of France grew within the Entente, and it had a major impact on the policy of its partners in the matter of Austria–Hungary, too¹.

After this general overview, let us attempt to offer a more sophisticated explanation for the underlying reasons. The prolonged transformation of the French foreign policy in relation to East-Central Europe – it started in January 1916 and lasted for nearly three years – can be put down to the deep divide over the issue within the ruling French elite. There were two conceptions that competed with each other: the relatively new principle of the nations' right to self-determination and the contemporary version of the traditional power politics, that is the need to preserve the European concert based on the equilibrium of the five big powers (United Kingdom, France, Austro–Hungarian Empire, Germany and Russia). The advocates of the first conception are referred to as «Progressives» while the latter are called «Conservatives».

As for the first group, the «Progressives»: the question of the nations' right to self-determination had been present in the French intellectual life since the 1830s as a result of the wave of empathy for the Poles (preceded by the empathy triggered by the cause of the Greek) and it remained on the agenda till 1918, the transformation of East-Central Europe². There was an increasing interest for this region in the public opinion, university circles and certain political groups (radicals, radical Socialists, a part of the Socialists and certain groups of the classical right-wing). More information became available, and there was a greater willingness to find an answer to the self-determination demands of the peoples of the region³. Since the end of the 19th century, having seen the crises and wars on the Balkans, the Russian pogroms and the recurrent massacres in the Ottoman Empire, numerous experts and politicians came to the conclusion that multi-ethnic dynastic empires had become outdated, and East-Central Europe should be reorganized according to

a nation-state model⁴. The most enthusiastic flagbearers of the peoples' right to self-determination in France were associated with the radical party. Their ideas seemed progressive and even revolutionary in those times⁵. The President of the Central Office of Nationalities (*Office central des Nationalités*) set up in 1911 was Paul Painlevé, independent Socialist representative, then Minister of Defence and Prime Minister, who most probably outlined a foreign policy alternative versus the dominant policy of alliance with Russia⁶. When he held a speech in 1912 in Médan on the anniversary of Émile Zola's death, he criticized the government's Russian-friendly power policy and shared his conviction that the Austro–Hungarian Empire should be brought down in order to reorganize Europe, and the oppressed nations of the Russian Empire should be liberated. He suggested that France should take the lead in the movement of the oppressed peoples of East-Central Europe, thus ensuring its influence over them⁷.

The other group, the «Conservatives», was mostly composed of government politicians. Their circles were characterized by indifference for East-Central Europe, ignorance and great caution in the name of realism because they did not see any foreign policy opportunities in this initiative that could have been used to take revenge on Germany⁸. All French Prime Ministers and Foreign Ministers during World War I belonged to this group. They focused on the geostrategic interests of France for the most part, and after the war, they strived to restore the «European concert» that looked back on a

⁴ Soutou G-H. *Diplomatie de guerre (Chapitre XIX) // La Première Guerre mondiale. Volume II, États.* Paris, 2014. P. 539, 560-561.

⁵ *Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale (Pologne, Ukraine, Lithuanie) / Ed. Soutou G-H.* Paris, 1995. P.6; Soutou, G-H. *La France et le problème des nationalités pendant la guerre de 1914-1918: le cas de la Serbie // Balcanica (XLV).* 2014. P. 371.

⁶ Soutou G-H. *Jean Pélissier et l'Office Central des Nationalités, 1911–1918: un agent du gouvernement français auprès des Nationalités // Recherches sur la France et le problème des Nationalités pendant la Première Guerre mondiale (Pologne, Ukraine, Lithuanie).* Paris, 1995. P. 15-16.

⁷ Soutou G-H. *Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale pendant et après la Première Guerre mondiale: actualité du passé? // Politique étrangère №58:3.* 1993. P. 701; Allain J-C. et al. *Histoire de la diplomatie française.* P. 288.

⁸ Marès A. *Construction, déconstruction et marginalisation de l'Europe centrale dans le discours français.* P. 203.

¹ Ádám M. A. *Kisantant, 1920–1938.* Budapest, 1981. P. 19.

² Marès A. *Construction, déconstruction et marginalisation de l'Europe centrale dans le discours français // L'Europe médiane au XXe siècle. Fractures, décompositions – recomposition – surcompositions.* Prague, 2011. P. 202.

³ Marès A. *Construction, déconstruction et marginalisation de l'Europe centrale dans le discours français.* P. 203.

hundred years of history¹. The problematics of the nationalities was of secondary importance to them in comparison with the former². In their view, it was necessary that the allied great powers oversee the national movements and keep them under control according to their own interests. Nevertheless, this also allowed for the cautious and gradual considering of national progression, as it could be observed during the Balkans wars of 1912 and 1913. For them, the fundamental principle was not the peoples' right to self-determination, but that the nations would be recognized by the allied great powers³. The caution of the French leaders during the war was only increased by the widely spread suspicion that the leaders of East-Central Europe working for the creation of independent states were, in fact, allied with Germany. This assumption pertained especially to the Ukrainians and the Balts. But it was raised several times in relation to the Serbs as well that they might sign a separate peace treaty with the Austro-Hungarian Empire. Negative assessment may have been reinforced by prejudice about the underdeveloped culture of the region in question⁴.

The several-decade debate of the two camps was illustrated by two seminal historical works of the French intellectual discourse. The views of the «Progressives» were represented by the book series edited by Ernest Lavisse (*Histoire de la France contemporaine depuis la Révolution jusqu'à la paix de 1919*), the closing volume of which (written by Lavisse and published in 1922) emphasized the Messianic role of France, which defended the nationalities after turning out victorious in the world war. On the other hand, the eight-volume work of Albert Sorel published between 1885 and 1904 (*L'Europe et la révolution française*) reflected the stance of the «Conservatives», criticizing the nationality policy of Napoleon III, which contributed to the creation of the unified Italy and Germany. The intellectual debate, which had been

pursued for a century, was now rekindled by the Great War⁵.

In his book entitled *Requiem pour un empire défunt*, Ferenc Fejtő puts the ideas and activities of the leaders of the group that we have referred to as «Progressive» into the light of modern French history and observes that for them, the aim of the fight to be fought till the «total victory» and the ultimate annihilation of the enemy was ideological in nature. It was a continuation of the conflict that had opposed the Conservative and the Republican France with each other ever since 1793. In his view, the heirs of the «anti-monarchist and anti-clerical Jacobin French republic» wanted to wage this ideological war on the international level and turn Europe into a republic. They saw an arch enemy in the Austro-Hungarian Empire regarded as the citadel of clericalism and monarchism. According to Fejtő, this is what explains their receptiveness to the arguments of the emigrants having arrived from the Monarchy⁶. He considers freemasonry as the flagship and the headquarters of this combat⁷. The Masonic Congress of the Allied and Neutral Countries was held in Paris on 28–30 June 1917, which took a stand in its resolution in favour of the freedom of the oppressed nations of the Monarchy, emphatically demanding independence for the Czech⁸. The thick monograph of Antoine Marès about the Czech politician Edvard Beneš also mentions the French Masonry as a key player in the transformation of East-Central Europe, which energized the Slav nations of the Habsburg Empire. As opposed to Fejtő, however, he does not regard freemasonry as a decisive actor, only as one of the important factors⁹. Georges-Henri Soutou also highlights the recurring Masonic connections of the European radical nationalist movements and the French radical Socialists¹⁰.

⁵ Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale (Pologne, Ukraine, Lithuanie). P. 7, 17, 372.

⁶ Fejtő F. Requiem pour un empire défunt. Histoire de la destruction de l'Autriche-Hongrie. Paris, 1988. P. 307-310; see also: Winock M. and Azéma J-P. La troisième république. Paris, 1976.

⁷ Fejtő F. Requiem pour un empire défunt. P. 337.

⁸ Majoros I. Franciaország a nemzetközi kapcsolatok rendszerében (1871–1940). MTA doktori disszertáció. Budapest (manuscript), 2003. P. 195.

⁹ Marès A. Edvard Beneš, de la gloire à l'abîme. Un drame entre Hitler et Staline. Paris, 2015. P. 97-98.

¹⁰ Soutou G.-H. Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale. P. 701.

¹ Allain J.-C. et al. Histoire de la diplomatie française. P. 288.

² Hermet G. Histoire des nations et du nationalisme en Europe. Paris-Seuil, 1996. P. 158-164.

³ Soutou G.-H. Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale. P. 699; Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale (Pologne, Ukraine, Lithuanie). P. 7; Soutou G.-H. La France et le problème des nationalités pendant la guerre. P. 371.

⁴ Ibid. P. 370-371.

While we can observe the interaction of the «Progressive» and the «Conservative» currents in the decision-making of the French government in relation to East-Central Europe during World War I, we could rise the question – which were the principal factors affecting the position of Paris? From the domestic political forces, it was especially the Radical Party that tried to influence the actions of the government. When in July 1918 the French government stated its intention clearly to support the Yugoslav, Polish and Czechoslovakian efforts, the decision was forced by the House of Representatives, and within that, the Radicals, while Clemenceau was opposed to it¹. Without their insistence, the Prime Minister would have been inclined to stick to his extremely cautious position regarding the nationalities of East-Central Europe, ensure the reinvigoration of the Russian ally and not leave any power vacuum in the back of Germany². The person who played a key role in putting pressure on the Prime Minister was Henry Franklin-Bouillon, a Radical Socialist representative, the President of the Foreign Policy Committee of the House of Representatives, who set up the Bureau of Nationalities (Bureau des nationalités) in 1918³. As a member of the semi-official French delegation, along with Minister of Armament Albert Thomas, he took part – as it has been mentioned before – in the Congress of the so-called oppressed nations of the Monarchy in April 1918 in Rome, the success of which also contributed to the finalization of the resolution of the French government⁴.

From the foreign policy factors, the influence of the British was only collateral. London and Paris fundamentally agreed that after the war, Germany would have to be substantially weakened and its European hegemony terminated. However, the British saw it much less feasible to push back Berlin's influence over East-Central Europe. Therefore their primary focus was the securitization of Western Europe (France, Belgium, the Netherlands) and of the

Middle East⁵. On the other hand, the French foreign policy was much more heavily influenced by Wilson's new diplomacy. In light of the Soviet-Russian separate peace in March 1918 and the Romanian separate peace in May as well as the strengthening of the Alliance of the Central Powers, he became a genuine flagbearer of the peoples' right to self-determination⁶. Coerced by Wilson, the French government had no choice but to accept the nationality principle, if reluctantly, but also in order to legitimize its own policy to some extent⁷. This influence was especially strong in relation to the creation of the Baltic states and Czechoslovakia⁸.

From the East-Central European emigrant movements, the Czech movement proved to be especially influential. Its success was facilitated by its carefully constructed multi-layer network of social relations. From autumn 1915, the Czech cause was widely promoted in the French press. During this campaign, the negative presentation of the involvement of the Austro-Hungarian Empire was accompanied by a description of the services that the Czech could offer to the cause of the Entente. Thus the Czech gradually appeared on the horizon of East-Central European expectations of France as potential new and reliable allies⁹. The discourse announced by the Czech exile politician Tomáš G. Masaryk in October 1915 at King's College, according to which the only way to stop the German expansion was the creation of an independent Czech state and the dissolution of the Monarchy, was repeated over and over. The power of their message was amplified by their peculiar way of argumentation, which simultaneously played on sentiments («the defence of the oppressed») and applied legal arguments (peoples' right to self-determination). In the emotionally charged atmosphere of the era, they exploited all instances of persecution to demonstrate that the Austrians were driven by the same hatred of the Slavs as the German, and that the Czech support the Entente courageously¹⁰. The programme of the destruction of

¹ Soutou G.-H. *Diplomatie de guerre* (Chapitre XIX). P. 571-572.

² *Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale* (Pologne, Ukraine, Lithuanie). P. 8.

³ *Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale* (Pologne, Ukraine, Lithuanie). P. 10, 32, 33.

⁴ Soutou G.-H. *La France et le problème des nationalités pendant la guerre*. P. 390.

⁵ Soutou G.-H. *L'Europe de 1815 à nos jours*. Paris, 2007. P. 166.

⁶ Soutou G.-H. *Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale*. P. 703.

⁷ Soutou G.-H. *Diplomatie de guerre* (Chapitre XIX). P. 571.

⁸ Soutou G.-H. *L'Europe de 1815 à nos jours*. P. 168.

⁹ Marès A. *Edvard Beneš, de la gloire à l'abîme*. P. 68.

¹⁰ *Ibid.* P. 73.

Austria-Hungary was completed by sketching up a credible alternative: they wished to call to life a Czechoslovakian-Romanian-Yugoslav alliance that would cooperate with Poland in order to stop the German encroachment¹. The advocacy potentials of the Czech organization were further increased by the fact that the East-Central European emigrants living in France – especially the Czech and the South Slavs – cooperated with each other closely during the war: for instance, they formed a solid unity against the separate peace efforts of the Monarchy².

According to Fejtő, the freemason lodges, which had a decisive influence over the press and the political life, served as a crucial hinterland for the propaganda activities of Masaryk and Beneš in France³. Antoine Marès also talks about freemasonry as an important base of the social networking of the Czech emigration. In his book about Beneš, he claims that the publication of the Beneš' brochure *Détruisez l'Autriche-Hongrie !* would have been financed by the masonic lodge Grand Orient⁴. According to him, these threads would also explain the tightness of the Czechoslovakian–Yugoslav relations. However, he has found no evidence that the main leaders of the Czech emigrants, hence Masaryk, Beneš and their fellow Milan R. Štefanik would have been freemasons during the war⁵.

The French government circles did not see clearly in the matter of the complicated evolution of the nationalities of the region, thus e.g. about the effects of the diversion activities of the German among the Polish and the Ukrainian, whose leaders were also deeply divided. The obscurity was aggravated by the fact that experts and “fake experts” often put forth essentially diverging views⁶.

The extremely poor French knowledge about the region, coupled with the increased strategic importance of the latter, generated a high demand for intermediaries who could

pass on seemingly reliable knowledge about East-Central Europe. Besides the French Slavists, the political emigrants originating from this region played a crucial role in that: they provided visibility for their people and «comprehension» for their demands on behalf of the allied great powers⁷. From the end of the 19th century, the intellectuals having emigrated from this region became the visible imprints of the increasingly active national movements, the “matrices of self-identity”⁸. Masaryk and Beneš acted as knowledgeable experts of the region, and by delivering a coherent programme, they were able to influence the international decisions affecting their nation⁹.

The question arises: Was it the collapse of the empires that enabled the foundation of the nation-states in East-Central Europe? Or, maybe, the dissolution of the continental empires resulted from the development of the regional national movements? Finally, did the congenial propaganda activities of the individual emigrations play a decisive role¹⁰? In my opinion, all these components were at action simultaneously, mutually reinforcing each other.

The French government used the national principle merely as a tactical weapon. In the end, Paris subordinated everything to the single objective of creating a counterpoise in East-Central Europe that could resist Germany. Therefore using the rhetoric of the liberation of «the oppressed nations», it promoted the creation of states involving a populous minority like Poland and Czechoslovakia¹¹. It is important to underline that not even the French radicals wanted to enforce the purely national aspect over the strategic considerations. Even Franklin-Bouillon, the President of the Foreign Policy Committee of the House of Representatives, who was highly supportive of the Czech and Polish emigration, emphasized in July

¹ Ibid. P. 74.

² Ibid. P. 98-99.

³ Fejtő F. Requiem pour un empire défunt. P. 341-342.

⁴ Marès A. Edvard Beneš, de la gloire à l'abîme. P. 97. The author refers to Pozzi, H. Les Coupables. Documents officiels inédits sur les responsabilités de la guerre et les dessous de la paix. Éditions européennes, 1935. P. 322.

⁵ Marès A. Edvard Beneš, de la gloire à l'abîme. P. 97-98.

⁶ Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la première guerre mondiale (Pologne, Ukraine, Lithuanie). P. 6.

⁷ Davion I. Conceptions de l'Europe centrale et orientale, des empires multinationaux à l'entre-deux-guerres/ L'Europe de Versailles à Maastricht. Moments, enjeux, acteurs. Éditions Seli Arslan, 2007. P. 52-53.

⁸ Renouvin P. La Crise européenne et la Première guerre mondiale. Paris, 1969. Cited by: Davion, I. Conceptions de l'Europe centrale et orientale. P. 55.

⁹ Marès A. Edvard Beneš, de la gloire à l'abîme. P. 117.

¹⁰ Davion I. Conceptions de l'Europe centrale et orientale. P. 57 ; Davion refers to Milza, P. Les relations internationales de 1918 à 1939. Paris: Armand Colin, 1995. Also, see: Fejtő, Requiem pour un empire défunt.

¹¹ Soutou G.-H. Diplomatie de guerre (Chapitre XIX). P. 571 ; Soutou, L'Europe de 1815 à nos jours. P. 167-168.

1918 that «a barrier should be built from viable states against Germany», even at the price of «compromising the nationality principle»¹. Furthermore, politicians were also conscious of the risk of creating weak small states, which would «Balkanize» the region. In order to avoid that, many supported the creation of politically, militarily and economically strong «big nations» even at the price of letting one nation prevail over the other within the same country. The adherents of this conception strived to create multi-component, but more or less homogeneous states with a historically «more advanced» nation that would have the mission to lead the others. That was how they perceived the situation of the Serbs in Yugoslavia or the Czechs is

Czechoslovakia. The standardizing and centralizing French Jacobin model was also proposed as a potential analogy². Philippe Berthelot, one of the influential French shapers of the Paris treaties did not even mention nationalities, but rather, he talked about the «four pillars» of French foreign policy in relation to East-Central Europe that would be France's allies in an effort to contain Germany. These allies included the resurrected Poland, Czechoslovakia patched together from historical Czech territories and regions inhabited mostly by Slovaks, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes born from the unification efforts of the Serbs and the South Slav peoples of the Monarchy and the enlarged Romania³.

¹ Soutou G.-H. Jean Pélissier et l'Office Central des Nationalités. P. 33, 37.

² Soutou G.-H. La France et le problème des nationalités pendant la guerre. P. 369-371, 395.

³ Soutou G.-H. Les grandes puissances et la question des nationalités en Europe centrale et orientale. P. 705; Allain et al. Histoire de la diplomatie française. P. 297-298.

M. Oberreiter

THE TERRITORIAL CLAUSES OF THE BREST PEACE TREATY BETWEEN THE CENTRAL POWERS AND UKRAINE, AND THEIR IMPACT ON THE NATIONALITY POLITICS IN AUSTRIA-HUNGARY

56

When it comes to the Brest Peace Treaty between the Central Powers and the Ukrainian People's Republic (*Ukrainska Narodna Respublika, hereafter UNR*) concluded on February 9th 1918, the first peace treaty of World War I, much emphasis is often put on its economic results for the Central Powers. It became known as the «*Brotfrieden*» («bread peace»), a term coined by the Viennese mayor Richard Weiskirchner¹. Details and numbers on the critical economic situation in Austria, namely the food crisis and the resulting mass strikes, on the background of which the peace negotiations in Brest-Litovsk took place and which, as will be shown in this paper, had a decisive influence on the stance of the Austro-Hungarian delegation, are presented in the monograph on Austria-Hungary and the Brest Peace Treaties by W. Bihl².

For the Ukrainian side, their main interests in the negotiations were of state-political and territorial nature. Besides the question of recognition of the UNR – it was recognized officially as an independent sovereign state by the powers of the Quadruple Alliance on February 1st, 1918 during a plenary session of the Brest peace conference³ –, another important question was the territorial status of the Ukrainian lands which at that point were not part of the state territory of the Ukrainian Republic. This question was closely linked to the idea of the unity of Ukraine (Ukrainian: *sobornist*), and some scholars have described the Brest Peace Treaty as the first step towards Ukrainian uni-

ty⁴. The question of Ukrainian unity at the Brest peace negotiations has also been the subject of studies by Datskiv⁵ and Hoshulyak⁶.

The aim of this paper is to present in detail the central role which the question of the territorial status of the Ukrainian lands not belonging to the UNR played among the peace aims of the Ukrainian delegation in Brest-Litovsk, the extent to which the Ukrainian demands were incorporated in the final peace treaty and the consequences of the territorial clauses of the Brest Peace Treaty for the multiethnic Habsburg empire. Among the sources used in this paper are the memoirs of various participants in the negotiations at Brest-Litovsk as well as archival sources from Austrian and Ukrainian archives, press articles and protocols of the sessions of the Chamber of Deputies of the Austrian parliament. Many documents on the peace negotiations in Brest-Litovsk can also be found in the second volume of the collection of documents by T. Hornykiewicz.

The Ukrainian delegates received no detailed instructions prior to their departure to Brest, neither from their government nor from the Ukrainian parliament, the Central Rada. Their only instructions they received during a conference with M. Hrushevskiy, who discussed especially the territorial demands to be made at Brest. The Ukrainian delegation was told to demand the incorporation of Eastern Galicia and Bukovina from Austria, Carpathian Ruthenia from Hungary, and the Kholm district and Podlachia from the Austro-German occu-

¹ Czernin O. Im Weltkriege. Berlin/Wien, 1919. P. 347; Höbelt L. Stehen oder fallen? Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien-Köln-Weimar, 2015. P. 217.

² Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litovsk. Wien-Köln-Graz, 1970.

³ Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922, deren Bedeutung und historische Hintergründe. Band II. Philadelphia, 1967. P. 207.

⁴ Pidhainy O. S. The Formation of the Ukrainian Republic. Toronto-New York, 1966. P. 585; Pylypiv V. I. Brestskiy myrnyi dohovor 1918 roku, yak dzherelo vyvchennya vzayemodii skhidno- ta zakhidnoukrainskykh politychnykh syl u borotbi za sobornist Ukrainy // Hileya. №48. 2011. P. 231.

⁵ Datskiv I. Problema sobornosti Ukrainy na Brestskyykh perehovorakh 1918 r. // Mandrivets. №5. 2008. P. 20-26.

⁶ Hoshulyak I. Pytannya sobornosti ukrainskykh zemel na Brest-Lytovskii myrnii konferentsii // Ukrainskyi istorychnyi zhurnal. №2. 2004. P. 15-31.

pied Russia into the Ukrainian Republic, so that no Ukrainian territory had to stay under foreign rule. As it was not very probable that Austria-Hungary would cede its Ukrainian territories to the Ukrainian Republic, the delegates were in this case to demand the establishment of an autonomous Ukrainian crown land consisting of these territories¹. To this meeting also refers Oleksandr Sevryuk, one of the Ukrainian delegates, in his memoirs².

The arrival of the Ukrainian delegation and its wish to take part in the peace negotiations as a separate party, not affiliated with the Bolshevik Russian delegation, caused different reactions among the German and the Austro-Hungarians. The representative of the German military at Brest General Max Hoffmann recounts, that while the Germans greeted the arrival of the Ukrainians favourably, because they hoped to play them off against the Soviet Russian delegation, the Austro-Hungarian Foreign Minister Count Ottokar Czernin was rather worried about the Ukrainian delegation, because he feared that they would raise demands concerning the political rights of the Ukrainians in Bukovina and Eastern Galicia³. The differences between the German and the Austro-Hungarian delegations and the Austrian reservations concerning the Ukrainian delegation are expressed also in an Austrian telegram from Brest. The Austro-Hungarian objections against the participation of the Ukrainians in the peace negotiations as a separate delegation were on the following grounds: Firstly, the Austrians were of the opinion that now, once the Quadruple Alliance had started negotiations with the Bolshevik government, it should refrain from negotiations with any other organizations of the former Russian empire, national or otherwise. Their other main argument was the possibility of repercussions on the multinational Habsburg monarchy, for example delegations of the various nationalities of the empire, like the Czechs and the Ukrainians, could express the wish to participate in the negotiations. Among the Austro-Hungarian delegates there was even the thought that the arrival of the Ukrainian dele-

gates might be orchestrated by the Germans in order not only to weaken the Soviet Russian delegation, but also to play off the Ukrainians against the Poles with respect not only to Russia but to Austria-Hungary as well⁴.

Already during the first joint meeting of the Austro-Hungarian and German delegates with the Ukrainian delegation on January 4th, 1918 Count Czernin extracted from the Ukrainians the declaration that they would not interfere in the internal affairs of other states. When one of the Ukrainian delegates, M. Polozov, added that the Ukrainian delegation followed the principle of ethnographical borders and national self-determination, Czernin replied curtly that it would suffice for the states to recognize each other's sovereignty and the principle of non-interference⁵. According to the memoirs of the Ukrainian delegate O. Sevryuk, Czernin reiterated his demand for non-interference in another state's internal affairs two days later and explicitly demanded that the Ukrainians accept the former Austro-Russian border. He was only willing to discuss the question of the Kholm district, Polesie and Podlachia. While the Ukrainian delegation at once started the negotiations on the Kholm district and Podlachia, they left Czernin's main condition without an answer⁶. For them, this would have meant to abandon all claims for Eastern Galicia, Bukovina and Carpathian Ruthenia.

The Ukrainian delegates hoped to gain the support of the German representatives for their territorial demands. Sevryuk sums up the different stances of the Austro-Hungarian and the German delegations towards the Ukrainian territorial demands as follows: «While the opening of discussions by us on the matter of the Kholm district, Polesie and Podlachia, which before the war had belonged to Russia and were now occupied by German and Austrian troops, did not surprise the Germans and strongly irritated only Count Czernin, the demand of annexation of the Ukrainian lands which belonged to the Austro-Hungarian Monarchy simply led to an outrage among the Austro-Hungarian delegation and caused incomprehension on the part of the

¹ Doroshenko D. *Istoriya Ukrainy 1917–1923 rr.* Tom I. Doba Tsentralnoi Rady. 2nd ed. New-York, 1954. P. 296.

² Sevryuk O. *Beresteiskyi myr (Uryvki zi spomyniv) // Beresteiskyi myr. Z nahody 10-tykh rokovyn 9/II 1918 – 9/IV 1928 r. Spomyny ta materialy.* Lviv-Kyiv, 1928. P. 146.

³ Hoffmann M. *Der Krieg der versäumten Gelegenheiten.* Leipzig, 1929. P. 150-151.

⁴ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1056, fol. 72-73.

⁵ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 911.

⁶ Sevryuk O. *Halychyna v Beresteiskykh peremovakh // Istorychnyi Kalendar-Almanakh „Chervonoï Kalyny“ na 1939 rik.* Lviv, 1938. P. 62.

Germans»¹. When the question of the Ukrainian borders was discussed in a meeting of the German and Ukrainian delegations on January 13th, the Ukrainians first of all presented in detail their demands for the Kholm district and the desired north-western border of the Ukrainian Republic. Then they brought up the question of the Ukrainian lands of the Habsburg monarchy. Sevryuk presented this sensitive issue rather diplomatically, insisting that the Ukrainian delegation had no reason to believe that the Ukrainians of Eastern Galicia wanted to join the UNR, and that the delegates were not striving for it. He presented the issue of national self-determination of the Eastern Galician Ukrainians in the context of the Ukrainian-Polish conflict, making it clear that they would firmly oppose any incorporation of Eastern Galicia into the Polish state and asked the German delegates about the plans of the Central Powers in order to secure the national rights of the Ukrainians. Much more straightforward his fellow delegate V. Holubovych added that the Ukrainian peace delegation wished for Eastern Galicia to decide by plebiscite if they wanted to belong to the UNR or to Austria-Hungary, and that they considered Eastern Galicia and the Ukrainian people an indivisible whole, linked by a multitude of national and cultural interests. While the Germans indicated their possible support for the Ukrainian demands concerning the Kholm district, the German representative Richard von Kühlmann told the Ukrainian delegation straightaway, that he was not competent to speak on the subject of Eastern Galicia, but that there would be no peace with any power who did not respect the territorial integrity of Germany's allies². In similar fashion General Hoffmann rejected the Ukrainian claims for the Ukrainian territories of Austria-Hungary: «As I considered an independent Polish state utopian and still do, I had no reservations against assuring the Ukrainians my support concerning the Kholm district. In contrast I considered their demands for Austro-Hungarian territory as impudence and had no concerns informing the two gentlemen about that rather bluntly»³.

¹ Sevryuk O. Halychyna v Beresteiskyykh peremovakh. P. 62.

² ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 935-938.

³ Hoffmann M. Der Krieg der versäumten Gelegenheiten. P. 153-154.

Under these circumstances the Ukrainian delegation decided on the following strategy: «We left, for the time being, the 'internal Austrian affairs' aside, started to talk more concretely about the Kholm district and Podlachia»⁴. During these negotiations Czernin tried to argue in favour of Polish interests concerning the Kholm district. In the evening session of January 13th, he made it clear that according to the Austrian point of view the Kholm district in principle should belong to Poland. The dissent between the Austro-Hungarian and the Ukrainian side was a principal one: while Czernin drew upon historical arguments, the Ukrainians followed the ethnographical principle. Czernin argued that national self-determination did not equate to complete disregard of historical circumstances, and if one was to hold a referendum in the historical Congress Poland about the Polish border, the outcome could be very different from the one in favour of which argued the Ukrainians. He also wished to hear representatives of the Polish people on their point of view concerning the Kholm district and declared it contradictory to the principle of national self-determination to decide about a question of great importance to the Poles without hearing them⁵. Czernin referred to Polish statistics to back up his point of view, while the Ukrainian delegates used others, among them a map by the German military staff⁶. During further negotiations the Ukrainian delegates continued to insist on their demands and the Germans in the session of January 16th, 1918 voiced their support for the Ukrainians concerning the solution of the question of the Kholm district according to ethnographical principles, so Count Czernin started giving in⁷.

As far as the legal-territorial status of the Ukrainian territories of the Habsburg monarchy was concerned, Czernin continued to insist on the principle of non-interference in the internal affairs of another state as a *conditio sine qua non* for any agreement between the negotiating parties, for instance during the negotiation session of January 16th. He further refused to make any official statement on securing the na-

⁴ Sevryuk O. Beresteiskyy myr (Uryvki zi spomyniv). P. 153.

⁵ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 944-949.

⁶ Sevryuk O. Beresteiskyy myr (Uryvki zi spomyniv). P. 154.

⁷ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 960-967.

tional-political rights of the Ukrainians living in Austria-Hungary prior to the conclusion of the peace treaty, arguing that it was impossible to do so as there was still a possibility of the peace negotiations failing and a return to hostile relations between the Central Powers and the Ukrainian Republic. At this point his only concession was the declaration of his willingness to issue such a statement in connection with the final conclusion of the peace treaty¹. As can be seen, Czernin was not willing even to discuss a special legal-territorial status for the Ukrainian lands of the Austro-Hungarian monarchy, like the establishment of a separate Ukrainian crown land, let alone ceding them to the UNR. In this situation, as Sevryuk recounts, he and General Hoffmann in a confidential talk worked out a compromise: the Ukrainian side would accept the former Austro-Russian border as the new Austro-Ukrainian border and by this the territorial integrity on Austria-Hungary, in exchange for which the Central Powers would waive the principle on non-interference in the internal affairs of Austria-Hungary and accept the Ukrainian demand for the establishment of a separate Ukrainian crown land consisting of the Ukrainian lands belonging to Austria (any demands for Carpathian Ruthenia, which belonged to Hungary, Hoffmann refused). Sevryuk himself admits that this was the best outcome the Ukrainian delegation was realistically able to achieve in the negotiations².

During the early negotiating session of January 19th, 1918 Czernin, speaking in the name of the Central Powers, finally gave an agreement in principle to the Ukrainian territorial demands, the incorporation of the Kholm district as well as the establishment of a separate Ukrainian crown land in Austria: «Our concessions would be twofold: 1) the agreement that the Kholm district shall be part of the future Ukrainian Republic; 2) a passage that shall read approximately like this: The two contracting parties – this would be Ukraine on the one side, the Central Powers on the other side – are inspired by the wish to live in lasting and friendly neighbourhood relations, therefore Austria grants to the Ukrainian population living within its borders, as Ukraine does for the Polish minority within its borders, full free, national

and cultural development.' I add that this free, national and cultural development is meant in this way, that the Ukrainians of Eastern Galicia would constitute a separate province within Austria³. Czernin described these concessions as «very substantial»⁴.

The reason for Czernin's giving in to the Ukrainian territorial demands lay in the severe shortage of food, from which Austria was suffering at that time. In mid-January 1918 the flour rations in Austria were shortened. The food situation in early 1918 was especially bad in Vienna: there was little meat, almost no vegetables, milk, fat and eggs, and not enough bread, flour and potatoes to provide the respective rations for the inhabitants⁵. The shortening of the flour rations combined with social and political discontent among the workers and a general longing for peace among the masses led to the outbreak of mass strikes in different parts of Austria, especially in Vienna and Lower Austria, where already at the very beginning the strike movement had more than 180 000 participants and the number of strikers over the next few days rose to over 260 000⁶. During the negotiations in Brest-Litovsk the Minister of Foreign Affairs received telegrams from Austria that without grain supply from abroad Austria-Hungary was heading towards collapse and many people would die from famine. There were also news about the mass strikes and demonstrations. Czernin saw himself in the position of having to conclude a peace treaty with the UNR as soon as possible in order to secure food supply from Ukraine for Austria⁷. The pressure Czernin was under is very well illustrated by an entry in his diary under the date of January 20th, 1918: «The question of Eastern Galicia I will leave to the Austrian Ministry; it has to be decided in Vienna. The question of Kholm I will accept. I cannot and must not, in order to keep the Polish sympathies towards us alive, watch hundreds of thousands starve, as long as there is still a possibility of help»⁸.

Czernin then went back to Vienna, where he presented the Ukrainian conditions for peace

³ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 996.

⁴ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 996.

⁵ Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litovsk. Wien-Köln-Graz, 1970. P. 29.

⁶ Ibid. P. 87-88.

⁷ Czernin O. Im Weltkriege. P. 322-326.

⁸ Ibid. P. 326.

¹ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 963-965.

² Sevryuk O. Halychyna v Beresteiskyykh peremovakh. P. 64-65.

on January 22nd at the Crown Council presided by Emperor Charles, where among others the Austrian and Hungarian heads of government were present. During the discussion, the Austrian Prime Minister Ernst Seidler supported the conclusion of peace with the UNR on the presented conditions and thought it possible to find the necessary parliamentary majority for the establishment of the Ukrainian crown land. Meanwhile the Hungarian Prime Minister Sándor Wekerle and the Common Minister of Finance István Burián expressed their opposition and argued that no interference by a foreign power in the internal structure of Austria should be permitted. At the end, the Crown Council accepted the partition of Galicia in order to form a Ukrainian crown land. It was Burián, who suggested that the clause concerning the partition of Galicia should not be part of the official peace treaty, but rather the subject of a secret supplementary treaty, in order to mitigate the consequences of such an agreement¹.

When the negotiations in Brest were resumed, the Ukrainian delegation agreed to the conclusion of a secret protocol on the establishment of the Ukrainian crown land in Austria rather than including this provision in the peace treaty itself. Another important provision which was to become part of a supplementary agreement instead of the official peace treaty, this time on the insistence of the Ukrainian side, was the commitment of the UNR to deliver a certain amount of grain to the Central Powers. Initially the Austrian delegation wished to include the provision on the Ukrainian grain deliveries into the peace treaty itself and to make the ratification of the treaty explicitly dependent on its fulfilment. As the Ukrainians firmly refused to include such provisions into the peace treaty, the Austrian side decided to secure their interests through a different construction: in the treaty itself there was to be included only a general provision about the commitment of the parties to exchange the surplus of their products, combined with a clause saying that if one of the contracting parties did not fulfil its commitments, also the other party would be released from the commitments it had taken on. The Ukrainian delegates were to give personal guarantees that the surplus of products, which

was later to be determined by a delivery contract, extended to at least one million tons of grain². To this effect there was a protocol signed on February 7th, 1918 during the negotiations of the Austro-Hungarian and the Ukrainian delegations on the text of the peace treaty. In it, the Austrian representative von Wiesner declared that the Central Powers, based on the information given to them by the Ukrainian delegates, assume the surplus of grain in the Ukrainian Republic to amount to at least one million tons. The Ukrainians acknowledged this with their own statement declaring that the Ukrainian Republic could deliver said amount of grain. This part of the protocol was signed by von Wiesner and one of the Ukrainian delegates, Mykola Lyubynskyi. In the second part of the protocol signed only by von Wiesner, the Central Powers made their ratification of the peace treaty dependent on the fulfilment of said conditions. The Ukrainian delegation also acknowledged this, but wished to refrain from signing this part of the protocol for parliamentary reasons³. With the main Ukrainian demands in the negotiations being the territorial demands concerning the Kholm district and the Ukrainian province in Austria and the main Austro-Hungarian concern being the grain supply from Ukraine to Austria, in this way two of the most important provisions of the Brest-Litowsk peace between the UNR and the Central Powers were contained in supplementary agreements, not in the official peace treaty itself.

The urgent need for Austria-Hungary to conclude the peace with Ukraine is also underlined by the fact that the final peace treaty signed on February 9th was very much based on the Ukrainian project, with the differences in many articles concerning only the wording, the content of said articles being the same in the Ukrainian project and the final treaty. This pertains especially to the Articles 1–6 of the peace treaty, whereby Art. 2 of the final treaty is much more elaborated than the corresponding article of the Ukrainian project and Art. 4 of the treaty corresponds to Art. 8 of the Ukrainian project. The articles 7 and 9–12 of the Ukrainian project concerning the economic relations between the contracting parties in the final treaty were incorporated in one extensive article (Article 7). The

¹ Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litowsk. P. 91-92; Czernin O. Im Weltkriege. P. 327-331.

² Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litowsk. P. 98-99.

³ ÖSA, Haus- Hof und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 523, fol. 101-102.

main differences between the Ukrainian project and the peace treaty itself concern Art. 4 of the former, which stipulated the establishment of the Ukrainian crown land in Austria and was not included in the text of the official treaty (but became the subject of a supplementary agreement), as well as the final articles of the latter (Articles 9–10, Final provision) on the treaty forming an indivisible whole, the authentic texts in the various languages and the ratification of the treaty, to which there are no corresponding articles in the Ukrainian project. On the whole, the Ukrainian project was more or less in its entirety incorporated into the final peace treaty¹. Article 4 of the Ukrainian project reads: «Based on the principle of national self-determination, taking into account the more than once expressed will of the Ukrainian people in Austria-Hungary the Ukrainian People's Republic with satisfaction take note of, as the partial solution of this question, the firm decision of the Austro-Hungarian government to constitute all the lands of Austria inhabited predominantly by Ukrainians, especially Eastern Galicia and the north-western part of Bukovina, as a new constitutional entity 'Reichsland', and also to secure all national-cultural and political rights of the Ukrainians living in Hungary»².

The territorial clauses of the peace settlement between Austria-Hungary and the UNR stipulated the following: Article 2 paragraph 1 of the Peace Treaty concluded on February 9th, 1918 provided that the pre-war border between the Austro-Hungarian monarchy and Russia was to be the border between Austria-Hungary and the UNR. Paragraph 2 of the same article determined the Ukrainian border to the north of the Austro-Hungarian border by naming the geographical points through which the border was to run. The details of the border demarcation were to be determined by a mixed commission in accord with ethnographical principles and the wishes of the population. Article 2 paragraph 3 reserved the question of possible common borders of the UNR with any other power of the

Quadruple Alliance to further agreements³. This meant that the Kholm district was to be part of the Ukrainian Republic⁴. The secret supplementary treaty signed on February 8th, 1918 stipulated that the Austrian Government, taking note of the laws securing the rights of national minorities (Poles, Germans and Jews) in the UNR, was to separate the lands of Eastern Galicia predominantly inhabited by Ukrainians from the Kingdom of Galicia and to unite them with Bukovina in order to establish a new crown land. The Austrian Government committed itself to presenting a draft law to this effect to the two chambers of the Austrian parliament until July 20th, 1918 and to use all means given to it by the constitution for this draft law to obtain force of law. The secret treaty and the Peace Treaty itself were to form an indivisible whole, with the explicit provision that the secret agreement was to be null and void if any of the terms of the Peace Treaty were not fulfilled. The secret treaty was signed by the Ukrainian delegates O. Sevryuk, M. Lyubynskyi and M. Levytskyi as well as by the Austrian Prime Minister E. von Seidler and the Austro-Hungarian Minister of Foreign affairs O. Czernin⁵.

These territorial provisions drew a strong reaction from the Ukrainians as well as from the Poles in Austria. Although one of them was directly affecting the vital interests of the Ukrainians of Eastern Galicia, they were only to a rather small extent involved in the preparation of this clause. Sevryuk states in his memoirs, that neither the Central Rada nor the delegates themselves had any contact with the Eastern Galician Ukrainians prior to the negotiations⁶. Still, there was some cooperation between the Eastern Galician Ukrainians and the Ukrainian peace delegation during the time of the negotiations. When the Ukrainian delegates returned to Kiev for instructions they stopped in Lviv and, although they were guarded by some Austrian officers in order to prevent any contact with the Ukrainian politicians of Eastern Galicia, under a pretext they managed to exchange a few words

¹ Koval V. Porivnyalnyi dzhereloznavchyi analiz proektu myrnogo dohovoru, zapropanovanoho ukrainskoyu storonoyu i ostatochnoho variantu myrnogo dohovoru, ukladenoho mizh UNR ta Chetvernym soyuzom 9 lyutoho 1918 r. // Spetsialni istorichni dyscypliny: pytannya teorii ta metodyky. №8/9 (2). 2002. P. 230-234.

² Tsentralnyi derzhavnyi arkhiv vyshchykh orhaniv vlady ta upravlinnya Ukrainy. F. 2592. Op. 1. Spr. 8. Ark. 48.

³ Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922, deren Bedeutung und historische Hintergründe. P. 213-214.

⁴ Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litowsk. P. 120.

⁵ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Allgemeine Urkundensammlung, Geheimvertrag zwischen Österreich-Ungarn und der Ukraine 8. Februar 1918.

⁶ Sevryuk O. Beresteiskyi myr (Uryvki zi spomyniv). P. 146.

with some Eastern Galician Ukrainian politicians. The delegates informed them of the current situation in the negotiations: there would be no union of Eastern Galicia with the Ukrainian Republic, but at least the formation of a Ukrainian crown land under the rule of the Habsburgs. The Eastern Galician politicians promised to work out a draft statute for the planned Ukrainian crown land and to hand it over to the Ukrainian delegation during its return to Brest. The preparation of the draft statute was done over the next few days, and they indeed managed to hand over said document to the Ukrainian peace delegation on its way back to Brest at the Lviv train station, in spite of intensified Austrian efforts to prevent any contact¹. This short meeting and the handover of the draft statute is also mentioned briefly by the Eastern Galician Ukrainian politician Kost Levycky². The draft statute for the «Kingdom of Galicia and Volodymeria with the voivodeship of Bukovina» envisaged the new Ukrainian province to have its own constitution, diet, government and militia. The diet was to be elected by universal, equal, direct and secret suffrage, and the government was envisaged as accountable to the diet. The division of competences between Austria and this Ukrainian province in relation to the other Austrian crown lands was to be analogous to the relations between Austria and Hungary. The legal and direct control of the Austrian government and parliament over the state affairs of the Ukrainian province was explicitly limited to the matters which according to the provision above were belonging to the competence of the whole Austrian state³.

The Ukrainians of Eastern Galicia greeted the news of the Brest Peace Treaty with the UNR enthusiastically. Under the title «Holiday of Peace and Ukrainian statehood» mass demonstrations in support of this peace were organized all over Eastern Galicia on March 3rd⁴. The demonstration in Lviv counted at least 60 000 participants and the various speakers not only celebrated the provisions of the Brest Peace Treaty, but also reiterated the de-

mand for Ukrainian territorial autonomy in the Habsburg monarchy⁵. For instance, the Ukrainian politician K. Levycky spoke to the crowd: «We are celebrating the Brest peace, because it returns to the Ukrainian State the ages-old Ukrainian lands of the Kholm district and Podlachia, which Poland wanted to take from us! We demand that this peace treaty shall be fully implemented and we protest against any violence against the Ukrainian people! The formation of an independent Ukrainian state on its territories separated from Russia means also the recognition of the right to self-determination of the Ukrainian people in the Habsburg monarchy. The leading thought of the Ukrainian politics in Austria has always been the aim to form out of the Ukrainian lands of this monarchy a separate political entity, in which the idea of Ukrainian statehood would be realized. In the year 1848 the Ruthenian (Ukrainian) Main Council proclaimed this idea in Lviv. Now we have to demand from the Austrian State to free our land from the Polish rule: the division of Galicia and the formation of a political territory, which would consist of the Ukrainian districts of Galicia and Bukovina»⁶. Other examples of huge Ukrainian support for the Brest peace were the manifestations in the Przemyśl district⁷, Stryj⁸, Khodoriv⁹, Zolochiv¹⁰ and Javoriv¹¹ with 20 000 participant each, in Drohobych¹² and Stanyslaviv¹³ with 40 000 participants each, in Kolomyia with 32 000 participants¹⁴ and in Chortkiv with 30 000 participants¹⁵. The program of the demonstrations also stipulated the adoption of resolutions on the Brest Peace Treaty between the Central Powers and Ukraine, the union of the Kholm district and Podlachia with the Ukrainian Republic and the establishment of a special Ukrainian legal-territorial entity in the Habsburg Empire, which then were to be sent to the Imperial Cabinet in Vienna¹⁶.

Several Ukrainian members of the Austrian Parliament used the conclusion of the Brest

¹ Sevryuk O. Halychyna v Beresteiskyykh peremovakh. P. 65-68.

² Levitskyi K. Istoriya vyzvolnykh zmahaniy halytskykh ukraintsiiv z chasu svitovoi viiny 1914–1918. Part 3. Lviv, 1930. P. 711.

³ Tsentralnyi derzhavnyi arkhiv vyshchykh orhaniv vlady ta upravlinnya Ukrainy. F. 2592. Op. 1. Spr. 90. Ark. 5-6.

⁴ Dilo. 20.2.1918.

⁵ Dilo. 5.3.1918.

⁶ Dilo. 5.3.1918.

⁷ Dilo. 7.3.1918.

⁸ Dilo. 9.3.1918.

⁹ Dilo. 13.3.1918.

¹⁰ Dilo. 19.3.1918.

¹¹ Dilo. 20.3.1918.

¹² Dilo. 13.3.1918.

¹³ Dilo. 17.3.1918.

¹⁴ Dilo. 12.3.1918.

¹⁵ Dilo. 14.3.1918.

¹⁶ Dilo. 20.2.1918.

Peace Treaty to demand the establishment of a Ukrainian crown land from the parliamentary tribune. On February 20th, 1918 K. Levycky declared in his speech before the Chamber of Deputies of the Austrian Parliament: «The influence, which the conclusion of peace with Ukraine is going to have on the organization of relations in Galicia, has to be substantial. Eastern Galicia cannot continue to exist in its present constitutional form!»¹. He finished his speech with the explicit demand of the creation of a Ukrainian crown land as the solution of the Ukrainian question in Austria². This demand was reiterated in the speech of M. Vasylo the next day³. Again this demand was presented in the speech of the deputy S. Vityk on March 7th, who also lamented that the Brest peace treaty had not led to a union of the Ukrainian lands of Austria-Hungary with the Ukrainian state⁴.

The Polish reaction to the provisions of the Brest peace treaty was just as strong, but it was an adverse reaction. Immediately after the conclusion of the peace with Ukraine, on February 11th and 12th the first anti-dynastic and anti-Austrian demonstrations took place in Cracow. The demonstrators took the emblems of the state and imperial eagles off the public buildings and destroyed them. The Emperors of Austria-Hungary and Germany were insulted and mocked and their pictures publicly destroyed. On February 18th, 1918 a national strike was organized in the whole of Galicia, in which participated even the Austrian state officials of Polish nationality. Because of the Ukrainian majority of the population, in Eastern Galicia the demonstrations of February 18th in general took a more peaceful course in comparison to Western Galicia, where the majority of the population was Polish and part of the Jews also identified with the Polish cause⁵. On February 13th and 14th the demonstrations in Cracow against the Brest peace were so violent that the police had to retreat. In the schools the

portraits of the Emperor were taken off and the teachers refused to use the German language during lessons. The demonstrations of February 18th also had often a decidedly anti-Austrian and anti-German character. In many cities the imperial eagles and state emblems were taken off the public buildings. In Lviv portraits of the Austrian Emperor and Austrian flags were publicly burnt. During the demonstrations anti-Austrian and anti-German slogans were spread. The Austrian state officials and civil servants, sometimes also officials of the local courts, actively took part in the demonstrations⁶. The Polish professors, former professors, private lecturers and members of the institutes of the University of Lemberg issued a solemn protest against the provisions of the Brest peace treaty concerning the Kholm question, describing the Brest peace treaty as a «new partition of Poland»⁷. The Polish parliamentary club in the Austrian parliament decided to go into opposition, including the Polish members of the House of Lords⁸.

In order to put an end to the Polish opposition the Austrian government and diplomacy decided to renounce the territorial provisions of the Brest peace treaty. The Polish outrage over the Brest peace with Ukraine significantly impeded the realization of the long-held Austrian Polish policy, the Austro-Polish solution. This envisaged the union of Galicia (or at least a part of Galicia) with Congress Poland and Poland under Habsburg rule (the concrete form of the envisaged constitutional relations between Poland and Austria changed over the years from a trialistic to a sub-dualistic conception and later to the idea of a personal union)⁹. The repercussions of the Brest peace treaty made a solution of the Polish question in this way almost impossible. After rumours of the secret treaty on the partition of Galicia had spread in July the Polish member of the Austrian parliament Daszyński openly declared that the Polish people was not sad about the demise of the Austro-Polish

¹ Stenographisches Protokoll Haus der Abgeordneten, 61. Sitzung der XXII Session, 20. Februar 1918. P. 3176.

² Stenographisches Protokoll Haus der Abgeordneten, 61. Sitzung der XXII Session, 20. Februar 1918. P. 3178-3179.

³ Stenographisches Protokoll Haus der Abgeordneten, 62. Sitzung der XXII Session, 21. Februar 1918. P. 3258.

⁴ Stenographisches Protokoll, Haus der Abgeordneten 70. Sitzung der XXII Session, 7. März 1918, p. 3546-3547.

⁵ Österreichisches Staatsarchiv (hereafter – ÖSA), Allgemeines Verwaltungsarchiv, Inneres, Ministerium des Inneren, Präsidium. Karton 2118, fol. 375-376.

⁶ Ibid. fol. 252-254, 583-587.

⁷ Ibid. fol. 566-567.

⁸ Höbelt L. Stehen oder fallen? Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien-Köln-Weimar, 2015. P. 222.

⁹ Batowski H. Trialismus, Subdualismus oder Personalunion. Zum Problem der österreichisch-polnischen Lösung/Studia Austro-Polonica. №1 (57). 1978. P. 7-8; Hecher M. J. Die austropolonische Lösung. Die österreichisch-ungarische Kriegszielpolitik in Bezug auf Polen während des Ersten Weltkrieges. Diplomarbeit. Wien, 2001. P. 147-151.

solution¹. His colleague Dr. Tertil had already in his speech underlined the close link of the fate of Galicia with the Austro-Polish solution: «We Poles think it possible to believe that Galicia can be seen as some kind of deposit of the dynasty for the future Poland. Because of that we have understood it as the core of the Polish question, we have understood it as the starting point for the Austro-Polish solution [...]»². Another Polish deputy, Głabinski, named the official and secret agreements of the Brest peace treaty as one of the reasons that the initial Austrian orientation among many Poles had waned³.

Already on March 4th, 1918 the Central Powers had concluded a supplementary agreement to Article 2 of the Brest Peace Treaty, according to which the mixed commission could determine the Polish-Ukrainian border also to the east of the line indicated in Article 2. Also, besides representatives of the contracting powers there was to be a Polish representative among the members of the mixed commission⁴. In June the Austrian diplomacy tried to convince Germany that there had to be a revision of the peace treaty, arguing that as Ukraine had not fulfilled its commitment to deliver the agreed quantities of foodstuffs the peace treaty was null and void⁵. These negotiations were without success, because Germany wished to ratify the peace treaty with Ukraine quickly for political and economic reasons and argued that the secret protocol on the amount of the Ukrainian grain deliveries had not been signed in the proper form and therefore there was no sufficient legal basis for such a step⁶. There were also unsuccessful Austro-Hungarian negotiations with the new Ukrainian government, with Hetman Pavlo Skoropadskyi and his Minister of Foreign Affairs D. Doroshenko, to make the Bug River the new Polish-Ukrainian border, which would have left the Kholm district to Poland. As a means of pressure Austria-Hungary delayed its ratification of the peace treaty⁷. In

the end, the Brest peace treaty was not ratified by Austria-Hungary at all⁸.

As for the secret treaty on the Ukrainian crown land, the Austrian government strived to have it destroyed before July 20th, 1918 (the date set in the treaty for presentation of the draft law). As the argument of the insufficient Ukrainian grain deliveries had not been accepted by the German government and could therefore not be used in the negotiations with the Ukrainian Hetman, the Austro-Hungarian representative in Kiev was instructed to declare to Skoropadskyi, that the agreement had been concluded with a different government and under different circumstances and was now considered null and void by the Austrian government⁹. This declaration on the abolition of the secret treaty by Austria-Hungary was issued to Skoropadskyi on July, 4th and accepted by him two days later¹⁰. The secret treaty existed in only two copies, and the Austro-Hungarian diplomacy succeeded in convincing the Ukrainian delegates to hand over their copy to the German Foreign Ministry in Berlin for safekeeping¹¹. After the abolition of the secret treaty this copy was burnt in Berlin in the presence of the Austro-Hungarian ambassador by the German Deputy Minister of Foreign Affairs on July 16th, 1918¹².

In summary, it can be said that the territorial clauses concerning the Kholm district and the Ukrainian territories in Austria were crucial for the Ukrainian side in the negotiations for peace with the Central Powers. Their success in getting Austria-Hungary, whose interests were opposed to a solution of these questions on the Ukrainian terms, to agree to their conditions was, however, short-lived. The Habsburg monarchy was forced to deviate from its Polish policy in favour of the Ukrainians only under the pressure of imminent famine. After the provisions of the Brest peace treaty with Ukraine became generally known, they had a great mobilizing effect on the Ukrainians and

¹ Stenographisches Protokoll Haus der Abgeordneten, 76. Sitzung der XXII Session, 17. Juli 1918. P. 3988.

² Ibid. P. 3954.

³ Ibid. P. 3995.

⁴ ÖSA, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 1083, fol. 1126.

⁵ Там же. 1056, fol. 364, 369.

⁶ Там же. 1056, fol. 400.

⁷ Doroshenko D. Istoriya Ukrainy 1917–1923 rr. Tom II. Ukrainska Hetmanska Derzhava 1918 roku. 2nd ed. New-York, 1954. P. 227.

⁸ Doroshenko D. Istoriya Ukrainy 1917–1923 rr. Tom II. P. 136.

⁹ ÖSA, Haus- Hof und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 523, fol. 24, fol. 55-57.

¹⁰ Doroshenko D. Istoriya Ukrainy 1917–1923 rr. Tom II. P. 219.

¹¹ Doroshenko D. Istoriya Ukrainy 1917–1923 rr. Tom II. P. 216.

¹² ÖSA, Haus- Hof und Staatsarchiv, Politisches Archiv I. Karton 523, fol. 24.

Poles in Austria. Under the pressure of the Polish public as well as the Polish political sphere Austria-Hungary made every effort to retract the territorial commitments given to the Ukrainian side in the Brest peace treaty, so that they were never implemented. The mobilization of the Ukrainian masses and politicians in Austria in support of the peace treaty and its provisions

could not counteract the Polish influence on the Austro-Hungarian policy. In the end, the territorial clauses of the Brest peace treaty, although they meant a success for the Ukrainian demands at the peace negotiations, did not lead to a change in the Polish policy of the Habsburg Monarchy.

J. W. Steinberg

PEACEMAKING IN THE EAST WAS NOT PEACEMAKING AT ALL: EVENTS AT BREST-LITOVSK, 1917–1918

66

The 1917 February Revolution and the collapse of the Romanov autocracy sent shockwaves through the old European order that started at the top of the «aristocratic» political establishment and trickled down to the World War I battlefield. In the year that followed, the status of the War on the Eastern Front had transformed from that of military operations to the promulgation of an armistice in December 1917 to the negotiation of a treaty that would end World War I military operations but not stop conflict and violence from spreading throughout the region. Remembered as the «The Forgotten Treaty» because the Treaty of Brest-Litovsk with Soviet Russia was abrogated immediately after the November 1918 armistice, the impact of the peace agreed upon in March 1918 ranged from the forging of relations between the infant Soviet/Bolshevik government and the other Great Powers to the emergence of new sovereign States in Central and Eastern Europe¹. While the world's attention was keenly focused on the interaction between the top diplomats and military leaders at Brest-Litovsk, much turmoil and violence existed throughout the borderlands between the former Tsarist, German, Austro-Hungarian, and Ottoman Empires. Thus, while the Great Powers (Germany, Austria-Hungary, the Ottomans, and Bolshevik Russia) discussed a new map of Eastern Europe based on territorial annexations, representatives from multiple emergent nations (Ukraine, Poland, Czechoslovaks, Finland, Latvia, Estonia, and Lithuania) pursued their own agenda that started with gaining international recognition for their government and their nation.

¹ The idea of the forgotten peace was firmly established in the historiography in the classic and still useful study written by Wheeler-Bennett J. W. *Brest-Litovsk: The Forgotten Peace March 1918*. New York: W.W. Norton, 1971; first published in 1938. There is a recent attempt to offer a more nuanced understanding of the role of Brest-Litovsk in the overall peacemaking process at the end of World War I. See: Chernov B. *Twilight of Empire: The Brest-Litovsk Conference and the Remaking of East-Central Europe, 1917–1918*. Toronto: University of Toronto Press, 2017.

At best, in terms of peace, what occurred at Brest-Litovsk on March 3, 1918 was a peace without victor events in the East had reached a point where the World War had to come to an end. And, while World War I continued in France, after March 3, 1918, a new series of conflicts broke-out across the Russia's Western Borderlands that at the time were understood to be either a part of the emerging Russian Civil War or undefined ethnic conflict. Much of this conflict occurred because the decisions made at Brest-Litovsk did not systematically address the political, social, or economic future of the numerous ethnic and national groups that ranged from Ukrainians to Finns, who all believed that the moment in history had arrived for them to assert their natural right to govern themselves. Beliefs that the moment for non-historic States to emerge from the shadow of Imperial history would not last long added much tension and violence to this moment. Unfortunately for the future of the region, too much conflict and not enough diplomacy would be used to determine the fate of the peoples who lived in the complex and intertwined multi-ethnic space of what would soon be defined as Eastern Europe. Yet the first treaty to be agreed upon at Brest-Litovsk, the document signed between the Central Powers and Ukraine on February 7th, clumsily mishandled the thorny ethnic/nationality questions in exchange for foodstuffs. This paper examines the events that led up to signing of this treaty, known as The Bread Treaty, its impact on the peacemaking process in general, and its role on the future development of relations among peoples within Russia's western borderlands.

As Bolshevik forces were set to occupy Kiev in February 1918, members of the Ukrainian Tsentralna Rada, often referred to as the Kievian Rada, signed a peace treaty with the Central Powers that became known to history as the First Treaty of Brest-Litovsk or more

commonly the Bread Treaty¹. This agreement took on the title of the Bread Treaty because at its core was an agreement by Ukraine to trade up to a million poods (1 pood = 36.11 pounds) of its grain harvest to the starving Central Powers in exchange for the Austrians and the Germans recognizing the autonomy and independence of Ukraine. Despite the opposition of the Bolsheviks in Russia and representatives of a hoped and planned for independent Poland in both Austria and Germany, the Central Powers immediately established and regularized diplomatic and commercial relations with Ukraine. Moreover, on March 2, 1918 the German army marched into Ukraine and ousted the Bolsheviks from Kiev so that the members of the Rada could reconvene in their capital. While some land was redistributed along the Ukrainian/Polish frontier, this treaty was not about annexations, and no reparations were expected from anyone².

Many outcomes were sought when the Central Powers signed a separate peace treaty with the emerging Ukrainian State on February 9, 1918. The Central Powers arrived at Brest-Litovsk with a split agenda in which German military leaders sought to annex as much territory as possible while freeing up military resources to use on the Western Front. At the same time, German political leaders understood the situation as being too complex for such simplistic goals as they viewed their critical food situation and the fate of the peoples living in the borderlands to also be high priority goals of any future peace settlement. Little unity, therefore, existed among German wartime decision makers over how to proceed once the fighting stopped in Russia. While Germany's Foreign Minister Richard von Kuhlmann sought to create a zone of territory economically dependent on Germany out of the future Eastern Europe, the Army

under the control of Hindenburg and Ludendorff planned to gain as much territory and resources as possible. The army had prevailed on the battlefield and this meant in grand Imperial terms that the victor had earned the spoils of victory. What Kuhlman understood and the Army denied was that victors must occupy conquered territory to reap the soils of victory. Thus, the Foreign Minister had a clear understanding of the potential long term costs especially on the War effort itself than Hindenburg and Ludendorff. The difference in thinking between the Army and Foreign Ministry resulted in Germany sending split signals at the start of the conference which resulted in initial misunderstandings in December 1917³.

More pressing, the Austro-Hungarians desperately needed to accomplish one goal and send one message as the delegates convened at Brest-Litovsk: The goal was to gain access to food stuffs as the Danubian Empire was on the brink of starvation⁴. The message was that they were done fighting World War I, at least in Russia, to support German war aims, goals, and objectives⁵. Especially because of the food question in the Spring of 1918, the status of Ukrainian territory became an issue that gained significance as the negotiations proceeded at Brest-Litovsk. Born out of the chaos of World War I's collapsing Eastern Front, seizing the moment that emerged in the wake of the Russian Revolution, a nascent Ukrainian State signed the Bread Treaty in a bold effort to achieve its recognition as an independent and autonomous nation. Not surprisingly, Ukraine's situation was more desperate than the Austrians' as they were a nation under siege from multiple directions and from multiple groups, ranging from a host of national groups – each with their own agenda – to the Bolsheviks who were stumbling over Lenin's national self-de-

¹ There is one complete study in English on this treaty. See: Horak S. M. *The First Treaty of World War I: Ukraine's Treaty with the Central Powers of February 9, 1918*. New York and Boulder: East European Monographs and Columbia University Press, 1988. See also: Debo R. K. *Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1917–1918*. Toronto and Buffalo, 1979. P. 3-170. For a copy of the treaty it see: *Text of the Ukrainian Peace: With Maps*. Washington, D.C., 1918.

² My work on these questions has benefited greatly from an unpublished manuscript by Mark von Hagen that has the current working title of "War, Revolution, Peace Talks and the Politics of National Self-Determination: Ukraine and the Borderlands". Many thanks to the author for sharing this important as yet to be published work.

³ For a recent account see: Watson A. *Ring of Steel Germany and Austria-Hungary in World War I: The Peoples War*. New York, 2014. P. 492-513; For a classic assessment of this civil-military conflict see Fischer, F. *Germany's Aims in the First World War*. New York: W.W. Norton & Co, 1967. P. 364-639 & 410; Also see Stevenson D. *The First World War in International History*. Oxford, 1988. P. 200-202.

⁴ On the status of the Habsburg Empire in the Spring of 1918 see: Wargelin C. F. *The High Price of Bread: The First Treaty of Brest-Litovsk and the Break-up of Austria-Hungary, 1917–1918 // The International History Review*. №19:4. 1997. P. 757-788.

⁵ On the question of German War aims especially in the East see Fischer F. *Germany's Aims in the First World War*. P. 36-150.

termination rhetoric while rejecting the idea of losing the resources of Ukraine as they sought to consolidate their own power¹.

In this period of collapsing Empires, the conduct of the Habsburgs throughout the peacemaking process accelerated their own demise. From their failed 1914 invasion of Serbia to their response to the Brusilov offensive, the performance of the Austro-Hungarian army in World War I yielded little in the way of military success. As the War progressed, the supply situation in Austria (Cisleithania) progressively worsened so that by the Winter of 1917–1918 acute shortages existed in basic food stuffs, and starvation threatened the general population². Count Ottokar Czernin von zu Chudenitz, Austria's Foreign Minister and who suffered from nervous exhaustion in the winter of 1917–18, in addition to coping with a precarious food supply also had to contend with its consequences which manifested in growing unrest among the proletariat whose strike movement gained intensity as the winter deepened. Estimates of grain supplies giving out in 4 to 6 weeks dominated his thinking as he traveled to Brest-Litovsk. Amid growing labor unrest over the question of food – its cost and its supply-Czernin in addition had to cope with the complexity of the nationality issue. Competing claims for disputed territories were the rule in an environment where no one was willing to compromise over much of anything. He understood Kuhlmann's angst about the cost of an occupation regime and as an alternative sought to work with him to establish friendly economic zones between the Central Powers and ethnic groups that could represent new State authority in Eastern Europe. But nothing mattered more than the growing food crisis that was largely blamed on the

Hungarians for the mismanagement of grain stuffs. So believable were the dire food predictions that Czernin broke with his German allies in the sense that he started the negotiations with the Ukrainians beginning in January 1918 in an attempt to resolve the food crisis.

As the architect of Austro-Hungarian foreign policy at Brest-Litovsk, Czernin, a scion of an old Bohemian noble family, found himself increasingly out of his element as his German allies arrogantly pressed for the annexation of more territory and the accumulation of more resources. Even more alarming, the Bolsheviks showed up as themselves thereby presenting the world with a revolutionary regime that neither respected the political process used by the old European diplomats nor would tolerate the formal conventions of their rules of negotiations³. As the German Army's demands heightened, what became clear to the Austrians was that blindly following their lead no longer addressed the interests of the Austro-Hungarian monarchy. Not surprisingly, and indicative of their relationship at that time, the decision by the Austro-Hungarians to pursue goals that they needed to survive did little to change the attitude of the Germans toward the Austrians. While this break of sorts in the Austro-German relationship lurked in the background, Czernin had too many other issues to address to spend much time concerning himself with German attitudes toward the War, the Bolsheviks, Ukraine, or anything else. Instead he had to devote his energies to managing the tangled and complex issues that surrounded the many "nationality questions" that existed in Austria-Hungary⁴. Of these, the one that bedeviled him was the seemingly unresolvable ethnic/nationality entanglement that existed between the Poles of Austrian Galicia and the Ukrainians. The Polish nobility of Austrian Galicia had supported the Habsburgs throughout World War I based on the understanding that their goal of a united Poland would take precedence over any Ukrainian questions⁵. Yet, as the spring of 1918 unfolded,

¹ On the situation in the Ukraine at this key moment in its history see: Liber G. O. *Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954*. Toronto: University of Toronto Press, 2016; Velchenko S. *State Building in Revolutionary Ukraine: A Comparative Study of Governments and Bureaucrats, 1917–1922*. Toronto: University of Toronto Press, 2011; Fedyshyn O. S. *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918*. New Brunswick NJ: Rutgers University Press, 1971; Pidhainy O. S. *The Formation of the Ukrainian Republic*. Toronto-New York: New Review of Books, 1966. On the question of the Soviet's see Wheeler-Bennett or Butakov I. *Brestskii Mir: Lovushka Lenina dlia Kaizerovskoi Germanii*. Moscow: Veche, 2012.

² For Austria's War see: Herwig H. H. *The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918*. 2nd ed. London: Bloomsbury, 2014.

³ For first impressions of the Bolsheviks at Brest-Litovsk, and especially for the stark differences between the socio-economic position of the Soviet and Center Power delegations see: Hoffmann von M. *The War of Lost Opportunities*. New York: International Publishers, 1925. P. 182-195; Czernin count O. In *The World War*. New York and London: Harper & Brothers Publishers, 1920. P. 220-225.

⁴ Czernin O. In *The World War*. P. 220-245 for his sobering appraisal of the situation in Austria in the Spring, 1918.

⁵ Wargelin C.F. *The High Price of Bread*. P. 760.

the Ukrainians had the one resource that was vital to the future of the Danubian monarchy's survival – which, of course, was grain.

Thus, when Austrian policy for negotiations at Brest-Litovsk were set at a meeting of ministers on December 7th, Czernin was confronted with working his way either through or around German greed (that included annexing Congress Poland) and the insatiable state-building desires of the Poles and Ukrainians. Above all else, however, the food situation in Austria proper had become so critical that Czernin suggested the idea of pursuing a separate peace with the Bolsheviks if the Germans refused to help and the national question became intractable. Yet, more terrifying for the Austrians was the Bolshevik rhetoric that centered on the question of National Self-Determination which Czernin feared as a Pandora's Box – if the idea of national self-determination became a governing principle of the negotiations at Brest-Litovsk, then any or all national groups within the Empire could make similar demands which had the potential of undermining the stability of the Empire.

If there was unity in between the Germans and Austro-Hungarians in their policy toward the Bolsheviks, both intended to stabilize the borderlands in a non-threatening, economic friendly fashion while constructing a *cordon sanitaire* to prevent the spread of communism into the heart of Europe. The Bolsheviks arrival at Brest-Litovsk, their delegation composed of a handful of diplomats and a group of worker, soldiers, and one peasant, at once terrified and amused the representatives of the Central powers. Without an army to back its goals, Lenin and his Party operatives could not negotiate from a position of strength, and they thus adopted a bold display of «public diplomacy» to assert their case and cause. Without any question, once Nicholas II abdicated in February 1917, peace became the central demand first from the soldiers and eventually from all of Russian society. Doing their best to maintain a position of strength the Bolsheviks arrived at Brest-Litovsk with the intention of accepting German peace terms based on the principle of no territorial annexations and no indemnities¹.

¹ To appreciate Bolshevik conduct and their policies throughout the Brest-Litovsk period see: Debo R. *Revolution and Survival*. P. 3-170, and Lincoln W. B. *Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution 1914–1918*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 480-503.

Von Kuhlman agreed in principle to negotiate with the Bolsheviks only if the Western allies joined the proceedings. German military command expressed its strong opposition to this exchange of ideas of not only because their plans to occupy huge patches of territory across Russia, but also because they had grown fatigued from Bolshevik arrogance at the peace table and also at the front. Their agitation among all soldiers to stop fighting for the bourgeoisie and to help bring world-wide revolution aimed at giving all State power to the proletariat did not sit well with any ruling class in Europe. Such revolutionary agitation offered justification for all the conversation in the Central Powers camp favoring the construction of a *cordon sanitaire*. More to the point, the German Army, rejecting Kuhlman's decision to at least try to exhibit good will at the start of the negotiations, failed to grasp that the chance of the Western allies joining the conference were slim at best and that Germany would not be bound to the practice of no annexations and no indemnities².

German and Austro-Hungarian representatives at Brest had little faith or trust in making any type of agreement with the Bolsheviks. The

The Soviet's never forgot the humiliation imposed on them by the Germans and their historiography defines it as a "predatory" peace driven by German capitalists seeking Imperial aims through conquest. English readers can find such conclusions in numerous sources such as: Gromyko A. et. al., *History of Soviet Foreign Policy, 1917–1945*. Honolulu: University Press of the Pacific, 2001. P. 51-78. Standard example of Soviet Historiography that put forth this interpretation include: Chubar'ian A.O. *Brestskii mir*. Moscow: Nauka, 1964; Maiorov S. M. *Borb'ba sovetskoi rossii za vykhod iz imperialisticheskoi voiny*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959. Perhaps the strongest assertion of the Soviet point of view is Mints, I.I. *Brestskii mir // Istoriiia diplomatii*. Volume. 2. Moscow, 1945. P. 319-357. Post-Soviet studies more nuanced in their analysis but positing the same conclusion see: Fel'shtinskii, I. *Krushenie mirovoi revoliutsii*. Moscow: Terra, 1992; Makarenko P.V. *Bol'sheviki i Brestskii 'mir // Voprosy istorii*. № 3. 2010. P. 3-21.

² Two recent articles that examine Brest-Litovsk are: Chernev B. *Ukrainization and its Contradictions in the Context of the Brest-Litovsk System // The Empire and Nationalism at War*. Bloomington/ Slavica, 2014. P. 163-189; Steinberg J.W. *The Peace at Brest-Litovsk: Forgotten or Precedent Setting Peace? // Bid for World Power: New Research on the Outbreak of World War I*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 377-405. A provocative interpretation in terms of international impact is in: Tooze A. *The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order 1916–1931*. New York: Penguin Books, 2014. P. 108-124. For the overall failure of peacemaking in 1918–1919 see: Gerwarth R. *The Vanquished: Why the First World War Failed to End*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016.

situation became further inflamed when a delegation representing the Kievian Rada appeared at Brest-Litovsk on December 16th seeking recognition as the representatives of an autonomous nation. The Bolsheviks responded by issuing an ultimatum demanding political control over Ukraine, which the representatives of the Rada predictably rejected. Much to the chagrin of the Bolsheviks and the Poles, on December 26th the Central Powers recognized the representatives of the Ukrainian Rada and Ukraine itself as a belligerent power, but not the Poles. This resulted in the Ukrainians being given a seat at the negotiations while the Poles languished and would eventually seek support from the Western powers as the drama at Brest-Litovsk concluded. The recognition of the Ukrainians at once exposed the volatility of the nationality question throughout the region and the fluidity of the use and interpretation of idea of national self-determination. While the seeds of the idea had emerged from the revolutionary ferment of the French Revolution and the growing opposition to late 19th century European Imperialism, the thought of its application in the 20th century would never escape the thorny reality that existed because different ethnic/national groups lived side by side in what had been a relatively stable Imperial regimes¹. Propagating the dual ideas of world-wide revolution and national self-determination made for great press but did not compensate for the non-existence of Russian military forces when the Germans imposed their extreme annexationist terms. Moreover, in the end Lenin and the Bolsheviks did not support the idea of national self-determination because its implementation meant agreeing to the dismemberment of the Tsarist Empire which they viewed as unacceptable as it would have a dire impact on their ability to consolidate their own power². In fact,

¹ See Weitz E. D. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *The American Historical Review*. №113/5. 2008. P. 1313-1343.

² For this see: Lenin V.I. *Collected Works*. Volume 22. P. 143-156. Lenin mapped out his position on national self-determinism in an article published in 1915 and entitled, "the Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination". Lenin defines nationalism as a bourgeois sham, a phenomenon of the Great War period that should be ignored as it confused the proletariat in regard to what should be their revolutionary aims. See his *Collected Works*, Volume 21; P. 407-409. His collected works are available at: <http://www.marxists.org/archive/lenin/works/index.htm>

because of Russia's military weakness, the Bolsheviks lost control of the negotiations just as the German army asserted its supremacy over its diplomatic establishment, and the final terms of the treaty proved so draconian that Lenin almost irreparably split the party with his insistence that they had to accept the harsh terms of the Central Powers because of the growing opposition throughout their land that was about to explode into Civil War³.

Because Czernin was under direct orders from Emperor Karl to sign a peace that brought relief for the Austria's desperate food situation at any cost, the difficult and pressing nationality question was relegated to secondary status as the Central Powers met with the Bolsheviks at Brest-Litovsk. Nothing else mattered because, after approximately three and a half years of War, the people who lived in Cisleithania were on the brink of starvation as a result of the allied blockade and the failure of both the Austrians and Hungarians to maintain pre-war harvest yields and delivery of food stuffs to the central regions of the monarchy. By the winter of 1917–1918 the grain yield in Austria proper was off by 60 % and Hungarian «imports» had been reduced to 2.4 % of their pre-war average⁴. This dire food situation, therefore, proved to be a crippling handicap for Czernin and his colleagues at Brest-Litovsk. By the beginning of February, varying estimates had the Austrians running out of essential food stuffs within a six-week period. As a result, nothing else mattered – not their alliance with Germany nor any of the very delicate national questions that had complicated politics in the Danubian monarchy throughout the 19th century. As the fourth winter of the War unfolded, the Austrians were in

³ For Lenin on Brest-Litovsk see: Lenin, V.I. *Collected Works*. Volumes. 26-27. His writings on Brest-Litovsk are scattered throughout these volumes in the form of telegrams, articles, and speeches. See also a combination of Lenin's speeches and articles that appeared in the press and were later published under the title: *The Revolutionary Phase: Left Wing Communist Mistakes on the Brest Peace*. Moscow: Progress Publishers, 1968. For the theoretical analysis of Lenin's thought see: Harding, N. *Lenin's Political Thought*, 2 volumes. New York, St. Martins Press, 1977 & 1981. On Brest-Litovsk, see Volume 2. P. 232-236. For Lenin as political activists see: Service, R. *Lenin A Political Life*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985, 1991, 1995. On Brest-Litovsk see Volume 2. P. 317-332. And for a fine study of the Bolshevik party at the time of Brest-Litovsk see: Rabinowitch, A. *The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd*. Bloomington, IN, 2007. P. 18-19.

⁴ Wargelin, *The High Price of Bread*. P. 763.

a position where they had to give up on all of their war aims, regardless of how those might be interpreted, and sign a treaty with the new Ukrainian State. Indeed, the Bread Treaty did, in theory, resolve the grain crisis, but delivery of the grain now became dependent on the ability of the Ukrainians to harvest and transport the grain into Central Europe. While the after-effects of the War inhibited the planting and harvesting of anything throughout Eastern Europe and further complicated the capabilities of belligerents to transport anything in bulk, the even bigger challenge of the moment was the ability of the Ukrainians to govern themselves and make good on any treaty obligation.

The emergence of Ukraine as an autonomous country started with the collapse of Tsarism in February 1917. According to the historian George Lieber on March 7th a small group of Ukrainian intellectuals with moderate political views formed the Ukrainian Central Rada in Kiev¹. At the same time, the newly elected head of the Rada, the Historian Mykhailo Hrushevsky, explained that the Rada represented all the national minorities within its body politic and would respect their political and civil rights in a Ukraine where the Ukrainians were the masters of the land. From this point of departure, that the Rada represented all the peoples of Ukraine for the good of Ukraine, the members of the Central Rada found themselves in an untenable position throughout the period that they ran their government. Always overwhelmed with emotionally charged and untenable social and economic issues that ranged from redistribution of the land to identifying and defending borders acceptable to all Ukrainians in one of the most culturally and ethnically diverse borderlands in Europe, the members of the Rada primarily focused on the politics of the land in the midst of War and Revolution. A stunning contradiction existed across Ukrainian lands in the winter of 1917–1918. While peace on the fronts of the Great War was an absolute and non-negotiable goal, indeed the immediate and urgent demand of all belligerents, the various political groups in the Ukrainian body politic were factionalizing and polarizing to the point where they would splinter and ultimately be unable to halt the conquest of their territory by the Red Army in 1918–1919. The

political ferment cannot be underestimated—its impact on the situation in Ukraine prevented the emergence of a unified and independent Ukraine. Everyone from landowners to radical socialists sought to gain power over an ill-defined (in terms of borders) country and over a diverse group of people who had little desire to compromise the dreams of their future².

Nonetheless, throughout the spring and summer of 1917, the Rada sought to legitimize itself by requesting other sovereign nations acknowledge them as the government of Ukraine. On May 23th they formally petitioned the Provisional Government in Petrograd to recognize that they had the sole authority to rule the Ukrainian lands³. The Provisional Government rejected the petition for two main reasons: First, it questioned if the Rada had the right to claim it represented all of Ukraine. After all, there had been no election that formed a consensus and acknowledged the members of the Rada as representatives of the Ukrainian people. Second, the Provisional Government did not believe that it had the authority to give the Ukrainians total political autonomy until after their own Constituent Assembly planned for the not too distant future. Rebuffed by the Provisional Government, the Rada appealed to all of the Great Powers and developed various levels of communication with everyone who found themselves engaged in the politics of World War I.

Initially the October Revolution sent waves of hope to the Ukrainian national movement as on November 7th, the night the Bolsheviks seized power, they not only passed the Decree on land and the Decree on peace, but they also passed The Declaration of the Rights of the Nations of Russia which promised national self-determination and the right for non-ethnic Russians to separate from the newly proclaimed Soviet state⁴. In response to the emergent Bolsheviks,

² In addition to Liber's *Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954*, see *The Emergence of Ukraine: Self-Determination, Occupation, and War in Ukraine, 1917–1922*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2015. This recently translated book offers a rich assortment of articles. I have also had access to the informative forthcoming article: Baker M. R. "The Russian Revolution in Ukraine and the Ukrainian Revolution of 1917," which will appear in the project "Russia's Great War and Revolution" book on the Arc of Revolution.

³ Liber, *Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954*. P. 59.

⁴ The decrees can be read in: Bunyan J. and Fisher H. H. *The Bolshevik Revolution 1917–1918: Documents and*

¹ Liber, *Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954*. P. 55.

on November 20, 1917 the Rada issued its third Universal Decree proclaiming the creation of the Ukrainian National Republic (UNR). By the middle of December, the UNR operating as an autonomous nation inside Russia's new political vacuum established diplomatic relations with France, Great Britain, Germany, Austria-Hungary, Bulgaria, the Ottoman Empire, and even the United States. Yet, in November 1917 the pesky Bolsheviks began to push back on the Rada with their own brand of revolutionary politics. Learning that revolutionary agitation and propaganda were one thing and political reality another, the Bolsheviks formed a Ukrainian Soviet in Kharkov; it claimed to represent the true aspirations of the Ukrainian workers. This Soviet, therefore, asserted that it was the legitimate government of the Ukrainian people. Bolshevik agitation intensified class struggle and ethnic conflict throughout Ukraine, and this combined with the support of the newly forming and simultaneously engaging Red Army would, by force of arms, oust the Rada from its seat of power in Kiev.

Thus, by February of 1918 the Rada's situation was desperate. With their country splintering under the onslaught of rising Bolshevik power, the Rada, while evacuating to Zhytomer, also sought to recompose itself throughout January, 1918 in an effort to give it a more representative appearance to the people of Ukraine and the world. Regardless of its formation, the Rada was more than willing to trade grain for political recognition but especially for the «assistance» of the Central Powers in removing the Bolsheviks from Ukraine. The Germans obliged immediately and launched an invasion of Ukraine that initially culminated in their occupation of Kiev on March 2, 1918. For the Rada, their next test was looming... would they be treated as equal partners by the German forces now ensconced in Kiev, or would the Germans treat the Ukrainians as subservient «colonial» subjects? The Bolsheviks meanwhile were pre-occupied with the final negotiations at Brest-Litovsk, a process that forced them to acknowledge their military weakness on an international stage, which meant that at the same time they had no choice but to submit on March 3rd to the harsh annexationist terms

Materials. Stanford: Stanford University Press. P. 124-28. Because of the Bolshevik policy of their "openness" there is much profit to be gained in reading Pravda and Izvestia on 26 and 27 October 1917.

of the Treaty of Brest-Litovsk. Moreover, as noted in the aftermath of the signing of the treaty, Lenin faced a revolt within the party that he had to quash before he could get the All-Russian Congress of Soviets to ratify its terms. All these factors combined sufficiently distracted the Bolsheviks from their activities in Ukraine while the German army consolidated and imposed an occupation regime over the Ukrainian people.

The path that led to the Bread Treaty started when the delegates reconvened at Brest-Litovsk after a brief holiday recess on January 9th 1918¹. The German Army revealed that it had prevailed in the internal struggle over the aims and expectations of their peace process and made it clear that they intended to annex huge parcels of land from Russia's western borderlands. As the Bolsheviks stalled to prevent agreeing to annexations, at the insistence of the Austrians, discussions evolved into negotiations between the Central Powers and Ukraine. The result was the signing of the Bread Treaty at the beginning of February, 1918. The day after the treaty was signed, on February 10th the Bolsheviks walked out of the Peace conference with Trotsky making his famous declaration of «neither war nor peace»². This tactic backfired as the Germans used this as their excuse to relaunch operations on the Eastern Front which commenced on February 18th. Unable to counter new German military operations and confronted with ever escalating demands for territory, the Bolsheviks agreed to the harsh annexationist terms of what became the Treaty of Brest-Litovsk on March 3rd. If the Ukrainians could deliver the grain and if the Central Powers, especially the Germans, could treat the peoples of Eastern Europe as global citizens

¹ President Woodrow Wilson made his Fourteen Points address on January 8, 1918 in part in reaction to events unfolding at Brest-Litovsk. On the Fourteen Points see Knock T.J. *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order*. New York: Oxford University Press, 2014. P. 140-145; Striner R. *Woodrow Wilson and World War I: A Burden too Great to Bear*. New York: Rowman & Littlefield, 2014. P. 130-136; A classic account of Wilson's role and impact in peacemaking in 1918–1919 apropos to the situation at Brest-Litovsk is: Mayer A.J. *Political Origins of the New Diplomacy 1917–1918*. New Haven: Yale University Press, 1959.

² On Trotsky's actions in regard to "No war, no peace," see: Trotsky D. *My Life*. P. 382-390. Knei-Paz B. *The Social and Political Thought of Leon Trotsky*. Oxford: Oxford University Press, 1978. P. 311-318. And, especially see the classic Deutscher I. *The Prophet Armed, Trotsky: 1879–1921*. Volume 1. New York: Vintage Books, 1965. P. 346-405.

worthy of political and civil rights equal to the peoples of Western Europe, then the Bread Treaty could have been the symbolic beginning of a new chapter in the relations among and between the peoples of Central and Eastern Europe. But it was not to be; as what happened at Brest-Litovsk for the Germans boiled down to a victory of the army, not only on the battlefield, but also over its own diplomatic establishment. The Kaiser's Army, without much thought of what it would mean in terms of administration, sought to annex as much territory as rapidly as possible so it could transfer all of its military assets to the Western Front to defeat the Entente before American forces could be brought to bear on the battlefield in 1918. As is commonly known, the Germans did not enjoy this outcome. Instead, as Foreign Minister Richard von Kuhlmann feared, after the signing of the Treaty of Brest-Litovsk, the Germans had to occupy much of the territory won, which proved to be a huge drain on the military's resources¹. Even worse (for the Germans) many of the men who served in the occupation forces of the East in the Summer and Fall, 1918 demobilized into the emerging Freikorps or became radicalized in reaction to the events and politics of the Russian Revolution².

Unfortunately for both the Austrians and the Ukrainians, the Bread Treaty turned out to be a disaster that accelerated the demise of the Habsburg Empire and ultimately compromised the authority and legitimacy of the Kievian Rada. Although annexations were not a prime concern of the Bread Treaty, the Ukrainians insisted on gaining control of the city of Kholm (Chelm) which the Poles identified as being Polish. When the Austrians agreed to give Kholm to

the Ukrainians, as a part of the February Treaty, the Poles stopped supporting the Habsburgs, which started the process of the rest of the national groups turning their backs on the Danubian monarchy. All of them started to actively and aggressively pursue their contacts with the Entente powers. Thus, while the minorities in the Habsburg Empire received nothing from the Bread Treaty in February 1918, the Bread Treaty contributed to their emergence as independent and autonomous countries in the fall of 1918. Meanwhile much to the chagrin of especially Emperor Karl, as the summer of 1918 wore on, it became clear that the Ukrainians were not going to be able to deliver any grain unless their territory was administered by the Central Powers. Dedicating forces to Ukraine in the summer of 1918 meant that the Austrians once again found themselves beholden to the Germans to accomplish the vital aim and need to acquire grain for their starving population. The situation in Ukraine in the summer of 1918 proved to be, if it is possible to make such a claim, even more disastrous. The Rada, not having the power or the support to govern their territory, and as a result, became wholly dependent on German armed forces to prop them up. This meant the occupation of Ukraine at a time when the Germans were engaged in what proved to be their final struggle on the Western Front. Perhaps because of the unfolding dire situation on the Western Front and in Berlin, the Germans exhibited little patience or tolerance for the flailing Kievian Rada and by July had set-up a military dictatorship of sorts. Thus, the Rada gained the reputation of being a paper tiger, and when the Germans were ultimately defeated in the West and subsequently withdrew from Ukraine, the Rada found itself powerless to stop the re-emergence of Bolshevik power throughout their land³. Ukrainian independence would have to wait until the end of the 20th century.

Finally, the irony that the first peace treaty of World War I had little to do with the annexation of territory or did not mention the word «repa-

¹ Since Germany ultimately lost the war, it is easy to conclude that the army failed to bring its resources on the Eastern Front to bear on the Western Front. The estimates for what the occupation cost the Germans in terms of manpower vary but most seem to rely on the numbers offered by Gordon Craig as 40 divisions or 1.5 million men. See Craig G.A. *Germany 1866–1945*. New York, 1978. P. 392; and Craig G. A. *The Politics of the Prussian Army 1640–1945*. Oxford, 1955. P. 334-337. The bottom line is that maintaining stability in the East, as predicted by von Kuhlmann proved to be a much larger task than anticipated by the army.

² See: Liulecicius V. G. *War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge, 2000. P. 54-151 for the role and operations of Ober Ost, Liulecicius offers further comment on the idea and the role of the East in: *The German Myth of the East 1800 to the Present*. Oxford, 2009. P. 130-149.

³ See Dornik W. and Lieb P. *Misconceived realpolitik in a failing State: the political and economical fiasco of the Central Powers in the Ukraine, 1918 // First World War Studies*. №4:1. 2013. P. 111-125; Hagen von M. *War in the European Borderlands: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918*. Seattle and London, 2007. P. 87-104; For a dated yet still informative account see: Joukoff Eudin X. *The German Occupation of the Ukraine in 1918 // The Russian Review*. №1:1.1941. P. 90-105.

rations» should not be lost on anyone. Three weeks later at Brest-Litovsk, the Germans set a precedent for World War I peacemaking that was based on extreme annexationist terms and the imposition of harsh occupation regimes that aimed to expropriate as much as they could, especially of the resources they needed to continue the War. The conduct of the Germans in the East in the spring and summer of 1918 would be used by the peacemakers at Versailles in the spring and summer of 1919 to justify the dismemberment and the economic devastation brought on Germany in 1919–1920. The Bolsheviks found themselves in a most difficult position because of the Bread Treaty... it exposed both their military weakness and political shortcomings. They could not accept the emergence of an independent Ukraine and, as a result, their agitation for national self-determination became meaningless rhetoric which heighten opposition

to their regime across the western borderlands of the former Tsarist Empire. Yet, by the end of 1918, and despite the Bolshevik party almost fracturing over Brest-Litovsk, Lenin proved prophetic in that the defeat of the Central Powers in November 1918 rendered the agreements of March 1918 null and void. In fact, while Brest-Litovsk did provide a breathing space in the world of Great Power diplomacy, it also inflamed the nationalities not only in the western borderlands but throughout the former Tsarist Empire. The Central power accomplishment of «Peacemaking» in the East, therefore, resulted in the establishment of counterproductive principles for the stability of a post-war Europe and exhibited the complexity of the nationality challenges that existed in the emerging Eastern European region. Unfortunately for the peoples of the region, conflict persisted throughout the borderlands well into the 1920s.

А. Р. Юрлов

«КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ» ИЛИ «ЛАГЕРЬ ДЛЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ЛИЦ»: К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЛАГЕРЯ ТАЛЕРГОФ В АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Немногим более ста лет прошло с момента окончания Первой мировой войны – конфликта, который оставил значительное наследие для современной исторической науки. Одним из малоизученных элементов, составляющих это наследие, может считаться австрийский лагерь для русофилов Талергоф, расположившийся неподалёку от города Грац (Штирия), и функционировавший в период с 4 сентября 1914 года по 3 мая 1917 года.

К настоящему времени нам известна лишь одна полноценная научная работа, посвященная институциональному уровню истории лагеря. Книга австрийских исследователей Н.-М. Голль, Г. Хоффманна и Ф. Лесяка, увидевшая свет в 2010 г., достаточно полно восстанавливает картину организации и повседневного существования лагеря Талергоф с позиций официальных документов и архивных материалов. В качестве одного из ключевых выводов исследовательская группа предлагает историческому сообществу собственную оценку сущности Талергофа, во многом отличную от бытующих в украинских и российских научных кругах представлений. Так, по их мнению, лагерь Талергоф в сущности не являлся концентрационным (подразумевая под этим термином отрицательную коннотацию, связанную с нацистским наследием), в связи с чем предлагается использовать в научных изысканиях его официальное, более соответствующее действительности наименование – «лагерь для интернированных Талергоф»¹.

Если же мы проанализируем отечественные работы, в которых содержатся хотя бы отсылки к истории Талергофа (изданных

¹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer, Herne 2010. S. 15.

крупных научных трудов по данной проблеме в российской историографии всё ещё нет), то заметим, что большинство исследователей используют качественно иные формулировки, нежели «лагерь для интернированных». Так, известный историк-славист Н. М. Пашаева была весьма категорична в своих оценках, называя Талергоф «предтечей фашистских лагерей», нанесшей непоправимый урон русскому движению, от которого оно не смогло полностью восстановиться². «Сеть концлагерей, где содержались наиболее активные сторонники единства с Россией», ключевым из которых являлся именно Талергоф, В. Н. Савченко относит к пунктам «физического уничтожения людей»³. Среди авторов томского журнала «Русин» нередко можно встретить неоднозначные суждения о «геноциде русин» в Талергофе⁴. Даже в среде российских политиков относительно недавно стали появляться высказывания, согласно которым Талергоф и вовсе являлся «первым концлагерем для русских»⁵. Одним же из немного-

² Пашаева Н. М. Русское движение в Галичине XIX–XX вв. Постановка проблемы // Славянский альманах. 1999. №1. С. 127.

³ Савченко В. Н. Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (Этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 102.

⁴ Суляк С. Г. Геноцид русинов в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // Былые годы. 2015. №36; Он же. Русины в период первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. №1(3); Он же. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. №3–4; Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. №3.

⁵ Из выступления Председателя ЛДПР Жириновского В. В. на заседании XIX-го Всемирного русского народного собрания [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ldpr.ru/leader/speech/speech_of_the_chairman_of_the_liberal_democratic_party_vladimir_zhirinovskiy_at_a_meeting_of_the_xixth_world_russian_peoples_council/ (дата обращения: 23.07.2019).

численных авторов, солидаризирующихся с позицией австрийских исследователей, можно назвать И. В. Баринова, давшего в ряде статей критическую оценку наиболее часто цитируемым воспоминаниям известного узника Талергофа, русинского общественного деятеля, придерживавшегося русофильских позиций, В. Р. Ваврика¹.

Отдельно уточним, что работа австрийских исследователей не содержит прямых отсылок к таким источникам, как «Талергофский альманах»², состоящий из многочисленных дневников, воспоминаний и свидетельств узников лагеря, и «Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора...», составленный львовским историком и общественным деятелем Р. Д. Миновичем в 50–70 гг. прошлого столетия, в котором автору удалось восстановить порядка 9000 тысяч имён и судеб лиц, прошедших через лагерь Талергоф за годы его существования³.

В связи с этим существенный научный интерес представляет возможность сопоставления данных, содержащихся в упомянутой австрийской публикации, с источниками галицийского происхождения, что позволит взглянуть на историю лагеря с позиций обеих сторон.

Таким образом, в данной статье мы предпринимаем попытку воспроизвести ключевые вехи истории Талергофа на институциональном уровне и, используя метод сравнительного анализа, стремимся выяснить, насколько имеющиеся на сегодняшний день исследования и источники солидарны в оценке упоминаемых событий, что позволит приблизиться к определению действительного институционального статуса лагеря Талергоф.

¹ Баринов И. В. Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914–1956 гг. // Режим доступа: https://zapadrus.su/zaprus/is_tbl/1953-tri-zhizni-doktora-vavrika-k-istorii-odnogo-mifa-iz-proshlogo-galitsii-1914-1956-gg.html (дата обращения: 23.07.2019).

² Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпатским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Вып. 1–4. Львов, 1924–1932.

³ Минович Р. Д. Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными (рукопись). [Электронный ресурс]. Львов, 1971. Режим доступа: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 23.07.2019).

Территория лагеря в самом начале Первой мировой войны являла собой пространство, часть которого была задействована военными под нужды авиации, кавалерии и артиллерии. Располагавшиеся здесь взлетно-посадочные полосы, а также бараки и ангары находились в тесной связи с линиями железнодорожного сообщения, что впоследствии станет одной из причин выбора этого места в качестве лагеря для интернированных⁴. Немаловажным фактором, повлиявшим на это решение, можно также назвать и то, что территория Талергофа находилась в существенном отдалении от линии фронта, что благоприятствовало транспортировке задерживаемых лиц, подозреваемых в русофильстве⁵.

Следует отметить, что, по мнению австрийской исследовательской группы, решение о создании лагеря было скорее спонтанным⁶. Сходные суждения о том, что учреждение лагеря не было запланировано высшими эшелонами государственной власти и военными кругами Австро-Венгрии заблаговременно, содержатся в работе «Великая война и память в Центральной и Юго-Восточной Европе» под редакцией О. Лутара⁷. Отечественный исследователь Н. М. Пашаева, со ссылкой на воспоминания одного из первых узников лагеря Григория Макара, также писала, что лагерь возник на «небольшой местности, перед войной никому неизвестной» вследствие переполненности тюрем Львова и других городов «опасными для государства москвофилами»⁸, что также косвенно подтверждает выводы исследовательской группы о спонтанном характере возникновения Талергофа.

Первый эшелон с интернированными гражданами прибыл на железнодорожную станцию Абтиссендорф, что неподалеку от Талергофа, 4 сентября 1914 года. Эту отправную точку институциональной истории

⁴ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпатским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1924–1932. Т.3. С. 8; Т.4. С. 119; Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 24–25.

⁵ Ibid. Op. cit. S. 29.

⁶ Ibid. S. 26.

⁷ Wesener K. Internment in WWI: The Case of Thalerhof // The Great War and Memory in Central and South-Eastern Europe. Ed. By Luthar O. Leiden, 2016. P. 121.

⁸ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. С. 142–143.

лагеря солидарно выделяют авторы всех работ и воспоминаний без существенных расхождений.

При этом на территории Талергофа помещения и палатки для интернированных русофилов начали возводить лишь пару дней спустя (по данным К. Весенер, к 10.09.1914 г.¹, исследовательская группа сообщает о 08.09.1914 г.², а в воспоминаниях находим: «первые 4 суток пробыл там под открытым небом»³, что также подводит нас к дате 08.09.1914 г.). Это послужило причиной изначального размещения узников непосредственно на земле, под открытым небом, о чем неоднократно упоминается, в том числе и у В. Р. Ваврика⁴. Позднее в качестве временной меры было принято решение о разворачивании палаточного городка, который в конечном итоге был рассчитан примерно на 2000 человек: 40 палаток на 30 человек и 3 обширных навеса на 300 человек⁵. Этот факт находит подтверждение и в воспоминаниях узников, к примеру, Феофила Курилло, который в своем дневнике писал о 10 малых и 1 большом «шатрах», возведённых уже к 19 сентября 1914 года⁶. Проблема с размещением интернированных лиц просуществовала примерно до середины декабря 1914 года, когда было достроено большинство из запланированных бараков. Также на первоначальном этапе военные ограничились возведением временного забора с колючей проволокой, а тех лиц, которым была необходима медицинская помощь, размещали в имевшихся поблизости ангарах и амбарах⁷.

Не менее интересным выглядит тот факт, что исследовательская группа, основываясь на архивных данных, утверждает, что построенные осенью 1914 года бараки были отапливаемыми⁸. Действительно, в воспоминаниях из «Талергофского альманаха», мы находим подтверждения тому, что во многих бараках были установлены печи. Тем не менее, не всем узникам хватало топлива для обогрева, а потому встреча-

ются, пусть и довольно редкие, упоминания о том, что в ряде бараков люди замерзали от холода⁹. О холодных бараках сообщает и К. Весенер¹⁰. Долгое время узники спали на соломе, а получение свежей соломы воспринималось ими с воодушевлением¹¹. Упоминания о кроватях, более приспособленных к использованию нежели соломенные подстилки, появляются лишь в мае 1915 года¹². Однако, есть основания предполагать, что далеко не все бараки были оперативно оборудованы ими, о чем говорят нам сравнительно нечастые упоминания этого события в «Талергофском альманахе». Характерным в этой связи выглядит следующее замечание из лагерных дневников от 4 декабря 1914 г.: «Лагерная администрация обещает выдать нары (топчаны) и тюфяки, построить каменные печки, прачечную»¹³.

В марте 1915 года, после снижения интенсивности эпидемии тифа в лагере, строительство новых бараков было продолжено¹⁴. В нем были задействованы, в том числе и узники лагеря¹⁵. В конечном итоге, в Талергофе располагались, помимо жилых бараков и госпитальных казарм, церковь, баня, 2 трактира, ряд административных построек (почта, канцелярия), пожарная станция и ряд иных хозяйственных по своему назначению строений¹⁶, что также согласуется с австрийскими данными.

Другой стороной существования лагеря на институциональном уровне, является организация питания. Исследовательская группа упоминает, что в начале функционирования, до возникновения перебоев с поставками продовольствия, лагерь обеспечивался картофельным супом, мясом, рисом, хлебом и ячменными рулетами¹⁷. Священник Генрих Полянский, ещё один узник Талергофа, сообщает, что как правило, питание было трёхразовым и включало себя тминный суп, мясной суп с крупой, фасолью и картофелем, а также несколько раз в неделю – по куску

¹ Wesener K. Op. cit. P. 115.

² Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 31.

³ Талергофский альманах. Т.4. С. 186.

⁴ Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966. С. 34.

⁵ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 32.

⁶ Талергофский альманах. Т. 3. С. 25.

⁷ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 31.

⁸ Ibid. P. 34.

⁹ Талергофский альманах. Т. 4. С. 33, 40; Т. 3. С. 49.

¹⁰ Wesener K. Op. cit. P. 115.

¹¹ Талергофский альманах. Т.3. С. 46.

¹² Там же. С. 74.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 34-35.

¹⁵ Талергофский альманах. Т.3. С. 40.

¹⁶ Талергофский альманах. Т.4. С. 113.

¹⁷ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 34.

мяса или солдатский кофе¹. Весной узников лагеря привлекали к посевным работам на участке поля, примыкавшем к территории Талергофа, что также обеспечивало минимальные условия существования лагерной кухни². Действовали на территории лагеря и два трактира, где за деньги, которые имелись у узников (они, в частности, имели возможность получать деньги по почте или зарабатывать торговлей и выполнением различных видов работ³), была возможность приобрести продукты питания⁴.

Следует отметить, что перебои с организацией питания были неминуемой частью жизни лагеря в военные годы, особенно – в условиях трудностей, испытываемых Австро-Венгрией на фронте и во время вспышек тифа, когда лагерные повара попросту бежали из Талергофа, как случилось 6 ноября 1914 года⁵. Узник лагеря Владимир Труш вспоминал также, что с осени 1916 года в Талергофе начался период голода, когда в даже в трактирах не было возможности купить хлеб. Примечательно, что посылки от родственников, по его словам, если и доходили до Талергофа, то продукты из них зачастую исчезали⁶. Возможно, предположить, что изъятиями безнаказанно занималась администрация лагеря, которая также могла испытывать на себе тяготы голода в Талергофе, однако прямых доказательств подобных действий не имеется.

Организация санитарного режима в лагере оставляла желать лучшего. Как отмечает исследовательская группа, изначально санузлов в лагере предусмотрено не было⁷. Зацементированные обособленные санузлы всё же появились во второй половине 1915 года, как отмечает в своих воспоминаниях священник Генрих Полянский⁸, а в качестве импровизированной канализации служили траншеи⁹. Единственным доступным источником воды был колодец, который располагался на территории будущего лагеря еще до войны¹⁰.

¹ Талергофский альманах. Т.3. С. 107.

² Там же. С. 19; Талергофский альманах. Т.4. С. 56.

³ Талергофский альманах. Т.3. С. 66.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Талергофский альманах. Т.4. С. 159.

⁷ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 50.

⁸ Талергофский альманах. Т.4. С. 112.

⁹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 51.

¹⁰ Wesener K. Op. cit. P. 117.

Большое скопление людей фактически под открытым небом, на небольшом участке земли не могло не вызвать катастрофических последствий для узников лагеря даже при осуществлении всех необходимых санитарно-эпидемиологических мероприятий. Так, исследовательская группа упоминает о том, что с первых дней администрация лагеря и доктора следили за дезинфекцией одежды узников, отдельно размещали больных в двух бараках за чертой лагеря, сбрасывали волосы и омывали тела нефтью в борьбе со вшами и с целью недопущения возникновения вспышек тифа¹¹. К. Весенер отмечает, что в лагере с самого начала его работы действовала санитарная группа «Camp Commando №4», в задачи которой входила оценка эпидемиологической ситуации в лагере и обследование каждого вновь прибывшего в лагерь¹². Подтверждения подобным мероприятиям мы находим и в «Талергофском альманахе». К примеру, Феофил Курилло сообщал об использовании керосина местным врачом, о сжигании зараженных вещей, а также, уже во время эпидемии тифа, о «новых порядках касательно соломы, купанья», к чему, по его признанию, все больные относились скептически¹³. Сходные практики упоминает также и К. Весенер, который отмечает, что ежедневно проводились санитарные чистки бараков и их проветривания (как минимум в течение часа дважды в сутки)¹⁴.

Тем не менее, администрация лагеря и доктора пытались сдерживать развитие эпидемий, насколько это было в их силах. Исследовательская группа признает, что число врачей осенью 1914 года было небольшим, особенно в соотношении с количеством узников (лишь позднее к ним дополнительно подключили военных врачей из Граца). К тому же многие доктора владели лишь немецким языком, что затрудняло контакты с узниками-русинами, а потому лагерь Талергоф вполне закономерно стал местом для возникновения страшной эпидемии тифа уже через 3 месяца после начала своей работы, и даже карантин, объявленный 4 января 1915 года и полностью изолировавший Талергоф от внешнего мира, уже не мог пре-

¹¹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 48-49.

¹² Wesener K. Op. cit. P. 117.

¹³ Талергофский альманах. Т.3. С. 53.

¹⁴ Wesener K. Op. cit. P. 118.

дотвратить трагических последствий¹. Как отмечает К. Весенер, ни одно санитарно-эпидемиологическое мероприятие в лагере не могло предотвратить грядущие эпидемии: возраст узников, условия проживания, наконец, даже те районы Австро-Венгерской монархии, из которых прибывали узники (к примеру, в Галиции с октября 1914 года распространялась холера) – всё это оказало своё влияние на высокий уровень смертности в лагере².

Немаловажным следует считать и тот факт, что общее командование и управление лагерем в первые месяцы было поручено гражданским властям, затем, в декабре 1914 года, – военным, менее всего заинтересованным в обеспечении должного уровня бытовых условий и видевшим в большинстве из узников лишь потенциальных солдат, что найдёт свое подтверждение в 1916 году, когда многие из тех, кто мог оказаться на свободе, попросту влились в ряды ландштурма. Согласно данным исследовательской группы, несмотря на то, что территориально администрация лагеря располагалась за его пределами – в Граце, любые решения принимались наместничеством Граца лишь при согласовании с министерством внутренних дел и администрацией лагеря³. В самом же лагере на постоянной основе находился лишь персонал и военные, обеспечивавшие повседневное функционирование лагеря и его безопасность.

Ключевую, на наш взгляд, роль в лагере Талергоф изначально должна была играть политическая институция – Талергофская комиссия по расследованию дел русофилов (ориг. – Thalerhofer Untersuchungs-Kommission⁴), задачей которой являлось рассмотрение всех случаев русофильства и последующее вынесение решений по имеющимся делам, а именно: следует ли оставить интернированное лицо в Талергофе, отправить задержанного в иную конфинацию, переместить в лагерь для беженцев или же освободить без права возвращения домой до окончания боевых действий.

По мнению исследовательской группы, эта комиссия не принимала окончательных решений о судьбах узников: их заключения

носили лишь рекомендательный характер⁵, что, на наш взгляд, и могло определить масштаб талергофской трагедии: комиссия не обладала непосредственным правом выпустить из лагеря тех лиц, которые оказались в Талергофе по ошибке и без прямых доказательств вины. Долгий путь документов, проходивших одну инстанцию за другой, становился для многих узников смертным приговором, особенно – в условиях эпидемии тифа и голода.

Учреждена комиссия была в ноябре 1914 года⁶. До этого момента лишь несколько дел в отношении подозреваемых находились на стадии рассмотрения⁷. В составе комиссии числились представители военного командования, служащие наместничества, офицеры полиции, а также представитель украинской партии. Примечательно, что украинская сторона предоставляла комиссии собственные списки тех лиц, которые оказались в лагере по ошибке и не являлись русофилами⁸.

Немаловажно, что упоминаемая комиссия была создана накануне первой из крупных вспышек тифа в Талергофе, которая разразилась в январе 1915 года. Но, несмотря на это, деятельность комиссии не смогла существенным образом предотвратить эпидемию посредством оперативного рассмотрения дел и освобождения из лагеря тех лиц, которые не были виновны в русофильстве и в иных политических преступлениях. В конечном итоге, когда в январе 1915 года лагерь был полностью изолирован, деятельность комиссии уже не могла быть предметной.

Тем не менее, до мая 1915 года было рассмотрено 3358 дел, в соответствии с которыми лишь 8 % узников, чьи дела были расследованы комиссией, должны были остаться в лагере⁹. Аналогичные сведения содержатся и в исследовании К. Весенер, по подсчетам которой большая часть из интернированных лиц, попавших в Талергоф в самом начале Первой мировой войны, были отпущены, и лишь до 10% узников оставались в лагере¹⁰.

⁵ Ibid. P. 119.

⁶ Ibid.

⁷ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 68.

⁸ Wesener K. Op. cit. P. 119; Маковский В. Талергоф. Воспоминания и документы. Львов, 1934. С. 252.

⁹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 70.

¹⁰ Wesener K. Op. cit. P. 119.

¹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 102.

² Wesener K. Op. cit. P. 116.

³ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 66.

⁴ Wesener K. Op. cit. P. 117.

При этом, в списках Р. Д. Мировича насчитывается лишь 645 упоминаний о работе Талергофской комиссии, и в абсолютном большинстве случаев эти данные относятся к периоду после мая 1915 года, преимущественно – к 1916 году. Примечательно, что эти сведения передают совершенно иную картину, нежели данные, упомянутые ранее: за тем редким исключением, когда узника переводили в лагерь для беженцев, большая часть решений Талергофской комиссии, сделанных в указанный период, постановляла продлить интернирование (613 случаев), и каждый третий из этих узников был официально зарегистрирован в лагерных списках в качестве русофила (москвофила, политического агитатора).

Исходя из этого, возникают две равновероятных возможности: либо Р. Д. Мирович целенаправленно не упоминал о всех прочих решениях Талергофской комиссии, считая их однотипными и малозначительными, либо располагал лишь данными об упомянутом количестве узников. Однако мы склоняемся именно к первой версии, поскольку во всем списке Р. Д. Мировича содержатся лишь 613 упоминаний об интернировании, и все они относятся к упомянутым решениям Талергофской комиссии продлить его. Можно предположить, что именно эти сведения Р. Д. Мирович счёл наиболее показательными.

Имеются также основания полагать, что именно в 1916 году в связи с потребностью фронта в пополнении ландштурма Талергофская комиссия могла вновь рассмотреть дела тех лиц, которые всё ещё пребывали в лагере с 1914 года, чтобы вынести по ним окончательное решение. Это предположение находит подтверждение в работе Р. Д. Мировича: абсолютное большинство из упомянутых 613 лиц действительно были арестованы в 1914 году. Таким образом, эти сведения вполне могут согласовываться с данными о 8–10 % узников, которые оставались в лагере после рассмотрения дел Талергофской комиссией, и, вероятно, все эти работы говорят об одних и тех же узниках¹.

¹ Прим.: Все указанные данные получены на основе обработки базы данных, созданной по материалу: Мирович Р. Д. Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными (рукопись). [Электронный ресурс]. Львов, 1971 // Режим

Как отмечает исследовательская группа со ссылкой на заявления военного командования Граца, зачастую у комиссии не было никаких документов, подтверждавших то, или иное нарушение закона со стороны интернированного лица. Как правило, обвинения строились на устных заявлениях и доносах, которые было невозможно проверить². В качестве примера в книге приводятся дела Петра Копецкого и Софрона Криницкого³, а также случай, имевший место в отношении известного скульптора М. Парашука. Эти талергофцы занесены в списки жертв австро-мадьярского террора Р. Д. Мировичем⁴ и также числятся в Талергофском альманахе⁵, что позволяет нам подробнее сравнить их судьбы, чтобы прояснить, как осуществлялась работа талергофской комиссии и на чём строились обвинения австрийских властей.

Социальное положение Копецкого не совсем очевидно: по данным исследовательской группы, он был помещиком из Туринки, Р. Д. Мирович же указывает, что он крестьянин. Однако первый из перечисленных вариантов ближе к истине, поскольку узник не только самостоятельно написал прошение о рассмотрении его дела на немецком языке, но и, судя по фотографии, предоставленной исследовательской группой, был весьма опрятно и дорого одет, что едва ли может соответствовать типичному образу крестьянина⁶.

По данным австрийских исследователей, многие узники лагеря были неграмотными и, конечно же, не владели немецким языком, поэтому подача заявлений о рассмотрении дел была крайне проблематична. Примечательно то, что комиссия занималась, как правило, лишь теми делами, на которые поступали именно письменные заявления. Для тех лиц, которые были неграмотными, администрация лагеря даже разработала специальный шаблон, в котором узник мог указать основную информацию о себе и тем самым добиться рассмотрения дела⁷.

доступа: <http://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 23.07.2019).

² Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 65.

³ Ibid. S.73-75.

⁴ Прим.: Пётр Копецкий – узник №3568 в списках Р. Д. Мировича; Софрон Криницкий – №3859; Михаил Парашук – №5877.

⁵ Талергофский альманах. Т.3. С. 58.

⁶ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 76.

⁷ Ibid. S. 81-82.

Исследовательская группа приводит сведения о том, что Копецкий был вторично помещён в Талергоф в апреле 1916 года, а дату первого задержания австрийскими властями можно найти в списках Р. Д. Мировича – это был август 1914 года. Примечательно, что причина задержания не была известна даже самому Копецкому. Но более всего выделяется тот факт, что в личном деле Копецкого после первого освобождения из Талергофа значилось лишь «политически неопасен»¹, что, впрочем, не помешало вторично его отправить в заточение в лагерь для русофилов, даже не имея прямых доказательств его русофильских убеждений.

Второй узник, Софрон Криницкий (60 лет), напротив, был представителем крестьянства, «который не умел ни читать, ни писать, никогда не интересовался политикой»². Согласно данным исследовательской группы, Софрон Криницкий при этом жил весьма зажиточно, его дом располагался в районе здравницы, но в окружении поляков и евреев, которые, по всей видимости, и написали на него донос, чтобы завладеть в результате его имуществом³. Донос, не подкреплённый никакими документами, стал единственным поводом помещения Криницкого в Талергоф.

Иногда за отдельных узников Талергофа вступались весьма высокопоставленные лица. Так, исследовательская группа упоминает письмо принца Макса Саксонского к администрации лагеря⁴, в котором он призвал освободить известного скульптура Михаила Парашука, обвинённого австрийскими властями в шпионаже⁵, и в ноябре 1914 года он действительно был выпущен из Талергофа, что подтверждают также и данные Р. Д. Мировича⁶.

В «Алфавитном указателе» Р. Д. Мировича мы находим примечательную историю крестьянина Василия Безнюка из буковинского Серета. Составитель списка так описывает судьбу жертвы: «повешен австрийцами

в окт. 1914 возле села Купки, потому что получил от казаков водку. Австрийский офицер приказал зарыть труп там, где зарывали собак, до того же труп, повешенного вместе с трупами других повешенных одновременно жертв, висели на придорожных фонарях целые сутки». Похожа и история священника Владимира Глебовицкого из Бобрки, который «бросил русским военнопленным хлеб», за что был транспортирован в Талергоф⁷.

Заметим, что ни один из упомянутых узников не числился в лагерных документах как русофил. Более того, К. Весенер сообщает, что многие из узников откровенно не понимали, почему их, лояльных австрийским властям граждан, отправили в Талергоф⁸. По предварительным данным анализа списков Р. Д. Мировича, лишь десятая часть узников – порядка одной тысячи человек – официально была обвинена австрийскими властями в русофильстве.

Освобождение из лагеря на первом этапе его существования было явлением исключительным. В первые месяцы Талергоф работал фактически лишь на приём очередных узников. Исследовательская группа упоминает единичный случай, имевший место в августе 1915 года, когда, по решению администрации и комиссии, 250 узников, сумевших доказать тяжесть своей жизненной ситуации, были отпущены из лагеря⁹.

Уже спустя несколько недель после открытия лагеря, количество находившихся в нем лиц существенно превышало возможности их содержания. Так, австрийцы приводят в качестве примера размещение в лагере более 2000 польских беженцев осенью 1914 года, что, помимо всего прочего, вызвало существенные санитарно-эпидемиологические проблемы, связанные с недостаточным питанием и гигиеной, а также повлияло на работу аэродрома¹⁰. К тому моменту, в лагере, по подсчетам исследовательской группы, в лагере находилось около 6680 человек¹¹ (вероятно, что без учёта польских беженцев, собственно узников лагеря могло быть на тот момент около 4500 человек). Предположительно, это был пик загруженности

¹ Ibid. S. 76.

² Ibid.

³ Ibid. S. 77.

⁴ Ibid.

⁵ Ониськів М., Півторак Р., Хаварівський Б., Щербак Л. Парашук Михайло Іванович (16.11.1878-24.12.1963) – скульптор, громадський діяч [Текст] // ТЕС. 2008. Т.3. П–Я. С. 28-29.

⁶ Прим.: Михаил Парашук – узник №5877; Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 75.

⁷ Прим.: Владимир Глебовицкий – узник №1642 в списках Р. Д. Мировича.

⁸ Wesener K. Op. cit. P. 115.

⁹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 57.

¹⁰ Ibid. S. 33.

¹¹ Ibid. S. 34.

лагеря, после которого обозначилось постепенное снижение численности узников, как вследствие эпидемии тифа, так и после рассмотрения дел талергофской комиссией.

Примечательно, но другие источники не упоминают о столь масштабном размещении поляков в лагере и никак не подтверждают его, что ставит под сомнение данный факт. Так, в «Талергофском альманахе» можно встретить лишь отдельные сообщения узников о том, что в разное время в лагерь поступали небольшие партии задержанных поляков. В лагерных дневниках Феофила Курилло, к примеру, можно встретить запись о том, что в ночь на 27 декабря 1914 года прибыл транспорт с поляками из Кракова, которые «пришли в ужас», узнав, что оказались в Талергофе¹. Однако сведений об их количестве Курилло не приводит. В списках Р. Д. Мировича упоминаются лишь 4 поляка, побывавших в качестве узников в Талергофе.

Безусловно, статус беженца должен был отличаться от статуса узника Талергофа, однако вызывает сомнение тот факт, что 2000 польских беженцев, упоминаемых исследовательской группой, могли незаметно для остальных узников пребывать в достаточно небольшом лагере, где, к тому же, не было необходимого количества бараков и палаток. В настоящее время, это одно из наиболее противоречивых утверждений, требующих дополнительного исследования.

Примечательно в этой связи также и то, что имеющиеся данные относительно реального количества узников, прошедших через Талергоф, а также погибших там, до сих пор существенно разнятся: в большинстве своем эти сведения являются примерными и варьируются, как правило, от 3 до 30 тысяч человек. Так, на завершающем этапе Первой мировой войны западные СМИ со ссылкой на военные источники сообщали о 2–3 тысячах узниках² (что, вероятно, могло отражать текущее количество пленников на то время, а не общее их число за все годы существования лагеря). В наиболее полных списках жертв, подготовленных Р. Д. Мировичем на

основе «Талергофского альманаха» и официальных списков жертв, а также ряда иных личных источников, содержатся сведения о 9–10 тысячах узников³. В. Р. Ваврик сообщал о как минимум 20 тысячах «русских галичан и буковинцев», прошедших через лагерь, а также о 3000 жертв Талергофа⁴. Ему вторил и отечественный историк А. П. Гагарин, один из первых советских исследователей проблемы: «Свыше 3000 сынов и дочерей Западной Украины погибли в Талергофе. А около 20 тысяч заключенных, оставшиеся в живых, покинули лагерь калеками, больными, избитыми»⁵. Этот ряд можно продолжать довольно долго, однако в большинстве случаев у авторов невозможно обнаружить какой-либо аргументации, основанной на документальных источниках, которая подтверждала бы приводимую ими статистическую информацию.

Наиболее достоверным же, на наш взгляд, источником можно считать современную работу австрийской исследовательской группы, в которой приводится точное число жертв лагеря среди гражданских лиц – 1767 (2091 – вместе с персоналом лагеря и военнопленными, которые оказались здесь уже после закрытия лагеря для интернированных), а также число узников, прошедших через лагерь за три года его существования – 16.400 человек⁶. Ставшие сравнительно недавно доступными в оцифрованном виде списки жертв Талергофа, которые составлялись администрацией лагеря и послужили источником для создания «книги памяти», которая хранится ныне в мемориальном оссуарии на кладбище Фельдкирхен, что неподалёку от лагеря, также подтверждают упомянутое выше количество умерших и являются ключевым источником по данной проблеме⁷. Сведения австрийцев о количестве умерших в лагере лиц также согласуются с предварительным анализом базы данных, создаваемой нами в настоящее время

¹ Талергофский альманах. Т.3. С. 47.

² Terrorism in Bohemia: Medill McCormick Gets Details of Austrian Cruelty There // The New York Times. December 16, 1917 // Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1917/12/16/archives/terrorism-in-bohemia-medill-mccormick-gets-details-of-austrian.html> (дата обращения: 06.05.2018).

³ См. предисловие В. В. Труша к 3-ей редакции Алфавитного указателя... Р. Д. Мировича.

⁴ Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966. С. 48.

⁵ Гагарин А. П. Из истории идеологической борьбы в Западной Украине // «Советская наука». 1940. № 6. С. 8.

⁶ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 114, 177.

⁷ Totenbuch des Interniertenlager Thalerhof // Официальные списки жертв лагеря для интернированных лиц Талергоф // Режим доступа: <http://www.talergof.org.ua/>

на основе материалов Р. Д. Миновича, в которых упоминается порядка 2100 жертв лагеря.

Количество узников Талергофа со временем постепенно сокращалось, несмотря даже на периодические расширения его территории: с 2808 узников в январе 1916 года до 2271 в марте того же года¹. В качестве одного из объяснений этого факта, исследовательская группа приводит сведения о том, что многие заключенные, (порядка 31 % из содержащихся на тот момент в Талергофе) были в 1916 году призваны на службу в ландштурм. Большинство заключенных после этого оставались пожилые лица, женщины и дети. Это утверждение соотносится с тем фактом, что в указанный промежуток времени австро-венгерская армия испытывала определенные трудности на фронте и объективно нуждалась в притоке дополнительных сил. Указанная тенденция имела место и в дальнейшем: так, в 1917 году, согласно данным исследовательской группы, приток новых узников в лагерь снизился до минимального, в то время, как набор в ландштурм продолжился². Своё влияние на численность узников в лагере на завершающем этапе его существования оказал и голод 1917 года.

8 марта 1917 года император Карл I издал распоряжение о дополнительной проверке дел заключенных в Талергофе лиц, с целью освобождения тех, подозрения, в отношении которых не имели под собой существенных доказательств. Исследовательская группа утверждает, что причиной, которая вызвала подобное решение, были, в том числе, экономические сложности в лоскутной монархии. Это решение стало первым шагом на пути ликвидации Талергоф, хотя тех лиц, которых отпускали из лагеря в этот период, переводили сначала в лагерь для беженцев³. 23 марта 1917 года из лагеря выпустили всех узников-поляков.

3 мая 1917 года было принято окончательное решение о расформировании лагеря Талергоф к 1 сентября 1917 года. В течение лета, оставшиеся в застенках Талергофа узники были переведены в лагерь для беженцев или военнопленных, в частности – в Мархтрэнк близ Линца⁴. С этого

момента на территории лагеря действовал лишь госпиталь, который 30 мая 1917 года был перепрофилирован для работы с военнопленными (в основном – из России и Италии) и действовал здесь на протяжении практически целого года.

Отметим, что именно 3 мая 1917 года следует считать актом ликвидации лагеря для интернированных лиц, поскольку гражданских узников на территории Талергофа больше не оставалось. Госпиталь для военнопленных, страдавших в основном от туберкулеза, имел иной организационно-правовой статус. Упомянутых военнопленных солдат недопустимо включать в число узников и жертв лагеря для интернированных.

Таким образом, сравнительный анализ ключевых исторических работ и источников по изучаемой проблеме демонстрирует, что в действительности лагерь Талергоф не был концентрационным по своей природе, если вкладывать в это определение наиболее распространенное на сегодняшний день представление о концентрационных лагерях как о фашистских лагерях смерти, о чем достаточно уверенно и подчас необоснованно заявляют многие исследователи.

Развивая выводы австрийской исследовательской группы, можно утверждать, что Талергоф действительно являлся лагерем для интернированных русофилов. При этом мы также предлагаем использование сочетания «лагерь для интернированных лиц», поскольку далеко не все узники лагеря были русинами, русофилами и подданными Австро-Венгрии, а предлагаемое сочетание включает в себя все возможные вариации социальных статусов.

Заметим также, что ни в австрийских, ни в русско-/украиноязычных источниках мы не находим примеров того, что агрессивно русофильски настроенные бывшие узники лагеря и члены Талергофского комитета называли «Талергофской Голгофой галицко-русского народа»⁵, позднее превратившейся в «Галицкую Голгофу»⁶. Катастрофические последствия пребывания в лагере для узников не были предопределены ав-

¹ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 37.

² Ibid. S. 38; Талергофский альманах. Т. 3. С. 12.

³ Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Op. cit. S. 38.

⁴ Ibid. S. 43.

⁵ Талергофский альманах. Т.3. С. 5.

⁶ Ваврик В. Р. Геноцид карпато-русских «москвофилов» – намеренно замолчанная трагедия XX века. Воспоминания узника концентрационного лагеря Талергоф. М., 2007. С. 28.

стрийскими властями: они возникли стихийно, в результате целого ряда внутренних и внешних факторов.

В завершение отметим, что в дальнейших публикациях по истории Талергофа нами будут детально проанализированы социально-демографическая структура лагеря, воссозданная посредством базы данных,

основанной на материалах Р. Д. Мировича и включающей в себя имена и судьбы порядка 9000 талергофцев, а также коммеморативные практики межвоенного периода, которые, на наш взгляд, легли в основу весьма идеологизированного представления о Талергофе как о «лагере смерти».

Е. В. Сироткина

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»: ЭВАКУАЦИЯ АВСТРИЙСКИХ ПЛЕННЫХ С СЕМЬЯМИ ИЗ ТАМБОВА В 1921 г.

Первая мировая война перевернула привычный миропорядок и стала подлинной трагедией в судьбе и в истории, как европейских народов, так и народов России. Российская и Австро-Венгерская империи не смогли пережить ее, эта война закончилась фатальным исходом для них и стала причиной их гибели.

За время участия России в Первой мировой войне (19 июля (1 августа) 1914 г. – 2 (15) декабря 1917 г.) русской армией было взято в плен всего около 2 млн. солдат и офицеров противника.

Военные власти Российской империи при регистрации пленных отмечали только их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных чрезвычайно трудно. Особенно это касается военнопленных австро-венгерских вооруженных сил. «Отличительной чертой австро-венгерской армии, – писал русский генерал А. М. Зайончковский, – являлся ее многонациональный характер, так как она состояла из немцев, мадяр, чехов, поляков, русин, сербов, хорватов, словаков, румын, итальянцев и цыган, объединенных только офицерским составом»¹.

Американский корреспондент Джон Рид так описывал свою встречу летом 1915 г. с колонной австрийских пленных, конвоируемых двумя донскими казаками: «Их было тридцать, и между этими тридцатью было представлено пять наций: чехи, кроаты, мадяры, поляки и австрийцы. Один кроат, два мадяра и три чеха не знали ни слова на каком-либо языке, кроме своего родного, и, конечно, ни один австриец не знал ни звука по-богемски, кроатски, венгерски или по-польски. Между австрийцами были тирольцы, венцы и полуитальянцы из Пола.

¹ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 23.

Кроаты ненавидели мадяр, мадяры ненавидели австрийцев, а что касается чехов, то никто из остальных не стал бы с ними разговаривать. Кроме того, все они резко отличались друг от друга по социальному положению, причем каждый стоявший на высшей ступени с презрением смотрел на низшего... Как образчик армии Франца Иосифа, группа эта была весьма показательна»².

В соответствии с распоряжением Главного управления Генерального Штаба в 1914 г. военных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали главным образом за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке, в то время как представители славянских национальностей и румыны отправлялись в губернии, расположенные в центральной части Российской империи.

Отношение населения Центрального Черноземья к пленным не было враждебным, а к военнопленным славянского происхождения и было фактически дружелюбным, тем более, что некоторые из них вступали в добровольческие части, чтобы сражаться в войне на стороне России и ее союзников³.

Содержание такого большого количества военнопленных ложилось тяжким бременем на казну, поэтому уже Временное правительство летом 1917 г. начинает подготовку к планомерному обмену военнопленными с Германией и Австро-Венгрией, с этой целью при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных.

² Рид Д. Вдоль фронта / Пер. с англ. И. В. Саблина и В. Ф. Корш. М., Л., 1928. С. 83.

³ Курцев А. Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (10). Т. 2. // <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-repressivnogo-haraktera-v-rossiyskom-naselenii-v-1861-1917-gg-na-primere-tsentralno-chemozemno-go-regiona>

В августе 1917 г. штаб Московского военного округа разослал на места циркуляр о порядке предстоявшей регистрации военнопленных с целью подготовки их к репатриации.

Большевики, заключив 2 (15) декабря 1917 г. перемирие с Германией, 25 января (7 февраля) следующего года подписали Соглашение с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией о возвращении на родину их раненных и больных военнопленных¹. Для реализации этого Соглашения после подписания 3 марта 1918 г. Брестского мира в течение весны-лета были созданы Русско-Германская и Русско-Австрийская комиссии по обмену военнопленными. Однако в ноябре 1918 г. Брестский мирный договор советской стороной был, как известно, аннулирован, в связи с революционными событиями в Германии, Австро-Венгрии и Турции, а вместе с ним и Соглашение по обмену пленными.

Правда, к этому времени ни о каких 2 млн военнопленных говорить уже не приходилось. Их основная часть либо рассеялась по фронтам Гражданской войны, воюя по обе стороны, либо самостоятельно возвратилась на родину, минуя демаркационные линии и воинские кордоны. Многие умерли в плену от ран и болезней или были ранее репатриированы, в связи с полученной инвалидностью, как на родину, так и в нейтральные союзные страны. Тем не менее, на территории Советской России, в том числе и в Тамбовской губернии, оставались военнопленные, требовавшие возвращения домой.

5 июля 1920 г. в Копенгагене было подписано соглашение с Австрией по военнопленным, напомним, что сама Австро-Венгрия прекратила свое существование в 1918 г. В этом Соглашении специально оговаривалось, что австрийское правительство будет соблюдать нейтралитет в возможной войне против России, полностью запретит поставку и перевозку оружия всех видов через свою территорию, боевых припасов и военного имущества². Кроме того, Австрия предоставляла право свободного передвижения находившимся в стране народным комиссарам бывшего Венгерского советского пра-

вительства³. В декабре 1921 г. в Вене было подписано Дополнительное соглашение к Соглашению о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих сторон, заключенному в Копенгагене. Правительства приняли обязательство в самом спешном порядке провести возвращение на родину еще не отправленных военных и гражданских пленных⁴.

В декабре 1921 г. с правительством Австрийской республики было подписано Соглашение о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных лиц обеих сторон. Документ вступал в силу 14 декабря 1922 г. Кроме статей общего плана, в нем обговаривались и некоторые особенности, возникавшие при перевозке репатриантов. Так, указывалось, что возвращавшиеся на родину военнопленные не должны обременяться никакими служебными обязанностями и обязательствами, что недопустимы случаи их насильственного удаления из транспортных средств, в частности, из вагонов. Представителям обеих сторон давалось право наводить справки о пропавших без вести и умерших, запрашивать удостоверения о смерти и сообщения о местонахождении могил. Правительства брали на себя обязательства поддерживать в хорошем состоянии могилы умерших на своей территории. Отмечалось также, что транспортные списки возвращающихся на родину составляет соответствующее учреждение страны пребывания, что подлежащие отправке обладают правом неограниченного общения со своими Полномочными представительствами, а также правом брать с собой свои семьи, поскольку некоторые уже ими обзавелись к этому времени. При этом австрийцы, находившиеся вблизи польской границы, должны были передаваться польским властям – на этот счет существовало соглашение между Венной и Варшавой⁵.

³ Венгерская Советская республика (ВСР) – политический режим, существовавший в Венгрии в период с 21 марта по 1 августа 1919 г. Первоначально правительство ВСР представляло собой коалицию социалистов и коммунистов во главе с Шандором Гарбаи, но через несколько дней Бела Кун, занимавший пост комиссара по иностранным делам, вывел из него всех социалистов. После разгрома ВСР румынскими войсками Б. Кун, М. Ракоши, Э. Герё, Т. Самуэли и другие члены советского правительства бежали в Австрию.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. Приложение 4. С. 624-629.

⁵ Там же.

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 174-177.

² Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 12-13.

Отметим, что бесплатная доставка бывших австрийских военнопленных до границы прекращалась с 31 августа 1922 г.¹ После этого практически около полутора лет эти лица добирались до родных очагов за свой счет, но в статусе репатриантов. Положение изменилось с февраля 1924 г., когда правительство СССР сообщило правительству Австрии, что на территории Союза из числа бывших военнопленных, желавших возвратиться в Австрию, остались считанные единицы, поэтому Москва считает плановую репатриацию австрийских военнопленных законченной с 1 мая 1924 г. Лица, пропустившие указанный срок, теперь смогут выехать в Австрию только в общем порядке, предусмотренном для выезда иностранцев из пределов Союза².

Эвакуацией, находившихся на территории Тамбовской губернии австрийских пленных, занималось Тамбовское губернское управление эвакуационной политики г. Тамбова. Эвакуация проводилась с 8 июля по 10 августа 1921 г.³ Согласно спискам, составленным Губэваком, за указанный период из Тамбова на родину было отправлено 159 человек – подданных бывшей Австро-Венгерской империи⁴.

Установить точно национальную принадлежность бывших подданных многонациональной Австро-Венгерской империи представляется, по составленным Губэваком спискам, довольно сложно. Так из 159 человек национальная принадлежность в списках указана лишь у 139 лиц, а у остальных в данном пункте стоит пропуск. Часто в одном и том же списке можно встретить одновременно употребление понятий: «венгр», «мадьяр», «австрийский венгр» или «русин», «украинец», «русский». Относились ли данные обозначения к разным этническим группам или одним и тем же, но территориально-разделенным, этносам, или, возможно, именно так себя при опросе обозначали сами бывшие австрийские пленные установить сложно. Кроме того, в ряде случаев встречаются и такие обобщенные понятия как просто «австриец» или «славянин».

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

² Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. 6. С. 137, 138.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-515. Оп. 2. Д. 1.

⁴ Там же.

Самыми многочисленными национальными группами среди бывших подданных Австро-Венгерской империи, согласно составленным спискам, оказались: чехи (28 человек), мадьяры (18 человек), русины (18 человек), поляки (15 человек), румыны (12 человек), немцы (12 человек) и итальянцы (12 человек)⁵.

Самому молодому из австрийских пленных на момент отправки было 22 года, а самому зрелому – 49 лет.

В основном, австрийские пленные в Тамбовской губернии – это люди рабочих специальностей: 35 человек – разнорабочие, 2 плотника, 1 повар, 4 хлебопашца, 1 столяр, 1 слесарь, 1 служил проводником на железнодорожном транспорте. В составленных анкетах указывалось также, что 5 человек состояли на службе (правда, не уточняется, в чем именно она заключалась), 2 человека служили учителями, а 1 из австрийских подданных даже служил в тамбовской милиции⁶.

Напряженная эпоха Первой мировой войны породила также институт гражданского плена. С августа 1914 г. в регионе прошли аресты до тысячи мужчин в возрасте 18–45 лет, являющихся подданными воюющих с Россией государств. Их объявили «гражданскими пленными». Особенно это ударило по обрусевшим иностранцам.

Центральное Черноземье также стало районом интернирования тысяч депортированных из прифронтовой зоны иностранцев всех возрастов и обоего пола, включая множество военнообязанных мужчин славянских этносов (от русинов до поляков), «внушающих подозрения».

Большинство из них разместили в местных городах, с выплатой «пособий» и под «надзором» полиции. Некоторые осели среди крестьян, здесь они жили за собственный счет под «негласным наблюдением»⁷.

При депортации как «репрессиях, применявшихся относительно германцев и австрийцев», администрации вменялось «оказывать снисхождение» к лицам славянского происхождения.

Трудные годы Первой мировой войны, революционных событий 1917 г., Гражданской войны в России, «военного коммунизма»

⁵ Там же. ЛЛ. 24, 26, 30–36, 49–50, 58–59, 73–74, 107, 117, 120.

⁶ Там же.

⁷ Курцев А. Н. Указ. соч.

заставляют людей покидать уже насиженные места и отправляться в поисках лучшей жизни на территорию далекой родины. Так, Тамбов покидает вместе с женой Кястрожек Зиновий Францевич, в анкете которого указано, что он проживал в г. Тамбове еще до начала Первой мировой войны, где 6 мая 1908 г. вступил в брак с уроженкой г. Кирсанова Кястрожек (девичья фамилия – Конева) Александрой Ивановной. К моменту отъезда у них было уже двое детей: сын Борис 14 лет и дочь Нина 4 лет¹.

Конечно, за столь длительное время пребывания в России австрийские подданные начинают создавать семьи с местными жительницами. Так вслед за своими мужьями из Тамбова уезжают 50 женщины с 28 детьми. 29 из них жительницы Тамбова и Тамбовской губернии:

1. Бальдо (до замужества Васильева) Соломонида Ивановна (Тамбов). 23 года. Сыновья Иван 4 года, Георгий 3 месяца.

2. Бальце (до замужества Юдова) Надежда Филипповна (Тамбов). 30 лет. Дочь Валентина 2 месяца.

3. Бирова (до замужества Худяков) Алина (Б. Печеры Тамбовского уезда). Дочь 11 месяцев.

4. Буличек (до замужества Казаринова) Валентина Казимировна (Тамбов). Дочь Габина 3 с половиной года.

5. Ваняус (до замужества Меркурьева) Зинаида Степановна (Тамбов).

6. Витович (до замужества Пономарева) Александра Михайловна (Тамбов). 23 года.

7. Водичко (до замужества Неелова) Мария Эдуардовна (Тамбов). 42 года.

8. Водорек (до замужества Попова) Мария (Тамбов).

9. Воречек (до замужества Гордеева) Александра Ефимовна (Тамбов). Сын Владимир полтора года.

10. Вуянич (до замужества Иванова) Евдокия Васильевна (Тамбов). 27 лет. Сын.

11. Дзионинская (до замужества Бабнинская) Софья Павловна (Тамбов).

12. Досовдилт (до замужества Саламатина) Прасковья Ивановна (с. Кутли Моршанского уезда). Сын Владимир 2 года.

13. Кашпар (до замужества Дрянина) Александра Лазаревна (Тамбов). 24 года.

14. Кейла (до замужества Елизарова) Елена Андреевна (Тамбов). 30 лет.

15. Кляйнг (до замужества Устинова) Марфа Ильинишна (с. Кутли Моршанского уезда). Дочь Серафима, сын Владимир.

16. Комарчская (до замужества Муникова) Мария Афанасьевна (Тамбов). 28 лет. Дочь Зоя 5 лет.

17. Кястрожек (до замужества Конева) Александра Ивановна (г. Кирсанов). Сын Борис 14 лет, дочь Нина 4 года.

18. Макарий (до замужества Уточкина) Мария Васильевна (с. Бондари, Тамбовского уезда). 28 лет.

19. Миласско (до замужества Иванова) Анастасия Николаевна (Тамбов). Сын Алексей 2 месяца.

20. Мусселек (до замужества Белтникевич) Вера Трофимовна (Тамбов). 22 года.

21. Радомская (до замужества Горемыкина) Пелагия Терентьевна (Тамбов). 30 лет.

22. Рылли (до замужества Бжежинская) Юзефа Михайловна (Тамбов). 28 лет. Сын Карл 5 месяцев.

23. Сайделова (до замужества Лопухова) Анна Александровна (Тамбов). 29 лет.

24. Штусал (до замужества Разумова) Мария Васильевна (Тамбов).

25. Червенко (до замужества Самородова) Лидия Ивановна (Тамбов). 22 года. Дочь Галина 6 месяцев.

26. Франек (до замужества Свистунова) Наталья (Тамбов). 30 лет.

27. Францис (до замужества Кашнева) Наталия Матвеевна (Тамбов).

28. Футтервайт (до замужества Костюшко) Сара (Тамбов). 18 лет.

29. Яги (до замужества Гранкина) Мария Ивановна (Тамбов). 21 год.

Таким образом, в 1921 г. покидали Россию и отправлялись в Европу не только подданные уже ушедшей в небытие Австро-Венгерской империи, но и жители Тамбовской губернии. Точнее жительницы, отправившиеся добровольно вслед за своими мужьями, в поисках лучшей доли для себя и своих детей, в города и страны, входившие некогда в состав Австро-Венгрии. Удалось ли им обрести эту лучшую долю, кто знает, до начала Второй мировой войны оставалось всего 18 лет.

¹ ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 2. Д. 1. Л. 119.

РАЗДЕЛ II РОССИЯ И ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

И. Шварц

ИМПЕРАТОРСКИЙ ИНЖЕНЕР БОРГСДОРФ – У ОСНОВ ПЕТРОВСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Фортификация XVII века была искусством, требующим знаний высшей математики, черчения, физики и химии, но таких специалистов в России не было. Отсутствие своей инженерной школы вынуждало Москву приглашать иностранных мастеров, людей знакомыми с этими науками на европейском уровне. Один из них был барон Эрнст Фридрих фон Боргсдорф. Еще в XVII – в начале XIX вв. он был хорошо известен как инженер и автор книг по фортификации и артиллерии в Европе¹, а несколько его трудов, которые были изданы в Москве, являлись образцом военно-инженерного искусства петровской России. Но сегодня его имя знакомо только небольшому кругу исследователей. В последние годы Ирина и Дмитрий Гузевич обратили внимание на роль императорских специалистов при второй осаде Азова, среди которых был и инженер Боргсдорф, и оценили приезд и их участие во взятии Азова как «ключевое событие»². Недавно появилось и новое репринтное издание труда Боргсдорфа – «Побеждающая крепость»³. Но, тем не менее, загадочная личность автора, его военный и творческий путь, и, особенно, его деятельность по переносу военно-инженер-

ных знаний в Россию все еще остаются малоизученными.

Итак, кто такой Эрнст Фридрих фон Боргсдорф? Проблемы исследователей начинаются уже с имени барона. В тезаурусе опубликованных в Европе книг (CERL Thesaurus accessing the record of Europe's printed heritage) встречаются разные формы – Ernstfriedrich von Borgdorff, Ernst Friedrich von Borgsdorf, Ernst Friderich von Borgsdorff, Ernst Friederich von Borgsdorff⁴. В документах австрийских архивов преобладают – Borgsdorf, Borgsstorf, Burgstorff, Burgsdorff, Burckstorff. Под именем Burgsdorff упоминается Эрнст Фридрих и в немецком «Большом Универсальном Лексиконе» Иоганна Цедлера, где была опубликована небольшая статья о нем⁵. Автор относит его к старому аристократическому роду Burgsdorff/Borgsdorff, чьи корни уходят в IX век. Владения основателей этого рода находились в Бургдорфе (Burgdorf), в кантоне Берн Швейцарии, откуда берется и название рода. Впоследствии некоторые представители этой знатной семьи поселились в Австрии, другие – в различных немецких провинциях и, прежде всего, в Бранденбурге, где обосновались новые

89

¹ [Étienne Alexandre baron Bardin] Dictionnaire de l'armée de terre: ou, Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. T. VI. Paris, 1849. P. 3825.

² Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути (1697–1698). СПб., 2008. С. 8.

³ Боргсдорф Э. Ф., фон Побеждающая крепость. М.: Книга по требованию, 2011. 58 с.

⁴ Borgsdorff Ernst Friedrich, von (1680–1715) // CERL: Thesaurus accessing the record of Europe's printed heritage. <http://thesaurus.cerl.org/record/cnp00950858>. (Дата обращения 25.08.2019).

⁵ Zedlers J. H. Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd.4. Halle und Leipzig: J. H. Zedler, 1733. Sp. 1007.

ветви рода¹. В лексиконе характеризуются публикации Боргсдорфа, как пример нового фортификационного искусства, указаны новые элементы в инженерном строительстве, положительные и негативные стороны новой фортификации, но, ни слова не упоминается о пребывании Боргсдорфа в России.

Генеалогический лексикон Иоганна Фридриха Гауена относит Эрнста Фридриха фон Боргсдорфа также к роду «Borgs- und Burgsdorff» и упоминает диспут с математиком Леонардом Кристофом Штурмом (Leonhard Christoph Sturm), результаты которого послужили для Боргсдорфа поводом написать и издать в 1703 г. новый труд по фортификации². Далее автор статьи сообщает о деятельности некоего барона Боргсдорфа, главного российского инженера в 1699 г.: «N. Baron von Borgsdorff, Anno 1699, Russischer Ober=Ingenieur» и, таким образом, допускает ошибку, соглашаясь, что Эрнст Фридрих фон Боргсдорф и барон Боргсдорф являются разными личностями³.

Иоганн Корб, секретарь дипломатической миссии в России в 1698–1699 гг., называет нашего героя – барон Боргсдорф или барон Бурхерсдорф/Буркерсдорф (Borgsdorf, Burchersdorf, Burckersdorf)⁴. Вероятно, И. Корб указывает в одном случае на принадлежность Боргсдорфа к роду Бургсдорф/Боргсдорф, а во втором на происхождение – выходец из Буркерсдорфа. Но какого именно Буркерсдорфа имеет в виду И. Корб, учитывая, что их несколько – Буркерсдорф в Силезии, в Тюрингии, в Баварии, в Саксонии или в Бранденбурге, – трудно сказать⁵. В 15 км от Вены находится небольшой поселок, который в XVII веке тоже назы-

вался Буркерсдорф (Burkersdorf), а сегодня известен как Пуркерсдорф (Purkersdorf)⁶. Может быть, Боргсдорф был уроженцем из Нижней Австрии и его владения находились под Веной, но документы и свидетельства об этом мы не нашли и вопрос о месте рождения остается открытым.

Надо упомянуть еще несколько форм написания имени барона Боргсдорфа, встречающиеся в русских источниках. Так, в Статейном списке о событиях весны 1696 г. говорится об ожидаемом приезде в Варшаву инженера «господина де Буркьдорфа», а в описании дипломатической миссии Козьмы Нефимонова в Вене приводится текст грамоты Петра I императору Леопольду I с уведомлением о взятии Азова. В ней подчеркивается, как эта победа важна в борьбе против басурман, и выражается глубокая благодарность за присланных специалистов «полковника Казимера Краге и двух инженеров, Лавалля⁷ и Буншторфа». Сохранилась и корреспонденция царя с Андреем Винусом весной 1700 г., в которой Петр I требует немедленно переслать ему письмо «барона Боршторфа»⁸.

Какова источниковая база исследования?

Прежде всего, это произведения самого Боргсдорфа. Нам удалось выявить семь трудов на немецком и два на русском языке. Некоторые из них издавались по несколько раз⁹.

Сохранились три рукописи Боргсдорфа, известные нам. Одна из них, BORGSDORFF MINIRKUNST находится в «Собрании герцога Фердинанда Николая» во Вюртембергской библиотеке (Württembergischen Landesbibliothek), в городе Штутгарте и явля-

¹ Ibid.

² Des Heil. Röm. Reichs Genealogisch-Historisches Adels-Lexicon / Hg. von Ernst Friedrich Gauhen. Bd.1. Leipzig: J.F. Gleditsch, 1740. Sp. 206. https://books.google.at/books?id=85VAAAAAcAAJ&pg=PA211&lpg=PA211&dq=Ernst+Friedrich+von+Borgsdorff&source=bl&ots=fw1_gfQ9TW&sig=Gf820CXhNjt3jRDQef1w0voq288&hl=de&sa=X&ei=g7YEVKLE4Oi0QXC8oGoCg&ved=0CCAQ6AEwATgK#v=onepage&q=Ernst%20Friedrich%20von%20Borgsdorff&f=false (Дата обращения 25.08.2019).

³ Ibid.

⁴ Korb J. G. Tagebuch der Reise nach Russland / Hg. von Gerhard Korb. Graz, 1968. S. 55-56, 137, 220, 244, 250-252. См. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 59-61, 152, 259, 286, 292-294.

⁵ Burkersdorf // Wikipedia.//<http://de.wikipedia.org/wiki/Burkersdorf>. (Дата обращения 25.08.2019).

⁶ Purkersdorf // Wikipedia.// <http://de.wikipedia.org/wiki/Purkersdorf>. (Дата обращения 25.08.2019).

⁷ Антонио де Лаваль, австрийский инженер, по происхождению француз. См. о его жизни и деятельности: Аваков П. А. и др. Лаваль Антоний Яковлевич, де.// Иностранцы специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи (1682–1727). Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича. М., 2019. С. 350-354.

⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т.8: Памятники дипломатических сношений с Римской империей: С 1695 по 1699 год. СПб., 1867. Стб. 25, 276; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб., 1887. С. 354, 808-809, 812.

⁹ См. перечень его трудов в конце статьи.

ется копией труда о минном искусстве¹. К сожалению, у нас не было возможности работать с ней, поэтому трудно сказать, автограф ли это Боргсдорфа или поздняя копия труда.

Вторая, Cod. 10.965, хранится в Рукописном отделе Австрийской национальной библиотеке в Вене и содержит стратегические планы инженеров Рогонана (Nicola de Rogonan) и Боргсдорфа об осаде и взятии турецких крепостей Офен² и Нейгейзель (Neuhäusel) в 1685 г.: «Unvorgreifliche Gedanken Dem Türcken Weg zu nehmen: Die importante Festung Ofen, uund Neuhausel: uund das innerhalb vier Monathen Zeith, Mit einer Armee von 20.000 zu Füeß und 10.000 zu Pferd»³. К тексту приложены схемы Нэйгейзеля, изготовленная для осады Рогонана и Офена – Боргсдорфом⁴. Крепость Офен не удалось взять в 1685 г. и она пала только в следующем году⁵.

Особенно важна для проблематики рукописи о пребывании Боргсдорфа в Московском государстве: «RELATION VON MOSCOVIEN erfahren und beschrieben durch röm. Kaiserl. Ober-Ingenieur 1696 eingeteilt in zwei Bücher und jedes in gewisse Capiteln» (R. III. 63). Она хранится в библиотеке «Баттяни» (Biblioteca Batthyaneum), в городе Алба Юлии (Румыния), которая ныне является филиалом Национальной библиотеки Румынии (Biblioteca Națională a României)⁶. В 1956 г. вышла небольшая статья румынского историка Г. Арделеану об этой рукописи, но публикация осталась незамеченной специалистами Петровской эпохи⁷. Й. Арделеану не был уверен, является ли рукопись оригиналом или это только копия жизнеописания

Боргсдорфа в России. Он обращает внимание на переписку, которую вела в 1934–1935 гг. дирекция библиотеки «Баттяни» с библиотекарем университетской библиотеки в г. Печ (Венгрия) – Винисом Нандором (Winis Nandor)⁸. Последний хотел подготовить рукопись к печати, но успел ли он это сделать, нам не удалось выяснить. Известный немецкий исследователь Райнхард Виттрам во время работы над своим *opus magnum* о Петре Первом заинтересовался манускриптом и получил его микрофильм. К сожалению, Р. Виттрам не дает характеристику документа и ограничивается только указанием на существование этого источника⁹. Он считает также, что «Описание Московии» было создано после 1701 г., т.е. после возвращения Боргсдорфа из России. Кстати, по свидетельству Виттрама, рукопись находилась в 1960-е годы в Центральной государственной библиотеке в Бухаресте (Biblioteca Centrala de Stat a RPR in Bukarest), а не в Алба Юлии, но Виттрам работал не с оригиналом, а только, с присланным ему микрофильмом и мог ошибочно указать как на место хранения, так и на датировку рукописи¹⁰.

Третья группа источников – это документы из австрийских архивов. К ним относятся письма австрийского резидента в Москве, Отто Плейера, который следовал за русской армией на юг и был очевидцем осад Азова. Письма хранятся в Венском архиве императорского дома, двора и государства (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien). Часть корреспонденции была опубликована Н. Г. Устряловым¹¹. Другая группа документов – это реляции, протокольные записки и письма, которые поступали для обсуждения в Дворцовый военный совет (Hofkriegsrat).

⁸ Ardeleanu G. S. Contributie la istoria. P. 93-94.

⁹ Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Bd.1: Peter der Große in seiner Zeit. Göttingen, 1964. S. 421. См. комментарии к сноске 77.

¹⁰ Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. S. 421. В 2009 г. я вела с представителями библиотеки «Баттяни» официальную переписку, чтоб получить микрофильм или разрешение работать в библиотеке с манускриптом, но мне любезно отказали под предлогом, что рукопись находится в процессе дигитализации. Будем надеяться, что она скоро станет доступной исследователям и даст возможность по новому взглянуть на многие вопросы, связанные с взятием Азова и строительством Таганрога. (Архив автора. Переписка в марте-апреле 2009 г.).

¹¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2: Потешные и азовские походы. СПб., 1858. Т. 3: Путешествие и разрыв со Швецией. СПб., 1858.

¹ Hohrath D., Henning R. Die Bildung des Offiziers in der Aufklärung: Ferdinand Friedrich von Nicolai (1730–1814) und seine enzyklopädischen Sammlungen: Eine Ausstellung der Württembergischen Landesbibliothek. Stuttgart, 1990. S. 114.

² Немецкое название крепости Буда, на правом берегу Дуная, сегодня часть венгерской столицы Будапешта.

³ ÖNB, Handschriften- und Inkunabelsammlung, Cod. 10.965. Wien 1685, Papier, 35 Bl.

⁴ ÖNB, Handschriften- und Inkunabelsammlung, Cod. 10.965, Belagerungsskizzen von Ofen und Neuhäusel. Bl. 4r., 27 r.

⁵ Eickhoff E. Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Südosteuropa 1645–1700. Stuttgart, 1992. S. 416-420.

⁶ Szentiványi R. Catalogus Concinnus Librorum Manuscriptorum Bibliothecae Batthyányanae. Szeged, 1958. S. 209.

⁷ Ardeleanu G.S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov (1696–1699) // Studii Revista de istorie. Anul IX, №2-3. 1956. P. 91-106.

К сожалению, многие из этих документов не сохранились в оригинале и до нас дошли только небольшие заметки в протокольных книгах Военного совета, которые сегодня хранятся в Вене, в Австрийском военном архиве (Kriegsarchiv)¹.

Особенно важным из опубликованных источников является «Дневник путешествия в Московию» австрийского секретаря Иоганна Георга Корба, т.н. KORBS DIARIUM, вышедшим на латыни в 1700 г., в Вене, в переводе на русский язык в 1906 г.², а на немецком – только в 1968 г.³. И. Корб встречался и общался с Боргсдорфом в Москве, и мы предполагаем, что в описании строительства крепостей Петрополис и Паулополис, а также новой гавани и крепости Таганрог, лежат те самые записки Боргсдорфа, которые сегодня хранятся в упомянутом рукописном отделе библиотеки «Баттяни»⁴. Из дневника И. Корба мы узнаем также, что Боргсдорф приехал в Россию вместе со своей женой, «баронесса фон Боргсдорф»⁵.

Из опубликованных источников надо указать еще на рукопись 1697 года «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову», изданную в 1773 г. Василием Рубаном, на «Письма и бумаги императора Петра Великого», в которых упоминается миссия Боргсдорфа, и на статейные списки из РГАДА, опубликованные в Памятниках дипломатических сношений⁶.

Итак, в результате проведенных разысканий нам не удалось выяснить, когда и где родился Боргсдорф. Первые достоверные сведения о его личности связаны с выходом в 1682 г. двух его публикаций: сборник с математическими задачами⁷ и «Непобедимой

крепости» (Die unüberwindliche Festung)⁸. Последний труд представляет собой критический анализ нидерландской системы крепостных сооружений и был посвящен известному меценату, герцогу Фридриху Карлу фон Вюртембергу, регенту малолетнего герцога Эберхарда Лудвига фон Вюртемберга. Книга вышла в свободном городе Ульм, который в те времена являлся одним из крупнейших в Германии, славился своими городскими укреплениями и уступал по размеру только Нюрнбергу. Публикации свидетельствуют о том, что Боргсдорф, как и его учитель, известный инженер и защитник Вены, Георг Римплер (Georg Rimpler, 1636–1683 гг.), получил солидное образование, по всей вероятности в Нюрнберге, где изучал математику, фортификационное дело, историю военного искусства, логику, диалектику и риторику. Школа военного искусства Нюрнберга славилась как одна из самых лучших в Европе. Мастерские считались первыми в изготовлении оружия в Германии, а окруженная промышленность достигла блестящих результатов не только в техническом отношении, но и в художественном оформлении оружия. Не удивительно, что именно здесь, в Нюрнберге, впоследствии вышли две публикации Боргсдорфа, одна в 1686 г. – «Neuentdeckte Practicable Minir-Kunst» (Новооткрытое и практически приложимое искусство минирования)⁹ и вторая, – «Die befestigte Stütze eines Fürstenthums» (Укрепленная опора княжества), – в 1687 г.¹⁰.

¹ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 395, 396, 397, 398.

² Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906.

³ Korb J. G. Tagebuch der Reise nach Russland / Hg. von Gerhard Korb. Graz, 1968.

⁴ Корб И. Г. Дневник путешествия. С. 286-294; Korb J. G. Tagebuch der Reise. S. 228-239.

⁵ Корб И. Г. Дневник путешествия. С. 95.

⁶ Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову... Издал Василий Рубан в Санкт-Петербурге в 1773; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных. Т.8: Памятники дипломатических сношений с Римскою империею: С 1695 по 1699 год. СПб., 1867.

⁷ Borgsdorff E. F., von Arithmetische Kunst- und Lust-Übung: in 47. Aufgaben verfasst. Reiß, 1682. 33 s.

⁸ Borgsdorff Ernst Friedrich, von. Die Unüberwindliche Festung, Oder das in dem Treffen um die Reputation u. Libertät der Völker Erhaltene Feld. Das ist: Gründlicher Bericht, wie ganz neue Festungen auf eine fast unüberwindliche Weise anzulangen, als auch die schon befestigten Plätze nach der Niderländischen Manier, mit ihren Aussenwerken zu corrigiren, zu verstärken, u. in weit grössere Perfection zu bringen. Ulm: Verlag Kühnen, 1682. 102 S. // <https://www.e-rara.ch/zut/content/pageview/9903719> (Дата обращения 28.08.2019).

⁹ Borgsdorff E. F., von. Neu-entdeckte Practicable Minir-Kunst: Über einen Hauffen zu stürzen: starke Mauern, Wäll und Pasteyen; um denen darzu bestimmten Truppen, einen Weg zu bahnen, in mächtige Vestungen zu gelangen, selbige zu überwältigen: Allen Generalen und hohen Officirern bey den Offensiv-Armeen, auch denen, welchen das Miniren oblieget, zu höchst-ersprißlicher Nachricht mitgetheilt. Nürnberg: Verlag Endter, 1686. 92 s.

¹⁰ Borgsdorff E. F., von. Die befestigte Stütze eines Fürstenthums Oder: Neu erfundene Defension wider das sonst Welt bezwingende Canoniren, Bombardiren und Miniren. Nürnberg bei Endter, 1687. 119 s.

В 1682 г. Боргсдорф поступил на службу к императору Леопольду I, принял участие в обороне Вены против турок, где в августе 1683 г., во время осады, погиб главный военный инженер – Г. Римплер. К сожалению, детали этого периода жизни Боргсдорфа малоизвестны. По свидетельствам источников, в 1685/86 гг. он находился в генеральном штабе герцога Карла-Леопольда Лотарингского и проектировал минирование крепости Буда (нем. Офен)¹, но многие из его опытов были неудачны, и только случайность помогла ему в 1686 г. взорвать турецкий погреб боеприпасов. Взрыв разрушил часть крепостной стены, путь имперскому войску был открыт, и крепость была взята штурмом². Надо помнить, что именно в этом году французский инженер, маркиз Себастьян Ле Претр де Вобан, делал многократные опыты в Турнэ с минными взрывами, послужившими начальными основами теории минного искусства. Новые оборонительные сооружения требовали новых способов минирования, и эксперименты и неудачи Боргсдорфа были характерны для этого периода. Учитывая полученный при осаде Буды опыт, императорский инженер опубликовал в конце 1686 г. упомянутый выше труд о минном искусстве.

После взятия Буды Боргсдорф служил дальше в армии Карла-Леопольда Лотарингского, а после смерти герцога (1690 г.) продолжал участвовать в дальнейших наступательных действиях на Балканах. В сентябре 1692 г. был взят город Гроссвардейн³. Принимая в расчет стратегическое значение этого региона для будущих действий на Балканах, военное командование разработало план оборонительной системы Трансильвании. Он включал усиление фортификационных сооружений – на юге это были крепости Турну Росу (Turnu rosu), недалеко от Сибиу, Алба Юлия, Дева и Темишоара, а на западе – Гроссвардейн и Арад. В связи с этим Боргсдорф получил от Военного совета при-

каз начать с восстановлением и укреплением пострадавшей крепости в Гроссвардейне, а так же построить новые крепостные сооружения в Араде⁴. Практически с 1692 по 1694 гг. он работал над реализацией этого проекта, но война шла на несколько фронтов, и опыт барона понадобился на юге. В январе 1695 г. Евгений Савойский обратился к Военному совету с просьбой послать ему для осады крепости Казал⁵ в Пьемонте опытных инженеров и минеров. Эта крепость, построенная в 80-х гг. XVII в. маркизом С. Вобаном, являлась образцом фортификационного искусства и считалась практически неприступной⁶. Для поездки в Италию были выбраны четыре инженера – испанец Басет де Рамос (Juan Bautista Basset y Ramos), Антонио де Лаваль, Эрнст Боргсдорф и Ертрих (Ertrich)⁷. После длительной осады и благодаря военному таланту молодого Евгения Савойского 11 июля того же года крепость сдалась. В сентябре, при непосредственном участии Боргсдорфа, была взята еще одна крепость маркиза С. Вобана – Намур во Фландрии⁸. В ноябре 1695 г. Боргсдорф был отправлен в Моравию проинспектировать состояние крепостных сооружений столицы Моравии – города Брно (Brün), а так же фортификационную систему замка Шпильберг (Spilberg). Сохранились отметки в протоколах Военного совета, что императорский инженер предлагает защитные меры и строительство нового арсенала (Цойггауз) в Брно, но сам доклад Боргсдорфа нам не удалось найти⁹.

⁴ Georgita M. Buildings of Fortress in the Eighteenth Century in the West of Transylvania // Studia Historica. № 3. 2005-2006. // http://www.studia.ubbcluj.ro/arhiva/abstract_en.php?editie=HISTORIA&nr=3&an=2005-2006&id_art=235 (Дата обращения 25.08.2019).

⁵ Сегодня Casale Monferrato, Piemont.

⁶ Историческая карта крепости С. Вобана (1693 г.) из собрания университетской библиотеки в Дюссельдорфе // <http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/ihd/content/pageview/1988542> (Дата обращения 28.08.2019).

⁷ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 396. S. 32r.-v.

⁸ Borgsdorff E. F., von. Defensions-Echò, Oder: Erläuterung, uber einige an Herrn Georg Rimplern befestigte Festung angemerkte Schwachheiten; contra dem Hoch- und Wohlgelehrten Herrn Leonhard Christoph Sturm ... gegebenen Unumbstosslichen Beweiss, Ob wäre dem Herrn Georg Rimplern in dem gefällttem Urthel, zu viel geschehen / Dess Römisch-Kayserlichen Ober-Ingénieur Ernst Friderich, Baron von Borgsdorff. Wien, 1704. S. 47.

⁹ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 395, S. 449, 459, 465.

¹ См. ÖNB, Handschriften- und Inkunabelsammlung, Cod. 10.965.

² Seydel S. F. Nachrichten über vaterländische Festungen und Festungskriege. Bd I. Leipzig, 1818. S. 243.

³ нем. Großwardein, венг. Nagyvárad, ныне г. Орадеа/Oradea в Румынии. См. Rill R., Die Festung als Baustelle im 18. Jahrhundert: Wirklichkeit und Mythos. In: Türkenangst und Festungsbau, hg. von H. Heppner u. Z. Barbarics-Hermanik (Neue Forschungen zur ostmittel- und südosteuropäischen Geschichte. Bd. 1.) Frankfurt am Main, 2009. S. 148.

Итак, мы имеем дело с человеком, который всю свою жизнь провел на полях войны и имел богатый военный и жизненный опыт. Он видел, как об этом сам пишет, «не только испанские, итальянские, французские, голландские, шведские, датские, польские и турецкие крепости, но и многие другие в натуре и знал, что такое крепость и как ее надо брать»¹.

1696 год оказался роковым в жизни и судьбе военного инженера. Боргсдорф получил приказ поехать вместе с другими специалистами в Москву. После подписания «Вечного мира» с Польшей (1686 г.), Россия стала активным союзником «Священной лиги» в борьбе против Османской империи. Хотя Крымские походы в 1687 и 1689 гг. не увенчались успехом, Австрия и Польша непрерывно требовали, чтобы Москва продолжала военные действия против Крыма и таким образом отвлекала на себя турецкие силы. Активизировать военные действия на юге было в интересах и самого Московского государства. К этому молодого царя побуждало и желание испытать новую армию не в «потешных битвах», а в настоящей войне. В конце 1694 г., в кругу друзей и единомышленников, Петр постоянно обсуждал идею нового похода против крымских татар, и 20/30 января 1695 г. служилым людям официально приказали «собираться... в поход на Крым»². Но традиционное крымское направление похода служило, как предполагает Н. Н. Молчанов, лишь прикрытием для подготовки и нанесения удара по самим туркам, вернее по их крепости в устье Дона – Азову. По тем временам обнесенный каменными стенами Азов считался мощнейшей крепостью в Османской империи. По-турецки она называлась Саад-уль-Ислам, что означало «оплот ислама», и именно этот «оплот» решил сокрушить Петр³.

Осада началась в конце июня 1695 г. и продолжалась три месяца. Два штурма, предпринятые по настоянию Петра, обнаружили несогласованность в действиях осаждавших⁴. Не хватало флота, а на суше –

инженерных познаний. Подкопы и закладываемые в них мины при взрывах нанесли больше ущерба русским, чем туркам. И. Корб, ссылаясь на очевидцев, пишет, что виновником несчастья был майор Преображенского полка Адам Вейда: «...судьба зло подшутила над трудолюбивым рвением Вейда и его минами, подведенными с согласия Государя при осаде Азова, именно он разорвались на гибель не врагу, а Царским солдатам, так что несколько сот из тех, которые охраняли вал, взлетели на воздух», крепостная же стена осталась невредимой⁵. В довершение всего к противникам перебежал изменник, голландский матрос Яков Янсен, близкий друг Петра, который выдал врагу самые подробные сведения о расположении, о составе русской армии и указал на уязвимые места в русской обороне. Турки совершили успешную вылазку: перебили сотни солдат, захватили или испортили много пушек⁶. В конце сентября решили осаду прекратить, но возвращаясь домой, по дороге потеряли еще немало людей.

Однако неудача не остановила Петра, он умел извлекать уроки из поражений, проявлял неутомимую деятельность и с удвоенной силой возобновлял попытку. И на этот раз он решил удвоить проигранную ставку в высокой игре⁷. Еще в ходе возвращения «от невзятия Азова (горько-ироническое выражение самого Петра)» началась подготовка к новому походу⁸.

Первая осада Азова остро поставила вопрос о необходимости привлечения опытных инженеров, минеров и корабельных мастеров. Видимо, Тиммерман, слишком давно приехавший в Московию, или Вейде и Брюс, родившиеся в Москве, были плохо знакомы с новыми достижениями техники и не имели необходимых знаний. Были нужны умелые специалисты, и Петр обратился с письмами к своим союзникам: польскому королю, императору Леопольду и курфюрсту бранден-

¹ «... in Natur ... und schon weiß was Festungen seind, und wie ich davon judicieren solle»: Borgsdorff E. F., von. Defensions-Echò. S. 11.

² Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 55.

³ Там же.

⁴ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 56.

⁵ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 256. Ср.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т.2: Потешные и азовские походы. СПб., 1858. С. 249, 252.

⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т.2: Потешные и азовские походы. СПб., 1858. С. 235.

⁷ Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М., 2000. С. 159.

⁸ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 57.

бургскому. Отправленная в Вену 27 октября (ст. с.) 1695 г. грамота была получена здесь 30 декабря. Русский царь сообщал об осаде Азова, взятии двух крепостей и о намерении продолжить осаду в следующем году. Он обращался с просьбой к императору Леопольду I послать «добрых и искусных инженеров и подкопщиков» и настаивал как можно быстрее отправить их, еще «зимним путем, чтоб неприятельские турецкие намерения ...опередить». Далее Петр обязывался по окончании воинских дел сразу отпустить специалистов, если они этого захотят: «А будут они похотеть из государств наших ехать во отечество свое и мы Великие Государи ... пожаловав их нашим государским жалованьем, повелим отпустить без задержания, по окончании воинских дел, того же лета, в котором они выше ...присланы будут»¹. Направленный в Вену в конце декабря 1695 г. для переговоров о наступательном союзе против турок дьяк Козьма Нефимонов тоже получил инструкцию действовать решительно, так как Петр собирался в поход «самым ранним временем»². Учитывая, что продление осады Азова могло отвлечь крымских и ногайских татар от военного театра на Балканах, а это было только на пользу стратегическим планам Габсбургской империи, император Леопольд I повелел немедленно подготовить нужных инженеров и минеров для службы в России³. Протокольные книги Военного совета показывают динамику обсуждения вопроса и проблемы, с которыми в Вене столкнулись в ходе подготовки специалистов. Первый стоящий на повестке дня вопрос был: кого послать? Сохранилось короткое сообщение о том, что Адам Стила (Adam Styla)⁴, переводчик с русского языка при Венском дворе, предлагал в состав группы включить его сына, Адриана (Adrian), либо как переводчика, либо в какой-нибудь другой должности – «*andere emplois*», но Совет отверг кандидатуру, наверное, из-за отсутствия военного опыта у молодого Стила⁵.

¹ HHStA-Wien. Russland I. Karton 16 (1690–1695). Fol. 46.

² HHStA-Wien. Russland I. Karton 16 (1690–1695). Fol. 45.

³ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 51.

⁴ Адам Стила был переводчиком при Венском дворе с 1684 по 1704 г.

⁵ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S.18-19.

Уже 16 января 1696 г. был обсужден список артиллерийских офицеров и минеров, которые под предводительством полковника Казимира Краге должны были поехать в Россию⁶. К. Краге изложил в письменном виде свои соображения по поводу поездки и пребывания в Москве⁷. Список инженеров и минеров был одобрен резолюцией Леопольда I⁸. Австрийскому резиденту в Москве, Отто Плейеру, было отправлено уведомление, что в Россию едут полковник К.Краге, два артиллериста, один минер-корпорал с шестью минерами и два императорских инженера: «*Hat Obristläuthenent Krage... samt zwei Bücksmeister, dann ein Minier Corporal mit Sechs Miniere und zwei Kaiser. Ingegniers dahin geschickt*»⁹. Кроме того, имперскому послу в Польше, графу К.Седлницкому (Karl Julius Sedlnitzky, Graf von Cholticz)¹⁰, было отправлено сообщение о предстоящем приезде инженеров и минеров в Варшаву и инструкция по организации их дальнейшей поездки в Москву¹¹. 4 февраля император подписал официальную грамоту, уведомляющую царя о приезде специалистов¹². Кажется, все двигалось по плану, и в начале февраля специалисты могли отправиться в путь, как вдруг Боргсдорф потребовал увеличения жалования¹³. Он, конечно, был готов ехать в Москву, но только если бы его зарплата равнялась зарплате инженера Антония Лавалы. Рейхсканцелярия издала декрет: к первоначальному 75 талерам добавить в месяц еще 25 талеров из-за поездки в Москву¹⁴, но это не удовлетворило Боргсдорфа, и он дальше

⁶ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 36.

⁷ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 40.

⁸ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 55.

⁹ HHStA-Wien. Russland I. Karton 17 (1696–1697). Fol. 16-19.

¹⁰ В статейных списках Посольского приказа указан как граф Карол Юлий Контич фон Седлницкий/Седлницкий де Гольцин. См.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т.8: Стб. 441, Указатель. С. 71.

¹¹ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 57. См.: Памятники дипломатических сношений. Т. 8. С. 24, стб. 441.

¹² Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773. С. 115-119.

¹³ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 397. S. 91r., 93r.

¹⁴ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 398. S. 72.

настаивал на увеличении суммы, а также требовал возвести его в ранг главного инженера, как и А. Лавалу. Эти требования были удовлетворены, с указанием, что Боргсдорф должен немедленно отправиться в дорогу и уже 25 февраля находится в городе Епериес (Eperies, ныне Prešov/Прешов, в Словакии): «Daß ihm seine Besoldung auf Monatliche 150 fl. verbessert und der Titel einer Kais. Oberst Ingenieur conferiert wurde, soll also seine Reis nach Moscau befürwordet, damit er der 25. dieses zu Eperies sein köpffe»¹. Учитывая, что имперская казна была пуста, и финансовые вопросы решались долгими переговорами, та спешность, с которой были удовлетворены требования Боргсдорфа, удивляет и показывает, насколько эта миссия была важна для стратегических планов самого Военного совета. Ее снаряжение и отправление могло послужить веским аргументом в предстоящих в Вене переговорах о наступательном военном союзе против турок, а опыт мог быть полезным для координации будущих военных действий союзников.

В конце февраля в дорогу двинулись: «Полковник артиллерии Казимир <...> Краге, у него жена, да челяди 8 человек. Де Лавал, да барон Боргсдорф, челяди у них, у Де Лавала 4, у барона жена его, да челяди 4 человека». Из Трансильвании в Польшу к ним подъехали: «Минеры: Генрих Лоренц, Иоанн Гоф, Антоний Кох, Франциск Калзон, Томас Бегант, Николай Териер, Иоанн Слиерер. Канонеры, то есть: Огнестрельные мастера: Лавренты Шмит, Лаврентий Урбан, Иосиф Очтоия, адъютант Готфрид Дишман»². Но, несмотря на раннее уведомление австрийского резидента в Польше о приезде специалистов и о необходимости снабдить их продовольствием и отправить как можно скорее в Москву, они застряли в Варшаве надолго. Эрик Амбургер считает, что русскому резиденту, стольнику Борису Михайлову, пришлось долго ждать прощальную аудиенцию у польского короля и это являлось причиной запаздывания³. Другого мнения придержи-

вался очевидец событий, венецианский резидент в Варшаве, Г. Альберти, который 17 апреля сообщал в Венецию, что причиной задержки является новый московский резидент, который опаздывает, и все ждут его приезда⁴. Что на самом деле произошло в Варшаве, трудно сказать. Ситуация была очень сложная. В ожидании скорой смерти польского короля Яна Собеского Польша превратилась в центр дипломатических интересов и политических интриг. Почему глава Посольского приказа Емельян Украинцев не спешил посылать в Варшаву нового резидента, Алексея Никитина, и какие были у него основания действовать, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Петр нервничал и хотел знать, где специалисты, о которых давно было извещено, что они в дороге. Н. Г. Устрялов⁵, а вслед за ним М. М. Богословский⁶ и Н. Н. Молчанов⁷ утверждают, что за опоздание царских инженеров ответственность несет Е. Украинцев, который никаких сведений об армии не сообщал русскому посланнику при царском дворе, Козьма Нефимонову, «опасаясь чтобы тот не разгласил их», а и в Вене «никак не ожидали такого раннего похода русских войск»⁸. Затем Н. Г. Устрялов пишет об эмоциональной реакции Петра и приводит его письмо от 15 июля к Виниусу: «Петр был крайне раздосадован таким странным рассуждением и тотчас написал следующее оригинальное письмо к Виниусу, шурину Украинцева: «Зело дасодиль мнѣ своякъ твой, что Кузму <Нефимонову – И.Ш.> держит без вѣдомости о войнѣ нашей; і не стыт ли: об чем ни спросят ево, ничево не знает, а с таким великим дѣлам послан! В цыдульках Миките Моисеевичю о Полских дѣлах пишет, которыя не нужьны, что надабет дѣлать, а царскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ. А пишет такъ: для того о войсках не даем вѣдать, чтоб Кузма лишьнево не рассъял. Расъсудиль! Есть ли са(н)с его въ

¹ Kriegsarchiv (KA) Wien. Hofkriegsrat (HKR). Protokolle. Bd. 398. S. 74v., 75r., 78r.

² Поход боярина. С. 120.

³ Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert. Wiesbaden, 1968. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen aus Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 42). S. 51, ссылка 204.

⁴ Шмурло Е. Сборник документов относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т.1: 1693–1700. Юрьев, 1903. С. 72, док. № 110.

⁵ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 286-287, 430.

⁶ Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т.1: Детство, юность, Азовские походы: 30 мая 1672 – 6 марта 1697 г. М., 1940. С. 327-328.

⁷ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 58.

⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 430.

здоровье? (О) государственном повѣрено, а что всѣ вѣдоют, закрыто! Толка скажи ему, что чево онъ не допишетъ на бумаге, то я допишу ему на спине»¹.

Из этого письма хорошо видно, что Петр делал ставку на «цесарскую сторону», на союз с императором и на успешное завершение союзных переговоров в Вене. В политическом пасьянсе европейской политики они были для него на тот момент намного важнее, чем «польские дела».

Не дождавшись иностранных инженеров, русская армия двинулась в поход и в конце мая подошла к своим прошлогодним шанцам, а петровская флотилия блокировала крепость со стороны Азовского моря. 14/24 июня 1696 г. против устья Дона появилась турецкая эскадра в составе 23 кораблей, но при встрече с русской флотилией ушла в море. Город окружили со всех сторон. Более месяца продолжалась усиленная бомбардировка крепости с суши и моря, но гарнизон не собирался сдаваться². Была предложена идея сделать высокий земляной вал, привалить его к валу неприятельскому и, засыпав ров, сбить турок с крепостных стен. Н. Г. Устрялов замечает, что «как ни странно было это предложение, напомилавшее осаду Херсона великим князем Владимиром в X столетии», царский совет принял его³. Однако осадные работы не давали результата «несмотря даже на присутствие приезжих бранденбургцев, которые оказались артиллеристами и были искусны только в метании бомб»⁴.

Наконец-то 11/21 июля императорские инженеры и минеры с немалым опозданием прибыли в Азов⁵. Их пригласили сначала отобедать у главнокомандующего, а затем повели осматривать траншеи и мины. При чем они очень удивились русским сооружениям и проделанной огромной работе, но не ожидали от них особенного успеха, надеялись больше на минные подкопы и батареи. Инженеры сделали новые расчеты и указали Патрику Гордону, где и как надо расположить

новые батареи⁶. С согласия Петра и боярина Шеина их советы были приняты. 16/26 июля метко направленными выстрелами был разрушен угловой бастион, который П. Гордон до этого безуспешно обстреливал. Появилась возможность проникнуть в крепость. Войскам было приказано готовиться к штурму. После долгого, длившегося более шести часов сражения, турецкий гарнизон, учитывая безнадежность своего положения, объявил капитуляцию (19/29 июля). Его командование оговорило сохранение жизни своим солдатам и их семьям и выход из крепости вместе с личным оружием. В оставленный турками город вошли русские войска. Среди многих трофеев, попавших в руки русских, оказался и прошлогодний изменник Я. Янсен.

Отвечая на вопрос о том, что же лишило турок всякой надежды, А. Г. Брикнер пишет – что трудно сказать: «...приступ ли казаков, или угрожающая им с высоты вала опасность, или искусство иностранных инженеров, или состоявшаяся при помощи флота полная блокада крепости»⁷. В сущности, имели место все эти причины, что и привело к победе царя. Новость о взятии Азова вызвала удивление европейского мира и огромный международный резонанс. Немецкие газеты восторженно сообщали о «виктории храброго Гектора» (*dieses tapfern Hectors*), сравнивая русского царя с Александром Македонским и императором Августом и называя его «Magnus Czaar Peter»⁸. Что касается конкретных дипломатических последствий, то они сказались, прежде всего, на отношениях с союзниками: переговоры о заключении новых союзнических соглашений о совместной войне против Турции, которые вел русский посланник К. Нефимонов в Вене, сразу же ускорились, и австрийцы, а затем и венецианцы, стали явно сговорчивее⁹.

Разрушенную крепость Петр велел восстановить и как можно быстрее установить в ней сильный воинский гарнизон. Осенью были подготовлены указы о заселении Азо-

¹ Там же. См. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 89-90.

² Тушин Ю. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 155-158.

³ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 285.

⁴ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 284.

⁵ Поход боярина. С. 119.

⁶ Богословский М. М. Петр I. С. 327.

⁷ Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра. С. 164.

⁸ Blome A. Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 57. Wiesbaden, 2000. S. 65-66.

⁹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 60.

ва и строительстве морского флота¹. Для иностранных специалистов началась новая жизнь. Вернуться на родину им не разрешили. А. Лаваль был произведен в чин генерал-инженера и ему поручили заняться укреплением Азова², Элезару Краффорду – пристанищем Таганрога. Боргсдорф участвовал сначала в обсуждении проекта строительства канала между Волгой и Доном, по рекам Иловля (приток Дона) и Камышинка (приток Волги), но работы пришлось отложить на более поздний срок³, и он был отправлен по приказу боярина Тихона Стрешнева на Украину восстанавливать крепостные сооружения в Киеве и Севске⁴. После того, как Лаваль «навлек на себя неудовольствие царя», был обвинен в измене и сослан в Сибирь⁵, Боргсдорф занял в 1698 г. должность главного инженера на стройках Азовской и Таганрогской крепостей⁶. Планы Боргсдорфа построить в Таганроге свою мечту, свою неприступную крепость, «*meine unüberwindliche Festung*», как он ее называл, встретили одобрение Петра. Проекты были согласованы с другими иностранными инженерами, а впоследствии опубликованы в DIARIUM И. Корба. Об этом сообщает и сам Боргсдорф в «*Defensions-Echò*»: «Ему Великому Царскому Величеству/ в Московии, в 1696 году / были показаны на берегу Палуса Маеотиса⁷ некоторые мои проекты для строительства новых крепостей, которые были апробированы всем присутствующим иностранным инженерам, и которые можно увидеть на гравюрах в Дневнике пребывающего к тому же времени в Московии Кавалера Священной Римской Империи и Надворного-Военного Советника, Господина Игнатия Кристофа, знатного господина фон Гвариент и Ралли, и т.д.»⁸. На основании это-

го текста можно сделать и предположение, что на знаменитой гравюре Адриана Шхонебека о второй осаде Азовской крепости изображен не Петр Тиммерман, а инженер Боргсдорф, который показывает Петру I план осады крепости и который наверно потом не раз обсуждал свои проекты о строительстве новых крепостей с Великим государем и остальными иностранными инженерами⁹ (См. Фото 1). В 1709 г. в честь окончания строительства Таганрогской гавани была изготовлена памятная медаль, дошедшая до нас в значительном количестве копий. На ее лицевой стороне изображен Петр Первый, а на оборотной – план крепости и имя чело-века, который осуществлял строительство гавани – венецианского корабельного капитана Матвея Симонта (Фото 2).

По свидетельству самого Боргсдорфа, он был отпущен и покинул Россию осенью 1699 г., 7 декабря 1699 г. его уже принимал в Вене президент Дворцового Военного совета, граф Эрнст Рюдигер фон Штаремберг, а 5 января 1700 г. он был на аудиенции у императора Леопольда I¹⁰.

Уезжая, Боргсдорф рекомендовал вместо себя для строительства крепости на мысе Таган (Таганроге), инженера Рейнгольда Трузина/Траузина, но уже в письме от 5 марта 1700 г. боярин Т. Н. Стрешнев уведомлял Петра, что новый инженер умер, срочно нужен другой и «каво изволение?» царя¹¹. Незадолго до смерти Трузин составил план Троицкой крепости, в основе которого лежал проект Боргсдорфа и таким образом в строительстве будущего Таганрога им были продолжены традиции императорской фортификационной школы заложенные Боргсдорфом. Некоторые исследователи

¹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 61.

² Аваков П. А. и др. Лаваль Антоний Яковлевич, де. С. 351.

³ Ardeleanu G. S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov. P. 101.

⁴ Ardeleanu G. S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov. P. 102.

⁵ Аваков П. А. и др. Лаваль Антоний Яковлевич, де. С. 352-353.

⁶ Ardeleanu G. S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov, P. 102-105; См. Корб И. Г. Дневник путешествия. С. 292-294. См. Богословский М. М. Петр I. Т. 4. Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны (1699–1701) 1948. С. 58-61.

⁷ Palus Maeotis, античное название Азовского моря.

⁸ «Haben doch Jhro Groß-Zsaristische Majestät/ in Moscovien Anno 1698. an dem Palus Maeotis einige meine

Inventionen bey den dorthin neu- angelegten Festungen/ ins Werk bringen lassen mit Approbation der allda anwesenden außländischen Ingenieurs, wie solche im Diario deß zur selben Zeit der Röm. Kayserl. Envoye in Moscovien und Hoff-Kriegs-Raths H(err)n Ignatij Christoph, Edlen Herrns von Guarient und Ralli, g.g. in Kupferstich zu sehen seyn»: Borgsdorff E. F., von. Defensions-Echò. S. 11. Перевод И. Шварц. См. Комментарии Богословского о проектах Боргсдорфа и Лавалья: Богословский М.М. Петр I. Т. 4. С. 468.

⁹ См. Комментарии Богословского о гравюре Шхонебека: Богословский М. М. Петр I. Т.1. С. 398.

¹⁰ Ardeleanu G. S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov. P. 104-105.

¹¹ Богословский М. М. Петр I. Т. 4. Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны.... (1699–1701). [Москва], 1948. С. 400.

ошибочно считают, что военные инженеры Р. Трузин и Яган Регузин, оба возглавлявшие строительство Троицкой крепости, являются одним и тем же лицом, но Р. Трузин умер в начале 1700 г., а Я. Регузин приехал в Приазовье не ранее начала июня 1702 г. и, несомненно, здесь идет речь о разных людях¹. Судьба Я. Регузина оказалась не менее трагичной, его предшественника. В октябре того же года Ф. Н. Апраксин писал царю с «безмерной жалости», что новый инженер умер не достроив Троицкую крепость². Находясь в Вене Боргсдорф продолжал интересоваться тем как обстоят дела в Таганроге. Об этом мы узнаем из уже упомянутой переписки Виниуса с Петром весной 1700 г. и из наказа царя немедленно переслать письмо инженера в Воронеж³.

Считается, что Боргсдорф положил начало военно-инженерной литературе при Петре I. Из его сочинений на русский язык переведены два: «Побеждающая крепость» в 1696 г.⁴ и «Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати» в 1697 г., которые были опубликованы в Москве в 1708, 1709 и 1710 гг.⁵. Очевидно

последняя работа имела практическое значение, так как третье издание в 1710 г. вышло в 480 экземпляров⁶. Наряду с трудами Боргсдорфа был переведен и издан в 1708 г. и труд его учителя, Г. Римплера – «Римплева манера о строении крепостей»⁷. Петр I очень интересовался этой книги, был недоволен качеством первого издания и в связи с этим в 1709 г. книга была переиздана⁸. В последние годы жизни Боргсдорф издал еще несколько трудов по фортификации⁹. Сведения о его жизни прерываются после 1714 г.

Подводя итоги можно сказать, что Эрнст Фридрих фон Боргсдорф привез в Россию многолетний опыт военного инженера. Это было сочетание голландской фортификации с новым подходом французской школы С.Вобана и с практическими идеями Римплера. Напомним, что сам труд С.Вобана «Истинный способ укрепления городов» был переведен на русский язык Василием Суворовым и издан в Санкт-Петербурге только в 1724 г.¹⁰. Если в 1682 г. Боргсдорф являлся почитателем нидерландской фортификационной школы, то впоследствии в его трудах

¹ Раскоsov P. H. Военные инженеры Рейнгольд Трузин и Яган Рагузин – одно и то же лицо? // https://www.academia.edu/36778024/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%9D_%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8%D0%BD%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%8B_%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4_%D0%A2%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD_%D0%B8_%D0%AF%D0%B3%D0%B0%D0%BD_%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD....pdf (Дата обращения 26.08.2019).

² Ebenda.

³ Богословский М. М. Петр I. Т. 4. С. 400.

⁴ Первое издание: Боргсдорф Эрнст Фридрих, фон. Побеждающая крепость къ счастливому поздравленію Славной победы надъ ї къ счастливому въѣзде въ москву. его царскому величеству покорнѣйше поднесено отъ эриста фридериха барона, фонъ боргсдорфа, Цесарского Величества Римского, настояще учрежденнаго началного Инженера. Въ лето Господне, 1696. нынѣ же повелѣніемъ его царскаго пресвѣтлаго величества Напечатаса въ царствѣющемъ великомъ граде Москвѣ, лѣта Господна 1708 (Декабрь). М., 1708. 55 с., [3] л.ч.; [2-е изд.]: То же. 1709. Февраря въ день. 26 с., [3] л.ч.; [3-е изд.]: То же. [1710, февраль]. 26 с. См. Князева С. Ю. Книга гражданской печати 1708-1724 годов. Из собрания Московского государственного объединенного музея заповедника Коломенское-Измайлово-Лefортovo-Люблино. М., 2012, С. 31, 37.

⁵ Боргсдорф Эрнст Фридрих, фон. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. Его царскому величеству къ предъбудуещей славы изображены. ЧреСъ Эриста фридериха барона, фонъ боргсдорфа,

Цесарского Величества Римского, учрежденнаго началного Инженера. Въ лето Господне, 1697. нынѣ же повелѣніемъ его царскаго пресвѣтлаго величества Напечатаса въ царствѣющемъ великомъ граде Москвѣ лѣта Господна 1709 Января въ день. Москва, 1709. 75 с.; [2-е изд.]: То же. 1709. Февраря въ день. 37 с., [6] л.ч.; [3-е изд.]: То же. 1710. Февраря въ день. 37 с., [6] л.ч. Ср.: Князева С. Ю. Книга гражданской печати. С. 32-33, 36.

⁶ Князева С. Ю. Книга гражданской печати 1708–1724 годов. Из собрания Московского государственного объединенного музея заповедника Коломенское-Измайлово-Лefортovo-Люблино. М., 2012, С. 36; См.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 205.

⁷ Бескровный Л. Г. Очерки. С. 203-204 // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003341376#?page=1> (Дата обращения 28.08.2019).

⁸ Бескровный Л. Г. Очерки. С. 204.

⁹ Borgsdorff E. F., von. Defensions-Echö, Oder: Erläuterung, uber einige an Herrn Georg Rimplern befestigte Festung angemerkte Schwachheiten; contra dem Hoch- und Wohlgelehrten Herrn Leonhard Christoph Sturm ... gegebenen Unumbstosslichen Beweiss, Ob wäre dem Herrn Georg Rimplern in dem gefälltem Urthel, zu viel geschehen / Dess Römisch-Kayserslichen Ober-Ingenieur Ernst Friderich, Baron von Borgsdorff. Wien: Kürner, 1704. 80 s.; Neu Triumphirende Fortification auff allerley Situationen, defensive und Offensive zu gebrauchen: erstes Opus, handelt wie man die Royal-Befestungen und Cittadelle, Auxiliär-Wercke und Contra-Approschen <...> dergestalten disponiren erbauen und vertheidigen möge, daß ein dafür attaquirdender Feind ehender ermüden müsse weder obsigen könne. Wien: Schlegel, 1703. 398 S.; Idem. Zweite Auflage. Ibidem, 1714. 398 s.

¹⁰ Князева С. Ю. Книга гражданской печати. С. 108.

появляется дифференцированный подход. Он разрабатывал системы укреплений, учитывая местные условия, что было характерно и для оборонительных сооружений маркиза Вобана. Фортификационные познания и практический опыт иностранных инженеров были новыми для Московского государства, поэтому неудивительно, что Петр не был готов сразу после взятия Азова отпустить специалистов и хотел максимально использовать их знания и потенциал в строительстве новой России.

Список публикации

Эрнста Фридриха Боргсдорфа

1. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Academia Fortificatoria: Oder klare Instruction, wie man die Stätt auss aprobeierten Kriegs=Gründen bevestigen und bewältigen solle: Den Liebhabern zu angenehmen Gefallen auff ein unegemeine Weiss praestirt. Wien: J. van Ghelen, 1694. 250 S.

2. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Arithmetische Kunst- und Lust-Übung: in 47. Aufgaben verfasst. Reiß, 1682. 33 S.

3. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Die befestigte Stütze eines Fürstenthums Oder: Neu erfundene Defension wider das sonst Welt bezwingende Canoniren, Bombardiren und Miniren. Nürnberg bei Endter, 1687. 119 S.

4. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Defensions-Echò, Oder: Erläuterung, uber einige an Herrn Georg Rimplern befestigte Festung angemerkte Schwachheiten; contra dem Hoch- und Wohlgelehrten Herrn Leonhard Christoph Sturm ... gegebenen Unumbstosslichen Beweiss, Ob wäre dem Herrn Georg Rimplern in dem gefälltem Urthel, zu viel geschehen / Dess Römisch-Kayserlichen Ober-Ingenieur Ernst Friderich, Baron von Borgsdorff. Wien: Kürner, 1704. 80 S.

5. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Neuentdeckte Practicable Minir-Kunst: Uber einen Hauffen zu stürzen: starke Mauern, Wäll und Pasteyen; um denen darzu bestimmten Truppen, einen Weg zu bahnen, in mächtige Vestungen zu gelangen, selbige zu überwältigen: Allen Generalen und hohen Officirern bey den Offensiv-Armeen, auch

denen, welchen das Miniren oblieget, zu höchst-ersprißlicher Nachricht mitgetheilt. Nürnberg: Verlag Endter, 1686. 92 S.

6. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Neu Triumphirende Fortification auff allerley Situationen, defensive und Offensive zu gebrauchen: erstes Opus, handelt wie man die Royal-Befestungen und Cittadelle, Auxiliar-Wercke und Contra-Approschen <...> dergestalten disponiren erbauen und vertheidigen möge, daß ein darfür attackirender Feind ehender ermüden müsse weder obsigen könne. Wien: Schlegel, 1703. 398 S.; Idem. Zweite Auflage. Ibidem, 1714. 398 S.

7. *Borgsdorff Ernst Friedrich, von.* Die Unüberwindliche Festung, Oder das in dem Treffen um die Reputation u. Libertät der Völker Erhaltene Feld. Das ist: Gründlicher Bericht, wie ganz neue Festungen auf eine fast unüberwindliche Weise anzulangen, als auch die schon befestigte Plätze nach der Niederländischen Manier, mit ihren Aussenwerken zu corrigiren, zu verstärken, u. in weit grössere Perfection zu bringen. Ulm: Verlag Kühnen, 1682. 102 S.

8. *Боргсдорф Эрнст Фридрих, фон.* Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовом, и к счастливому въезду в Москву: Его царскому величеству покорнейше поднесено от Ериста Фридриха барона, фон Боргсдорфа, цесарского величества Римского, настояще учрежденного в лето Господне, 1696. Ныне же повелением его царского пресветлого величества напечатается в ... Москве, 1709. Москва, первое изд. – 1708 г., третье – 1710 г. 26 с., 3 л. черт. <http://www.rare.univ.kiev.ua/ukr/showbook/showbook.php3?0165601> (Дата обращения 25.8.2019).

9. *Боргсдорф Эрнст Фридрих, фон.* Побеждающая крепость. М.: Книга по требованию, 2011. 58 с. Репринт.

10. *Боргсдорф Эрнст Фридрих, фон.* Поверенные воинские правила како неприятелские крепости силою брати. Его царскому величеству к пребыдущей славе изображены, через Ериста Фридриха, фон Боргсдорфа.... (1697). Москва, 1709. 37 с. Первое издание было выпущено в январе 1709, второе – в февр. 1709, а третье – в февр. 1710 г.

101

Рисунок 1

Рисунок 2

А. Н. Птицын

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

С начала 60-х гг. XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны протекал процесс массового переселения жителей Габсбургской монархии на российскую территорию. Масштабы трансграничных миграций с каждым десятилетием возрастали. Среднегодовое количество поездок подданных Франца-Иосифа в нашу страну составляло по десятилетиям: в 1860-е гг. – 88 тыс., в 1870-е гг. – 132 тыс., в 1880-е гг. – 223 тыс., в 1890-е гг. – 276 тыс., в 1901–1914 гг. – 617 тыс.¹ Таким образом, за полвека интенсивность миграционного движения возросла в 7 раз.

Постепенно в Российской империи сложилась переселенческая община, состоявшая из выходцев из габсбургских земель. По данным единственной дореволюционной российской переписи населения 1897 г., в России на постоянной основе проживало 107 тыс. австро-венгерских уроженцев, что составляло 18 % от числа всех иностранных уроженцев. Переселенцы из Дунайской монархии занимали второе место среди осевших на российской территории иностранцев, уступая лишь выходцам из Германии. Габсбургских подданных в России насчитывалось в то время еще больше – 122 тыс. (за счет жен и детей иммигрантов)².

Условия для австро-венгерской массовой иммиграции в Россию были сформированы целым рядом факторов: экономических, социальных, политических, культурных и др. Важнейшее место в их ряду занимали правовые факторы обеспечения переселенческих процессов.

Правовую основу регулирования австро-венгерской иммиграции в Российскую империю составляли как национальные правовые акты двух государств, так и заключенные между ними двухсторонние договоры.

Начиная с петровских времен, российские власти активно поощряли иммиграцию, привлекая переселенцев выгодными условиями. Важную роль здесь сыграл петровский манифест 1702 г. о призыве на русскую службу иностранных специалистов (военных, купцов, мастеров, художников и др.), который впервые открыл иностранцам широкий доступ в нашу страну и установил для них благоприятный правовой статус. Поощрительные меры в отношении иммиграции были расширены при Екатерине II, когда в Россию, помимо иностранных специалистов, стали в массовом порядке приглашать европейских колонистов, для мотивирования которых была разработана целая система льгот и привилегий³.

В конце XVIII в. и первой половине XIX в. иммиграционная политика российских властей отличалась двойственностью, при которой прежние поощрительные меры стали сочетаться с вводом некоторых ограничений для иммигрантов. Это было вызвано стремлением не допустить проникновения из Европы в Россию носителей революционных и либеральных идей. В то же время, потребности развития страны настоятельно диктовали необходимость привлечения зарубежных специалистов в различных областях. При этом в годы правления Александра I доминировало либеральное отношение к иностранным переселенцам, а при Николае I иммиграционные правила были ужесточены⁴.

Эмиграционная политика габсбургских властей в XVIII – начале XIX в. носила ярко выраженный ограничительный характер. Австрийское правительство стремилось сдерживать выселение своих подданных за границу, чтобы не лишаться рабочих рук, на-

¹ Посчитано по: International Migrations. Vol. I: Statistics / Ed. W.F. Willcox. New York, 1929. P. 798-799, 804.

² Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи, произведенной 28 января 1897 г. Ч. 1. СПб., 1905. С. 116, 228.

³ Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями / сост. М. И. Мыш. СПб., 1888. С. VII-X.

⁴ Там же. С. XII-XIII.

логоплательщиков и рекрутов. Оно установило разрешительный порядок эмиграции. В 1725 г. император Карл VI специальным указом запретил своим подданным покидать территорию страны без заблаговременного уведомления властей и получения от них соответствующего разрешения. В 1763 г. императрица Мария Терезия пошла на чрезвычайные меры, издав указ о полном запрете эмиграции своих подданных, и установила наказание в виде каторжных работ за попытки нелегального выезда из страны. Это решение стало реакцией на изданный годом ранее манифест Екатерины II с призывом европейским колонистам переселяться в Россию, вызвавший заметные отклики в европейских странах¹.

В 1784 г. император Иосиф II подписал Эмиграционный патент, который вновь разрешил габсбургским подданным выезжать на жительство за границу, при условии получения разрешения от высших властей страны. Таким образом, был восстановлен разрешительный порядок эмиграции².

В первой половине XIX в. произошла постепенная либерализация австрийского эмиграционного законодательства. В 1816 г. император Франц II издал указ, согласно которому разрешения на выезд за границу для женщин могли выдавать местные власти, но для мужчин по-прежнему требовалось разрешение центрального правительства, что было связано с опасениями потерять призывной контингент. Наконец, в 1832 г. был принят Эмиграционный патент Франца II, согласно которому право выдавать разрешения на выезд из страны получили власти отдельных провинций, которым вменялось в обязанность следить за тем, чтобы паспорта не выдавались мужчинам, не отбывшим воинскую повинность³.

Важнейшую роль в формировании массового эмиграционного движения жителей Габсбургской монархии сыграл принятый в период конституционных реформ «Основной государственный закон об общих правах граждан» от 21 декабря 1867 г., действовавший вплоть до крушения империи. Он уста-

новил для габсбургских подданных свободу передвижения в качестве одного из основных гражданских прав. В статье 4 данного закона определялся свободный режим перемещения граждан – как внутри страны, так и при пересечении ее границ. Об эмиграции в законе говорилось следующее: «Свобода выселения ограничивается со стороны государства только воинской повинностью»⁴. При этом оговаривалась возможность применения налоговых механизмов регулирования переселенческого движения: «Подать за выселение может взиматься лишь в силу применения начала взаимности»⁵. Таким образом, правительство Австро-Венгрии отказывалось от взимания со своих эмигрантов каких-либо налогов или сборов, если они не взимались властями других государств со своих граждан, переселявшихся в эту страну. Поскольку российским правительством подобная практика в отношении своих подданных не применялась, то австро-венгерские граждане, переселявшиеся в Россию, от уплаты «подати за выселение» были освобождены.

Единственное ограничение права австро-венгерских граждан на эмиграцию по закону 1867 г. касалось обязательной для мужчин воинской повинности – не отбывшие ее военнообязанные мужчины не могли эмигрировать. Впрочем, не достигшие еще призывного возраста (21 года) юноши из страны выезжать могли, но предполагалось, что по достижению этого возраста они должны будут вернуться на родину для отбывания данной повинности. Это условие на практике соблюдалось далеко не всегда.

В Австро-Венгрии правом выдавать заграничные паспорта пользовался широкий круг должностных лиц и учреждений дуалистической монархии: начальники округов и уездов, полицейские управления и даже общинные управления⁶ (в России же заграничные паспорта выдавались исключительно

¹ Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 40-43; Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008. С. 56.

² International Migrations. Vol. 1. P. 585.

³ Ibid.

⁴ Staatsgrundgesetz über die allgemeinen Rechte der Staatsbürger. 21 Dezember 1867 // Texte zur Österreichischen Verfassungs-Geschichte. Von der Pragmatischen Sanktion zur Bundesverfassung (1713–1966). Wien, 1970. S. 64; Основной конституционный закон об общих правах граждан для королевств и земель, представленных в рейхсрате от 21 декабря 1867 г. // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов. Т. 1. СПб., 1905. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Vaculik J. Češi v cizině. Brno, 2009. S. 7.

губернаторами). Этот порядок обеспечивал доступность данной услуги.

Таким образом, с 1867 г. в Австро-Венгрии был установлен либеральный эмиграционный режим. Все жители страны, кроме тех мужчин, кому подошел срок отбывать воинскую повинность, могли свободно покидать родину. Принятие «Основного государственного закона об общих правах граждан» сразу же сказалось на масштабах эмиграции, став одной из ее предпосылок. В 1868 г. она по сравнению с 1867 г. сразу же выросла – в 2,5 раза¹. В то же время, подробное эмиграционное законодательство в дуалистической монархии так и не было разработано, что на практике часто порождало различные коллизии².

Правовую основу для регулирования миграционных процессов между Россией и Австро-Венгрией составлял ряд двухсторонних договоров и соглашений.

Важнейшее значение имел «Трактат о торговле и мореплавании», заключенный между правительствами Австрийской и Российской империй 2 (14) сентября 1860 г. Он имел большое значение для развития трансграничных миграций, поскольку фактически вводил в этой сфере свободный режим. 13-я статья трактата гласила: «Подданные каждой из обеих высоких договаривающихся сторон, сообразуясь с законами страны, будут пользоваться: полной свободой с их семьями приезжать, путешествовать или проживать в какой бы то ни было части государства и владений другой договаривающейся стороны»³.

Единственное исключение из закрепленного этим договором либерального миграционного режима касалось евреев. По настоянию российского правительства в него было внесено положение о том, что «ограничения, установленные относительно евреев в государстве одной из высоких договаривающихся сторон, будут равным образом применяться и к подданным другой стороны, принадлежавшим к тому же вероисповеданию»⁴.

В указанном договоре закреплялось право подданных, проживавших в сопредельном

государстве, владеть и распоряжаться там собственностью. В документе, в частности, говорилось, что «местные начальства не будут препятствовать им располагать по их произволу собственностью их» при условии соблюдения местных законов и принятых на себя обязательств перед казной и другими частными лицами⁵.

Специальная статья была посвящена предпринимательской деятельности. Подданные одной державы на территории другой обладали «правом нанимать, в городах и в портах, дома, магазины, лавки и земли, которые им будет нужны или владеть таковыми» и «правом производить свою торговлю, как лично сами, так и посредством агентов по своему выбору»⁶. При этом в сфере предпринимательской деятельности и налогообложения иммигранты фактически были приравнены к местным жителям. Ограничения, установленные в данной области для российских евреев, распространялись и на австрийских подданных – евреев⁷.

Трактат о торговле и мореплавании 1860 г. закрепил также ряд других прав подданных Австрии и России, проживавших на сопредельной территории. В частности, они освобождались от обязательной службы и соответствующих выплат. В 15-й статье документа говорилось: «Подданные каждой из высокой договаривающихся сторон будут изъяты в государстве и во владениях другой стороны от всякой обязательной военной службы, как в сухопутных войсках или во флоте, так и в национальной гвардии или в милициях. Равным образом они будут свободны от службы в каких-либо судебных или общественных должностях, а также от всякой повинности денежной или натурой, установленной взамен личной службы; наконец от всякого принужденного займа и от всяких повинностей для военных потребностей или военной реквизиции»⁸. Исключения из этого правила устанавливались в отношении тех должностей, налогов и повинностей, которые были связаны с владением недвижимостью или ее арендой⁹.

«Трактате о торговле и мореплавании» разрешил правительствам договариваю-

¹ International Migrations. Vol. 1. P. 588.

² Ibid. P. 586.

³ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 88.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 89-90.

⁹ Там же. С. 90.

щихся стран иметь в соседней стране консулов и консульских агентов, которые могли оказывать соотечественникам покровительство и содействие в торговых делах, а также участвовали в разрешении наследственных дел, возникавших «в случае смерти русского подданного в Австрии или австрийского подданного в России»¹.

Российско-австрийский договор 1860 г. о торговле и мореплавании позднее был дополнен особой торговой конвенцией, подписанной 6 (18) мая 1894 г. Она ввела в двусторонние экономические отношения принцип наибольшего благоприятствования, согласно которому все права и привилегии экономического и налогового характера, полученные гражданами третьих стран в Австро-Венгрии либо России, автоматически распространялись и на их подданных².

2 (15) февраля 1906 г. Австро-Венгрия и Россия подписали новый договор о торговле и мореплавании, пришедший на смену трактату 1860 г. и конвенции 1894 г. Примечательно, что в ходе переговоров о его заключении российское правительство предлагало австро-венгерскому руководству ввести безвизовый режим для подданных обеих стран, ссылаясь на огромные масштабы двухсторонней миграции. Однако это революционное по тем временам предложение было отвергнуто правительством Австро-Венгрии, которое опасалось полностью утратить контроль над миграционными процессами³.

В целом, статьи торгового договора 1906 г., касавшиеся правового положения переселенцев, дополняли и развивали положения предыдущих соглашений. В 1-й статье данного договора говорилось: «Уроженцы одной их договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территорий другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами по производству торговли и промыслов, и не будут облагаться иными, или более тяжелыми сборами, чем туземцы. Они будут пользоваться во всех отношениях на территориях другой стороны теми же правами, преимуществами, льготами и изъятиями, какие дарованы

подданным наиболее благоприятствуемой державы»⁴.

Таким образом, сохраняя содержание предыдущих соглашений по существу, договор 1906 г. несколько изменил состав лиц, на который распространялись его действия – вместо подданных в нем упомянуты уроженцы стран-участниц. Это было связано со сменой подданства многими из иммигрантов.

Торговый договор 1906 г. закреплял право уроженцев двух стран на территории другого государства обращаться в суды и пользоваться в этом отношении такими же правами, как и местные жители. В нем давалась и более полная трактовка прав на приобретение, владение, распоряжение, отчуждение и наследование движимой и недвижимой собственности на территории другой страны⁵.

В договор 1906 г., в отличие от предыдущих соглашений, по настоянию австро-венгерского правительства были включены статьи, защищавшие права австро-венгерских евреев на российской территории. В отношении правил визирования паспортов и правил ведения торговли в России они были приравнены к остальным австро-венгерским гражданам. Договор также разрешил свободный приезд в Россию австро-венгерских коммивояжеров, независимо от их вероисповедания⁶.

Проблемы трансграничного перемещения населения затрагивали и в ряде других соглашений, заключенных Габсбургской монархией и Россией в рассматриваемый период.

3 (15) октября 1874 г. между двумя странами была подписана конвенция о взаимной выдаче преступников, согласно которой граждане одного из государств, совершившие уголовное преступление на родине и укрывавшиеся на территории другого государства, подлежали выдаче в родную страну. Это происходило в случае, если им грозило наказание, превышающее годичный срок тюремного заключения. В то же время, выдаче не подлежали политические преступники, а также собственные подданные⁷.

⁴ Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915. С. 1.

⁵ Там же. С. 6-7.

⁶ Там же. С. 7-8, 30.

⁷ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 2. СПб., 1906. С. 539-548.

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 90.

² Там же. С. 95.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 176-176 об.

1 (13) декабря 1886 г. российское и австро-венгерское министерства иностранных дел обменялись нотами, установившими порядок «взаимной высылки нищих, бродяг и беспаспортных». Высылке на родину подвергались подданные одной из стран, проживавшие на территории другого государства, в случаях, когда его властями «препровождение коих в пределы их отечества будет признано необходимым ввиду недостаточности их средств к существованию, а также вследствие бродяжничества или неимения паспорта»¹.

Одной из проблем в сфере трансграничных миграций являлся вопрос об отбывании переселенцами воинской службы. Еще в 1815 г. между Россией и Австрией было подписано особое картельное соглашение, которое предполагало «взаимную высылку лиц, подлежащих в отечестве воинской повинности»². Однако в 1870 г. российское правительство денонсировало данное соглашение, посчитав его невыгодным в условиях начавшегося в то время массового переселения габсбургских подданных в нашу страну. Причиной этого шага, по словам товарища министра иностранных дел В.И. Вестмана, было то, что постановления этой конвенции «оказываются крайне стеснительными для нашего правительства и предоставляют все выгоды одной Австрии»³.

В дальнейшем российские власти категорически отказывались рассматривать обращения австро-венгерских властей относительно того, чтобы проживавшие в России молодые мужчины из числа габсбургских подданных возвращались на родину для отбывания воинской повинности⁴. Однако на деле многие иммигранты сами проявляли сознательность и возвращались на родину для прохождения военной службы.

В первые годы правления императора Александра II в России был установлен либеральный иммиграционный режим, что нашло свое отражение в «Уставе о паспортах» 1857 г. и последующем законодательстве. Это, с одной стороны, соответствовало общей направленности тогдашнего политиче-

ского курса, а с другой – отражало заинтересованность страны в квалифицированных специалистах и рабочих, необходимых для модернизации отсталой социально-экономической структуры Российской империи.

При последующих императорах – Александре III и Николае II – либеральный иммиграционный режим в своих общих чертах сохранялся. В то же время, были введены некоторые ограничения имущественных прав иностранцев в ряде пограничных районов, что было вызвано военно-стратегическими соображениями.

Правовое положение иностранцев в России в рассматриваемый период определялось, во-первых, Основными законами империи, устанавливавшими базовые гражданские права и обязанности, и, во-вторых, специальными постановлениями, непосредственно посвященными зарубежным выходцам.

Среди Основных законов Российской империи следует назвать те, которые в наибольшей степени касались иностранцев. «Законы о состояниях» содержали целый раздел, посвященный правовому статусу иностранных подданных в России. «Устав о паспортах» устанавливал правила приезда иностранцев в нашу страну и регламентировал их пребывание в ней. «Устав торговый» и «Устав о промышленности» содержали статьи, которые определяли права иностранных граждан на владение движимым и недвижимым имуществом, занятие торговых и промыслами, открытие промышленных предприятий и т.д.

Конкретные аспекты правового статуса иностранцев устанавливали специальные законоположения Российской империи: императорские указы, положения Комитета и Совета министров, распоряжения и циркуляры различных министерств, а также другие акты.

По российскому законодательству к числу иностранцев относились находившиеся на территории страны «все вообще подданные других держав, не вступившие установленным порядком в подданство России»⁵. Таким образом, подданство выступало здесь как основной признак правового статуса.

В Российской империи, где вплоть до ее крушения сохранялся сословный строй,

¹ Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891. С. 311.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 42.

³ Там же. Л. 43.

⁴ АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 369. Д. 15. Л. 2-3.

⁵ Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1901. С. 541.

иностранцы были выделены в особую категорию населения и имели четко очерченный правовой статус. Тогдашняя российская статистика также выделяла иностранцев в особую группу населения.

В рассматриваемый период российское законодательство не дифференцировало иностранцев в отношении их прав и обязанностей в зависимости от их подданства. Поэтому австрийские и венгерские подданные в нашей стране по своему правовому положению ничем не отличались от других иностранцев. Конец данной практике положила Первая мировая война, когда были изданы чрезвычайные законы, направленные против подданных «враждебных держав» – Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии.

В то же время, российские законодатели в рассматриваемый период практиковали ограничение прав некоторых категорий иностранцев – но не по их государственной принадлежности, а по национальному, религиозному и территориальному признакам. В частности, дискриминация распространялась на иностранных евреев, а также на корейцев и китайцев. В целом ряде приграничных регионов империи права иностранцев ограничивались по военно-стратегическим соображениям (западные и польские губернии, Крым, Кавказ, Средняя Азия, некоторые районы Сибири и Дальнего Востока).

Уже в первые годы правления Александра II в России был установлен либеральный иммиграционный режим, а ограничения в этой области, введенные в николаевское царствование, были, в основном, отменены. Всем иностранным подданным, за некоторыми исключениями, разрешался свободный въезд и проживание на территории Российской империи. Основополагающий в гражданско-правовой сфере «Закон о состояниях» определял, что «иностранцы всех вообще наций имеют право свободного приезда и пребывания в России, а равно и выезда из оной, на основании правил, постановленных в Уставе о паспортах»¹.

Порядок въезда, выезда и пребывания иностранцев в России приобрел законодательное оформление в «Уставе о паспортах» (1857 г.), «Правилах о выдаче паспортов иностранцам, приезжающим в Россию

через европейскую границу и проживающим в Империи» (1860 г.), а также в последующих постановлениях².

Основным документом на въезд в российские пределы для иностранца являлся национальный паспорт, в обязательном порядке завизированный в одной из российских дипломатических миссий, или же полученный в ней особый паспорт. Наличие паспорта было обязательным для иностранцев, приезжавших в Россию на срок более месяца³.

Иностранцы, приезжавшие в Россию с национальными паспортами, до 1868 г. иностранцы были обязаны оформлять российский билет на жительство сразу же после прибытия в страну – в канцеляриях губернаторов либо градоначальников соответствующих регионов. Требовались и специальные письменные разрешения от губернских властей на переезд в другой регион России.

Затем порядок стал более либеральным. Согласно принятым в 1868 г. поправкам к «Уставу о паспортах», приезжавшие в Россию иностранцы получили право проживать там на основании своих национальных паспортов на срок до полугода, без оформления российского вида на жительство. Разрешался свободный переезд иностранных подданных внутри России. Иностранцы, остававшиеся на российской территории на срок более полугода, были обязаны в канцелярии губернатора либо градоначальники получать российский билет на жительство. Он выдавался на 1 год, и постоянно проживавшим в стране иностранцам приходилось получать его ежегодно.

На срок до месяца в империю иностранцы могли въезжать на основании т.н. легитимационного, или временного билета, выдаваемого российскими властями при пересечении границы. Эти билеты впервые были введены в 1856 г. Следует подчеркнуть, что легитимационные билеты давали право посещать лишь приграничные районы. В частности, краткосрочные легитимационные билеты со сроком действия 3 дня и 8 дней давали право находиться непосредственно в пограничной полосе, не далее 3-х миль от границы, а для того чтобы углубиться

¹ Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1901. С. 541.

² Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России: вторая половина XVII – начало XX вв. Автореф. дисс... к.ю.н. Екатеринбург, 2000. С. 12.

³ Об иностранцах в России. С. 72-73.

на территорию страны дальше, требовалось получить разрешение у местного полицейского начальника. Легитимационные билеты с более длительным сроком действия – от 2 до 4 недель – давали право на неоднократный переход границы и на посещение населенных пунктов не далее 30 км от границы. Лица, пересекавшие границу по легитимационным билетам, приезжали, главным образом, для торговли, а также для посещения родственников, отыскания украденного скота или имущества и прочих подобных дел¹.

Как уже отмечалось, некоторым категориям иностранцев и определенным лицам на основании существующего законодательства въезд на российскую территорию был запрещен либо затруднен. В частности, запрещался въезд т.н. «неблагонадежных лиц» – людей, связанных с революционным движением либо известных своими антироссийскими взглядами. Данный запрет распространялся также на иностранцев, которые ранее по каким-либо причинам высылались из России. В российском МИДе были составлены списки «нежелательных» иностранцев, которые рассылались в российские миссии за границей. На их основе дипломаты должны были отказывать тому или иному иностранцу в визировании паспорта. В некоторых консульствах, например в австрийском Львове, была составлена даже специальная картотека с фамилиями всех «нежелательных» иностранцев².

Существовал запрет на посещение России для некоторых религиозных деятелей – членов радикальных христианских сект, иезуитов, мусульманских дервишей. Были введены ограничения для пребывания в российских пределах для некоторых категорий католических прелатов³.

Законодательно запрещался въезд в Россию цыганам, а также бродягам «и вообще людям празднующимся». Запрет также распространялся на мелочных торговцев, приезжавших в нашу страну «для распродажи крестиков, дешевых эстампов,

литографий и тому подобных предметов», «разносчиков аптечных материалов, гипсовых фигур», шарманщиков и т.п.⁴. В 1904 г. российский МИД по просьбе австро-венгерского правительства издал специальный циркуляр о недопущении приезда в нашу страну «несовершеннолетних австрийцев», сопровождающих «бродячих музыкантов, фокусников и прочих эксплуататоров» (что, вероятно, было распространенной практикой)⁵.

Серьезные ограничения на въезд в Россию существовали для евреев, к числу которых российское законодательство относилось исключительно лиц иудейского вероисповедания, права же крещеных евреев никоим образом не ограничивались. В этой связи следует отметить, что в Российской империи вообще главным «маркером», определяющим статус того или иного человека, была его религиозная принадлежность, а национальность при этом отступала на второй план. В Уставе о паспортах и соответствующих разъяснениях Правительствующего Сената было определено, что «приезд в Россию иностранных евреев, имеющих свою постоянную оседлость за границей, может быть допускаем на срок не более одного года, только по делам торговым, или исковым и тяжбыным»⁶.

Впрочем, на практике запрет этот легко обходили. По свидетельству российского консула в Вене, австро-венгерские евреи за небольшую плату получали у местных торговых фирм свидетельства о том, что они являются их представителями, и отправлялись с этими документами в Россию – не только для торговли, но и встреч с родственниками, лечения и прочих дел⁷.

Место пребывания и срок пребывания иностранцев на российской территории законодательно не ограничивались, за исключением евреев, корейцев и китайцев. Иностранные евреи могли свободно посещать только западные и южные губернии Российской империи, входившие в т.н. черту ев-

¹ Об иностранцах в России. С. 69, 90, 97; Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. 1840–1888. СПб., 1888. С. 164–165; Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915. С. 30.

² АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 4.

³ Об иностранцах в России. С. 1–2, 331.

⁴ Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. СПб., 1888. С. 122, 409.

⁵ Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Второму департаменту. 1900–1904. СПб., 1905. С. 34–35.

⁶ Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. С. 410.

⁷ АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 23–23 об.

рейской оседлости. Для посещения других регионов зарубежные евреи должны были получать особые разрешения министра внутренних дел, которые выдавались только торговцам. Без этого разрешения могли обходиться иностранные «банкиры и главы значительных торговых домов», но они, в свою очередь должны были иметь свидетельства, полученные в российских зарубежных миссиях. Свободное передвижение по всей российской территории разрешалось иностранным евреям, вступившим в 1 гильдию российского купечества¹.

В «Законах о состояниях» особо оговаривалось, что «иностранцы из евреев не допускаются к переселению в Россию и вступлению в российское подданство»². Впрочем, из этого правила были исключения. Постоянное проживание на всей территории империи разрешалось иностранным евреям, являвшимися купцами 1 гильдии. В черте еврейской оседлости могли проживать на постоянной основе иностранные евреи, занимавшие должности раввинов, военных и морских медиков. Также разрешалось постоянное проживание в черте оседлости иностранных предпринимателей еврейского происхождения, открывавших там фабрики и заводы (за исключением винокурных), и мастеров-евреев, приглашенные из-за границы фабрикантами. Все вышеперечисленные лица имели право со временем переходить в российское подданство³.

Все остальные иностранцы иудейского вероисповедания могли находиться в России только временно. В черте еврейской оседлости они могли пребывать не более года, а в «известных торговых и мануфактурных местах» империи вне этой черты – только в течение срока, установленного для совершения коммерческих операций, который определялся в выдаваемом им разрешении министра внутренних дел на основании прошений этих лиц⁴. Все эти ограничения привели к тому, что среди осевших в нашей стране австро-венгерских иммигрантов евреев было мало, хотя они были широко представлены среди лиц, приезжавших в Россию временно.

¹ Об иностранцах в России. С. 74, 82; Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по Департаменту внутренних сношений. С. 153.

² Законы о состояниях. С. 553.

³ Там же. С. 554.

⁴ Об иностранцах в России. С. 44.

Иностранцы, находившиеся на территории нашей страны, были обязаны соблюдать паспортные правила. Как и россияне, они по приезду в какой-либо населенный пункт на постоянное или временное жительство были обязаны зарегистрироваться в местной административном или полицейском управлении, и, кроме того, завизировать там свой национальный паспорт и российский вид на жительство⁵.

До конца 1860-х гг. приезжавшие в Россию иностранцы были обязаны сразу же по прибытию получать российские виды на жительство у губернатора той губернии, куда они приезжали. Однако в связи со значительным притоком иностранцев в 1868 г. в «Устав о паспортах» было внесено изменение, согласно которому иностранцы получили право проживать на территории России на основании только своих национальных паспортов, без выдачи российских видов на жительство, на срок до шести месяцев. Таким образом, было легализовано кратковременное проживание иностранцев в нашей стране без выдачи им специальных разрешений⁶.

Иностранцам, остававшимся в нашей стране больше, чем на полгода, необходимо было получить особый документ – билет (вид) на жительство, срок действия которого был установлен в 1 год. Этот документ выдавался в губернаторской канцелярии той губернии, где проживал иностранец, и подписывался губернатором. По истечению годичного срока действия билет на жительство заменялся новым. В этом документе содержалась основная информация об иностранце: фамилия и имя, подданство, возраст, место рождения, вероисповедание, семейное положение, занятие, основные приметы, а также указывалось, когда и по какому документу он прибыл в Россию. Если иностранец приезжал с женой и несовершеннолетними детьми, то основные сведения о них также вносились в билет главы семейства⁷.

Послабления паспортного режима были сделаны для иностранных сельскохозяйственных рабочих. Билеты им выдавались на весь срок найма, но не более чем на 12 лет. Кроме того, в Бессарабской губернии сельскохозяйственные рабочие имели право

⁵ Законы о состояниях. С. 550.

⁶ Об иностранцах в России. С. 74, 88.

⁷ Там же. С. 78-79, 81-83.

проживать по своим национальным паспортам в течение года без получения российских видов¹. Именно в этой губернии было сконцентрировано значительное количество австро-венгерских сельскохозяйственных рабочих.

Согласно закону, иностранцам, приехавшим в нашу страну, была предоставлена «неограниченная свобода жить в России, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств, если к удалению их из Империи не представится других уважительных причин»². Если срок действия национального паспорта иностранца истекал, то он мог получить новый документ в посольстве или консульстве своей страны на российской территории. В случае если иностранец утрачивал свое подданство, губернатор с разрешения министра внутренних дел мог выдать ему вид на жительство на срок, достаточный для вступления в российское подданство³.

Переселение отдельных категорий иностранцев в Российскую империю регулировалось не только общим законодательством, но и особыми правовыми актами. В первую очередь, это касалось иностранных колонистов.

В частности, порядок переселения чешских крестьян-колонистов на российскую территорию определялся различными правовыми актами, в зависимости от региона их расселения. Документом, определяющим порядок переселения колонистов в Крым, были «Правила о порядке заселения владельческих в Крыму земель заграничными выходцами», утвержденные 8 ноября 1860 г.⁴. Заселение Черноморского побережья Кавказа происходило на основании принятого 10 марта 1866 г. положения «О заселении Черноморского округа и управлении оным»⁵. Правовое положение чехов-переселенцев в Волынской губернии и других губерниях Юго-Западного и Западного края регламентировалось «Правилами для найма землевладельцами иностранных рабочих и водворения сих иностранцев в России», утвержденными 18 декабря 1861 г.⁶.

¹ Об иностранцах в России. С. 81-83, 89.

² Справочная книга по торгово-промышленной части для императорских российских консулов. СПб., 1912. С. 256.

³ Там же.

⁴ Об иностранцах в России. С. 37-40.

⁵ Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным. СПб., 1866.

⁶ Об иностранцах в России. С. 40-43.

Российское законодательство регулировало как личные, так и имущественные права иностранцев. В сфере гражданского права, во взаимоотношениях с учреждениями, организациями и частными лицами иностранцы как особая правовая категория не выделялись, здесь они подчинялись российским законам на общих основаниях. Иностранные подданные пользовались в России основными гражданскими свободами, они имели право заключать различные сделки, «вступать во всякие договоры, обязательства и условия», свободно завещать свое имущество, получать привилегии на открытия и изобретения и т.д. Иностранцы пользовались правом судебной защиты в качестве истца или ответчика, наравне с русскими подданными. Еще с петровских времен иностранцы в нашей стране пользовались полной религиозной свободой⁷.

В сфере налогообложения иностранцы были обязаны на общих основаниях уплачивать все установленные налоги и сборы, за исключением подушной подати, от уплаты которой они освобождались (впрочем, этот налог в 1887 г. был отменен)⁸.

Иностранцы были приравнены к русским подданным в отношении права приобретать, владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, а также арендовать его. В частности, в «Законах о состояниях» отмечалось, что «иностранцы могут приобретать как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным записям, отводам от казны и т.п. всякого рода движимые и недвижимые имущества»⁹.

Однако в отношении владения недвижимостью для иностранцев в Российской империи были установлены ограничения по территориальному признаку. В частности, они касались ряда регионов, имевших стратегическое значение для обороны страны – Царства Польского, западных губерний Европейской России, Крыма, Кавказа и Туркестанского края¹⁰.

Императорским указом от 7 июня 1860 г. иностранцы были полностью уравнены с российскими подданными в экономической сфере, существовавшие ранее для них

⁷ Законы о состояниях. С. 556, 567-569; Об иностранцах в России. С. VII-IX, 131-132, 142.

⁸ Об иностранцах в России. С. 453.

⁹ Законы о состояниях. С. 565.

¹⁰ Об иностранцах в России. С. 137-140.

ограничения в торговой деятельности были отменены. В отношении прав «на производство торговли и промыслов» иностранцы были приравнены к российским подданным. Согласно положениям «Устава торгового», они могли вступать в купеческие гильдии и получать торгово-промышленные свидетельства на тех же основаниях, что и «природные подданные империи»¹.

В 1841 г. Николай I ввел запрет для иностранцев заниматься разностной мелочной торговлей на территории империи, но на практике он постоянно нарушался. В 1868 г. министерство внутренних дел издало два специальных циркуляра по данному вопросу, согласно которым иностранцы получили право вести мелочную торговлю в России, но обязаны были торговать только разрешенными товарами по специально полученным свидетельствам². Следует подчеркнуть, что мелочную торговлю на российской территории в рассматриваемый период вели из числа иностранцев, главным образом, словаки, являвшиеся венгерскими подданными.

Еще Екатерина II установила для иностранцев в России свободу предпринимательской деятельности. В пореформенный период эта линия получила дальнейшее развитие. В частности, иностранцы обладали такими же правами по открытию фабрик и заводов, как и российские подданные. Согласно положениям Устава о промышленности, «иностранцам, взявшим купеческое или гильдейское свидетельство, дозволяется, на правах предоставленных вообще купцам обеих гильдий, устраивать фабрики и заводы, без вступления в подданство»³. Иностранцам также разрешалось получать «права на привилегии» – патенты. Иностранцы имели право заниматься в России добычей полезных ископаемых, хотя здесь существовали некоторые ограничения – например, золотые прииски иностранные предприниматели могли только брать в концессию⁴.

Иностранцы могли организовывать в России акционерные общества, создавать

товарищества и другие компании, являться их пайщиками и руководителями. Примечательно, что законоположения, касавшиеся прав иностранных граждан на ведение предпринимательской деятельности в России, распространялись на иностранные компании и иностранные предприятия. По оценке современного российского историка И. В. Поткиной, иностранный предприниматель в пореформенной России «приобрел почти полную свободу в занятиях торговлей и промышленностью в Российской империи»⁵.

Согласно российскому законодательству, иностранцы могли поступать на российскую военную службу, а также служить в некоторых гражданских ведомствах. «Свод военных постановлений» разрешал принятие на российскую военную службу иностранцев – как в качестве офицеров, так и в качестве «нижних чинов». В частности, иностранные офицеры могли зачисляться в российскую армию – по особому разрешению императора и с сохранением прежнего чина. В 1890 г. эта статья закона была отменена⁶. Право же иностранцев поступать в российскую армию в качестве нижних чинов сохранялось и после этого, в данном случае решение об их зачислении принимал главный штаб по представлению дивизионных начальников⁷.

На гражданскую службу иностранцы в России допускались только в определенных сферах. В частности, они имели право занимать любые должности в российских образовательных и научных учреждениях (университетах, институтах, гимназиях, музеях, библиотеках, обсерваториях, клиниках и т.д.), за исключением должностей учителей приходских училищ⁸.

Иностранцы имели право занимать любые должности по Государственному банку и его конторам, по экспедиции заготовления государственных бумаг, по акцизному управлению, по удельному управлению, по государственной типографии, по почтовой цензуре, по столичным сохранным (сберегательным) и ссудным кассам⁹.

В целом ряде ведомств иностранцы могли занимать штатные должности специалистов и служащих, но не руководителей.

¹ Устав торговый // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1893. С. 183.

² Об иностранцах в России. С. XVI–XVII, 135–136.

³ Устав о промышленности // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1893. С. 177.

⁴ Поткина И. В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 // Иностранное предпринимательство и zahraniчные инвестиции в России. М., 1997. С. 22–24.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Мыш М. И. Дополнение к сборнику узаконений об иностранцах. СПб., 1894. С. 14.

⁷ Об иностранцах в России. С. 132–133.

⁸ Там же. С. 184–186.

⁹ Там же. С. 187–188.

Это были следующие должности: бухгалтеры в учреждениях министерства финансов; должности не выше 9 класса по казенным палатам; должности не выше 6 класса в Дворянском земельном банке; должности не выше 8 класса в почтово-телеграфных конторах; должности «по искусственной части» по горному, монетному и соляному ведомствам (мастера, механики, художники и т.п.); должности не выше 9 класса по Уральским, Олонецким и Луганским горным заводам¹.

В то же время, иностранцам запрещалось занимать ряд должностей гражданской службы. Они не могли ни в каком качестве служить в судебном ведомстве, а также быть присяжными поверенными и нотариусами. В то же время, иностранные подданные могли занимать должности околоточных надзирателей в полиции и должности тюремных надзирателей².

Примечательно, что от иностранцев, поступающих на гражданскую службу, не требовалось в обязательном порядке принятие российского подданства, «если сами не пожелают оное принять», но они должны были принести присягу «на верность службе», как и все другие чиновники³.

Иностранцы, проживавшие в Российской империи, находились под постоянным контролем властей. В «Уставе о паспортах» (1857 г.) эти обязанности были возложены на губернские власти: «Губернаторы обращают должное внимание на жительствующих в губернии или приезжающих на время для своих торговых или иных дел иностранцев, наблюдая, с одной стороны, чтобы иностранцы сии в полной мере пользовались общим покровительством законов и не терпели стеснений или помешательства в своих делах и всяких какого-либо рода безвредных для общества занятиях; с другой же, чтобы виды, по коим они прибыли и живут в губернии, были всегда в надлежащем порядке и не подвержены сомнению, и чтобы местные полицейские управления собирали и доставляли высшему начальству вернейшие по возможности сведения об их образе жизни, поведении и действиях»⁴. Высшим органом государственной власти, осуществлявшим контроль над иностранцами, являлось Тре-

тье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, а после его упразднения в 1880 г. эти полномочия перешли к департаменту полиции Министерства внутренних дел⁵.

В отношении уголовных наказаний иностранцы подлежали действию российских законов. Но для них существовал и особый вид наказания – высылка за границу по приговору суда. Иностранцы могли высылаться из России и административным порядком – по представлениям губернаторов, которые утверждались в Третьем отделении, а после 1880 г. – в министерстве внутренних дел. Основаниями для административной высылки являлись «дурное поведение», «бродяжничество», «неимение паспортов», «сомнительность» и другие причины⁶.

Порядок получения иностранцами российского подданства регламентировал специальный закон, принятый 10 февраля 1864 г. Для смены подданства требовалось предварительно пройти процедуру т.н. «водворения». Ее порядок был таким: «Желающий водвориться в пределах Российской империи заявляет о сем губернатору той губернии, в которой он намерен приписаться или поселиться, с объяснением, чем он занимался в отечестве и какого рода занятие предполагает избрать в России. В получение такого объявления губернатор выдает свидетельство, со дня подписания которого проситель признается водворенным в России, не переставая, однако, до принятия его в русское подданство, считаться иностранцем»⁷.

По существующим правилам, иностранец мог быть принят в российское подданство только по истечении 5 лет с момента его водворения, которые составляли, таким образом, временной ценз⁸. Однако из этого правила был ряд исключений. Иностранцы, состоящие на российской военной или гражданской службе, как и духовные лица иностранных вероисповеданий, приглашенные на службу в Россию, могли принимать присягу «на подданство во всякое время и без всяких сроков»⁹.

В отношении некоторых категорий иностранных подданных применялась следующая статья закона: «В пользу иностранцев,

¹ Об иностранцах в России. С. 187-188.

² Там же. С. 184, 188.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 330.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же. С. 330, 334-335.

⁷ Там же. С. 51-52.

⁸ Законы о состояниях. С. 571.

⁹ Об иностранцах в России. С. 58.

оказавших России особенные заслуги, или же известных замечательными талантами, особенными учеными познаниями и проч., а также поместившим значительные капиталы в общепользные российские предприятия, срок предварительного, до принятия в подданство, водворения, может быть сокращаем с разрешения министра внутренних дел»¹. На основании этой статьи в 1870 г. было разрешено досрочно принять российское подданство нескольким тысячам волынских колонистов-чехов, которые рассматривались как лица, вложившие значительные средства в покупку земельных наделов². Также это правило действовало в отношении иностранных предпринимателей.

Процедура принятия иностранцами российского подданства была следующей. В губернское правление региона, где проживал претендент на получение подданства, подавалось прошение на имя министра внутренних дел, к которому прилагались «акты состояния просителя» (метрика о рождении, паспорт и т.д.) и свидетельство о его водворении в России³.

По запросу губернских властей полицейский начальник города или уезда, где проживал претендент, составлял о нем справку, содержащую информацию о пребывании иностранца в России, роде его занятий, а также отзывы о его благонадежности и образе жизни. На основе этой справки губернское правление составляло для министерства заключение о личности просителя, подписываемое губернатором. Вопрос о предоставлении подданства или отказе от него решался министерством внутренних дел на основании представленных ему документов. При этом большое значение имел отзыв губернских властей. Именно по ходатайству губернатора сокращался срок водворения в России или обходились другие формальности. В то же время, отрицательный отзыв губернских властей являлся поводом для отказа в принятии подданства. Делопроизводственная документация о принятии иностранцами российского подданства отложилась в архивных фондах губернских правлений⁴.

¹ Законы о состояниях. С. 574.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 82.

³ Законы о состояниях. С. 572.

⁴ Например, в архивном фонде Ставропольского губернского правления (Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 68).

В целом, порядок получения российского подданства был достаточно сложным ввиду наличия временного ценза, процедуры водворения и необходимости получить положительные отзывы губернских и полицейских властей. Из-за этой сложности многие иммигранты, осевшие в России, продолжали сохранять подданство своей родной страны на протяжении десятилетий. Впрочем, побудительным мотивом этого зачастую было и желание не терять связь с родиной, сохранение возможности в будущем вернуться обратно.

Принятие российского подданства иммигрантами сопровождалось причислением их к той или иной сословной группе российского общества, в соответствии с их происхождением и занятиями. Согласно закону, «иностранцы, принятые в подданство России, с тем вместе приобретают все права и подвергаются всем обязанностям того сословия, к которому они причислены, без всякого различия от коренных подданных»⁵.

Таким образом, с конца 1850-х гг. и до начала Первой мировой войны в Российской империи существовал либеральный иммиграционный режим, за некоторыми исключениями по национальным, религиозным и военно-стратегическим соображениям. Это обстоятельство являлось одной из важнейших предпосылок развертывания массового переселенческого движения из габсбургских земель на российскую территорию. Правовой статус австро-венгерских переселенцев формировался как межгосударственными соглашениями Российской и Габсбургской империй, так и собственно российским законодательством, посвященным регулированию иммиграции в страну. Иммигранты из Австро-Венгрии в правовом отношении были приравнены к другим иностранцам, все они, за исключением евреев и некоторых других категорий, пользовались на российской территории режимом наибольшего благоприятствования. И только после начала Первой мировой войны ситуация в этой сфере коренным образом изменилась – был принят ряд чрезвычайных законов, которые существенно ограничили права проживавших в России выходцев из государств-противников, в том числе из Австро-Венгрии.

⁵ Законы о состояниях. С. 578.

РАЗДЕЛ III ИСТОРИЯ КАВКАЗА

К. Р. Амбарцумян

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА: НА МАТЕРИАЛАХ С. Д. САЗОНОВА*

114

Прежде чем определять место армянского вопроса во внешней политике Российской империи периода нахождения С. Д. Сазонова на должности министра иностранных дел, следует определить некоторые теоретические основания. Дефиниция «армянский вопрос» на современном этапе имеет научное, политическое и культурное значение одновременно. В данном случае речь идет о междисциплинарной природе категории, в связи с востребованностью не только у историков, но и политологов, конфликтологов, специалистов в области международных отношений и т.д. Наиболее распространенное определение термина подразумевает широкий спектр проблем, связанных с борьбой армянского народа за выживание, сохранение этнокультурной самобытности, создания собственной государственности в пределах территории исторического проживания¹. Комплексная характеристика в таком же ключе дана в энциклопедии «Армянский вопрос», в который обозначены следующие элементы понятия:

1) политическая история армянского народа в связи со стремлением восстановить собственную государственность;

2) объект международной политики и часть восточного вопроса;

3) вопрос о положении западных армян². Эта трактовка распространенная, но не единственная.

Понимание «армянского вопроса» вариативно в зависимости от контекста эпохи, страны и даже конкретного исследования. Подтверждением возможности трансформации содержания данной категории является следующий пример. В «Большой советской энциклопедии» 1926 года издания предлагается следующее определение: «Армянский вопрос, составляющий часть так называемого Восточного вопроса, необходимо рассматривать с двух точек зрения: с внешней стороны он сводился к стремлению великих держав усилить центробежные силы Турции, ослабить ее этим – в целях более легкой ее эксплуатации. Внутреннее существо армянского вопроса исчерпывалось борьбой армян, руководимых своей буржуазией, за национальное самоопределение, за достижение тех политико-экономических предпосылок, при наличии которых буржуазия могла бы свободно развиваться»³. Такой подход органично вписывается в идеологический контекст молодого советского государства. И в данном случае нет места историческому ареалу проживания и этнокультурной идентичности, так как они не соответствовали ни эпохе, ни стране издания.

Выше было сказано о политическом подтексте категории «армянский вопрос», что вполне соответствует реалиям дня сегодня.

* Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

¹ См. например: Геноцид.ру URL: <http://www.genocide.ru/enc/arm-question.htm> (Дата обращения: 16.11.2016), Шутова Н. Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях (1911 – 1921 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006.

³ Большая советская энциклопедия. 1-е издание. М., 1926. Т.III. С. 433.

няшнего. Употребляя её, политики и ученые подразумевают массовые убийства армян в 1915 году, таким образом, содержание термина может сводиться к проблеме геноцида. И весь дискурс выстраивается вокруг признания или отрицания геноцида армян в Турции. И это обстоятельство определяет научное употребление и расшифровку термина. Так в книге американского политолога Гюнтера Леви, который отрицает геноцид, под «армянским вопросом» понимается инструмент давления на турецкое правительство по ряду важных вопросов¹.

Армянский вопрос как политическая проблема существовал и до геноцида. В качестве части Восточного направления международной европейской политики, он впервые был отражен в Сан-Стефанском договоре 1878 года, а затем на Берлинском конгрессе². Но 1915 год – год геноцида, стал рубежом и местом исторической памяти армян, и как выше было отмечено, стал значительным структурным элементом дефиниции «армянский вопрос».

Этот краткий анализ терминологической особенности проблемы был необходим для обоснования именно научной, притом теоретической актуальности поднимаемой темы. Во-первых, сама история геноцида имеет не только политическое, но и научное значение в том смысле, что в тщательном изучении нуждается его предыстория и анализ международного контекста. Во-вторых, в этом предшествующем периоде значимую роль в урегулировании играла Российская империя, интересы которой выражали конкретные государственные деятели. Обращение к их деятельности и к их документам дает возможность осветить изучаемую проблему с нового ракурса и с привлечением источников личного происхождения. Речь идет о воспоминаниях С. Д. Сазонова, давших возможность выявить сущность «армянского вопроса» для конкретного имперского политического деятеля, выделявшего его в отдельное направление внешней политики государства.

Внешняя политика Российской империи в начале XX века имела многовекторную на-

правленность. Ситуация вокруг турецких армян оказалась на перекрестке этих течений, именно в точке сходились отношения с Европейскими государствами и странами Востока. В то же время данная проблема была неотъемлемой частью «восточного вопроса», вокруг которого выстраивались сложные отношения, как с Востоком, так и с Западом: армянский вопрос оказывал влияние на отношения не только с Турцией, вокруг него сталкивались интересы стран Антанты и Тройственного союза. Восточный вопрос, и армянский, как его часть были тесно связаны с внутренними делами России, содержание которых емко сформулировал С. Д. Сазонов: «Закавказье с его пестрым и плохо замуренным населением представляло опасную почву для всевозможных смут и волнений, и наша местная администрация была крайне заинтересована в том, чтобы пограничные с нами турецкие области не сделались театром вооруженного восстания. Едва ли надо указывать на то, что такое восстание почти неизбежно привело бы к войне между Россией и Турцией, т. е. к таким последствиям, которые русское правительство желало во что бы то ни стало предотвратить»³.

Первая мировая война стала результатом столкновения великодержавных интересов главных акторов мировой политики. Каждая из сторон конфликта была с комплексом внутренних проблем, в том числе этнического характера. Россия, Турция и Австро-Венгрия являли собой многонациональные империи, для них было важно сохранить достигнутые территориальные границы. В контексте этого противостояния большое значение имела позиция этнических меньшинств, населявших окраины держав. Поэтому накануне Первой мировой войны армянский вопрос был насущным, как для Турции, так и для России. В контексте балканских войн, он только обострялся, потому что создавался опасный прецедент эскалации национально-освободительных движений. В этом контексте выглядят уместными и логичными инициативы русской дипломатии в отношении реформ в армянских вилайетах Турции в 1912–1913 гг.

Сергей Дмитриевич Сазонов занимал пост министра иностранных дел Российской

¹ Гюнтер Л. Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность. М., 2016.

² Гамбарян А. Армянский вопрос и великие державы в 1912–1914 гг.: политика Великобритании // Регион и мир. 2015. №3-4. С. 28-37.

³ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

империи с 1910 по 1916 г. Рассмотрение армянского вопроса как сферы международного взаимодействия России с другими государствами через фигуру данного исторического деятеля позволяет исследовать механизмы влияния конкретной личности на отдельные аспекты внешней политики страны. Когда в июле 1916 г. С. Д. Сазонов ушел в отставку в журнале «Армянский вестник», издаваемом в Москве, редакцией было выражено сожаление этому поводу. С. Д. Сазонову была дана характеристика, как человеку, который осознает «огромное значение турецких армян для русских государственных интересов на Ближнем Востоке»¹. Если обобщенно, армянское сообщество в России высоко оценивало следующие заслуги уже бывшего министра. Во-первых, именно С. Д. Сазонов преодолевая сопротивление Германии, покровительствовавшей Турции, продавил соглашение о реформе в армянских вилайетах Турции в 1914 г., практически накануне первой мировой войны. Во-вторых, в период массовых убийств турецких армян в 1915 г. он делал все возможное через дипломатические каналы для облегчения их положения. В-третьих, в период войны С. Д. Сазоновым была издана «оранжевая книга» об армянских реформах, в которой подробно представлен весь ход дипломатической борьбы России за их проведение². В общественно-политической и культурной жизни дореволюционной России, в целом, Кавказа, в частности, армяне играли заметную роль, и небезучастно относились к судьбе турецких армян. Поэтому реакция именно армянского сообщества в данном случае показательна и доказывает тезис о том, что личность С. Д. Сазонова влияла на место армянского вопроса во внешней политике Российской империи в период его пребывания на должности министра иностранных дел. С точки зрения армянского населения Турции это и период, 1910–1916, довольно контрастный, так как он начинался с надежд на преобразования, а закончился трагедией – геноцидом.

В своих воспоминания армянским реформам С.Д. Сазонов посвятил отдельную главу³. Обращаясь к истории, он констати-

рует, что «история армянского народа, начиная с XIII века, когда он подпал под власть сперва сельджуков, затем, попеременно, – монголов и персов, и, наконец, после создания Оттоманской империи в XIV веке он был отдан турками в крепостную зависимость курдским феодальным владетелям, представляет многовековой мартиролог»⁴. Положение сельского населения в армянских вилайетах Турции было наиболее тяжелым. Это обстоятельство в совокупности с активностью партии «Дашнакцутюн», которая отправляла своих агентов и на территорию Турции, вызывало опасение России. Так как восстание в приграничных с Закавказьем районах грозило бы перекинуться через российско-турецкую границу. Необходимость реформирования армянских вилайетов в понимании русского имперского министра имела не только политические, но и исторические мотивы. Армян С. Д. Сазонов сравнивал с евреями, которые являли в тот период пример народа без территории. Ни в русской части Армении, ни в турецких пределах, армяне не составляли большинства местного населения, исключением были несколько городов⁵. Из описанной исторической несправедливости вытекала гуманистическая составляющая отношения С. Д. Сазонова к армянской проблеме. Он подчеркивал уникальность ситуации в сравнении с другими христианскими народами Османской империи, положение армян представлялось Сергею Дмитриевичу наиболее трагичным, что усугублялось отсутствием собственной территории⁶.

Кроме личного отношения С. Д. Сазонова к проблеме, ее разрешения требовали объективные обстоятельства и интересы Российской империи на Кавказе и Ближнем Востоке. Вопрос положения армянского населения в Турции был одним из насущных для революционных партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн». Для «Гнчак» вопрос Западной Армении был базовым, именно на нем была основана программа партии. Агентурные донесения из Константинополя свидетельствовали об активности обеих партий и объединении усилий по организации ряда мероприятий. Например, в ноябре, 1913 г.

¹ Отставка С. Д. Сазонова и армянский вопрос // Армянский вестник. 1916. №26. С. 1-2.

² Там же. С. 2.

³ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

на совместных собраниях «Гнчак» и «Дашнакцутюн» в Константинополе обсуждался вопрос о необходимости вооружения армянского населения в Турции, так как возросло количество случаев агрессии со стороны мусульман¹. Те же агентурные донесения из Константинополя фиксировали раскол среди гнчакистов: часть членов партии была за занятие Западной Армении Россией, другая – выступала с антироссийскими лозунгами и предпочитала оставить Армению в составе турецкого государства².

Подобного рода процессы требовали от российского государства практических шагов, нужно было предлагать конструктивные решения армянской проблемы в Турции и пытаться реализовать их «сверху», так как «снизу» уже шли неконтролируемые процессы и они дестабилизировали обстановку на Кавказе. В своих мемуарах С. Д. Сазонов писал о важности проведения армянских реформ в Турции именно по причине проживания многочисленного армянского населения на Кавказе. Нестабильность среди турецких армян не могла не повлиять на положение дел в регионе.

Преследования армян в Турции всегда напрямую воздействовали на состояние приграничных российских территорий, так как именно здесь спасались беженцы, а для кавказских властей возникал новый ряд трудностей в управлении без того спокойным краем. Например, 1903 г. в министерстве иностранных дел уже не первый раз поднимался вопрос о полном закрытии доступа на Кавказ для турецких армян³. Были прецеденты и раньше, когда кавказские власти обращались с аналогичным прошением. Например, в 1900 г., но министерство тогда не удовлетворило ходатайство. В 1903 г. инициатива снова исходила от Главного начальника Гражданской части на Кавказе Г. С. Голицына⁴. Он просил о полном закрытии границы до тех пор пока не успокоятся «закавказские армяне»⁵. Острота вопроса была связана с принятием в 1903 г. российским правительством закона о конфискации имущества армянской церкви, который вы-

звал резко негативную реакцию не только у русских, но и турецких армян. Согласно сведениям, получаемым в МИДе, турецкие армяне планировали массовые переходы границы для «устройства демонстративного паломничества в Эчмиадзине»⁶. В 1904 г. в Турции недалеко от Сасуна возникла угроза вооруженного столкновения армян с войсками турецкого правительства, Г. С. Голицын выразил снова беспокойство о возможном потоке беженцев на Кавказ. Создавалось две проблемы. С одной стороны, портились отношения с Турцией, так как она рассматривала бежавших армян как революционеров и повстанцев, и требовала депортации. С другой стороны, приток революционно настроенного населения с оружием грозил беспорядками и волнениями в кавказском крае⁷. Однако, радикальное решение вопроса о полном закрытии для турецких армян было геополитически нецелесообразно, о чем свидетельствуют архивные документы. Турецкая империя пребывала в состоянии дряхлости, и тогда одной из перспектив развития событий виделось присоединение к Кавказу «вилайетов Малой Азии», поэтому нарушать связи между русскими и турецкими армянами нельзя, нужно было сохранять имеющееся единство⁸. Балансируя двумя вышеописанными крайностями, российские власти приходили к выводу о необходимости реформ в Турецкой Армении.

Информативным источником по изучению предложенной в заглавии статьи темы является переписка министра с послом России в Турции Михаилом Николаевичем Гирсом. М. Н. Гирс в 1912 году в своей депеше С. Д. Сазонову высказывал обеспокоенность положением армянского населения: «Консула наши единодушно свидетельствуют о непрекращающихся разбоях и грабежах курдов, об убийствах ими армян и о насильственных обращениях армянских женщин в ислам...»⁹. В ответ С. Д. Сазонов писал об опасении по поводу того, что если власти не приступят к реформам в Армении, то «Турецкому правительству придется иметь

⁶ Там же.

⁷ АВПРИ. Турецкий стол. Описание 502 б. Д. 30. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 28 об.

⁹ Посол в Турции Министру Иностранных Дел. Константинополь. 26 ноября 1912 год // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 3.

¹ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

² Там же. Л. 1.

³ АВПРИ. Турецкий стол. Описание 502 б. Д. 30.

⁴ Кавказское наместничество и должность наместника вновь были восстановлены в 1905 году.

⁵ АВПРИ. Турецкий стол. Описание 502 б. Д. 30. Л. 3.

дело с армянским вопросом в настолько обостренной форме, что это может вызвать вмешательство Европейских Держав»¹. С точки зрения внешнеполитических интересов и возможностей Российской империи в тот момент ухудшение отношений с Турцией было невыгодно, особенно в свете того что русская армия переживала комплексное реформирование.

Договориться с младотурецким правительством было трудно, оно ревностно воспринимало любые русские инициативы в отношении армянских вилайетов, расценивало их как вмешательство во внутренние дела². С. Д. Сазонов и русские представители в европейских государствах обращали особое внимание, упирая, на, что заинтересованность в стабильности армянских вилайетов и улучшении положения их населения связана с настроениями среди российских армян. Позиции последних до министерства иностранных дел доносил наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков, который плотно сотрудничал с представителями кавказских армян: городским головой Тифлиса А. И. Хатисовым, епископом Тифлисской епархии Месропом, редактором армянской газеты «Мшак» А. А. Калантаром и др. И. И. Воронцов-Дашков занимал активную позицию в решении армянского вопроса. Через наместника кавказские армяне просили снабдить соплеменников в Турции оружием для самообороны. К нему как к представителю Российской империи обращался за помощью Католикос всех армян³.

Более подробную информацию об обстановке в армянских вилайетах М. Н. Гирс и С. Д. Сазонов получали с места от русских консулов. В них говорилось об опасениях в связи с участвовавшими случаями нападений и притеснение со стороны курдов, на кото-

рые турецкие власти не реагировали. Такого рода информация поступала от вице-консула Баязида, от консула из Битлиса, от вице-консула в Ване. Консул в Эрзеруме докладывал об упорно циркулирующих слухах среди армянского населения о готовящейся резне⁴.

До января 1913 года российской дипломатии удавалось более или менее успешно вести переговоры с турецким правительством о необходимости реформ в управлении армянскими вилайетами. Балканские войны стали с одной стороны, уроком, а с другой – отвлекали внимание от проблем с управлением армянским населением. В декабре 1912 М. Гирс писала Сазонову, что правительство в спешке готовит проект. Но в итоге он российскую сторону не устроил, хотя бы, потому что исключал из процесса реформирования две армянские провинции: Сивас и Эрзерум. Кроме того, не предусматривался контроль со стороны держав, он подменялся приглашением иностранцев на турецкую службу⁵. Такая относительная сговорчивость конкретно в 1912 году была вызвана первой балканской войной, в которую Турция оказалась втянутой в состоянии незавершенной военной модернизации. Отказ провести преобразования в отношении христианского населения европейской части Турции стал поводом для эскалации национально-освободительного движения в полноценную войну. Соответственно обострение в армянских провинциях только усугубило бы и без того тяжёлую ситуацию. Поэтому младотурки наспех составили проект, который был рассчитан скорее на то, чтобы выиграть время для урегулирования балканской проблемы, не отвлекая силы на приведение к повиновению армянские вилайеты.

С. Д. Сазонов, выражая интересы России, настаивал на безотлагательном вмешательстве держав в качестве посредников между Балканским союзом и Турцией. Петербургу, безусловно, были ближе интересы первого участника войны. Ход военных действий стал потрясением не только для Тур-

¹ Министр Иностранных Дел Послу в Турции. С.-Петербург 30 ноября 1912 г. // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 6.

² Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

³ Наместник Его Императорского Величества на Кавказ Министру Иностранных Делъ. Тифлисъ 7 Февраля 1913 года. (Письмо) // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 22. Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915.

⁴ Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915.

⁵ Посол в Турции Министру иностранных дел. 17 декабря 1912 года (доверительное письмо) // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С.13-15.

ции, в своих воспоминаниях С. Д. Сазонов отмечал: «Головокружительные успехи балканских союзников произвели ошеломляющее впечатление во всей Европе, где как друзья их, так и враги были склонны переоценивать турецкую силу»¹. В декабре 1913 года начались мирные переговоры в Лондоне. По всей видимости, Россия в те месяцы была больше сосредоточена на балканском вопросе, нежели на армянском.

В январе 1913 году в Турции произошел государственный переворот, фактическую власть в своих руках сосредоточил триумvirат младотурков Талаат-паши, Джемаль-паши и Энвер-паши. Они прервали переговорный процесс и возобновили войну. И даже урезанный проект реформ для армянских вилайетов правительства Кямиля Паши новая младотурецкая власть отложила в сторону и объявила реформы во всей империи², которые позволили бы избежать предоставления автономии армянскому населению, а также растворяли армянский вопрос в комплексе других. Тем самым снималась его острота в глазах России и всего международного сообщества. Война закончилась для Турции падением османского владычества на Балканском полуострове. Далее Россия пыталась тщетно удержать Балканский союз от распада, прилагая усилия для того, чтобы избежать сербо-болгарскую распрю. Кроме того, важно не дать «себя вовлечь в войну из-за второстепенного балканского вопроса»³. Таким образом, надо было и мир с Турцией сохранить в столь щекотливой ситуации, и вести переговоры по армянскому вопросу.

В итоге к лету было составлено два проекта. Первый подготовлен дипломатическим переводчиком (драгоманом) А. Н. Мандельштамом. В его основе был проект 1895 года, разработанный европейскими державами. Предполагалось образование из 6 вилайетов одной области, дальнейшее административное деление которой осуществлялось бы по этническому признаку. Во главе области

назначался генерал-губернатор, предпочтительно европеец. Его назначал султан, но с согласия держав⁴. Второй проект, разработанный сугубо турецкой стороной, касался реформ во всей империи, без упоминания Армении. М. Н. Гирс в телеграмме высказывал С. Д. Сазонову неуверенность по этому поводу: «... Империя делится на шесть секторов, при чем «восточные вилайеты» разделены на два сектора без указания их границ. Можно опасаться, что армянские вилайеты будут распределены между двумя этими секторами с расчетом разобщить Армян и растворить их в мусульманском большинстве»⁵. Представители, стран Тройственного союза отказывались рассматривать российский проект без предварительного изучения предложений турецких властей.

Было очевидно, что в свете балканских войн усиливалось влияние Германии на Турцию, реорганизацией турецкой армии с 1913 года стал руководить немецкий генерал Отто Лиман фон Сандерс. Военные миссии Германии присутствовали в стране ранее, а с этого момента фон Сандерс возглавлял самый боеспособный 1 корпус турецкой армии в Константинополе. Это обстоятельство стало настоящим потрясением для России. С. Д. Сазонов сетовал в своих мемуарах по поводу способа действий Германии, так как он противоречил заверениям канцлера и мешал упрочнению европейского мира⁶. Таким образом, он контролировал положение и в турецкой армии, и в проливах. Решать вопросы, связанные с проведением реформ в армянских провинциях, в этих условиях становилось гораздо труднее, так как Германия теперь тоже не была заинтересована в них. В дальнейшем, она вынуждена была включиться в процесс разработки с целью подвинуть в этом деле России, и поэтому армянский вопрос стал средством борьбы с Германией на почве ближневосточных интересов⁷.

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

² Посол в Турции Министру Иностранных Дел // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 25. Константинополь 11 Марта 1913 года.

³ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

⁴ Предварительный проект реформ, подлежащих введению в Анатолии, выработанный г. А. Мандельштамом // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 61.

⁵ Посол в Турции Министру Иностранных. Константинополь. 19 июня / 2 июля 1913 года // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 71.

⁶ Там же.

⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

Несговорчивость турецкой стороны вынуждала обращаться к немецким властям в надежде на посредничество и оказание на Порту давления. Лично для Сазонова С. Д. сложившаяся ситуация оказалась драматичной в свете неформального общения с германским канцлером в Берлине Т. Бетманом-Гольвегом, и надежд решить вопрос на личностном уровне. Их разговор как раз шел о реформах армянских вилайетов, которые в тот момент обсуждались уже на уровне правительств двух государств. О назначении и будущих полномочиях фон Сандерса речи не шло. Немецкий кабинет дал согласие на совместную выработку проекта реформ русским и германским послами в Турции¹. В сентябре 1913 года поверенный в делах в Германии Броневский сообщал, что в Константинополе послы условились готовить к принятию «программы реформ Великого Везира»². 10 сентября 1913 г. М. Гирс и Г. Вангенгайм (посол Германии) составили совместный проект реформ для Западной Армении, включавший 6 пунктов³. Россия вынуждена была согласиться на ряд уступок, в том числе и на деление Западной Армении на два сектора. Но уже вскоре участие Германии в решении вопроса прекратилось, и Россия самостоятельно пыталась договориться с турецким визирем. Проект был составлен, но его надо было лоббировать в политических кругах Порты. Реально же берлинский кабинет и немецкий посол ничего не сделали для дальнейшей поддержки проекта, в итоге он превратился в русско-турецкое соглашение по причине самоустранения от проведения реформ, как канцлера, так и посла⁴.

Договоренности, достигнутые в Берлине С. Д. Сазоновым с канцлером Т. Бетманом-Гольвегом, в итоге не имели решающего значения не только в силу незаинтересованности Германии в разрешении армянского вопроса. В мемуарах С. Д. Сазонов обра-

щает внимание на следующую сторону немецкой политики в Турции: император Вильгельм II объявил себя покровителем ислама. Исходя из этой установки, немецкие послы в Константинополе стремились к максимальному престижу в глазах турецкого правительства и дистанцировались от остального дипломатического корпуса. Сложность была по согласованию проекта реформ вследствие не только расхождения интересов держав. С. Д. Сазонов отмечал, что германские послы сводили общение с послами других государств к минимуму. Технически совместная работа над проектом при таких организационных условиях успешной быть не могла. По прошествию многих лет, работая над мемуарами, он приходит к выводу, что подчинение посла в Турции барона Вангенгейма канцлеру Германии было относительно, невзирая на знаменитую немецкую дисциплину.

Источники личного происхождения в изучении истории международных отношений и внешней политики государств ценны деталями, которые не найдут отражения в дипломатических документах по причине официальной направленности и существования жесткой формы их составления, которая влияет на содержание. Эго-документы не ограничены не по форме, ни по наполняемости, кроме того, государственный деятель, отойдя от дел, в мемуарах воспроизводит сюжеты и детали, о которых, пребывая на должности, говорить и писать не мог. В мае 1914 года С. Д. Сазонов встречался в Ливадии с Талаат-беем – министром внутренних дел Турции и генералом Изет-пашой. Первого российский политик характеризует как «одного из величайших злодеев всемирной истории». Сам император Николай II, принимая гостей, отметил, что добрососедские отношения двух государств возможны лишь при условии, если Турция будет «хозяином в своем собственном доме». Безусловно, речь шла о чрезмерных возможностях миссии Лимана фон Сандерса в Константинополе⁵. И министр, и император сознательно давили на патриотические чувства младотурок, указывая на их несамостоятельность и фактическую зависимость от Германии в военно-политической сфере. Дипломатически

¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

² Поверенный в делах в Германии Министру Иностранных дел. Берлин 10/23 сентября 1913 года // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Петроград, 1915. С. 94.

³ Гамбарян А. Армянский вопрос и великие державы в 1912–1914: политика Великобритании URL: http://geopolitika.am/dir/wp-content/blogs.dir/1/files/2015_3_4_28_37.pdf (Дата обращения: 21.11.2016).

⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч.

⁵ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (20.11.2016).

эти выпады были закономерны и обоснованы, и имели целью внести хоть немного разлада в немецко-турецкий альянс. В то же время были и элементы реваншизма с русской стороны, так как Германская сторона в 1913 году приложила усилия для дискредитации политики России в армянском вопросе. Немецкий посол Г. Вангенгейм открыто говорил, что главная цель российской стороны – подчинение армянских вилайетов. Предпринимались попытки оказывать давление на армянскую общественность и переориентировать её на Германию¹.

Младотурецкая революция в перспективе ставила цель преодоление полукOLONиальной зависимости от западных стран. Но чрезвычайные возможности Германии противоречили этим устремлениям и намеки Российского императора, безусловно, задевали за живое. Видимо отсюда и занятый эпизод в воспоминаниях С. Д. Сазонова о внезапном выпаде Талаата, который во время обеда накануне отъезда застиг врасплох министра предложением о союзе. Никакого продолжения этого разговора и союза, конечно же, не последовало. Сама же ситуация так и осталась полной загадкой для Сергея Дмитриевича. Вероятнее всего она стала следствием психологического давления, которое они с Николаем II оказывали на турецких гостей.

Возвращаясь к особенностям использования эго-документов в изучении истории внешней политики, можно провести любопытное сравнение между официальной позицией С. Д. Сазонова (вернее официально высказанной) по поводу русско-немецкого взаимодействия в армянском вопросе и рефлексией над свершившимся провалом в воспоминаниях. В речи в Государственной Думе, произносимой 10 мая 1914 г., С. Д. Сазонов докладывал о результатах работы над проектом реформ в Турецкой Армении. Передавая содержание проекта, охарактеризовав русско-турецкие отношения в этом вопросе как примирительные, министра подчеркнул существенное содействие оказанное Германией². Из мемуаров ситуация вырисо-

вывается совершенно противоположная и очевидно игнорирование немцами проблем армянского населения в Турции.

Выступал С. Д. Сазонов уже после встречи с турецкими делегатами в Ливадийском дворце, казус с Талаатом, который вызвал полную растерянность министра в официальной речи дословно он передал следующим образом: «...беседы, которые мне пришлось иметь в Крыму с членами чрезвычайного турецкого посольства, явившегося от имени султана приветствовать государя императора, и в состав которого вошли виднейшие представители турецкого правительства, произвели во мне впечатление серьезного желания Турции установить отношения с Россией, отвечающие интересам обеих стран, в соответствии с новыми политическими условиями»³.

В Ялте С. Д. Сазонов откровенно высказал Талаату российскую заинтересованность в разрешении армянского вопроса путем проведения реформ. Но опять-таки фактор немецкого влияния, о котором выше говорилось, свел все усилия к нулю. И если турецкое правительство поощряло бесчинства курдов в отношении армян, то «германское посольство в Константинополе смотрело на них равнодушным оком»⁴. С России с Турцией о проведение реформ было подписано в начале 1914 и подписи германского представителя там не было. С. Д. Сазонов, невзирая на поверхностность обозначенных реформ, считал их «первым шагом на пути введения основных начал гражданской жизни среди несчастного христианского населения». Начавшаяся война не только помешала осуществлению этого замысла, но и принесла массу бедствий населению как турецкой, так и русской Армении.

Таким образом, изучение истории армянского вопроса во внешней политике России накануне Первой мировой войны существенно углубляется, если смотреть на проблему через биографию государственного деятеля – министра иностранных дел России С. Д. Сазонова. Изучение комплекса официальных и неофициальных источников позволяет делать вывод о том, что проект реформ армянских вилайетов, который в итоге накануне войны удалось подписать, стал итогом множества усилий именно С. Д. Сазонова.

¹ Степанян С. С. Армения в политике империалистической Германии (конец XIX и начало XX века). Ереван, 1975.

² Речь Министра Иностранных дел С. Д. Сазонова в Государственной Думе от 10 мая 1914 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 170.

³ Там же. С. 171.

⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч.

Д. С. Ткаченко

НАРОДЫ КАВКАЗА В ОПИСАНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ*

20–30 гг. XIX в., стали временем, когда геополитические соображения противоборства Англии и России в так называемой «Большой игре» – разделу сфер влияния на Востоке – стали диктовать в обеих империях все более пристальный интерес к получению сведений о Кавказском регионе.

По оценке современного британского исследователя П. Хопкирка исследование земель могло проводиться разными способами¹. В нем были задействованы профессиональные офицеры или политические агенты, которых начальство посылало для разведки характера местности. В сбор сведений включались «не менее способные любители, часто независимые путешественники. ... Одни действовали, переодевшись и маскируясь, другие – при всех регалиях. Эти способы применяла как Российская, так и Британская сторона.

Первоначальные сведения о регионе, военные обычно получали через частных путешественников, из разных соображений, фиксировавших наблюдения в своих дневниковых записях. Издаваемые, иногда по горячим следам, сведения становились не только достоянием общественности, но и предметом для аналитических размышлений со стороны военных. Для российской стороны, львиная доля «записок о Кавказе» пришлась на вторую половину XVIII – начало XIX вв., а материалы официально организованных «Академических экспедиций» известных своими изысканиями ученых, становились известными не только в России, но и за рубежом. Последней из таких экспедиций стало путешествие Г. Ю. Клапрота, организованное Российской академией наук в 1807 г.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-00037.

¹ Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И. И. Кубатько. М., 2004. С. 24-25.

Интересно отметить, что, несмотря на то, что материалы российской экспедиции были изданы в Лондоне вскоре после написания Клапротом своей книги², современное кавказоведение до сих пор не располагает полным русским переводом трудов академика³.

В отличие от русских, англичане обратили свое внимание на Кавказ только в начале второго десятилетия XIX в. Их интерес, как и у российской стороны был больше связан не с экономическим, а с политическим фактором – тревогой потерять те колониальные ресурсы, которыми Британия завладела в Индии.

С продвижением России за Кавказский горный хребет, регион становился стратегическим плацдармом, овладев которым можно было вести активную политику, как на Ближнем Востоке, так и на транспортных коммуникациях, ведущих в Британскую Индию. «Петр Великий в конце своего царствования обратился к Каспийскому морю и берегам оною для того, чтобы открыть опять, тот древний путь, который некогда изливая дары Индии на Европу, наделял оными и Россию»⁴, – писал в начале 30-х гг. Г. В. Розену один из русских офицеров в своей «Записке об Индии», давая Командующему Кавказским корпусом ряд практических рекомендаций по дальнейшему продвижению на Восток⁵.

Со своей стороны, со времени завершения Наполеоновских войн, англичане осознали, что им следует не только усиливать свой флот на морских подступах к Индии, но и изучать сухопутные пути, ведущие в

² Klapproth J. Travels in the Caucasus and Georgia, Permitted in the Years 1807 and 1808 by command of the Russian government. London, 1814.

³ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии. Нальчик, 2008.

⁴ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 66. Л. 13 об.

⁵ Там же. Л. 13 об. – 14.

нее через Персию или Среднюю Азию. Громкую обеспокоенность у них вызывал сам факт продвижения к границам Индии территорий, подконтрольных Российской империи, которая по остроумному наблюдению одного из британских военных стратегов, в первой половине XIX в. увеличивалась со скоростью 55 квадратных миль в день¹.

Сбор сведений осуществляется не как в России – через организацию научных экспедиций, а многочисленными частными путешественниками, ехавшими в Индию через Кавказ и попутно делавшими разного рода путевые заметки. Некоторые из них были выполнены с большим талантом и получили признание на литературном поприще, другие, составленные, спешившими домой или к месту службы, вскользь упоминали Кавказ, – однако, все они в общей совокупности давали довольно четкую картину региона.

Одним из первых англичан, посетивших Кавказ в первые десятилетия XIX в. был полковник Индийской армии Джон Джонсон, совершивший вместе со своим напарником – капитаном Сатлером, путешествие из Индийского Бомбея в Англию в 1817 г.². Мы можем только гадать, была ли поездка англичанина его личной инициативой, или за ней скрывалась разведывательная миссия – об этом автор заметок, разумеется, умолчал. Однако, скрупулезный характер сделанных им зарисовок мест, по которым шла дорога, точно согласуется с инструкциями военным разведчикам (как британским, так и российским) о том, какие сведения они должны представлять в рапортах об обследованной территории³. Офицер указал точные расстояния между населенными пунктами, отсчитывая время пути с точностью до 15 минут; описал основные ориентиры и достопримечательности местности; от внимания англичанина не ускользнуло состояние дорог – даже то из какого материала они состояли; направление течений рек и ручьев; характер переправ через водные преграды и, конечно, облик местных жителей. Сам характер

педантичных записей позволяет читателю сделать вывод, что интерес к ведущим в Индию сухопутным путям у британского офицера был далеко не частным.

Примерно в это же время – с разницей всего в несколько месяцев – регион посетил известный Британский художник Гарри Кер Портер. Уже в пути он изменил свой маршрут «от волн Эвксина к горам Кавказа»⁴, чтобы посмотреть на те земли, которые Российская империя сделала доступными для европейцев. «Необычная политическая обстановка, в которую вовлечена не только Европа, но и все страны Мира в последние 25 лет выставила на всеобщее научное обозрение все страны – не только ближние, но и дальние, – писал он. – Места из древней истории ... не только предстали перед самыми нашими дверьми, но и затрагивают нас тысячами способов, вызванных как нашим сочувствием, так и странно переплетающимися интересами»⁵. Кроме туманного намека на Британские стратегические интересы в регионе, записи художника содержат зарисовки красот Кавказского горного хребта, которые до сих пор определяют тональность его описания в англоязычной литературе⁶. «Я не знаю никого, кто, взирая на Кавказ, не ощутил бы чувства его девственного, неописуемого величия, которое просто переполняет душу»⁷, – восторженно писал автор.

Вместе с живописным описанием мест, которые по своей военной информативности хоть и уступают сведениям Джонсона, но дают гораздо лучшее визуальное представление о регионе, Портер также пересказал то, что он слышал о нем от российских военных. Он стал первым англичанином, попытавшемся передать знаменитый Ермоловский афоризм, сравнивавший войну на Кавказе с «осадой обширной и сильной крепости, где с успехом можно продвигаться вперед только шаг за шагом»⁸. Портер изменил слово «крепость» на «бастион» в своем английском переводе, однако сохранил тот

¹ Хопкирк П. Большая игра... С. 25.

² См.: Ткаченко Д. С. Кавказ начала XIX в. в путевых заметках Джона Джонсона // Гуманитарные и юридические исследования. №4. 2018. С. 110-118.

³ Правила обозрения местности и целого края // Ручководство для офицеров Генерального штаба, при войсках состоящих, СПб., 1833 // Отдел письменных источников Российской национальной библиотеки (ОПИ РНБ), ф. 68. Оп. 1. Д. 49.

⁴ Porter R. K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. London, 1821. P.2.

⁵ Op. cit. P. 1.

⁶ King Ch. Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford, 2008. P. 5.

⁷ Porter R. K. Travels ... P. 45.

⁸ Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказского хребта в 1864 году. СПб., 1864. С. 1.

смысл, который в него вкладывали российские военные¹.

Портер так же, по отзыву современных исследователей, стал одним из первых англичан, давших двойственное видение Кавказа. Он, по словам американского исследователя Ч. Кинга, «верил, что движется по границе между двумя мирами. Позади лежала Российская империя – продукт модернизационного гения Петра Великого, объявившая о намерении смирить и цивилизовать людей Ближнего Востока от перешейка между Черным и Каспийским морями и дальше. Перед ним простирались неисследованные просторы, населенные примитивными горцами – частично мусульманами, частично – христианами, или даже язычниками, чья способность доставлять неприятности была в Европе хорошо известна: женщины, продаваемые в неволю татарскими работоторговцами; путешественники, захваченные с целью вымогательства выкупа; бандиты, залегшие в засаде в тесных ущельях; враждующие кланы, взыскивающие друг с друга счета по древней кровной мести с помощью современных ружей»².

Портер оставил мрачные зарисовки жителей гор, которые «никогда не появляются без общего оружия этой страны – кинжала на поясе.... Отпечаток нападения и защиты лежит здесь на всем, что мы видели, и это всегда будет иметь первостепенное значение, так как здешние люди еще не дошли в своей сущности до такого состояния, когда закон силы уступает место закону целесообразности, – каждое тело здесь вооружено, каждый дом здесь как маленькая крепость»³, – писал он во время пути по Военно-Грузинской дороге, размышляя как о красотах тех мест, по которым пролегал кратчайший путь на Ближний Восток, так и о характере действий России в регионе.

В целом, в записках англичанин первых десятилетий XIX в. мы не увидим попыток разобраться в характере местных жителей, или в движущих силах разраставшегося на Кавказе военного противостояния. Как и многие русские авторы того времени, они видели только одну сторону жизни Кавказских народов – их набеговую экономику, а необхо-

димостью бороться с ней объяснял столкновения русских с горцами.

Большое количество англичан, ехавших через Кавказ, не осталось без внимания российских властей. В 1824 году специальным циркуляром Главного штаба, А. П. Ермолову было предписано иметь «наблюдение за всеми Англичанами, проезжающими из Персии или в Персию, и о прибытии их, о въезде и направлении какое они взять намерены, доставлять уведомление»⁴. Ермолов тщательно выполнял данное ему распоряжение, о чем свидетельствует в своих записках Д. Джонсон, имевший долгую беседу лично с Командующим кавказским корпусом, в которой его расспрашивали о проделанном англичанами пути от персидского залива до границ Российской империи⁵.

Наблюдение за иностранными путешественниками кавказская администрация осуществляла и после отставки Ермолова. «Англичанин Литтл-Джонс и Прус Мивиус исключены за дурное поведение из службы Ост-Индской кампании, первый считается всеми способным военным человеком, но неумеренный пьяница»⁶, – писал в конфиденциальном письме В. Д. Вольховский корпусному командиру барону Г. В. Розену о двух англичанах, проезжавших через Кавказ в 1835 году.

В свою очередь Кавказские власти не упускали случая вести собственную разведку на территории сопредельной Персии, посылая офицеров Кавказского корпуса под видом путешественников. Так, В. Д. Вольховский докладывал, что с подобным поручением в Персию в 1835 г. был отправлен барон Торнау, который по возвращению на Кавказ информировал о положении дел у беспокойного соседа. «По словам барона Турнау, власть Могамед-Шаха там повсеместно признана, включая Шираз, коего владетель Гусейн-Али-Мирза говорит встретит с оружием в руках шахские войска, занявшие уже Испангань»⁷, – писал он. Свои донесения русский разведчик сопровождал довольно едкими комментариями о способностях персидских

¹ Porter R.K. Travels ... P. 44.

² King Ch. Ghost ... P. 5.

³ Porter R.K. Travels ... P. 78.

⁴ РГВИА. Ф. 14719. Оп.1. Д. 110. Л. 1-1 об.

⁵ Johnson J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. London, 1818. P. 206.

⁶ ОПИ РНБ. Ф. 646. Оп.1. Д.87. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 13.

вельмож контролировать сопредельные с Россией территории¹.

Наблюдения путешественников, таким образом, являлись одним из главных источников сбора стратегически важной информации и постепенно в обеих империях появилась мысль о необходимости целенаправленно использовать данный метод для обозрения не только владений соседа, но и неподконтрольных этнических территорий буферной зоны. В местности, представлявшие белые пятна на карте были направлены специально подготовленные для этой цели офицеры-разведчики. Английские офицеры уделили основное внимание территориям Средней Азии и Ближнего Востока, лежащих на подступах к Индии, а Россия занялась изучением стратегически важных регионов Кавказа. «Генерал Ахтаршиков, – писал в марте 1835 г. Г. В. Розену его начальник штаба Вольховский, – в частном письме утверждает, что Абхазскому князю Левану пришла охота пройти берегом до Анапы. Его Превосходительство советовал ему в таком случае взять с собой барона Турнау, дабы сей мог дать отчет о крае сем»².

Наибольший интерес вызывало исследование Черноморское побережье Кавказа, за контроль над которым разворачивалась довольно активная борьба. Получив регион в силу Адрианопольского договора с Турцией, Россия, по словам Ф. Ф. Торнау, «на деле ... могла завладеть уступленным ей пространством не иначе как силой... Оставалось только сообразить необходимые для того средства и отыскать лучший путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа»³.

Первыми поиском этих средств и путей занялись представители Морского штаба, задействованные в реализации морской блокады пространства от Анапы до Гагр. Характерным продуктом морской разведки стало описание побережья, составленное подполковником корпуса флотских штурманов Манганари. В нем автор сфокусировал внимание на стратегическом значении отдельных пунктов на побережье, размышляя, где выгоднее основывать линию новых российских укреплений. «По предположе-

нию полагается устроить укрепление при реке Шиапсуха, – писал он. – Этот пункт не столь влиятелен, как Джибуа..., последний имеет то преимущество, что если укрепление будет поставлено на высоте покатоности, простирающейся от морского берега по Южную сторону реки, то оно займет место центрального укрепления и ... никто с моря не осмелится причалить, потому, что без затруднения удобно послать одну легкой артиллерии пушку с небольшим конвоем и снять приставшее судно»⁴. Взгляд на побережье «сквозь прицел винтовки» проходит через все описание.

Однако, уже в обзоре Манганари звучала мысль о необходимости при организации военных экспедиций знать не только топографию театра военных действий, но и характер межплеменных отношений людей, населяющих эти места. «Если в Чапсан пристанет судно, – продолжает он, – то из Джибуа есть возможность по берегу послать десант для истребления, тогда как из Шиапсухи, того сделать невозможно по следующим причинам: Джибский князь, имеющий влияние над 30 тысячами Горцев, основал свое жилище в средоточии этих мест, имеет на них такое влияние, что в один или два часа, собирает к себе до десяти и более тысяч всадников, чему я был сам очевидцем...»⁵. Характер замечаний морского офицера показывает, что российских военных волновали не реальные этнические корни многочисленных местных сообществ, а лишь вопросы военно-политического характера: на чьей стороне выступит та или иная группа, или сколько вооруженных людей она сможет выставить при возможном столкновении с ней⁶.

Морская разведка в целом ограничивалась узким участком прибрежной зоны и не могла представить исчерпывающих сведений о положении дел в неконтролируемой империей регионе. Кроме того, она по образному выражению Ф. Ф. Торнау, ставила «сухопутные войска в совершенную зависимость от моря»⁷. Поэтому, необходимость посылки разведчиков сухопутным путем представлялась военным все более очевидной.

В июне 1834 г. Командующий кавказским корпусом Г. В. Розен «желая получить вер-

¹ ОПИ РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 13.

² Там же. Л. 18-18 об.

³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 171-172.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3751. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 3-3 об.

⁶ King Ch. Ghost... P. 101.

⁷ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 176.

нейшие сведения о народах обитающих на восточном берегу Черного моря между Абхазией и крепостью Геленджиком, равно и страны вдоль всего пространства»¹, направил предписание командующему войсками в Абхазии «выбрать одного из четырех сосланных в Абхазию за преступление Виленских студентов, знающих язык сих народов, коего нарядив в черкесскую одежду и при нем назначив одного расторопного, надежного абхаза, с препровожденным при сем конвертом на имя Геленджикского коменданта полковника Чайковского, отправить из Гагры вдоль морского берега в Геленджик»². Не сомневаясь в успехе своего плана, Розен даже предлагал надежную кандидатуру из числа известных ему ссыльных поляков.

План командующего предполагал, что разведчик, «с соблюдением при сем необходимой осторожности для отклонения от себя всякого со стороны горцев подозрения»³ должен был собрать сведения о транспортных путях в регионе, обращая внимание на возможность провоза тяжелых грузов и характер местности вокруг дорог. Особый интерес для военных представляли реки, впадающие в море, удобные гавани и места возможной высадки десанта. В предписании Розена звучала и идея предоставить информацию «о народах..., свойствах их характера, обычаях и их к нам расположении»⁴, которая, однако, в общем контексте выглядела как незначительное дополнение. Общий же характер собираемых сведений не выходил за рамки информации, требующейся для организации успешного вторжения, и четко укладывался в инструкцию для описания театра военных действий, составленную в свое время офицерами российского Генштаба⁵.

Разведчик должен был заниматься и определенной аналитической работой по прибытию в крепость Геленджик. Там, в спокойной обстановке ему следовало «заняться составлением описания проезжаемого пространства... и если сие не превышает его способности и средства, то составить оно карту, передать копию господину полковнику Чайковскому для пересылки мне через почту»⁶.

Получив материалы полевых наблюдений, российские военные должны были проверить их достоверность. «В случае, если назначенный студент найдет что, не подвергая себя излишней опасности он мог и обратный путь из Геленджика в Абхазию предпринять сею же стороною, то сие было бы весьма желательно, тогда он мог бы и в другой раз проверить свои замечания, дабы на оные больше положиться можно было»⁷, – писал в предписании Корпусный командир.

Для того, чтобы обеспечить успех операции, Розен требовал обеспечить разведчика всем необходимым, включая денежные средства, а стимулом для исполнителя должна была служить мысль, что «сей случай доставит ему средства заслужить милостивое внимание Начальства изгладить несколько в глазах Государя Императора прежде им учиненный проступок»⁸.

В целом, разумная идея Корпусного командира использовать для разведки грамотных людей, которые были бы в состоянии не только собрать полевой материал, но и провести его анализ, сводилась на нет незнанием тех условий в которых им предстояло работать. «Как бы хорошо европеец ни владел местным языком, путешествуя среди азиатов, ему чрезвычайно трудно избежать разоблачения. Его выговор, манера сидеть, ходить или скакать верхом... сильно отличаются от привычек азиатов. Чем больше он пытается как можно точнее все это имитировать, тем больше становится вероятность привлечь к себе нежелательное внимание»⁹, – писал о трудностях ведения военной разведки английский офицер А. Коноли, который несколькими годами ранее был послан Британским правительством собирать аналогичные сведения среди туркмен в персидское приграничье на Юго-Восточном побережье Каспийского моря. В отличие от английского офицера, которому повезло вернуться из своей экспедиции живым, а позднее написать увлекательные мемуары¹⁰, о судьбе русского разведчика, отправленного Розеном на верную гибель, можно только догадываться.

¹ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63. Л. 50.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 50-50 об.

⁵ ОПИ РНБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 49.

⁶ ГИМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63. Л. 50 об.

⁷ Там же. Л. 51.

⁸ Там же.

⁹ Цит по. Хопкирк П. Указ. соч. С. 160.

¹⁰ Conolly A. Journey to the North of India overland from England through Russia, Persia and Afganistan. In 2. Vol. London, 1838.

Отсутствие дальнейших сведений о судьбе этого человека и результатах мероприятия – бумага в делах канцелярии Розена затерялась между хозяйственными рапортами губернаторов Закавказья и отчетами таможи в Редут-Кале¹ – служит косвенным свидетельством того, что если план корпусного командира и был реализован на практике, то закончился полным провалом. Для реализации задуманного нужны были не ссыльные диссиденты, стоящие в оппозиции к Николаевскому режиму, а офицеры императорской армии, имевшие не только знания, но и подобно их английским коллегам, высокую мотивацию. Для них участие в военной разведке «означало приключения и продвижение по службе, а возможно, даже место в истории империи. Альтернативой была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах ...»².

Для многих русских разведчиков пребывание в Закубань закончилось трагически, они были узнаны горцами, а командование официально отказалось от причастности к их отправке за Линию. О судьбе этих людей можно узнать только из косвенных свидетельств. «В 1829 году ..., – писал военный разведчик Г. В. Новицкий, – граф Паскевич-Эриванский, предлагая приступить к покорению горцев, предписал офицерам: Искритскому, Зубову, Бартеневу и мне, отправиться для окончательного изучения назначенного каждому из нас участка Кавказа»³. Из четырех отправленных в Закубань офицеров, обратно вернулся только один. Однако, мемуары тех, чья миссия завершилась успешно стали источником, описывающим детали ведения российскими офицерами военной разведки.

При удачном стечении обстоятельств офицер мог надеяться на успех: контакты с местным населением обычно выполняли их горские проводники. Так, Г. В. Новицкий превратился в глухонемого прислугу горского владельца, а Ф. Ф. Торнау выдавал себя за чеченского абрека Гасана, надеясь не встретиться на черноморском берегу настоящих чеченцев, могущих его разоблачить.

Маскируясь аналогичным образом, в Среднеазиатском регионе действовали и российские соперники – английские разведчики, один из которых – А. Конолли, – даже провел своеобразный анализ того, представителем какой социальной страты лучше всего прикидываться в беспокойном приграничье. Это не должен быть знатный человек или купец – соблазн ограбить которых и захватить ради получения выкупа, сразу же появится у людей, живущих «набеговой экономикой». Со слабыми знаниями тонкостей Мусульманской религии еще более невыгодно притворяться муллой или паломником – жители неизбежно затеют опасный религиозный диспут. Опасно впадать и в другую крайность, выдавая себя за нищего – состояние неприкрытых рубищем рук и ног, быстро выдадут непривычного к физической работе и лишениям человека. Собирая разведывательные данные, выгоднее всего превратиться в странствующего лекаря-хакима: местные жители всегда страдают какими-нибудь болезнями, излечить которые средствами европейской медицины не составит особого труда, а благодарные больные, даже распознав в путнике чужака, не станут из признательности заострять на этом внимания⁴.

В любом случае разведчику следовало соблюдать предельную осторожность, чтобы случайно не выдать своего европейского происхождения. Г. В. Новицкий описывает произошедший с ним случай, когда в одном из домов он «приютился, по черкесскому обычаю, в уголке кунакской на корточках и, изнуренный предшествовавшим путешествием, вздремнул и выдвинул из-под себя ногу. Хотя она была обута в чевяк, но выпуклость изгиба большого пальца свидетельствовала, что она испорчена сапогом. Заметив это, хозяин обратился к почетному гостю со словами: «Убых! твой служитель не черкес...»⁵.

Данный случай перекликается с инцидентом, произошедшим с английским военным разведчиком – лейтенантом Генри Портинджером во время его миссии по сбору сведений об Афгано-персидском приграничье. Когда ночью один из башмаков англичанина утащил шакал и он босиком

¹ ГИМ. Ф. 6. Оп.1. Д. 63. Л. 50-52.

² Хопкирк П. Указ. соч. С. 26.

³ Новицкий Г. В. Воспоминания воспитанника первого выпуска артиллерийского училища// Военный сборник. №2. 1871. С. 292.

⁴ Хопкирк П. Указ. соч. С. 161.

⁵ Новицкий Г. В. Указ. соч. С. 298.

явился на рынок в ближайшем селении купить новую обувь, то по строению ног был немедленно опознан как европеец и только своевременное бегство спасло разведчика¹. Неизвестно, читал ли русский офицер мемуары своего английского коллеги, изданные за 13 лет до экспедиции в Закубанье², однако в правдивости описаний походов Новицкого у черкесов позднее сомневались служившие на Черноморской Береговой линии кадровые военные, такие, как генерал Г. И. Филипсон³. Однако те же стратеги единодушно хвалили аналитическую часть работы Новицкого, которым «систематически, хотя не всегда верно, были описаны Черкесский край и племена, обитающие не только по пути его проезда, но и по южной покато-сти хребта до самой Абхазии»⁴.

Попавший в плен и проживший у горцев несколько лет (с сентября 1836 по ноябрь 1838 гг.) Ф. Ф. Торнау, по возвращению в Россию так же составил не только увлекательные мемуары, ставшие одним из ведущих Кавказских приключенческих бестселлеров XIX века⁵, но и представил гораздо более сухой, но обстоятельный рапорт – «журнал плена»⁶, а так же один из самых полных для своего времени этнографических обзоров племен, проживавших в Закубанье и на Черноморской береговой линии⁷. В нем автор, предвосхищая деятельность поздних ученых, даже попытался классифицировать жителей по языковому принципу. Судя по замечанию Торнау, к этнографическому обзору была так же приложена и вычерченная им карта расселения черкесских племен⁸, ныне в архивном деле не сохранившаяся.

Вместе с любопытными зарисовками жизненного уклада черкесских племен русский военный разведчик одним из первых попытался дать анализ их межплеменных отношений горцев в контексте международной политики своего времени. «Близкие соседи между собой Абадзехи, Шапсуги и Убыхи, – писал он, – общее положили: про-

тивиться русским донельзя; невзирая на это, они не оказывают друг другу никакой помощи, ограничиваясь каждый защитой собственной земли. Причины упорства их – религиозный фанатизм, дикость и страсть к хищничеству, которой, покорившись, не найдут удовлетворения. Средства к защите – лес и горы. Надежда – помощь от Турции и от Мегмет-Али-Паши [Египетского султана], а в последнее время и от Англии, – пустые слухи, которыми Турецкие контрабандисты, хаджи, возвращающиеся из Мекки и Английские путешественники стараются в Горцах поддержать упадающий дух»⁹.

Замечание Торнау имеет многочисленные подтверждения. В Британии в первой половине XIX в. имелись не только сторонники взгляда на Россию как стратегического союзника в общей цивилизационной миссии «белого человека» на Востоке, но и открытые русофобы. «Россия с необозримыми владениями как в Европе, так и в Азии и резко возросшим населением – довольно опасный сосед. А ее амбициозный император, опьяненный обладанием неограниченной власти внутри страны, лелеет мечты Наполеона о “вселенской империи”. И во что превратится Россия, если ее наглому деспоту удастся поглотить еще одну территорию? Если он станет владыкой на Востоке, сможет ли свобода Запада и дальше мирно почивать?»¹⁰, писал один из них, считая, что после вероятного падения ослабленной Персии или Турции, Россия всерьез обратится к идее продвинуть свои границы через Ближний Восток к Британской Индии.

Сторонники агрессивных действий по отношению к России занимали консульские посты в сопредельных с Россией государствах, ярким представителем которых может быть сотрудник британского консульства в Константинополе Дэвид Ургарт. Последний не только лично побывал на Кавказском побережье среди черкесских племен, пытаясь сплотить их в единую антироссийскую конфедерацию, но и являлся организатором известного скандала, связанного с задержанием осенью 1836 г. российскими крейсерами у Кавказских берегов английской шхуны «Виксен». Сознательная отправка корабля

¹ Хопхирк П. Указ. соч. С. 74.

² Pottinger H. Travels in Beloochistan and Sindh accompanied by a Geographical and Historical Account. London, 1816.

³ Филипсон Г. И. Воспоминания ... С. 171.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера.

⁶ РГИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 14-23.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ Там же. Л. 31-40 об.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ Tyrell H. The History of the War with Russia. London, 1855. Vol. 1. P. 1.

с контрабандным грузом в бухту Суджук-Кале – прямо к месту дислокации российского Черноморского флота, делало международный скандал неизбежным. Надежды, которые на него возлагали «русофобы» связывались не с реальной помощью черкесам, а с поиском политического предлога для изменения официального курса Британского правительства по отношению к России.

Деятельность британских «русофобов», именуемых современными исследователями-кавказоведами «английскими агентами» – Дж. Бэлла, Э. Спенсера и Дж. Лонгворта, достаточно хорошо исследована как российской, так и британской стороной. Они верили в правильность расчетов того, что Британия для сохранения лидирующих позиций неизбежно вступит в открытый конфликт с Россией¹ и то, что в 30–40 гг. XIX в. этого не произошло, обернулось для многих из них крупными неприятностями. Дж. Бэлл после захвата «Виксен», когда собственное правительство, хоть и выразив официальный протест, но отказало ему в дальнейшей поддержке, очутился в двусмысленном положении. Он опасался попасть в плен к русским, объявившим за его голову награду². В то же время «английский агент» не мог и вернуться на Родину, так как фактически сорвал свою миссию и не оправдал возлагаемых на нее надежд. Ему оставалось в течение двух лет (1837–1839 гг.) находиться на «черкесском берегу» под защитой то одного местного лидера, то другого, подпитывая обычай горского гостеприимства небылицами о том, что английский флот вот-вот появится у Кавказских берегов.

Результатом деятельности Бэлла стало издание двухтомного дневника его пребывания в Черкесии, в котором культивировался образ «благородного дикаря» – необразованного, но свободолюбивого горца, воюющего с имперским агрессором – Россией³. «В этом сочинении есть много любопытных сведений о горцах, а еще более клеветы и умышленной лжи, высказанной с остервенелой ненавистью к России»⁴, метко охарактеризовал работу англичанина его современник – генерал Г. Филиппсон. Публи-

цистической деятельностью занимались и другие «русофобы», такие, как Э. Спенсор и корреспондент газеты «Таймс» Д. Лонгворт, нелегально посетившие «черкесский берег» в середине 30-х гг. XIX в.⁵

Однако, среди английских разведчиков были не только публицисты, но и профессиональные военные. Так, в ноябре 1837 г. командующему черноморским флотом адмиралу Лазареву из Главного Морского Штаба было переправлено срочное донесение российского посланника в Константинополе. Морское командование информировалось, что в турецкую столицу прибыли два английских офицера – капитан Маррин и лейтенант Ньедо, «которые доставлены туда из Черкессии морским путем, прибыв на Турецких каюках до Синопа, а оттуда на пароходах... Капитан Маррин, намерен в самое непродолжительное время возвратиться подобным путем в Черкессию для присоединения к находящимся там искателям приключений, каковы: Белль и Лонгворт, для чего и старается добыть рекомендательные письма от проживающих в Константинополе Горских выходцев, а лейтенант Ньедо отправляется обратно в Англию везя образчики свинцовых и других металлических руд, найденных в Черкесии в той надежде, чтобы добывание тех металлов могло со временем обратиться в пользу и защиту непокорных России жителей того края»⁶. О том, каким путем до своего появления в Константинополе англичане проникли на блокируемый участок береговой линии и что они там делали, российские власти могли только строить догадки.

Факт появления кадровых английских военных, чья задача явно состояла не в одном только составлении антироссийских политических памфлетов, настолько встревожил российское командование, что сведения помимо Лазарева были направлены так же Командиру отдельного Кавказского корпуса, Командиру Кавказской линии и Командующему судами Абхазской экспедиции, а так же представлены лично Николаю I. Деятельность данных людей, не оставивших после себя литературного наследия, вероятно в силу самого характера поставленных перед ними задач, нуждается в серьезном научном изучении на основе зарубежных архивов.

¹ Хопкирк П. Указ. соч. С. 203.

² Филиппсон Г. И. Указ. соч. С. 203.

³ Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2 Т. Нальчик, 2007.

⁴ Филиппсон Г. И. Указ. соч. С. 203.

⁵ Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу. Нальчик, 2008.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп.1. Д. 3751. Л. 14-14 об.

В целом, анализ фактического материала деятельности российских и британских военных властей, показывает, что строящиеся на разных принципах и преследующие

различные цели в своей Восточной политике, обе империи, тем не менее, для получения разведывательной информации действовали очень схожими методами.

FORCED TO GO AND TO WORK: CIVILIAN FORCED LABORERS FROM STRAVROPOL REGION IN TODAY'S AUSTRIA 1942 TO 1945 AND THEIR POST-WAR FATES*

Introduction

Civilian forced labor in the «Reich» during the Second World War was an economic measure by the regime that can be called a «mass phenomenon»: From 1939 to 1945, around 13,6 million people were «recruited» (in most of the cases forcefully deported) and used for forced labor all around the «Reich», a little more than a million of them on the territory of today's Austria. More than half of them (around 580.000 people or 54 %) were civilian forced laborers, around 300.000/28 % were prisoners of war used for labor, and around 200.000/18 % were inmates of concentration camps, in the case of Austria camps of the camp systems Mauthausen and Dachau. They were brought to Austria by force and forced to work here¹.

Civilian forced laborers were used in nearly every part of the German war-time economy, especially in agriculture, in industry and on construction sites. The logistic effort for finding, «recruiting» and bringing forced laborers to today's Austria alone was huge – especially because of the fact that only in the beginning, a small group of people in the territories occupied by the German «Wehrmacht» decided to believe the (false) promises of German recruiters and to join this «working program» voluntarily. Therefore, German authorities, often within months, switched to compulsory measures, and

these needed not only support by local authorities, but also vast amounts of manpower of Wehrmacht, police and even SS units².

So why was this effort undertaken, especially considering the fact that the transfer and use for work of «non-German» people to today's Germany and Austria was, from the ideological point of view, a highly sensitive topic, not only within the National-socialist German workers party (NSDAP)? The main answer to this question is an economic one: from the socio-economic point of view, it was necessary and nearly without any alternative. The civilian forced laborers from all across Europe should replace the «local» working force, which was weakened due to recruitments for the German «Wehrmacht» and losses during the war. In Austria, already soon after the «Anschluss» in 1938, the expansion of production capacity for the German arms and war economy made it necessary to employ new workers in Austrian industry and commerce. The labor pool of the unemployed before the «Anschluss» was already exhausted by the end of 1938³.

Already at the beginning of the Second World War in September 1939, all «reserves» of «local» working force ran out, the use of «additional» workers was a necessity to keep

* The research conducted for this article was done at the Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz-Wien-Raabs, with support of the University of Graz and the city of Graz.

¹ Bacher D., Karner S. (eds.) *Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal. Ergebnisse der Auswertung des Aktenbestandes des «Österreichischen Versöhnungsfonds»*. Ein Zwischenbericht. Innsbruck, 2013; Karner S., Ruggenthaler P. *Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945*. Wien – München, 2004; Florian Freund F., Perz B., Spoerer M. *Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen auf dem Gebiet der Republik Österreich 1939–1945*. Wien – München, 2004.

² See also Steinert J.D. *Deportation und Zwangsarbeit. Polnische und sowjetische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und im besetzten Osteuropa 1939–1945*. Essen, 2013; Bacher D. *Zwischen Arbeitskraft und displaced person. Polnische zivile Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal*/Karner S., Ruggenthaler P. (eds.) *Historisches Gedächtnis und Zeitgeschichtsforschung im Kontext der polnisch-österreichischen Beziehungen im 20. Jahrhundert. Beitragsband zur Konferenz*. Graz – Warschau, 2018 (in preparation); Herbert U. *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes“ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*, 2nd ed. Bonn, 1999; Spoerer M. *Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939–1945*. München, 2001.

³ Herbert. *Fremdarbeiter*.

heavy industry and food supply running to support further expansion of the economy and growing war efforts. Especially in agriculture, the shortage after the beginning of the war was felt very quickly, because husbands and sons, who were indispensable for the management of the farms, were drafted into the German Wehrmacht and had to be replaced¹.

In addition, the construction industry was particularly affected at the beginning. As a result of the forced industrialization from 1938, the construction projects multiplied, and the manpower requirement for construction exceeded the available potential by far. Before 1938, many workers from the construction industry in Austria had emigrated to Germany due to a lack of jobs and were now missing in the «Ostmark». The transfer of unemployed workers from other sectors into the construction industry and their deduction from the war economy at this time not so important areas could not solve the problem. This paved the way for the use of «foreigners», despite all ideological criticism².

The political leadership had apparently underestimated both this problem and the necessary expenses for warfare at first. The «Blitzkriegskonzept» had planned that those recruited for the Wehrmacht should return home after their military service to work again in the war economy at the «home front». But soon after the war began, it became apparent that the conscriptions were withdrawing too much labor force from work for too long. In addition, the losses among the soldiers soon became higher than expected³.

Replacement was sought first by starting to increasingly engage women⁴. However, this measure was a clear contradiction to the ideological image of women, which provided the employment fields of women as mothers in the household and in health professions⁵. In addition,

¹ Freund F., Perz B. Zwangsarbeit von zivilen Ausländerinnen, Kriegsgefangenen, KZ-Häftlingen und ungarischen Juden in Österreich/Talos E., Hanisch E., Neugebauer W. (eds.), NS-Herrschaft in Österreich. Ein Handbuch. Wien, 2002. P. 644-688, here P. 650-653; Herbert U. Fremdarbeiter. P. 49-51; Freund – Perz – Spoerer, Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen auf dem Gebiet der Republik Österreich 1939–1945. P. 30-32.

² About the development of building industry see Lütgenau S., Schröck A. Zwangsarbeit in der österreichischen Bauindustrie. Die Teerag-Asttag AG 1938–1945. Innsbruck, 2001. P. 58-68.

³ Herbert, Fremdarbeiter.

⁴ Ibid. P. 53f.

⁵ Ibid. P. 54.

tion, it was feared that this measure could lead to resistance among the population. Therefore, the regime waived a broad work obligation in the industry⁶. In 1939, various sectors of the economy remarked that foreign forced laborers were needed to anticipate the negative consequences of labor shortages.

An impression of how important foreign forced laborers were to maintain the war industry is given by the studies of Florian Freund and Bertrand Perz. They stated that in Austria it is possible to speak of an «industrialization through forced labor». The massive industrialization boom in National Socialism was only feasible through the exploitation of the labor force of occupied countries⁷. The construction of industrial production started in 1938 and the necessary expansion of industrial facilities had been heavily dependent on the employment of foreign forced laborers. Not only by the direct employment on the construction sites or the industrial productions themselves, but also by the employment in the agriculture necessary for supply⁸.

The importance of this massive use of foreign forced laborers is also shown by the fact that they were used in almost all economic sectors: from the agriculture mentioned above, to the defense industry, various construction projects, forestry or industry, small shops, handicraft businesses and even as household helps for wealthy party members. So it stands to reason that a continuation of the war until 1945 would not have been possible without them (a conclusion, incidentally, that was drawn after the end of the war on the part of the USSR and served also as an argument for the repression against repatriated Soviet forced laborers).

In 2003, Ulrich Herbert even took the view that, as early as from the winter of 1941/42 on, the «Third Reich» and its wartime economy were without any alternative dependent on foreign forced labor⁹. Even more – he stated

⁶ Ibid. P. 55; see also Freund F., Perz B. Industrialisierung durch Zwangsarbeit/Talos – Hanisch – Neugebauer (eds.), NS-Herrschaft in Österreich 1939–1945. P. 95-114, here S. 98; Freund F. Perz B. Zwangsarbeit von zivilen Ausländerinnen, Kriegsgefangenen, KZ-Häftlingen und ungarischen Juden in Österreich/ibid. P. 663-670.

⁷ Freund – Perz, Industrialisierung durch Zwangsarbeit. P. 110f.

⁸ Ibid. P. 110-113.

⁹ Herbert U. Zwangsarbeit im „Dritten Reich“. Kenntnisstand, offene Fragen, Forschungsprobleme/ Gabriella Hauch (ed.), Industrie und Zwangsarbeit im Nationalsozialismus. Mercedes

that without the wide-range use of this working force, it would not have been possible for national socialist Germany to continue the war until 1945¹.

If one looks at the origin of foreign forced laborers employed in Austria, their recruitment first and foremost reflects the course of the war: the first groups came from Poland, where in 1939/40, in addition to forced laborers and Polish prisoners of war, «voluntary» Polish civilian workers were recruited. In part, this was done through the labor obligation introduced in Poland in 1939, and in some cases it also included seasonal workers who expected better working conditions and a higher salary². The economic problems, the resulting high unemployment and the associated social problems in the occupied areas of Central Eastern Europe initially moved many people to believe in the promises and propaganda of Nazi recruiters. They promised them exactly what seemed impossible to achieve at home: a good salary, a safe job and a return home after half a year or a year³. Despite these conditions, voluntary recruitment fell short of the expectations of the Reich Ministry of Labor (RAM) and the economy. Therefore, in addition to «voluntary» recruiting measures, compulsory recruitment was resorted to in the «Generalgouvernement» from April 1940 onwards⁴.

In the Netherlands or in France too, voluntary recruitment was initially used. Again, the desired success remained, so that the German occupiers quickly resorted to «hidden» coercive measures. In Vichy France, the «Relève» («detachment»), which had already been promised for some time, was put into action. In exchange for the release of French prisoners of war, civil forced laborers from France should be obliged⁵. But even these measures did not bring the much needed workers, which is why in the following «Service du Travail Obligatoire» final

resort to coercive measures. Starting in September 1942, four «Sauckel-Actions» (named after the «general representative for the work», short «GBA», Ernst Sauckel) registered gradually all 16- to 60-year-old men and all 18- to 45-year-old, single women to put them to work. These measures inevitably led to resistance, many sought to evade registration. At the same time, some of the French workers who were already employed in the «Reich» were simply not returning from their holidays to their jobs in Germany. Thus, the coercive measures did not lead to the desired success of the Nazi workers' procurement policy⁶.

It was significant for the employment of civilian forced laborers in Austria before the arrival of the first «eastern workers» until 1941 that the workers in this first phase came mainly from neighboring countries. Proportionally strong represented were Italians (in September 1941: 38,244 people or 18.2 percent of all civilian forced laborers), «Yugoslavs» (without Croats, 34,046 or 16.2 percent) and workers from the «Protectorate of Bohemia and Moravia» (32,704 respectively 15.6 percent)⁷.

During the second half of 1941, the first so-called «Ostarbeiter» came to the «Ostmark». They came from the western part of present-day Belarus and Ukraine⁸. Recruitments in the Occupied Territories as part of Operation Barbarossa followed a pattern similar to that in Poland. From March 1942, recruitment began to be increasingly under duress⁹. The wide-ranging measures seemed to draw on a sheer huge reservoir of labor, and the proportion of workers from these areas rose sharply: as early as July 1942, there were more than 45,000 «eastern workers» on Austrian territory, at that time about

Benz – VW – Reichswerke Hermann Göring in Linz und Salzgitter. Innsbruck, 2003. P. 11-35, here P. 16.

¹ Ibid.

² Vgl. Karner S., Ruggenthaler P. Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945. P. 167; Herbert, Fremdarbeiter. P. 78-80.

³ Karner S., Ruggenthaler P. Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945. P. 90-221.

⁴ Ibid. P. 171-176.

⁵ Ibid. P. 200f; Bories-Salawa H. Franzosen im „Reichseinsatz“. Deportation, Zwangsarbeit, Alltag. Erfahrungen und Erinnerungen von Kriegsgefangenen und Zivilarbeitern. Bd. 1. Wien, 1996. P. 265.

⁶ Karner S., Ruggenthaler P. Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945. P. 201-204.

⁷ Ibid. P. 30-34.

⁸ Ibid. P. 44-49; Freund – Perz – Spoerer, Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen auf dem Gebiet der Republik Österreich 1939–1945. P. 34f.; about the „Hitler-Stalin-pact“ see for example Ingeborg Fleischhauer, Die sowjetische Außenpolitik und die Genese des Hitler-Stalin-Paktes/ Bernd Wegner (ed.), Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum „Unternehmen Barbarossa“. München – Zürich, 1991. P. 19-39; about the occupation in Poland see especially Rafał Wnuk, Polen zwischen Scylla und Charybdis. Deutsche und sowjetische Besatzung 1939–1941/Osteuropa. 59. Jg., July/August 2009. P. 157-172.

⁹ Karner S., Ruggenthaler P. Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945. P. 90-221; Herbert, Fremdarbeiter. P. 95-101 and 182-186.

16.3 percent of all civil forced laborers. Half a year later, in early 1943, they were already the largest group¹. In July 1942, the Polish civilian forced laborers with more than 62,000 persons or 22,3 percent were still the largest group. The exact total number of «Ostarbeiter» employed in Austria is still unknown, but their number is likely to have exceeded 200,000².

Civilian Forced laborers from Stavropol region in the «Ostmark»

The use of civilian forced laborers from Stavropol region is also documented – for example in the files of the «Austrian Reconciliation Fund» («Österreichischer Versöhnungsfonds», ÖVF)³. Considering the fact that the files stock of the ÖVF is not suitable to draw accurate and detailed statistical conclusions about civilian forced labor in today's Austria⁴, some estimations based in these materials also on laborers from Stavropol region are possible.

The first interesting question of course is to what extent people from Stavropol region were used as civilian forced laborers in the

¹ Freund – Perz – Spoerer, Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen auf dem Gebiet der Republik Österreich 1939–1945. P. 30–34.

² Ibid. P. 33–35.

³ The „Austrian Reconciliation Fund“ was founded in the year 2000. It was responsible for granting compensation payments to people who had been forced to work as civilian forced laborers on the territory of today's Austria. It was operational from 2001 until the end of 2005. During this time, the fund got around 155.000 requests for compensation, whereof around 131.000 resulted in compensation payments. About the fund itself see especially Feichtlbauer H. Zwangsarbeit in Österreich 1938–1945. Fonds zur Versöhnung, Frieden und Zusammenarbeit. Späte Anerkennung – Geschichte – Schicksale. Wien, 2005; vgl. auch Bacher – Karner (eds.), Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal.

⁴ The reason for this can be found in the genesis and structure of the ÖVF archival materials itself. Statistically, only about 13 to 15 percent of the civilian forced laborers deployed on the territory of today's Austria are documented here. About this see for example Bacher D. Zwangsarbeit in Österreich und die Arbeit des „Österreichischen Versöhnungsfonds“. Zur Einleitung/Bacher D., Karner S. (eds.), Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal. P. 50–58; see also Rafetseder H. Zahlen und Schicksale. Eine Strukturanalyse des Zwangsarbeitereinsatzes in Österreich anhand des Aktenbestandes des „Österreichischen Versöhnungsfonds“/ibid. P. 61–115; Secondly, the operation of the ÖVF inevitably also meant a «pre-selection» of the cases documented in the file: this is most evident from the fact that the fund, according to the bill, only followed up on applications from former forced laborers who were still alive on 15th February 2000. Therefore, persons who were relatively young at the time of compulsory recruitment are clearly over-represented in the files. About this, see also Bacher D. Zwangsarbeit in Österreich und die Arbeit des „Österreichischen Versöhnungsfonds“. P. 50–58.

«Ostmark». Out of the materials evaluated by the «Austrian Commission of Historians» in the early 2000s, no conclusion about certain regions in former Soviet Union can be drawn. The documentations of the «German Reich» found by the commission contain no numbers on people drawn from certain cities, regions or «oblasti»⁵.

Nonetheless, the materials of the fund can give an overall impression here. The requests archived by the fund contain in total 58 cases of former forced laborers who stated that they were born in the Stavropolskij kraj. When we now estimate that about 13 to 15 percent of all civilian forced laborers sent a request to the fund, the result would be that around 380 to 450 civilian forced laborers from Stavropolskij kraj were brought to the territory of today's Austria to work here⁶.

Beyond these numbers, the materials can also give further details. First, it's interesting to look at the years of birth of the cases documented. The former civilian forced laborers documented in the ÖVF files who came from Stavropolskij kraj to the «Ostmark» were born between 1914 and 1942. The two most documented years of birth (7 cases each) were 1924 and 1926, followed by 1927 (6 cases), 1928 (5) and 1925 (4). The 13 «youngest» cases, born already during the war from 1939 to 1942, were born during forced labor of their mother. Nearly 64 percent of the cases documented were born until 1928.

By combining this information with the years of their deportation, it can be estimated how old these people were when they were «recruited» to forced labor. In every case, the request to the ÖVF also contains the date of deportation: they were deported between January 1942 and December 1943 (with three statistical «outliers» in June 1941, July 1944 and January 1945 – in all three cases, it seems to be a wrong entry in the files). The month of deportation that was mentioned in the most cases was July 1943 (10 cases).

Without the mentioned five cases from during the war, the average forced laborer from Stavropolskij kraj was 16 when the deportations there began – a result that fits in the picture of the «Ostarbeiter»-assignments as we have it

⁵ Freund – Perz – Spoerer, Zwangsarbeiter und Zwangsarbeiterinnen auf dem Gebiet der Republik Österreich 1939–1945.

⁶ Estimation based on the analysis of the archival materials by the author.

today. Forced recruitment of people in the age of 16 or 17 in occupied Soviet territories was quite common. Therefore, as can be seen, people from Stavropolskij kraj were no exception.

Another interesting aspect is the question in which sectors of the wartime economy these people were used as labor force. And here, the analysis of the ÖVF-cases from Stavropolskij kraj resulted in a surprise: Most of the civilian forced laborers from Stavropolskij kraj (25 cases, 43 percent) reported to the ÖVF that they had to work in various factories of the «Ostmark». Labor in agriculture was only mentioned 2 times lesser (23 cases, 39,6 percent)¹. This is statistically surprising, mainly due to one reason: When we look at the situation in the «Ostmark» in general, it can be seen that nearly 35 percent, more than a third, of all civilian forced laborers had to work in the agricultural sector, mainly on small farms². This sector had by far the highest quota of civilian forced laborers, the second highest quota (facilities of mechanical engineering) was with roughly 13,2 percent far behind³. Of course, the percentage of «Ostarbeiter» used for agricultural work was varying – in rural areas, they were mainly used as workers for agriculture, while in cities they were (understandably) put to work mainly at large industrial sites. In general, it can be state that «Ostarbeiter» were mainly used in these two economic sectors, while it is difficult to estimate which «group» was the bigger one. But according to the fact that the «Ostarbeiter» became the biggest «national» group within the civilian forced laborers during the war, and the biggest part of the civilian forced laborers had to work in agriculture, the high percentage of «Ostarbeiter» from Stavropol region at industrial sites is not corresponding with the statistical information we had so far.

It is also worth mentioning that a few cases related to Stavropol region were working in completely different parts of war-time economy in the «Ostmark». So two cases can be found within the ÖVF files who had to work in the mining industry, both in the small village of Eisenerz in todays Styria. Eisenerz was one of the main mining places for iron ore, one of the most important raw materials for steel and therefore for the arms industry⁴. One civilian forced laborer

was put to work in a private household in Vienna, and another one worked for the «Deutsche Reichsbahn» («German railways»), mainly at railway construction and repair sites. In six cases, however, the requesters from Stavropol region did not give any precise information on the type of forced labor⁵.

One additional interesting fact concerning their living conditions becomes clear when we take a more detailed look at the «Stavropol cases» of the ÖVF: six requesters stated that they were housed in «camps» during their service as civilian forced laborers. In all these cases, they had to work at industrial sites. Also in some of the other «industrial» cases, nearly half of them (9 cases), other information like address or description of living conditions indicates that the person had to live under a camp regime. In comparison, looking at the «agricultural» cases it can be stated that none of these forced laborers was accommodated in a «camp». Already the information given by them on their working places and their living conditions made it clear that they lived at the farms itself, in small rooms at the farmer's houses (despite the fact that this was strictly forbidden by the rules of the «Ostarbeitererlasse») or at other farm buildings, for example stables⁶. Here, the general assumption has proven true that for most of the civilian forced laborers, collected accommodation in camps wasn't possible to realize, mainly due to logistic reasons⁷. Hence, when it comes to accommodation, you can find both «main types» in the ÖVF-cases of forced laborers from Stavropol region: «private» and camp accommodation.

Their fate after the end of the war

After the end of the war, civilian forced laborers from Stavropol region, together with other categories of «displaced persons» like Allied prisoners of war or refugees from Eastern Europe, had to face the question how to continue their life. Basically, they had three options: repatriation i. e. returning home; emigration i. e.

example Karner S. Die Steiermark im Dritten Reich 1938–1945. Aspekte ihrer politischen, wirtschaftlich-sozialen und kulturellen Entwicklung. 3rd edition. Graz, 1986. P. 335-340.

⁵ Estimation based on the analysis of the archival materials by the author.

⁶ Ibid.

⁷ See Karner S., Ruggenthaler P. Zwangsarbeit in der Land- und Forstwirtschaft auf dem Gebiet Österreichs 1939 bis 1945; Bacher D. Eine neue Heimat. Eine Motivanalyse in Österreich verbliebener Zwangsarbeiter anhand des Aktenbestandes des „Österreichischen Versöhnungsfonds“/ Bacher D. – Karner S. (eds.), Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal. P. 271-323.

¹ Ibid.

² Freund – Perz – Spoerer, Zwangsarbeiter. P. 112.

³ Ibid.

⁴ About mining in Eisenerz during the national socialist regime in todays Austria and the role of d labor see for

to emigrate to a western country like the USA, Canada or Great Britain; or «integration» i. e. to stay in Austria to turn over a new leaf. The administrations and relief organizations in Austria responsible for housing and supporting the DPs were also aware of these three options. But they valued them quite differently, especially in the beginning of the aftermath of the war.

A major influence on their decision was of course the political perspective of the Soviet Union on this matter. Already before the conference of Yalta, in 1941, the Soviet Union decided to follow the policy of «repatriation without alternative». This had to go hand in hand with a thorough review of the people coming back, a «filtration», since it was intended to prevent people who had cooperated with the Nazi regime or «western spies» from returning to the Soviet Union¹. The «Cold War» was already casting its shadow here.

In addition to the allegation of «cowardice» against soldiers who had not fought with self-sacrifice to the last resort, another factor played a major role in this argument: even in the Stalinist terror of the 1930s, people who had allegedly contact with foreign countries were primarily victims of repressions. Such a thing appeared automatically suspicious - for soldiers who had had such contacts through captivity, this was not seen differently².

How this policy should deal with former «Ostarbeiter» was first discussed in August 1944: They too were to be controlled on their return to Soviet territory. The responsibility for these surveys were transmitted to the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD). In October 1944, Stalin appointed Filipp Golikov as plenipotentiary for the repatriation of Soviet citizens in order to carry out repatriations under the NKVD. Golikov and his staff were directly subordinate to the Council of People's Commissars of the USSR and were recruited exclusively from the ranks of NKVD, the People's Commissariat of State Security (NKGB) and the main

¹ Stieber G. Nachkriegsflüchtlinge in Kärnten und der Steiermark. Graz, 1997. P. 84-95, Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Ausländer. Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Vol. 65. Göttingen, 1985. P. 23f.

² Petrov N., Ruggenthaler P., Lebedeva N., Prozumenščikov M. Sowjetische Repatriierungspolitik/ Ruggenthaler P., Iber W.M. (eds.), Hitlers Sklaven – Stalins „Verräter“. Aspekte der Repression an Zwangsarbeitern und Kriegsgefangenen. Eine Zwischenbilanz. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung. Vol. 14. Innsbruck, 2010. P. 63-108, here P. 64f.

administration for counterintelligence with the nickname «Death to spies!» (GUKR SMERŠ). This ensured direct cooperation with the secret police and intelligence services.

From January 1945 on, several ordinances of the Council of People's Commissars regulated the modalities of homecoming. All returnees should undergo and be inspected at specially designed «Filtration Camps» along the railway routes to the USSR. Men should be taken to military service after being filtered. All others, depending on the outcome of the filtration, should either be transferred to GULAG labor camps or transferred to their homes. If they had previously lived in Moscow, Leningrad (St. Petersburg) or Kiev, they were not allowed to return there. In these «hero cities» no returnees would be tolerated. When looking at these rules for repatriation, it becomes quite clear what the Russian historian Pavel Poljan meant when he spoke about the returning Soviet DPs as «victims of two dictatorships»³.

On the other hand, however, every effort should be made to repatriate Soviet DPs from abroad. Propaganda measures in DP camps in Germany and Austria should persuade as many Soviet DPs as possible to report to the repatriation commissions for their return home. At the same time, coercion was used. Golikov and his apparatus were instructed to search for Soviet citizens in Central Europe after the end of the war and to prepare them to repatriation. For this they could use resources of the NKVD or from 1946 the subsequent Ministry of Internal Affairs (MVD), the occupation forces and the UKR SMERŠ on site⁴.

There were several reasons behind this approach: the repatriating people were needed as reconstruction workers. On the other hand, the USSR had to be cautious of them – they were considered as «traitors to the fatherland» and potentially dangerous persons. After all, they would not have fought to the last or even worked for the enemy during the war. That the latter, in case of the «Ostarbeiter», was done under duress did not matter to the Soviet side⁵.

The efforts to «repatriate» all Soviet citizens began immediately after the end of military operations. All refugee and former forced labor

³ Poljan, P. Zhertvy dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine. Moskau, 2002.

⁴ Ibid.

⁵ Petrov et al., Sowjetische Repatriierungspolitik.

camps, including those in the Western Allied zones, should be checked for persons of Soviet origin¹. For example, in the Allied Commission for Austria (ACA) established in July 1945, the Soviet repatriation bodies were anchored in the internal section of the Soviet part of the commission. NKVD and GUKR Smerš then established further «filtration camps» in the Soviet zone in Austria, which the repatriates had to pass through on their way home².

In the course of this «filtration», the «repatriates» were questioned extensively and meticulously several times and their stay in Austria and Germany was closely examined. It was up to the repatriation authorities to assess how «harmful» their wartime activities had been to the Soviet Union and whether they were «dangerous». If there were indications that a repatriant had collaborated with the national socialist regime or had belonged to anti-Soviet organization, they were handed over to State Security (NKGB, MGB since 1946), which usually resulted in the transfer to a GULAG camp.

Also in case a repatriant was seen as «not guilty», the documents were archived by the first special department of the NKVD / MVD. He got a temporary identity card and was allowed to stay at his home address (except the «hero cities» as mentioned). Usually they were kept under surveillance for some time after their return, and in many cases summoned to interrogation every few months.

It seems that this repatriation policy affected all 58 «ÖVF-Stavropol-cases». According to the information in the requests, all former civilian forced laborers from Stavropol region who were registered by the ÖVF seemed to have returned to the USSR after 1945. 9 requesters did not make any statements regarding their fate after 1945, but concerning the fact that they sent their requests to the ÖVF from today's Russia, it can be suggested that they also returned home after their forced labor had ended. There is not a single case with the slightest hint on emigration to a third country or «integration» in post-war Austria in the files³. The requests also show that these people returned home very quick – all within the year 1945 already⁴. This concurs with

the general picture of repatriation of foreign-language DPs in post-war Austria – most of the DPs who returned home did this within the first post-war year, i. e. until May 1946⁵. Unfortunately, the ÖVF-files do not contain further information on their reasons for returning home – it cannot be determined if they returned home voluntarily or were forced to do so. About their fate after their return home, one thing is quite interesting and worth mentioning: Even if their post-war address in the Soviet Union cannot be located exactly with the files, at least 9 of the former forced laborers from Stavropol region did not return to their pre-war places of stay – they returned to today's Ukraine, from where they also sent their requests to the ÖVF⁶. Also here, the reasons for this unfortunately cannot be determined with the information available.

Closing remarks

The information on forced laborers from Stavropolskij kraj who had to work on the territory of today's Austria during the Second World War that can be obtained is quite limited, but can give us some limited insights both into their time of forced labor and into their post-war fates. Basically, all that can be discovered fits basically in the general picture we have about the use of forced laborers from the former Soviet Union like the recruitment or the age at the time of deportation. Also when it comes to the fate after 1945, the fact that all cases documented returned to the Soviet Union was not surprising, compared to general statistics. The only exception was the type of forced labor they were used for – the expectation that most of them were used in agriculture was not met, the high percentage of forced labor in industry was quite an interesting result of the analysis.

The last thing also shows that despite the many studies conducted on forced labor during the Second World War so far, there are still aspects that are unknown and cannot be explained. Further studies would be necessary to also shed a light on these quite important and interesting questions. And regarding the fact that forced labor was such an extensive measure and influenced hundred thousands of lives even far after the year 1945, this is worth the effort.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Estimation based on the analysis of the archival materials by the author.

⁴ Ibid.

⁵ Bacher, Eine neue Heimat; Stieber, Nachkriegsflüchtlinge in Kärnten und der Steiermark.

⁶ Estimation based on the analysis of the archival materials by the author.

РАЗДЕЛ IV МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А. П. Сальков

ПРОБЛЕМА ЮЖНОЙ ДОБРУДЖИ ОТ НЁЙИ ДО МЮНХЕНА: ВЕРСАЛЬСКИЙ ДИКТАТ, ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА В КРАЕ, ПОЛОЖЕНИЕ В РУМЫНСКОМ КАДРИЛАТЕРЕ (ноябрь 1918 – сентябрь 1938 г.)

138

Болгарско-румынский национально-территориальный конфликт в Добруджанском регионе имел многовековую драматическую историю¹. К рубежу Новейшего времени он приобрел особую остроту, усугубившуюся традиционными для Балкан региональными противоречиями и геополитически ангажированным вмешательством великих держав.

Южная Добруджа как военный трофей. В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по условиям и Сан-Стефанского прелиминарного мира (19 февраля 1878 г.), и Берлинского трактата (1 июля 1878 г.) Южная Добруджа отошла к Болгарии, Румыния же получила Северную Добруджу. В ходе Второй Балканской войны (июнь – июль 1913 г.) Бухарест, опасаясь упустить свой шанс, вторгся 14 июля в Болгарию в районе добруджанской границы. Румынская пехота, не встречая сопротивления, продвигалась по черноморскому побережью к Варне, а кавалерия приближалась к Софии, так как болгарских войск на северном направлении почти не было. Румынская и османская (турки пересекли границу по р. Марица 12 июля и овладели Адрианополем) атаки на Болгарию

довершили ее полный разгром на сербском и греческом фронтах. Бухарестский мир 10 августа 1913 г. передал Румынии Южную Добруджу (с городами Балчик, Каварна, Шабла, Добрич, Дулово, Тутракан, Силистра) площадью 7,8 тыс. км кв. с населением 282,8 тыс. человек².

Решение добруджанского вопроса было тесно связано с ходом военных действий Болгарии и Румынии в Первой мировой войне. Румыния вступила в войну на стороне Антанты 27 августа 1916 г. Болгария, воевавшая с октября 1915 г, объявила войну Румынии 1 сентября. В августе – сентябре румынскими властями в Южной Добрудже было проведено интернирование в Молдову от 30 до 50 тыс. добруджанских болгар, что сопровождалось жестоким террором, убийствами и массовыми зверствами. Болгарская 3-ья армия численностью около 100 тыс. штыков (командующие генералы Стефан Тошев, Стефан Нерезов) в четыре этапа стремительно освободила всю Добруджу. Вначале были взяты Добрич (рум. Базарджик), Тутракан, Силистра (2–10 сентября 1916 г.). Затем болгарские войска вышли на рубеж румынской дунайско-черноморской оборонительной линии «Кубадинская позиция»,

¹ См.: Сальков А. П. Обзор исторических предпосылок болгаро-румынского конфликта в Южной Добрудже (период Средневековья и Нового времени) // Лістападаўскія сустрэчы – XII: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і Ё. М. Перцава: да 140-годдзя іх нараджэння (Мінск, 16–17 лістапада 2017 г.). Мінск, 2017. С. 204–213.

² См.: Попов Жеко. Румъния и българският национален въпрос (Македония и Добруджа), 1903–1913. София, 2004; Hall Richard C. The Balkan Wars, 1912–1913: Prelude to the First World War. London; New York, 2000.

освободив всю Южную Добруджу (11–19 сентября). Далее после тяжелых позиционных боев эта линия была прорвана (20 сентября – 20 октября). В результате болгарские войска, последовательно овладев городами Кубадин, Текиргиол, Констанца (болг. Кюстенджа), Турну-Северин, Бабадаг, Браила, Мачин, заняли всю Северную Добруджу (21 октября 1916 – 4 января 1917 г.), оттеснив русско-сербско-румынские войска за Дунай. Сразу после переноса военных действий в Северную Добруджу румыны осуществили там операцию по депортации болгарского населения¹.

Заметим, что официальная София считала Северную Добруджу колыбелью болгарской государственности с периода Раннего Средневековья. При этом вообще не усматривала в румынских национально-государственных планах до 1878 г. концепции обладания землями к югу от Дуная². Утверждалось, что в период приобретения края Румынией он имел преимущественное болгарское население (около 50 тыс. из общей численности 100 тыс. человек), румынское же меньшинство составляло 18 тыс. человек. Антиболгарская политика Бухареста в крае и второстепенность добруджанского вопроса в национально-освободительной программе Болгарии конца XIX в. способствовали выработке обоснований румынских «исторических прав» на всю Добруджу, а также интеграции ее северной части Старой Румынией³. В румынской литературе применяется своего рода статистический трюк – суммируется численность населения сплошь этнически румынской Северной («Старой») Добруджи (381,4 тыс.)

¹ Тошев Стоян. Действията на трета армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007; Узунов Красимир. Епопеята на Добруджа. Ч. 1. София, 2016; Пенчиков Косьо. Освобождението на Северна Добруджа през 1916–1917 г. // Тутраканската епопея и войната на Северния фронт 1916–1918 година. Сборник с изследвания / Петър Бойчев, Володя Милачков (съст.). Тутракан, 2007. С. 57–59.

² Нягулов Благовест. Добруджа като граница и границата в Добруджа (преди и след Берлинския договор, 1878 г.) // Империи, граници, политики (XIX – начало XX век). Сборник с материали от международна научна конференция Софийски университет, 27–28 февруари 2015 г. / Пламен Митев, Ваня Рачева (съст.). София, 2016. С. 201–219.

³ Българската държавност на север от Дунав като политически и културен феномен / Петър Добрев и колектив. София, 2008; Попов Жеко. Българите в Северна Добруджа 1878–1913. София, 1991. С. 81–104.

и совершенно этнически нерумынской Южной Добруджи (287,2 тыс. человек), после чего выводится благоприятная национальная структура всего края. Так, по румынским оценкам 1918 г. румыны составляли во всей Добрудже 33,4 %, турки и татары – 26,5 %, болгары – 25,9 %⁴.

С овладением Болгарией всей Добруджей власти Софии озаботилась утверждением своих прав на край. В марте 1917 г. Штаб армии и руководство «Добруджанской организации» приняли решение о комплексном изучении Добруджи по образцу научной экспедиции 1916 г. в Македонию и Поморавье. Научно-исследовательская экспедиция в Добруджу состоялась в апреле – июле 1917 г. В ее состав входили 10 научных работников, им были приданы этнографы 1-ой и 2-ой армий из Македонии, а также специально назначенный археолог-этнограф 3-ей армии из Добруджи. Еще пять профессоров работали в Софии, директор Народного музея Богдан Филев со специальной миссией был направлен в Бухарест. В результате было проведено всестороннее обследование возвращенной Добруджи. В. Златарский подготовил очерк «Историко-политическая судьба края с конца III по конец XIX в.», был собран фольклор населения, упорядочены материалы митрополичьего архива в Русе и Варне, произведена оценка археологических памятников⁵.

По Фокшанскому перемирию от 9 декабря 1917 г., предварительному мирному договору в Буфте от 5 марта и сепаратному Бухарестскому миру от 7 мая 1918 г. с Центральными державами разгромленная Румыния возвращала Болгарии Южную Добруджу (в границах Бухарестского мира 1913 г.) и уступала еще два участка в Северной Добрудже (Мангалия – Негру-Вода и Текиргиол). Болгария получила Кубадинские укрепления, однако железная дорога Негру-Вода – Констанца осталась на румынской стороне⁶.

⁴ Răzvan Limona. Populația Dobrogei în perioada interbelică. Semănătorul. Editura – on line. August 2009. P. 36 // [Электронный ресурс] URL: <https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/Razvan-Limona-Populatia-Dobrogei.pdf> (Дата обращения 13.03.2019).

⁵ Научна экспедиция в Добруджа 1917. Доклады на университетски и други учени / Петър Петров (съст.). София, 1994. С. 6–14, 65, 92–105.

⁶ История на Добруджа: в 4 т. София; Велико Търново, 1984–2007. Т. 4: 1878–1944 / Благовест Нягулов, Петър Тодоров (ред.). Велико Търново, 2007; Вачева Диана. Главкомандващият на Действащата армия

Над данной территорией Болгария осуществляла контроль с мая 1918 по ноябрь 1919 г. Большая часть Северной Добруджи до течения Дуная и впадения его в Черное море по гирлу Св. Георгия переходила под кондоминиум Центральных держав (с мая по сентябрь 1918 г.), а затем по Берлинскому протоколу от 25 сентября 1918 г. – под управление Болгарии (с сентября 1918 по ноябрь 1919 г.). Остальные протоки Дуная оставались за Румынией. Румынский король Фердинанд I, считавший, что без Добруджи страна существовать не может, после бесконечных отговорок, так и не утвердил Бухарестский мир, который после войны был отменен¹.

Тем временем, сама Болгария была разгромлена на Салоникском фронте и 29 сентября 1918 г. подписала сепаратное Салоникское перемирие с Антантой из семи обнародованных статей и четырех секретных, опубликованных через год. Проблему принадлежности Южной Добруджи перемирие не затрагивало, более того, первоначально даже предполагалось оставить край за Болгарией. Северную Добруджу оккупировали французские войска, Южную – британские и итальянские.

В то же время на оккупированной союзниками территории сохранялась болгарская гражданская администрация, а в Южной Добрудже – еще и болгарские войска. Тем не менее, перемирие поставило Болгарию в положение побежденной страны, став предвестником сурового мира. Румыния же 10 ноября 1918 г., за несколько часов до окончания войны, вступила в нее на стороне Антанты вторично, стремясь приобрести лавры победителя, что ей в значительной мере удалось. В конце ноября 1918 г. под нажимом Румынии союзники нарушили пункт Салоникского перемирия, по которому Болгария имела право держать две дивизии в Южной Добрудже для охраны границы и «полицейских целей» (п. 2). Болгарские войска были вынуждены уйти из края. Премьер-министр Болгарии Александр Малинов в знак протеста 28 ноября подал в отставку. **Малочисленная болгарская администрация**

генерал Никола Жеков и Добруджанский въпрос на мирните преговори в Букурещ през пролетта на 1918 г. // Тутраканската епопея и войната на Северния фронт 1916–1918 година. С. 314-320.

¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны / В. Н. Виноградов (отв. ред.). М., 2002. С. 358-364, 370.

в декабре была вытеснена и заменена румынской².

В январе 1919 г. румынская надзорная структура «Бригада безопасности» докладывала о настроениях болгарского населения. В его кругах причиной дороговизны называли исключительно политику румынских властей: «Когда были болгары, такой ситуации не было. Румынские власти не заботятся и не хотят знать никого другого, кроме своих». Циркулировали слухи о скором занятии Южной Добруджи русскими или болгарскими, русофильские настроения способствовали распространению коммунистической пропаганды³.

Версальский диктат в отношении Южной Добруджи. На Парижской мирной конференции 1919 г. председательствовал премьер-министр Франции Жорж Клемансо, который был настроен наиболее антисоветски и видел в Румынии один из заслонов от большевизма. Поэтому в вопросе о Южной Добрудже возобладал самый жесткий подход, а все разумные аргументы болгар не были услышаны. Софии не помогла даже позиция президента США Вудро Вильсона, предлагавшего оставить край Болгарии из опасения создать проблему, подобную немецко-французскому спору из-за Эльзаса и Лотарингии. Видную роль в реализации румынских территориальных требований сыграли на ПМК премьер-министр (с декабря 1918 по сентябрь 1919 г.) и министр иностранных дел (с ноября 1918 по сентябрь 1919 г.) Румынии Ионел Брэтиану, а также глава румынской делегации Александру Вайда-Воевод. В результате Нейский мирный договор с Болгарией 27 ноября 1919 г. оставил предвоенную болгаро-румынскую границу без изменений – по линии 1913 г., с обладанием Румынией всей Добруджей⁴. Был создан один из факторов Версальской системы, предопределивших неизбежность нового военного конфликта в Восточно-Балканском регионе.

В период работы ПМК и реализации ее решений МВД Румынии и местные органы

² Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Е. Л. Валева (отв. ред.). М., 2002. С. 87-88, 93, 116-117.

³ Răzvan Limona. Naționalitățile și problemele lor în documentele de arhivă dobrogene (1879–1941). Tulcea, 2007. Doc. 32-33. P. 32-33.

⁴ Spector Sherman David. Romania at the Paris Peace Conference: A Study of the Diplomacy of Ioan I. C. Brătianu. Iași, 1995. P. 167-187, 201-225, 261-277.

власти располагали информацией об общественных настроениях добруджанских болгар. Она касалась распространения большевистских и анархистских идей в Тулче, антирумынских проявлениях в Мачине, деятельности болгарских национальных комитетов в Сулине. Выделялась записка главы полиции Мангалии от мая 1919 г. о прекращении использования языков различных групп населения в общественных местах и на улицах, поскольку румынский язык полностью игнорируется жителями: «Сложилось впечатление, что город принадлежит Болгарии, Турции или Греции, но ни Румынии, так как язык страны совсем не слышен»¹.

В межвоенный период в румынской историографии культивировался взгляд о мононациональном характере унитарного Румынского государства, что исключало, в частности, право добруджанских болгар на освободительное и ирредентистское движение. Между тем, по румынской переписи 1930 г. 2,0 % населения страны составляли болгары – 366,4 тыс. человек. Кроме болгар в национальной структуре населения Румынии 7,9 % составляли венгры, 4,1 – немцы, 3,2 – украинцы, 2,3 – русские, 0,9 % – гагаузы. Официальные болгарские власти называла явно завышенную цифру в 1 млн румынских болгар². При этом и Бухарест, и София игнорировали и минимизировали историю и сам фактор автохтонных гагаузов³.

Накануне парламентских выборов в Румынии, проводившихся в мае 1926 г., по инициативе интернированного во время войны из Молдовы добруджанского болгарина Атанаса Брашованова была предпринята безуспешная попытка создания в Добрудже партии болгарского меньшинства⁴.

Румынская политика в Южной Добрудже строилась на комбинации взглядов о крае как

«своего рода внутренней колонии», а также мер по пропаганде румынских прав на него. Пик пропагандистской кампании пришелся на торжества по поводу 50-летия присоединения Северной Добруджи, проходившие в Констанце в октябре 1928 г. На этнографической выставке болгары как этнос фактически не были представлены. Румынские газеты писали о безуспешном, но «хроническом болгарском империализме», превращении «бескультурной турецкой провинции в цветущий уголок цивилизации», о том, что «не существует международного добруджанского вопроса». Важным сюжетом было создававшееся представление о Румынии, как «рае для меньшинств». Позже, в августе 1938 г., в стране был принят закон о меньшинствах и образован главный комиссариат по делам меньшинств, что подавалось как достижение истинного равноправия⁵.

Добруджанские организации и политика Коминтерна в крае. На политическую ситуацию в Добрудже в 1920-х – 1930-х гг. огромное влияние оказывали, с одной стороны, добруджанские эмигрантские организации в Болгарии, с другой – болгарские национально-революционные структуры в самом крае. По своим социально-национальным устремлениям и способам их реализации среди них можно выделить: беженские объединения, занимавшиеся обустройством и защитой прав изгнанного меньшинства; коммунистические организации, выполнявшие предписания Коминтерна по революционизации масс и советизации края; нелегальные военно-политические структуры, использовавшие методы вооруженной и террористической борьбы. Данная стратификация не может быть четкой, так как в разные периоды и под влиянием различных обстоятельств схожие задачи и повестка дня борьбы воспринимались несхожими эшелонами борцов. В этих условиях необходим обзор институциональной структуры.

Союз «Добруджа». Первая беженская волна из Южной Добруджи в Болгарию сразу после Межсоюзнической войны 1913 г. привела к образованию в Софии двух органи-

¹ Răzvan Limona. Naționalitățile și problemele lor în documentele de arhivă dobrogene (1879–1941). Doc. 42–46, 48, 52. P. 38–41, 43–44.

² Тодоров Петър. Освободителните борби на Добруджа Добруджанската революционна организация 1925–1940. София, 1992. С. 7.

³ Ангели Ф. А. Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI в.). Кишинев, 2007; Mehmet Mustafa Ali. O pagină de istorie. Turcii găgăuzi // Istorie și identitate la turcii din Dobrogea / Adriana Cupcea, Kozák Gyula (coord.). Ciuj-Napoca, 2017. P. 66–68.

⁴ Нягулов Благовест. Опит за създаване на българска малцинствена партия в Добруджа през 1926 г. // Добруджа. Сборник Исторически музеи в Добрич и в Силистра / Антонина Кузманова (гл. ред.). 1992. № 9. С. 231–339.

⁵ Кузманова Антонина. Румънската пропаганда и съдбата на Южна Добруджа през 1913–1940 година // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Материали от научна конференция проведена в гр. Тутракан на 21 септември 1994 г. / Петър Бойчев (съст.). Тутракан, 1995. С. 154–156.

заций – общества и товарищества с одинаковыми названиями «Добруджа». 25 марта 1915 г. они объединились в «Добруджанскую организацию» (ДО), которую возглавили Милан Марков и Петар Вичев. В занятой болгарскими войсками Добрудже ДО создала около 300 своих местных ячеек (преимущественно в северной части края). 30 июля 1917 г. они сформировали в Бабадаге Центральный добруджанский народный совет (ЦДНС), который провел I Добруджанский съезд (Бабадаг, декабрь 1917 г.), поставивший цель присоединения к Болгарии всей Добруджи. В начале 1918 г. Марков выдвинул идею автономии Северной Добруджи, впрочем, отклоненную и ЦДНС, и официальной Софией. II Добруджанский съезд, проходивший 22–23 сентября 1918 г. в роковой момент – через неделю после краха болгарской армии на Салоникском фронте и за неделю до подписания Салоникского перемирия – подтвердил эту цель. Очередная волна беженцев из Южной Добруджи в 1918–1919 гг. (от 40 до 60 тыс. человек) обусловила крупные перемены в эмигрантских структурах¹. В январе 1919 г. в Варне было создано «Общество Дунай» (2,5 тыс. членов). Его целями была заявлена помощь эмигрантам из Добруджи, пропаганда «болгарскости» края, издание газеты «Вулкан Добруджи»².

На I Великом Добруджанском съезде (София, 19–25 ноября 1919 г.) ДО и ЦДНС объединились в союз «Добруджа» (около 10 тыс. членов), который выдвинул лозунг независимой или автономной Добруджи, так как идея присоединения к Болгарии стала нереалистичной. На руководящую позицию выдвинулся русофил Петар Вичев, автономист, но поборник коминтерновской идеи создания «добруджанской нации». Он пошел на союз с коммунистами, так как у них была общая цель – независимость края³.

В июле 1922 г. Слави Славов и Стефан Боздуганов создали в Русе «Черную руку» – оперативный орган союза «Добруджа». Однако к осени 1925 г. автономистские иллюзии в союзе были исчерпаны. Автономисты,

а также и коммунисты, неуклюже насаждавшие свой приоритет, были оттеснены от руководства. На их место пришли сторонники БЗНС и БРСДП(об.). Основной целью вновь стало присоединение Южной Добруджи к Болгарии, но уже путем легальной деятельности – культурно-просветительной работы, агитации через газету «Добруджанско знаме», петиций в международные организации о защите болгарского меньшинства в Румынии. В результате фракционной борьбы в 1928 г. правое руководство исключило П. Вичева из союза «Добруджа». В 1929 г. Вичев создал свою организацию – Центральный добруджанский оперативный комитет (ЦДОК). Коммунисты обвинили его в право-ликвидаторском уклоне, что привело к их окончательному разрыву. В 1931 г. ЦДОК распался на вичевистов и комфракцию. Петар Вичев подобно Тодору Александрову, руководителю ВМРО в 1919–1924 гг., превратился в авторитарного непредсказуемого лидера. Вичев разделил и судьбу Александрова, который погиб в результате нераскрытого убийства (македонисты считали его предателем, болгары – героем). В июне 1933 г. Вичев был убит македонским террористом в центре Софии, у церкви Святых Седьмочисленников. С его гибелью автономизм как течение затух⁴.

«Деятели 19 мая» во главе с Кимоном Георгиевым проявили после переворота 1934 г. удивительную терпимость к союзу «Добруджа», который неоднократно заявлял о невмешательстве во внутривнутриполитическую борьбу в Болгарии. Однако правительство Георги Кыосейванова в 1936 г. практически разгромило союз, распустив центральное руководство. С возвращением Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. и «обезболгариванием» Северной Добруджи были исчерпаны мотивы существования добруджанских организаций. На II Великом Добруджанском съезде (София, 3–5 октября 1942 г.), проведенном в новых политических обстоятельствах, союз «Добруджа» под натиском правительства и его главы (с февраля 1940 по сентябрь 1943 г.) Богдана Филова объявил о своей ликвидации⁵.

Коминтерн и Добруджа. Балканская социал-демократическая федерация (образована в 1910 г. болгарскими, сербскими,

¹ См.: Райчевски Стоян. Бежанство и преселвания на добруджанските и таврийските българи. София, 2015.

² Răzvan Limona. Naționalitățile și problemele lor în documentele de arhivă dobrogene (1879–1941). Doc. 34. P. 33–34.

³ Кратка история на Добруджа / Велко Тонев, Йордан Зарчев (ред.). Варна, 1986. С. 208.

⁴ Тодоров Петър. Цит. съч. С. 100–118, 131–134.

⁵ Пак там. С. 263–286, 348–349.

румынскими и греческими социал-демократами) в марте 1919 г. участвовала в создании Коминтерна. Первая Балканская коммунистическая конференция (София, январь 1920 г.) приняла решение о преобразовании прежней структуры в Балканскую коммунистическую федерацию (БКФ). Вторая конференция (София, май 1921 г.) – избрала исполком во главе с болгаринцем Василом Коларовым. Регион с подачи председателя Исполкома Коминтерна (с марта 1919 по июль 1926 г.) Г. Е. Зиновьева стал рассматриваться как пространственно-политический фактор мировой революции. В БКФ, где считали необходимым проведение революционной трансформации в геополитических масштабах Балкан, был сформулирован призыв к созданию Балканской или Балканско-Дунайской социалистической федеративной советской республики, расширив балканскую политико-географическую перспективу за счет дунайского сектора¹. Рост влияния коммунистов среди огромной массы беженцев и овладение эмигрантскими организациями стало важным участком работы. Болгарская компартия (БКП) в начале 1920 г. образовала Центральную эмигрантскую комиссию, а в мае 1921 г. – Эмигрантский коммунистический союз во главе с Димо Хаджидимовым, в который привлекла беженцев из всех утраченных земель. Союз существовал до августа 1923 г., когда по требованию ВМРО был ликвидирован, а Хаджидимов в сентябре 1924 г. убит македонским террористом².

Добруджанский вопрос не являлся для БКФ приоритетным, уступая по значимости таким масштабным проблемам как македонский, бессарабский, трансильванский, фракийский вопросы. Однако он постоянно будировался в связке с упомянутыми более крупными проблемами, а подчас и в качестве самостоятельного вопроса. На заседании исполкома БКФ в Софии в августе 1923 г. (секретарем исполкома с начала года стал болгарин Христо Кабакчиев) компартия региона была поставлена задача четко определить свою позицию и наладить отношения с «националистическими организациями» конфликтных областей («отношения с ними в настоящий момент не могут быть

враждебными»). Для Румынской компартии (РКП) – в том числе, с движением в Добрудже, для БКП – в том числе, с движением в Добрудже и с эмигрантскими организациями в Болгарии. В протоколе было записано, что коммунисты «должны толкать национальное революционное движение к созданию автономии» с тем, чтобы «федерирование автономных... республик» стало этапом революции на Балканах³.

На Шестой Балканской коммунистической конференции (Москва, ноябрь 1923 г.) особое внимание было уделено национальным проблемам. В общей резолюции по национальному вопросу на Балканах упоминалась добруджанская эмиграция в Болгарии, а для БКП выдвигалась задача признать право «добруджанского населения обособиться» в отдельное государство при свободном выражении его мнения о том, в какую форму должна быть облечена его самостоятельность. В специальной резолюции по национальному вопросу в Румынии говорилось о национальном угнетении, которому в числе других народов подвергались «болгарские крестьянские массы Добруджи и Кадрилатеры (Южной Добруджи. – прим. А.С.)», поэтому «национальности Добруджи» должны вести борьбу за возможность «свободного и непринудительного решения своей судьбы». Исполком БКФ на заседании в Вене в апреле 1924 г. в очередной раз рассмотрел положение на Балканах и принял решение «выставить совершенно определенные и ясные лозунги» о судьбе ряда конфликтных областей: «самоопределение, вплоть до отделения и полной независимости... Добруджи»⁴.

V конгресс Коминтерна (Москва, июль 1924 г.) одобрил выставление РКП «лозунга государственного выделения... Добруджи из состава Румынии в независимую область». На Седьмой Балканской коммунистической конференции (Москва, июль 1924 г.) в отчете Г. Димитрова дважды упоминался как важный, вопрос о Добрудже. Румынский же делегат считал: многие «не отдают себе отчета... в том, что совершается в Добрудже»,

¹ Улуныян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. М., 1997. С. 39–47.

² Кастелов Боян. Димо Хаджидимов. Живот и дело. София, 1985. С. 224–229, 242–244, 305–306.

³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов: в 2 ч. / Р. П. Гришина (отв. ред.). М., 2000–2003. Ч. 1: [Май 1921 г. – май 1924 г.], 2000. Док. 59. С. 101.

⁴ Там же. Док. 96. С. 162; Док. 100. С. 170; Док. 153. С. 265.

пояснив, что «национальность Добруджи (так в документе. – прим. А.С.)» направила руководству РКП меморандум об отделении края от Румынии. В. Коларов в своем выступлении на конференции упрекал румынских товарищей за их узкий взгляд на проблему, выразившийся в подходе: «не надо говорить о Добрудже, а о четвероугольнике (то есть, только о Кадрилатере. – прим. А.С.)». Он заключил, что для них «вопроса о Добрудже как бы не существует», а есть только вопрос о ее южной части¹. В справке о положении в Румынии, разработанной в Коминтерне в августе 1924 г., Южная Добруджа была названа в числе наиболее революционно настроенных окраин, где, как утверждалось, румыны составляют 3 % населения, а основная часть – болгары и турки. Отмечалось, что масса населения края «смотрит на румын, как на временных оккупантов, и жестоко ненавидит их». Поэтому движение в Добрудже идет под своими лозунгами, но «без помощи извне... будет задушено вооруженной силой»². Действительно, по оценкам 1912 г. в национальной структуре преимущественно славяно-мусульманского населения (всего 282,8 тыс. человек) Южной Добруджи 48,2 % составляли турки, 43,1 – болгары, 3,9 – цыгане-мусульмане, 2,5 – армяне, 2,3 % – румыны (6,6 тыс. человек)³.

В ноябре 1924 г. на заседании президиума БКФ в Вене в качестве отдельного пункта повестки дня был рассмотрен «добруджанский вопрос». С докладом выступил Петар Нейчев, который прежде работал в Добричском окружке, входил в руководство РКП, был депутатом парламента Румынии. Он указал на соперничество двух лидеров легального освободительного движения в крае – Николы Кямилаева, члена правящей в Болгарии партии Демократический стговор, парламентария (характеризовался как националист и агент кабинета А. Цанкова) и Петара Вичева – автономиста, желательного и даже обязательного союзника (хотя в недавнем прошлом БКП, совершая тактическую

ошибку, поддерживала Кямилаева против Вичева). Президиум одобрил решение БКП о создании комфракций в союзе «Добруджа» и формировании добруджанской комиссии при ЦК. В развернутом постановлении из 11 пунктов значилось: переместить центр работы из Болгарии в сам край; создать нелегальные органы союза; изолировать Кямилаева, однако, не стремясь к быстрому и небезопасному разрыву с ним; РКП и румынским коммунистам в крае оказывать полную поддержку союзу «Добруджа»⁴.

В январе 1925 г. президиум БКФ вновь отдельным вопросом рассмотрел «работу в добруджанском движении», которое было квалифицировано как национально-революционное. В масштабном постановлении (из 7 пунктов и 18 подпунктов) выдвигалась для БКП и РКП задача создания «из так называемых старой [Северной. – А.С.] и новой [Южной. – прим. А.С.] Добруджи самостоятельной Добруджанской республики, где в составе Балканской федерации могло бы быть обеспечено их длительное существование». Для этого коммунистам предписывалось одновременно «выступать против национального угнетения... боярской Румынии, а также против захватнических намерений в отношении Добруджи со стороны Болгарии»; не делать в крае национальных различий, продолжать создавать комфракции, а эмиграции в Болгарии отвести роль вспомогательного фактора; легальному союзу «Добруджа» в Болгарии создать нелегальный аппарат непосредственно в крае «для подготовки восстания добруджанского населения и для решительных акций, как только это потребуется»; был назначен представитель БКФ в Добрудже, ответственный перед президиумом (зашифрованное в протоколе лицо осталось не установленным). Кроме того, предлагалось по возможности провести дипломатическую акцию со стороны СССР в пользу Добруджи⁵.

Последний тезис вызвал дискуссию среди видных советских функционеров, в основе которой лежали суждения о судьбе Добруджи, высказанные выдающимся советским деятелем Х. Г. Раковским. Будучи этническим болгаринцем, в молодости

¹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов. Ч. 2: Июнь 1924 – декабрь 1926 гг. 2003. Док. 24–25. С. 57, 61; Док. 28. С. 64–65; Док. 31. С. 76.

² Там же. Док. 85. С. 154–155.

³ Mehmet Mustafa Ali. O istorie a turcilor din Dobrogea // Istorie și identitate la turcii din Dobrogea / Adriana Cupcea, Kozák Gyúia (coord.). Cluj-Napoca, 2017. P. 36.

⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. Док. 126. С. 253–255.

⁵ Там же. Док. 170. С. 333–335.

он имел румынское гражданство. Позже за резкую критику с конфедералистских позиций централистской национальной политики И. В. Сталина был удален со всех высоких постов и переведен на дипломатическую работу – советским послом (с июля 1923 по октябрь 1925 г.) в Лондон. Раковский безоговорочно считал, что вся автономная Добруджа как субъект должна войти в Балканскую советскую федерацию, но это было революционной программой будущего, недостижимой дипломатическим путем для того момента. Поэтому требование присоединения к Болгарии только Южной Добруджи по мнению Раковского являлось дипломатически актуальным, а при определенных международных комбинациях, даже и осуществимым. Нарком иностранных дел СССР (с марта 1918 по июль 1930 г.) Г. В. Чичерин в письме руководителю Балканской комиссии ИККИ/ЦК РКП(б) М. В. Фрунзе от 25 февраля 1925 г. выражал полное согласие с этими взглядами. Член президиума ИККИ В. Коларов в письме тому же адресату в тот же день также поддержал мнение Раковского, уместно пояснив, что в балканском национально-революционном лексиконе автономия означала фактическую независимость, при сохранении лишь номинальной связи с другим государством (например, как в случае с македонским лозунгом автономии). Коларов тоже считал, что советская дипломатия может потребовать возвратить Болгарии «Добруджинский четвероугольник (квадрилатар) (так в документе. – прим. А. С.)»¹.

В апреле 1925 г. «добруджанский вопрос» рассматривался Балканской комиссией, которая признала «желательной связь» с союзом «Добруджа» и «поддержку группы Вичева». По причине предрешенного завершения в Коминтерне «эры Зиновьева», прошли реорганизации, коснувшиеся и БКФ, штаб-квартира которой была перемещена из Вены в Москву. На смену БКФ (формально распущена в 1928 г.), действовавшей в директивном стиле, фактически пришел Балканский лендерсекретариат – информационно-совещательная инстанция, не принимавшая решений. В июне 1926 г. в новой структуре предложили легализовывать национальные организации в Добрудже под

маркой Румынской царанистской (крестьянской) партии, которая имела ряд своих организаций в крае. Секретариат ИККИ в принципе посчитал это возможным, указав: «Нужно это делать или нет, следует согласовать с ЦК КП Румынии»².

На 6-ом расширенном пленуме ИККИ (Москва, апрель 1926 г.) были приняты рекомендации о национально-территориальной автономии, лозунг которой «не есть наш лозунг решения национального вопроса». Объяснялось, что он исходил из «предпосылки нерушимости границ данного многонационального государства и принципа принудительного существования национальных меньшинств в его пределах». Поэтому партиям Коминтерна было предложено «бороться против иллюзий о возможности установления мирного сожительства между нациями» в рамках буржуазного государства на основе национально-территориальной автономии и не выставлять подобного лозунга, за исключением случаев массового характера автономистского движения³. Касательно содержания рекомендаций следует заметить, что Южная Добруджа являла собой пример именно такого случая. Кроме того, в новом тренде явно прослеживалась радикально-догматическая тенденция по сравнению с эпистолярной дискуссией начала 1925 г. вокруг автономизма и его оценок. Это объяснялось поражением «новой оппозиции» на XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г., готовящимся устранением Г. Е. Зиновьева из ИККИ и идейной изоляцией Г. Х. Раковского, как одного из лидеров партийной оппозиции.

В БКП продолжалось перманентное обсуждение отношения к национально-революционному движению и проблеме беженцев. В резолюции 1-го расширенного пленума ЦК (Вена, сентябрь 1926 г.) по докладу В. Коларова значилось, что партия признает право на самоопределение всех балканских стран и областей (упомянув, в том числе, и Добруджу), включая их право «на выделение в самостоятельное государство»; «клеймит» соглашение об обмене населением; выступает против принудительного выселения и присвоения имущества беженцев; требует их возвращения в родные места с возвратом

¹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. Док. 193–194. С. 384–385.

² Там же. Док. 211. С. 429; Док. 293 и примеч. 1. С. 610–611; Док. 300 и примеч. 2. С. 625–627.

³ Там же Док. 295. С. 616–617.

имущества. После пленума Коларов разработал «Директивы по работе в добруджанском движении» (остались в проекте). НКВД СССР также проявлял некоторый интерес к краю. Референтурой наркомата в декабре 1926 г. был подготовлен обзор событий на Балканах, содержащий раздел «Добруджанская организация» с обзором ее истории и рядом путаных оценок¹.

Однако бесплодный балканский вектор внешнеполитической активности СССР и Коминтерна стал фактически затухать, а болгарские территориальные проблемы потеряли для Москвы всякую актуальность². В декабре 1926 г. Балканская комиссия ИККИ/ЦК РКП (б) приняла решение подготовить итоговый доклад о своей работе. После долгой партийной волокиты политбюро ЦК в мае 1928 г. ликвидировало комиссию, постановив «прекратить активную работу советских органов на Балканах». Одновременно решалась и судьба БКФ. В декабре 1926 г. в Москве было проведено совещание балканских компартий, вскрывшее их плачевное состояние. В БКП насчитывалось 1200 членов, имелась острая нужда в легальной партии-двойнике; в РКП – 650 членов на свободе и 500 в заключении, «политбюро бежал за границу, весь технический аппарат парализован». Говоря о БКФ, Г. Димитров заявил, что она «...не существует. Никогда балканские партии не были так отчуждены друг от друга, как в настоящее время». Последняя – Восьмая Балканская коммунистическая конференция (Москва, сентябрь 1928 г.) сняла, как практический, лозунг «За Балканскую федерацию». БКФ фактически была распущена³.

VII конгресс Коминтерна (июль – август 1935 г.), конкретизировал доктрину «всемирной революции» и выдвинул концепцию «народного фронта». Болгария и Румыния не были отнесены к перспективным в этом отношении государствам балканской геополитической зоны, а их компартии не упомянуты

в перечне важнейших секций Коминтерна⁴. При этом Румыния, с точки зрения интересов Москвы, признавалась наиболее опасным государством (член обеих Антант, включавший в свой состав спорные территории Бессарабии и Южной Добруджи). К 1937 г. условная геополитическая ось Кенигсберг – Одесса с имевшим опорное значение устьем Дуная трансформировалась и сузилась из идеологической категории «рубеж» до территориальной категории «граница», как следствие, нуждавшейся в расширении⁵. Эти виртуальные построения были разрушены Мюнхенским сговором и разделом Чехословакии в сентябре 1938 г. Грандиозные по первоначальному замыслу 1920-х гг. идеи революционизации Балкан и создания Балканской советской федерации завершились сокрушительным идейным и политическим крахом. Национально-революционные движения и их структуры в регионе, в том числе, и в Добрудже, оказались предоставленными самим себе.

Структуры БКФ и БКП в Добрудже. В январе 1919 г. были сформированы Силистренский и Добричский окружкомы Румынской соцпартии. В феврале на совместном заседании ими был создан обком Кадрилатера во главе с Киро Стефановым. Другие решения касались освобождения Добруджи и необходимости «взять национальный болгарский вопрос в свои руки». Еще в январе в Москве прошла конференция болгар-членов РКП(б), на которой было избрано Центральное бюро болгарских коммунистических групп во главе со Стояном Джоровым. Вскоре бюро переместилось в Киев, а в апреле – в Одессу, где после эвакуации войск Антанты возник феномен григорьевско-большевистской «красной» Одессы (апрель – август). Джоров создал здесь революционный комитет «Добруджа», добруджанский отряд, разведывательно-курьерскую службу, издавал на болгарском вестник «Комуна», выдвинул лозунг «через Бессарабию, через Добруджу – в Болгарию». То обстоятельство, что многие из числа одесских (более 40 тыс.) и бессарабских (более 200 тыс.) болгар были переселенцами из

¹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. Док. 306. С. 635; Док. 309 и примеч. 1. С. 643-645.

² Спасов Людмил. СССР и българските териториални проблеми (1919–1924) // Българо-съветски политически и военни отношения (1917–1941): статии и документи / В. Золотарьов (ред.). София, 1998. С. 7-23.

³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. Док. 311 и примеч. 3. С. 645-647; Док. 314 и примеч. 1. С. 650-652.

⁴ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. док / К. К. Шириня (отв. ред.). М., 1975. С. 78-84, 103-104, 137-139.

⁵ Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. С. 185-187, 190-193.

Добруджи, свежая память об Одесской советской республике (январь – март 1918 г.), а также высокая политическая активность Центрального бюро, породили представление о созданной в городе болгарской «советской зоне» и даже «Добруджанской советской республике». Часть добруджанских структур с занятием Одессы в августе 1919 г. белогвардейцами переместилась в Варну, часть – перешла в подполье¹.

С. Славов создал в Разграде нелегальный Добруджанский революционный комитет. В феврале 1919 г. по инициативе С. Джорова он был преобразован в Варне в Добруджанский центральный внутренний революционный комитет (ДЦВРК), начавший образовывать ревкомы в крае. Задачами комитета была подготовка восстания в Добрудже в помощь ожидавшемуся походу Красной Армии в Бессарабию, а также сбор информации о наличных силах и влиянии Антанты в Добрудже. Летом 1920 г. для работы в комитете был направлен Дочо Михайлов, ставший курьером между ДЦВРК в Варне и болгарским революционным центром в советской (с февраля 1920 г.) Одессе. Однако события советско-польской войны исключили возможность похода на юг. Осенью 1920 г. ДЦВРК по решению ЦК БКП был распущен².

Внутренняя добруджанская революционная организация (ВДРО). БКП не отказалась от идеи нелегальной вооруженной структуры, и в апреле 1923 г. была образована ВДРО. Председателем ее ЦК стал Иван Хаджииванов, который отстаивал болгарскую идентичность местных болгар, отвергая коминтерновскую установку о добруджанской нации³. Военным руководителем был С. Боздуганов. Другие видные члены ЦК – Никола Кяmileв, отвечал за связь с правительством (являлся двойным агентом-осведомителем БКП и властей); Дочо Михайлов, коммунист, поборник образования советской республики в крае, получал финансирование на создание коммунистических ячеек в ВДРО (после теракта 16 апреля 1925 г. в Софийском соборе Святой Недели и разгрома подготовившей его Военной организации БКП, был

арестован, во время следствия дал показания на всех, кого знал, получил помилование и был отпущен). Состав руководства являл собой весьма странную лево-правую коалицию от участников реакционного «Военного союза» до праведных коммунистов. Поэтому цель ВДРО была весьма расплывчата – в диапазоне от многонациональной автономии или свободной зоны под управлением Лиги Наций до независимости края с использованием всех средств, включая помощь Советского Союза, для обеспечения революционного транзитного моста с ним⁴.

Структура и программные документы ВДРО были составлены по образцу Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО). Возникло подпольное ЦК в крае и Заграничное представительство в Русе. Организация объединила 2–3 тыс. человек. Идею создания Добруджанской четы еще в 1922 г. выдвинул Д. Михайлов. По решению ВДРО весь край был разделен на семь округов со своими боевыми группами. Чета в период своей деятельности (июль 1923 – август 1926 г.) внесла вклад в ликвидацию бандитизма в крае, приняла участие в Сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии, по инструкциям Коминтерна готовилась к новому восстанию, вела пропагандистскую работу. Все это сорвало планы Бухареста по быстрой колонизации Добруджи. В августе 1926 г. Добруджанская чета была разгромлена болгарскими армейскими и полицейскими силами. Д. Михайлов, командовавший «группой Дочо», был убит властями как «конокрад» с помощью Кяmileва, на которого он также указал во время своего ареста. Личность и деятельность Дочо Михайлова имела в болгарской литературе различные оценки, от героико-романтических до выражавших отрицательные коннотации, и получала неоднократную переоценку⁵. Террористические методы борьбы ВДРО и коммунистическая пропаганда в крае показали свою несостоятельность⁶. После широкого

¹ Георгиева Станка. Добруджанската чета. София, 1991. С. 9-13.

² Кратка история на Добруджа. С. 207-208.

³ См.: Златев Любомир, Лебикиан Хачик. Иван Хаджииванов: родови корени, общественик и деен ръководител на борбата за освобождението на Добруджа. Русе, 2005.

⁴ Златев Любомир. Вътрешната добруджанска революционна организация (ВДРО) 1923–1940. Русе, 2009. С. 68-154.

⁵ Георгиев Иван, Генчев Тодор. Дочо Михайлов. Биографичен очерк. София, 1966. С. 106-118; Георгиева Станка. Добруджанската чета. С. 28-35, 67-71.

⁶ Ciorbea Valentin. Terorism în Cadrilater (1919–1940) // *Dosarele Istoriei: uitat și ignorat Cadrilaterul (Dobrogea de Sud) / Mircea Suci (ed.). Anul VII. Nr. 1 (65).* 2002. P. 41-43; Cojoc Marian. Cadrilaterul și Dobrogea Veche în propaganda comunistă interbelică // *Ibid.* P. 50-54.

наступления и болгарских, и румынских властей на коммунистические структуры, к руководству в ВДРО пришла группа Н. Кямилава, имевшая тесные связи с правительственными кругами. В результате БКП оказалась неспособной выполнить установку Коминтерна по овладению ВДРО путем создания в ней комфракций и подчинения себе этнического аппарата.

Добруджанская революционная организация (ДРО). В сентябре 1925 г. деятели коммунистического и автономистского толка при поддержке и финансировании Коминтерна создали в Вене ДРО. Ее лидером стал Димитр Дончев-Доктор, в числе учредителей были Петар Вичев, видные функционеры БКП Ворбан Петров, Дочо Михайлов, Димитр Ганев, один из создателей РКП (возникла в мае 1921 г. из левого крыла Румынской социалпартии) этнический болгарин Кирило (Георги) Стефанов. Программной целью новой организации стало создание путем революционной борьбы независимой Добруджанской республики с упором на все этнические группы. ВДРО и ДРО действовали параллельно, причем ряд их активистов являлись еще и членами союза «Добруджа»¹.

Болгарский кабинет премьер-министра (с января 1926 по июнь 1931 г.) Андрея Ляпчева получил крупный заем на обустройство беженцев в стране. Действия же чет ВДРО и ДРО в Добрудже провоцировали румынские власти на террор против болгарского населения. В Старо-село близ Тутракана румынская жандармерия 5 июля 1926 г. убила несколько десятков болгарских жителей, предоставив это как нападение добруджанских четников. Все указанные обстоятельства побудили Софию к серьезным мерам по прекращению их поддержки. П. Вичев, который сильно укрепил свой авторитет, даже предлагал Ляпчеву разогнать ВДРО, как вредную для болгар в Добрудже и для самой Болгарии, но о ДРО молчал². Постепенно ВДРО потеряла авторитет в глазах Софии и выродилась в малочисленную конспиративную структуру.

Иным было положение в ДРО, хотя и она переживала в 1926–1928 гг. кризис на почве идеологических разногласий между коммунистами и автономистами, а также дискуссий о своем характере – идейном течении

или организационной структуре. Фактически работой ДРО руководили две компартии – БКП и РКП, входившие в БКФ, а через нее – в Коминтерн. Денежные средства и инструкции шли из Москвы через Вену. Ощутимый удар по престижу ДРО среди добруджанских крестьян был нанесен в 1927 г., когда организация под нажимом РКП поддержала лозунг возникшего в Румынии Рабоче-крестьянского блока о национализации земли. Это было привлекательно для румынских крестьянства, но болгары в крае предпочли бы возврат отнятых у них земель³. ДРО стремилась дифференцировать работу с социальными группами. Она создала мощное Добруджанское молодежное общество, которое успешно конкурировало и с подобной структурой союза «Добруджа», и со Студенческим добруджанским союзом⁴.

В 1929 г. в Берлине прошел первый и единственный конгресс ДРО, который подтвердил альянс с автономистами, обозначил рост централизма и левого сектанства в работе организации, поставил задачу создания единой конспиративной военной структуры. Д. Дончев-Доктор, который в 1927–1928 гг. находился на учебе в СССР, после возвращения стал секретарем ЦК ДРО, членом РКП. В июле 1931 г. он был схвачен близ Добрича, письменно сообщив перед расстрелом румынской тайной полицией Сигуранца все известные ему сведения, что стало тяжким ударом для организации. Вскоре ДРО приняла коминтерновский тезис о существовании добруджанской нации, однако в практической деятельности национальные устремления были вытеснены социальными задачами⁵.

После переворота 19 мая 1934 г. в Болгарии новые власти объявили о роспуске ВДРО и ДРО. Их деятельность после ряда крупных провалов продолжилась в затухающем режиме только в Добрудже, на территории Румынии. Лишь с начала 1938 г. обозначилась тенденция к оживлению работы, которая носила конспиративный характер и направлялась краевыми обкомами РКП⁶.

³ Тодоров Петър. Цит. съч. С. 81-99.

⁴ См.: Попова Кристина. «За Добруджа готови сме»: Добруджанските младежки организации в България 1919–1934. София, 1993.

⁵ Тодоров Петър. Цит. съч. С. 135-165.

⁶ См.: Георгиева Станка. Съдбата и борбите на българите от Южна Добруджа под румънска власт (1935–1940). Силистра, 1995.

¹ Тодоров Петър. Цит. съч. С. 51-79.

² Косев Димитр. Външната политика на България при управлението на Андрей Ляпчев 1926–1931. София, 1995. С. 17-53.

Добруджанские деятели освободительного движения отстаивали интересы болгарского меньшинства также и в местных структурах Румынской царанистской (крестьянской) партии. Одним из них был Петар Чапкан, имевший ранее политические связи с ВДРО и ДРО. После убийства в сентябре 1931 г. главы Добричского комитета царанистской партии Христо Стефанова Чапкан занял его место в партии и в общественной жизни Добрича, развив высокую активность. Попытки его нейтрализации через судебные преследования и политический прессинг оказались безуспешными. Поэтому Сигуранца организовала 7 октября 1937 г. его убийство в Добриче¹.

В мае 1939 г. руководство ДРО распространило в виде нелегальных листовок «Открытое письмо», адресованное болгарскому населению края и добруджанской эмиграции в Болгарии. В письме выдвигались 15 требований общедемократического и национально-культурного характера, отразивших ряд идейных противоречий. Так, п. 10 одновременно трактовал и право на самоопределение края вплоть до отделения, и сохранение территориальной целостности Румынии, что говорило об оппозиции руководства ДРО южнодобруджанским структурам РКП. Усилия ДРО по сплочению болгарского населения края на базе лозунга народного фронта остались безрезультатными, организация замкнулась на внутренней конспиративной жизни. После возвращения Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. сохранившиеся структуры ВДРО и ДРО стали реорганизовываться как комитеты Болгарской рабочей партии (БРП). Седьмой расширенный пленум ЦК БРП (февраль 1941 г.) окончательно прекратил их деятельность².

Таким образом, обзор деятельности, национальных лозунгов и политических установок добруджанских институций, структур и идейных течений показывает их организационную бесплодность. Достижение реального влияния на решение добруджанского вопроса было для них весьма проблематичным.

Интеграция Кадрилатера в государственный организм Румынии. Для современной румынской историографии харак-

терны восторженно-возвышенные оценки результатов социально-экономической модернизации Южной Добруджи, проведенной за 27 лет румынской власти. Константин Тудор в масштабной монографии «Румынская администрация в Кадрилатере (1913–1940)» (375 с.) утверждает, что «жудецы Дуростор и Калиакра получили сильное экономическое и культурное развитие, ускоренную модернизацию демократических структур, динамично установили ментальную связь с потребностями европейской цивилизации». Он приводит характерное свидетельство современника: «с экономической точки зрения Кадрилатер получил импульс, которого он никогда бы не имел, продолжай развиваться в условиях болгарской администрации, для которой край был чем-то вроде курьёза... За годы румынского режима провинция стала процветать... Железные и автомобильные дороги, мосты и произведения искусства, современные здания, церкви и школы появились повсюду. Развитие городов было ещё более очевидным... Степи были разрушены, а жизнь в деревне приобрела беспрецедентное процветание, особенно после появления сельскохозяйственной промышленности. Не только румыны, но болгары и турки также обрели свои преимущества». Тудор отмечает, что в 1918–1919 гг. Кадрилатер получал помощь от США, что очень помогло краю в первые послевоенные годы³. Валентин Чорбя в капитальном труде «Эволюция Добруджи между 1918–1944 гг. Исследование геополитических, экономических, демографических, военно-морских, политических и военных проблем» (557 с.) раскрыл многомерные аспекты развития всего Добруджанского региона, включая и его южную часть, отторгнутую от Болгарии⁴.

Важнейшим процессом интеграции Южной Добруджи в государственный организм Румынии была колонизация края, имевшая целью его «этническую консолидацию как неотъемлемой части румынского унитарного государства, а также гуманизацию почти пустынных территорий путём создания новых

³ Tudor Constantin. *Administrația românească în Cadrilater (1913–1940)*. Călărași, 2005. P. 177–179.

⁴ См.: Ciorbea Valentin. *Evoluția Dobrogei între 1918–1944. Contribuții la cunoașterea problemelor geopolitice, economice, demografice, navale și ale vieții politice și militare*. Constanța, 2005.

¹ Гергиев Йордан. Добруджа и разстрела на Петър Чапкъна през 1937 г. в Добрич. Варна, 1992. С. 90–93.

² Тодоров Петър. Цит. съч. С. 322–327, 348–349.

поселений»¹. Реальной же целью являлась корректировка Бухарестом этноконфессиональной и социальной картины края с низкой плотностью населения путем организации двух потоков переселенцев – выходцев из Старого Королевства, а также македонских аромунгов из соседних стран. Правительственным постановлением ноября 1922 г. началось основание военных колоний-поселений из фронтовиков-жителей Старого Королевства с выделением участков земли от 25 до 75 га, а в 1929 г. процесс был упорядочен законом о наделении колонистов землей. В общей сложности за 458 колонистами было закреплено 12,5 тыс. га земли².

Аромунское переселение в Южную Добруджу было связано с их этнической консолидацией. Национальные деятели Стериу Хаджигогу, Константин Ное и Василе Муши организовали и провели в ноябре 1924 г. в Греции I Национальный съезд аромунгов, где обсуждался вопрос о переселении в Кадрилатер. Позже они выступили авторами пропагандистских материалов, статей, брошюр и книг по данной проблеме. В июне 1925 г. в Румынии был принят закон о колонизации края аромунгами. Через Национальную службу по колонизации они получали по 10 га земли на семью, построили или купили 7,2 тыс. домов³. К 80-ой годовщине начала колонизации вышел внушительный том (428 с.) материалов и документов⁴.

Болгары Южной Добруджи всеми силами пытались противодействовать колонизации края румынами и, особенно, аромунгами. Касательно последнего обстоятельства депутаты парламента болгарского происхождения даже угрожали отставкой. Самая же ожесточенная борьба происходила на местах, где вспыхивали кровавые конфликты болгар (именовались «болгарскими бандами») с колонистами. Однако с конца 1933 г.

аромунское переселение было фактически свернуто из-за резких противоречий не только с местными болгарскими и турками, но и с коренными румынами-переселенцами. Выраженный балканский менталитет аромунгов, их «грубый, враждебный и мстительный характер», незнание румынского языка лежали в основе эксцессов. Оказало влияние и убийство тремя легионерами (двое из которых были аромунгами) премьер-министра (с ноября по декабрь 1933 г.) Иона Георге Дуки, противившегося авторитарным тенденциям в стране⁵.

Общим итогом колонизаторской деятельности Бухареста в Кадрилатере стало значительное изменение его этнического облика. За два десятилетия из края эмигрировало 149 тыс. человек, в том числе: турок – 87 тыс., болгар – 36 тыс., цыган, татар, армян, евреев – 26 тыс. человек. Сопоставление миграционных потоков румынских колонистов (70 % из них прибыли в край в 1920-х гг.) с потоком эмигрантов (62 % из них покинули край в 1930-х гг.) говорит о насильственном вытеснении местного населения из родных мест. Цели полного обезземеливания местного болгарского населения края служили аграрные законы декабря 1934 г. и января 1936 г., которые запрещали покупку земли коренными жителями. Единственными покупателями оставались государство (завладело 400 тыс. га) и румынские колонисты (получили 500 тыс. га земли)⁶.

Латентная до поры проблема Южной Добруджи оказывала влияние на всю систему международных отношений в Восточно-Дунайском регионе⁷. Многоопытный министр иностранных дел Турции (с марта 1925 по ноябрь 1938 г.) Тевфик Арас в беседе с советским полпредом в Анкаре (с апреля 1938 по сентябрь 1940 г.) А. В. Терентьевым 8 июля 1938 г. отмечал, что Румыния «ведет две политики: балканскую и польскую» с заметным увлечением в пользу последней. Турция же стремится привлечь Болгарию на сторону Балканской Антанты (союз Греции, Румынии, Турции и Югославии, заключенный в 1934 г. и направленный против усиления

¹ Tudor Constantin. Administrația românească în Cadrilater (1913–1940). P. 180–181.

² Гладышева А. С. Население Южной Добруджи как объект политики румынизации (1913–1940 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 5 (49) / Л. С. Лыкошина (ред.) [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/s2079878400015627-1> (время доступа 12.03.2019).

³ См.: Hagigogu Steriu, Noe Constantin, Muși Vasile, Țîrcomnicu Emil. Colonizarea macedoromânilor în Cadrilater. București, 2005.

⁴ Vulpe Ion. Vlahuria – Țara din vis: vol. 1–2. București, 2005. Vol. 2: 80 de ani de la colonizarea Cadrilaterului.

⁵ Tudor Constantin. Administrația românească în Cadrilater (1913–1940). P. 186–197.

⁶ Кратка история на Добруджа. С. 197–200.

⁷ См.: Кузманова Антонина. От Ньюй до Крайова: Въпросът за Южна Добруджа в международни отношения (1919–1940). София, 1989.

влияния Италии и Германии на Балканах, примкнуть к которому отказались Болгария и Албания), чтобы вырвать ее из-под немецкого влияния, чему Румыния всячески препятствует¹. Салоникское соглашение, заключенное 31 июля 1938 г. Болгарией с её соседями, участниками Балканской Антанты, имело для Софии принципиальное значение. Им отменялись военные ограничения Нейиского мирного договора, ликвидировались демилитаризованные зоны вдоль границ с Грецией и Турцией Лозаннского мирного договора, принимались обязательства о неприменении силы во взаимных отношениях Болгарии с блоком. Однако соглашение, достигнутое за два месяца до Мюнхенского сговора, не разрешало спорных территориальных вопросов в регионе. Более того, оно осталось в тени Судетского кризиса и его международных последствий.

Ситуация на Балканах, сложившаяся в результате решений Мюнхенской конференции (29–30 сентября 1938 г.), характеризовалась целым набором острых процессов. Они были осложнены рядом территориальных конфликтов, среди которых южнодобруджанский занимал виднейшее место. 1) София не отказывалась «ни на йоту от своих территориальных притязаний к Греции и Румынии», пытаясь через Турцию оказать давление на эти страны. Основная линия внешней политики Болгарии была направлена на осуществление задач территориальной ревизии: в первую очередь, присоединение Южной

Добруджи, во вторую – выход к Эгейскому морю. 2) Германия реализовывала полное экономическое и значительное политическое внедрение в Болгарию, наметив охват Юго-Восточной Европы Четырехлетним планом (1936–1939 гг.). Берлин, требуя от Румынии монополии всего её экспорта и кабальных экономических преференций (два ультиматума Х. Вольтата в марте 1939 г.), предлагал за это гарантию румынских границ, в том числе, и в Кадрилатере. Болгария в ответ начала концентрацию войск в этом секторе границы с Румынией. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подробно информировал об этом И. В. Сталина в записке от 18 марта. 3) СССР ослабил свое присутствие в регионе, а болгарские дипломаты даже сетовали, что он «совершенно устранился от участия в балканских делах». При этом в зарубежной печати и в официальных кругах широко распространился, как писал Литвинов 25 февраля Сталину, «вымысел о черноморском пакте, якобы предложенном нами». 4) Особое место в развитии спора из-за Южной Добруджи стали занимать отношения Болгарии с Балканской Антантой. На Бухарестской конференции стран блока (февраль 1939 г.) его участники вынесли решение о сохранении всех своих границ и обязательстве их коллективной защиты. Сотрудничество же Софии с балканскими соседями в данном аспекте могло быть куплено лишь удовлетворением ее притязаний на Южную Добруджу².

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXI: 1 января – 31 декабря 1938 г. / ред. колл. Г. К. Деев [и др.]. М., 1977. Док. 253. С. 354.

² Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 65–67.

РАЗДЕЛ V ПУБЛИКАЦИИ

А. С. Стыкалин

«БЫЛО ЧТО-ТО ОСОБЕННО ТЯГОСТНОЕ ВО ВСЕЙ ЭТОЙ ЦЕРЕМОНИИ...». СДАЧА ВЕНГЕРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЙСКА В АВГУСТЕ 1849 г. ГЛАЗАМИ РУССКОГО ОФИЦЕРА*

152

13 августа (по старому стилю 1 августа)¹ 1849 г. у села Вилагош в комитате Арад (на крайнем западе современной Румынии) 30-тысячная венгерская революционная армия сложила оружие, безоговорочно капитулировав перед семикратно превосходившим ее 200-тысячным русским войском. Ее командующий, талантливый полководец генерал Артур Гёргеи, на всю оставшуюся жизнь пожертвовав своей репутацией, пошел на унижительный акт капитуляции во избежание бессмысленного кровопролития и истребления самого цвета своей нации. Альтернативы своему поступку он не видел: с Запада революционную армию теснили австрийские императорские войска во главе с генералом Гайнау, сторонником беспощадной расправы над мятежной Венгрией². В тот же день фельдмаршал И. Ф. Паскевич, которому было поручено командовать всей операцией, приказал доложить императору Николаю I: «Венгрия у ног Вашего Величества!».

Публикуемый ниже источник представляет собой мемуары русского литератора, беллетриста А.М. Фатеева, участвовавшего в качестве боевого гусарского офицера в

кампании по подавлению венгерской революции и явившегося непосредственным свидетелем сдачи в плен венгерского революционного войска³. Опубликованный в 1859 г. в московском славянофильском журнале «Русская беседа» (№ 4. С. 59-66), этот текст долгое время не привлекал внимание историков⁴. Между тем, он дополняет новыми свидетельскими впечатлениями наше знание об одном из ключевых эпизодов в истории венгерской революции 1848–1849 гг., ее печальном финале, при осмыслении которого до сих пор не утихают споры среди специалистов (а в Венгрии, где «1848 год» относится к наиболее культовым датам национальной истории, в эти дискуссии вовлекается и более широкое общественное мнение). Главный предмет дискуссий – отношение к поступку генерала Гёргея, принявшего решение о капитуляции. Миф о его малодушном, изменническом поведении, получив широкий распространение в вен-

¹ Далее во вступительной статье и комментариях все даты даются по новому стилю, тогда как в публикуемом источнике по старому с необходимыми комментариями.

² Позже, полемизируя с теми, кто осуждал поступок Гёргея, активный участник венгерской революции граф Ференц Пульски замечал, что в сложившейся ситуации сопротивление венгров одновременно австрийским и русским войскам, учитывая реальное соотношение сил, было бы просто безумием. См. обзор изданных в Германии его мемуаров: Вестник Европы. СПб., 1883. № 4. С. 636.

³ Предшествующая публикация, отражающая впечатления русского очевидца, присутствовавшего при капитуляции венгерской армии – мемуары офицера И. Дроздова. См.: Колин А., Стыкалин А. С. Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 511-528.

⁴ Попытка ввести его в научный оборот была принята венгерским литературоведом И. Хорватом, опубликовавшим в 2011 г. в переводе на венгерский язык с предисловием Ю. П. Гусева сборник мемуарных текстов и беллетристики А. М. Фатеева, отражающих, в первую очередь, его впечатления от пребывания в венгерских землях в 1848–1849 гг. См.: Fatejev A. Világostól Krimig. Budapest (Bp.), 2011.

герской исторической литературе, публицистике, общественном сознании второй половины XIX – первой половины XX в.¹, был перенят и отечественной историографией². Живучести его в нашей литературе³ способствовало и то обстоятельство, что с осуждением поступка венгерского генерала, своим якобы малодушным поведением поставившего крест на европейской «весне народов», выступало левое общественное мнение дореволюционной России⁴. Однако в последние десятилетия в венгерской историографии (в работах виднейшего специалиста по этой тематике Р. Германна и др.) возобладал иной подход к А.Гёргею, яркому полководцу времен венгерской национально-освободительной войны 1848–1849 гг.

Талантливый военачальник, А. Гёргей осуществил ряд победоносных операций против австрийских императорских войск⁵. Участнику кампании полковнику царской армии А. Баумгартену с первых недель пребывания на войне казалось, что венгерские военачальники «употребят все возможные средства, чтобы сделать самое восстание сколь возможно более упорным и отчаянным и только при последней крайности положить оружие»⁶. Даже после решающей

схватки и поражения большого соединения венгерской армии в начале августа под Дебреценом Гёргей отказывался пойти на безоговорочную капитуляцию перед численно превосходящей русской армией, пытаясь обставить ее определенными политическими условиями, «ибо речь здесь идет о спасении моей бедной, притесненной отчизны, политическую жизнь которой австрийский император и его ближайшее окружение хотят уничтожить»⁷. Однако вскоре, осознав всю несопоставимость численности 200-тысячной русской и 30-тысячной венгерской армий, а значит бессмысленность сопротивления, Гёргей предпочел избежать ненужного кровопролития и сложить оружие, причем именно перед русским, а не австрийским императорским войском⁸. «Лучше допустить уничтожение всего корпуса в отчаянной битве против любых превосходных сил, чем безоговорочно капитулировать перед австрийскими войсками», – писал он генералу Ф. В. Ридигеру (письмо было получено в стане русских войск 12 августа)⁹. Почти все члены Военного совета венгерской революционной армии (кроме двух, предлагавших сдаться непосредственно австрийцам) поддержали предложение своего командующего. Надо было торопиться, ведь австрийские войска под командованием фельдмаршала Ю. Гайнау приближались к Араду, к местам дислокации основных формирований ослабленной венгерской армии. Трудно сказать, сохранялась ли у Гёргея в момент принятия решения хотя бы некоторая надежда на австрийское императорское великодушие к поверженному достойному противнику, на готовность венского двора воздержаться от

¹ Наиболее основательный разбор обширной литературы, посвященной «проблеме Гёргея», предпринят в двухтомной монографии одного из крупнейших венгерских историков XX в. Домокоша Кошари. См.: Kosáry D. A Görgey-kérdés története. Bp., 1994. I – II.

² См.: Революции 1848–1849. Т. I–II / под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952. Соответствующий раздел в этой книге вполне определенно характеризует авторскую позицию – «Изменническое поведение Гёргея» (Т. II. С. 121–123).

³ О предательстве Гёргея говорится и в 3-томном фундаментальном труде начала 1970-х годов по истории Венгрии. См.: История Венгрии: в 3 т. Т. 2. М., 1972. С. 176. Однако в «Краткой истории Венгрии с древнейших времен до наших дней» (М., 1991) автор соответствующего раздела выдающийся отечественный специалист по венгерской и австрийской истории Т. М. Исламов дал более дифференцированную оценку роли Гёргея.

⁴ Из литературы см.: Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2.

⁵ Отзывы о его незаурядных полководческих способностях встречаются и в мемуарах русских офицеров: «... нельзя не отдать Гёргею справедливости, что он показал себя весьма искусным начальником, который сумел отлично воспользоваться ошибками своего противника» (Дневник барона Л. П. Николаи, веденный во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина. СПб., 1877. Т. XX. Сентябрь – декабрь. С. 242).

⁶ Баумгартен А. К. Дневник 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 4. С. 18. Запись относится к 21 мая 1849 г.

⁷ Письмо Гёргея генералу Ф. В. Ридигеру, командовавшему непосредственно противостоявшей его войскам соединением русской армии, цитируется по: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 15. По свидетельству адъютанта Ридигера И. Дроздова, в случае отказа принять эти условия, венгры были готовы «до конца исполнить долг свой и... еще попробовать счастья в бою» (Славянский альманах. 2013. С. 516).

⁸ В соответствии с изначальными планами командования австрийских императорских войск русской армии отводилась лишь вспомогательная роль во всей операции: «...австрийцы объявляют, что мы должны постоянно находиться в резерве как вспомогательное войско, а драться впереди должны они, мы только помогаем и потому в резерве» (Баумгартен А. К. Дневник 1849 г. С. 27).

⁹ Цит. по: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. С. 17.

слишком жестокой мести. С гораздо большей определенностью можно утверждать, что не оправдались вынашивавшиеся им надежды на российское посредничество, которые явно вычитываются из его обращения к графу Ридигеру: в нем, согласно некоторым источникам, содержалась просьба, «чтобы сдавшиеся не были переданы австрийцам как преступники, ибо те, которые первоначально состояли в австрийской службе, опасаются лишиться, в руках их, жизни и, быть может, даже чести». Далее Гёрге́й продолжал: «Как нам неизвестна будущность Венгрии и как если его императорское величество Император Всероссийский не оградит ее, с известным своим великодушием, могущественным своим посредничеством, всех нас может ожидать эшафот или изгнание, то мы все вместе осмеливаемся, не столько для нас самих, сколько для наших сограждан, просить о великодушном ходатайстве, дабы несчастный край, столько уже пострадавший, не был подвержен новым еще истязаниям»¹.

В противовес стереотипам, широко присутствовавшим в общественном мнении (в том числе, как отмечалось выше, и российском, на левом фланге общественной жизни пореформенной России), в русской мемуаристике, оставленной участниками венгерской кампании 1849 г., не раз приводилось мнение об обоснованности поступка Гёрге́я, который, взвесив все обстоятельства, «признал бесполезным дальнейшее сопротивление Русским войскам, и чтобы не истощать в материальном отношении своей родины, решил покончить бесцельную войну. В том, что он положил оружие, нельзя видеть измену, а только относительную его предусмотрительность и желание сохранить Венгрию для будущей ее деятельности, за что венгерцы должны его благодарить, а не порицать», — пишет, в частности, А. Л. Верниковский². С еще большей определенностью и более эмоционально характеризует поступок Гёр-

гея другой офицер, оставивший мемуары, Ф. Григоров: «Подвиг Гёрге́я был истинным самоотвержением, ибо он знал, что его оклеймят позором. [...] В письме к графу Ридигеру он первого себя отдавал в жертву, с условием спасения своих соратников. [...] Люди поверхностные, легкомысленные, судящие издали о событиях, в которых не принимали участия, говорили и, быть может, скажут и впредь, что ему надлежало бороться до последней крайности; но если лично всякий должен быть готов умереть, то начальнику нельзя распоряжаться так легкомысленно жизнью других. Обдумывают ли эти строгие судьи, что ни один из людей Гёрге́я не согласился бы на такое продолжение войны, и что остатки его армии скорее бы все разбежались, ибо уныние и безнадежность были всеобщие»³. Ниже он так описывает настроения среди солдат в момент капитуляции: «Нельзя было равнодушно смотреть на этих воинов, которые, с мертвым отчаянием на лицах, слагали свое не раз победоносное оружие и лобызали свои знамена, навсегда с ними расставаясь⁴. Гусары, спешившись, привешивали сабли и пистолеты на седла, затем обнимали своих лошадей, как верных собратьев, рыдали, прощаясь с ними, и передавали нашим солдатам». Один солдат, не захотевший отдать оружие, выстрелил себе в грудь и свалился замертво. «Вся вообще сцена имела вид не радости и веселия, а какого-то грустного величия, понятного и оцененного, можно сказать, каждым солдатом. Легко и без моего слабого пера представить себе, что происходило в сердцах»⁵.

С не меньшей выразительностью описывает события этого дня и настроения солдат, в том числе их отношение к Гёрге́ю, мемуарист И. Дроздов (как и Григоров, он был адъютантом генерала Ридигера). С началом «церемонии сдачи», пишет он, «по отдании

¹ Письмо Гёрге́я цитируется нами не по аутентичному источнику, а передано в изложении, приводимом в тексте: Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // Русская старина. СПб., 1898. № 6. С. 509. А. М. Фатеев в ниже приведенном очерке также свидетельствует о том, что «по рукам наших офицеров в то время ходил перевод письма, писанного Гёрге́ем».

² Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. М., 1885. № 12. С. 537.

³ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 506.

⁴ Трофейные знамена венгерской революционной армии были возвращены советским правительством венгерскому правительству в марте 1941 г. С освобождением Будапешта зимой 1945 г. были снова отправлены в СССР, окончательно возвращены Венгрии в 1948 г. Материалы выступлений на эту тему историков А. И. Пушкаша и Е. Дёркеи на конференции, состоявшейся в Москве в марте 2000 г., см.: Научные издания московского Венгерского Колледжа. М., 2001. Вып. I.

⁵ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 512.

чести пехота с грустью снимала с себя боевую амуницию и ставила ружья в козлы. Солдаты, прощаясь, плакали и целовали знамена своих полков. Гусары, оставляя своих коней, обнимали их и, рыдая, прощались с ними; столь же горько прощались они и со своим ружьем». Когда граф Ридигер, сопровождаемый своим штабом, приблизился к войскам Гёргея и, приветствуя их, начал осмотр, «невыразимо трогателен был вид этого войска, стройного¹, сильного и бодрого, которое, за несколько месяцев, было так страшно для Австрии, а в эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, как бы обреченное на казнь, ожидало исполнения своего приговора!.. Грустным взглядом провожали нас солдаты; офицеры, поникнув головами, плакали. По удалении графа Гёргея подъехал к рядам своих войск и тотчас же был окружен офицерами и солдатами. Он начал было говорить им последнее приветствие, но не мог произнести ни одного слова: глухое рыдание вырвалось из груди его, и вся армия, огласив воздух криком «Да здравствует Гёргей!», отвечала слезами искренней преданности своему вождю. Один из офицеров вышел вперед, чтобы от лица всех сказать несколько слов бывшему своему генералу; но, не в силах будучи удержаться от рыданий, он мог только произнести: «Прощай, Гёргей!» «Прощай, Гёргей!», – повторилось в рядах всей армии»². Приводимое ниже описание А. Фатеева дополняет новыми выразительными штрихами известную по другим источникам картину той трагической церемонии сложения оружия и сдачи амуниции и знамен.

Провозгласившему низложение Габсбургов с венгерского престола Лайошу Кошуту, харизматическому лидеру венгерской революции, своекорыстному и тщеславному

¹ Редколлегия «Военного сборника», впервые опубликовавшего мемуары И. Дроздова (1870. № 9. С. 133-138), сопроводила это место ссылкой на фрагмент из «Описания военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году» (СПб., 1851; составлено П. К. Меньковым): «Замечательно, что в войсках Гёргея до последней минуты существовали в высшей степени порядок и дисциплина; доказательством тому служит бывший в глазах наших случай: во время следования войск к месту сложения оружия Гёргею доложили, что один из офицеров оказал неповиновение старшему; офицер, перед целой армией, был тотчас же разжалован в солдаты!». Цит. по: Славянский альманах. 2013. С. 527.

² Там же. С. 520.

«политическому мечтателю», готовому всё принести в жертву «своему неограниченному самолюбию и властолюбию», мемуарист Ф. Григоров противопоставляет генерала Гёргея, который «пожертвовал своим самолюбием для счастья своего отечества»³. Вместе с тем среди венгерских историков до сих пор нет единого мнения, был ли поступок Гёргея тактически правильным или нет. По мнению Р. Германна, Гёргей избрал меньшее зло, ведь к тому времени, когда русские передали Гайнау плененных венгров, кровавый австрийский главнокомандующий получил от императора Франца Иосифа распоряжение не торопиться с расправами, провести более основательную процедуру расследования перед вынесением приговоров. Как бы то ни было, число расстрелянных австрийцами представителей генеральского и старшего офицерского корпуса заметно превысило сотню. А потому заслуживает внимания и другая точка зрения. Л. Контлер признает, что Гёргей предпочел сдаться не Гайнау, а русским, в надежде на то, что это поможет облегчить участь побежденных. «Однако такая выходка, – продолжает он, – еще более разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудачами и необходимостью обращаться за внешней помощью»⁴. При венском дворе возобладало в то время мнение о том, что мятежных венгров надо на ближайшие 100 лет отвратить от любой мысли бунтовать против законного императора.

Как уже отмечалось выше, в своем последнем письме Ридигеру А. Гёргей настаивал на получении от Вены гарантий сохранения жизни своих офицеров, просил «не отдавать их в жертву слепой мстительности» австрийцев⁵. Его надежды не вступали в противоречие и с ожиданиями венгерского общества. Русский офицер А. Верниковский, находившийся в части, дислоцированной в

³ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 505.

⁴ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 336. Эту точку зрения подтверждает и свидетельство одного из русских мемуаристов: «Австрийцы более строго относятся к тем из венгерцев, которые положили оружие перед русскими войсками, и ходатайство русских о смягчении их участи не принято во внимание» (Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 535).

⁵ См.: Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880. С. 113.

Кашау (венг. Кашша, ныне Кошице в Словакии), вспоминает, как убийственно подействовала на венгерское общество этого города весть о сдаче Гёргея: «Грусть и отчаяние выражались на лицах. Разно толковали о причинах». При этом «венгерцы на первых порах никак не полагали, что русские передадут участь Венгрии в руки Австрии»¹. Поскольку ожидания не оправдались, «пошли сетования на русских. Венгерцы рассчитывали на Россию и полагали, что Россия в видах своих на будущее при разрешении Восточного вопроса, заняв Венгрию, не выйдет из нее и назначит туда кого-либо из своих великих князей... [венгры мне] говорили, что Гёргей не думал, что Россия предаст Венгрию на жертву и на месть Австрии»².

С чем были связаны и насколько были обоснованы ожидания, что Николай I в сложившихся условиях решится взять Венгрию под свой политический контроль, согласившись даже на принятие «короны святого Иштвана» кем-нибудь из представителей дома Романовых, предположительно одним из своих сыновей? Исследователям истории венгерской революции известно, что командованию русской армии действительно было адресовано послание от имени членов венгерского революционного правительства, в котором содержалось предложение об установлении венгеро-русских союзнических отношений и даже выражалась готовность принять для суверенной Венгрии короля «не-австрийской» династии. Однако Николай I, ставя превыше всего монархическую солидарность, не разрешил фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу вести с венгерской стороны переговоры политического, а не военного (т. е. о порядке полной капитуляции) характера. До генерала Гёргея через графа Ридигера было донесено, что назначение русских войск, пришедших по просьбе Вены ей на помощь, – воевать, и если Гёргей «желает согласовывать о поклонении перед законным императором», пусть обращается к главнокомандующему австрийской армии барону Гайнау³.

¹ Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 529. Ср. с приводимыми ниже свидетельствами А. Фатеева.

² Там же. С. 535.

³ См.: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 16. Ср. с описанием адъютанта князя Ридигера И. Дроздова: Славянский альманах. 2013. С. 516.

Категорический отказ царского двора вести с венгерским революционным правительством какие-либо переговоры политического характера заставляет глубже задуматься о самих мотивах подключения Российской империи к подавлению венгерской революции. В свое время стало хрестоматийным определение России времен Николая I как «жандарма Европы»; как известно, к этому жесткому определению неоднократно прибегал и К. Маркс, так что некоторые его сочинения, где содержалась особенно острая критика экспансионистских и охранительских тенденций царской внешней политики, не публиковались или публиковались в очень ограниченных масштабах в советское время. Однако если обратиться к первоисточникам, картина окажется сложнее. Документы показывают немалую осторожность царского двора, когда вставал вопрос о военном вмешательстве в дела соседней державы. Весьма показательна в этом смысле депеша военного министра А. И. Чернышева от 31 декабря 1848 г., адресованная генералу А. Н. Лидерсу, командующему корпусом российской армии, дислоцированного по согласованию с Османской империей в зависимых от нее Дунайских княжествах, неподалеку от Трансильвании, где разгорелись межэтнические распри и встал вопрос о вводе русских войск для защиты мирного населения, в первую очередь экономически влиятельной немецкой диаспоры городов Херманштадта (Сибю) и Кронштадта (Брашова)⁴. В документе отмечается, что «Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более что они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общия в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству

⁴ См.: Колин А. И., Стыкалин А. С. «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848-1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / Отв. редакторы И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 149 – 178.

других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств»¹. Нежелание вмешиваться во внутренние дела соседней державы носило, таким образом, концептуальный характер. В Петербурге явно опасались, что перемещение части российских войск из Дунайских княжеств, где они находились с согласия осман в целях наведения порядка и пресечения революционных выступлений (и куда они также были введены лишь после долгих колебаний), в Трансильванию по просьбе Вены может привести к нежелательному возникновению нового «европейского вопроса», т.е. международных осложнений. Только реальная угроза полного краха Дунайской империи побудила Петербург сначала к краткосрочной отправке отрядов корпуса генерала Лидерса из Валахии в Южную Трансильванию, а затем и к согласию на большее – на направление в пределы Австрийской монархии через Галицию и словацкие земли 200-тысячной армии фельдмаршала Паскевича, перед которой, осознав неравенство сил, и сложила, как отмечалось выше, оружие венгерская революционная армия. Для того чтобы убедить Николая I в необходимости этого шага, юный Франц Иосиф, как известно, сам ездил в Варшаву, чтобы встретиться с российским императором².

Таким образом, реальные мотивы и конкретные обстоятельства подключения России к урегулированию тех или иных межэтнических споров и внутренних конфликтов за пределами своего государства были гораздо сложнее подчас бытующих в историческом сознании стереотипов. В частности, широко распространенные среди западных наблюдателей и комментаторов тех событий (включая Карла Маркса) ссылки на панславистские устремления российской внешней политики как на едва ли не главный мотив

вмешательства в Венгрии не находят подтверждения в известных нам документах, отражающих обоснование официальным Петербургом своих действий³. Речь шла отнюдь не о защите родственных по языку или вере народов, чьи движения также не всегда сохраняли лояльность своему законному императору, и тем более не о панславистских амбициях, а о принципе монархической солидарности и о заинтересованности в поддержании определенных общеевропейских устоев, в формировании которых на Венском конгрессе 1814–1815 гг. столь велика была роль императорской России. Венгерская революция была воспринята в Петербурге как составная часть всеевропейского заговора против существующего миропорядка. Решающим аргументом в пользу прямого военного вмешательства в поддержку Габсбургов явились участие в венгерском движении польских революционеров и, более того, присутствие польских военачальников (Ю. Бема, Х. Дембиньского) на командных должностях в венгерской революционной армии. Поляки воспринимались как главная центробежная сила в Российской империи. Что же касается войск, то они продолжали оставаться деятелями собственного национально-освободительного движения, направленного на восстановление независимой Польши, разделенной между тремя империями. Как читаем в одном из военных донесений, генерал Юзеф Бем, по представлениям российских военных экспертов, планировал, «утвердив свою власть в Трансильвании», двинуть затем армию в другие земли, находившиеся под скипетром Габсбургов, – сначала в Буковину, а оттуда «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию»⁴.

³ На панславистские устремления российской внешней политики делался особенно большой акцент именно в венгерской исторической и политической литературе, занимавшейся осмыслением итогов революции 1848–1849 гг., что вполне понятно, ибо славянство, проживавшее на землях венгерской короны (словаки, хорваты, сербы, русины), выступало как центробежный фактор, создававший угрозу целостности венгерских коронных земель (с 1867 г. в составе дуалистической Австро-Венгрии), а за каждой акцией славянских движений Габсбургской монархии, независимо от отношения к ним официального Петербурга, венгерское общественное мнение видело реализацию панславистских замыслов последнего.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 197–198. См. подробно документы: Колин А. И., Стыкалин А. С. «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо».

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 2. Д. 5332. Л. 208.

² Опубликована и переписка Николая I, относящаяся к 1848–1849 гг. См., в частности: «Буде можно, без пролития дорогой русской крови». Венгерский поход 1849 г. в переписке великого князя Константина Николаевича с императором Николаем I и цесаревичем Александром Николаевичем // Исторический архив. 2011. № 3, 4 (публикация И. С. Чиркова). Из более ранних документальных публикаций см. подготовленные еще в 1930-е гг. Р. А. Авербух: Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. 1931. № 4-5; Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. № 4-5.

Русские военные наблюдатели хорошо осознавали, что поляки, стоявшие во главе венгерских войск, продолжали оставаться, прежде всего, проводниками своей «польской интриги», или, иными словами, деятелями собственного национального движения, направленного на восстановление независимой Польши, разделенной между тремя империями, а значит на разрушение существовавшего в Европе миропорядка. В тех условиях было очевидно, что Юзеф Бем, встав во главе одной из венгерских революционных армий в условиях разрыва Венгрии с венским двором, мыслил полное и окончательное решение «польского вопроса» не иначе, как на руинах пошатнувшейся Габсбургской империи, одной из поработительниц поляков. А учитывая сохранявшийся международный статус данного вопроса, это неизбежно затронуло бы и две другие монархии, разделившие Польшу¹.

Николай I, честно исполнивший просьбу законного императора соседней державы, имел основания рассчитывать, что в интересах сохранения чести и престижа России как стороны, непосредственно пленившей венгерских бунтовщиков на поле боя, всем им будет сохранена жизнь. Однако этого не произошло. Примерно 140 участников событий, включая более 10 плененных генералов и весьма умеренного премьер-министра первого революционного правительства графа Л. Баттjани, были казнены. Карательные акции, предпринятые Гайнау с санкции своего императора, молодого Франца Иосифа, потрясли всю образованную Европу. Когда палач Гайнау (уже будучи в отставке) выезжал после 1849 г. за рубеж, возмущенная публика встречала его оглушительным свистом в Лондоне и Брюсселе, что не раз приводило к дипломатическим скандалам. Казнь 6 октября 1849 г. в Араде 12 видных военачальников сдавшейся венгерской армии (так называемых «арадских мучеников») была с немалым возмущением воспринята и в высших кругах Петербурга как неблагоприят-

¹ При этом заезжий польский революционный романтик Бем, очевидно, недооценивал глубину венгеро-румынских межэтнических противоречий, надеясь все-таки сделать как основную массу трансильванских румын, так и румынское революционное движение в Дунайских княжествах союзником или по крайней мере попутчиком в борьбе поляков и венгров против Габсбургов и каждый раз посямаясь в своих ожиданиях.

ный, вероломный поступок венского двора, бросающий тень и на российского союзника как на косвенного соучастника расправы. Николай I после этого довольно долго отказывался принять австрийского посла...

В русской офицерской среде мстительность австрийцев вызвала особое негодование. «Австрия не могла совсем простить венгерцам, и это понятно, но не должна ли она была вести себя как держава могущественная, не позволяя в таком деле, где надлежало руководиться одними государственными и политическими соображениями, действовать личностям и мелким страстям», размышлял впоследствии Ф. Григоров, в 1849 г. адъютант генерала Ридигера². Как явствует из мемуаров участников событий, мысль о том, что австрийцам следовало бы предоставить венграм амнистию, получила широкое распространение среди российских офицеров.

Вопреки субъективным ощущениям некоторых участников событий о том, что всё происходящее работает во славу русского оружия³, никакого возвеличения России в глазах европейского общественного мнения на самом деле не произошло. И никакого политического выигрыша от участия в подавлении венгерской революции Российская империя не получила. Позже и среди отечественных, и среди зарубежных наблюдателей и комментаторов бытовало мнение о том, что царский двор в определенном смысле продешевил. «Отдав Венгрию Австрии (вместо того, чтобы посадить на венгерский престол одного из своих великих князей, как надеялись в окружении Гёргея, – прим. А. С.), Россия закрыла себе ворота на Восток. Австрия будет мешать успешному разрешению этого вопроса. [В свою очередь и] Венгрия не забудет 1849 года и постарается отомстить России за свое унижение», – так комментировал впоследствии итоги венгерской кампании мемуарист А. Верниковский⁴. Дей-

² Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 510.

³ Граф Ридигер, по свидетельству его адъютанта, «не принял вид грозного победителя, но, постигая значение момента, был спокоен, величав, весь, казалось, проникнут мыслью, что небесный Промысел избрал его орудием для нового возвеличения России» (Там же. С. 512). Капитуляция венгерской армии, по представлениям Григорова, явилась «новой славою доблестного старца (графа Ридигера), как бы в венец пятидесятилетней, богатой воинскими подвигами, службы его» (Там же. С. 508).

⁴ Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 535.

ствительно, граф Дюла Андраши, в 1849 г. заочно приговоренный юным Францем Иосифом к смертной казни за участие в революции, а в 1871 г., в условиях австро-венгерского компромисса, им же назначенный на пост министра иностранных дел двуединой Дунайской монархии, вошел в историю не только как один из выдающихся европейских политиков и дипломатов своей эпохи, но и как человек, неизменно воспринимавший Россию как главного исторического врага Венгрии и как главное препятствие на пути осуществления не только венгерских, но также (уже не противоречивших им в новых условиях) австрийских интересов, особенно на балканском направлении.

На протяжении последующих более чем полутора столетий российская интервенция 1849 г. оставалась грузом, мешавшим историкам, особенно в эпоху коммунизма, когда такая задача считалась политически актуальной, создавать картину безоблачных российско-венгерских отношений на протяжении веков. Иногда для того, чтобы рисовать более благостную картину, чем она была на самом деле, приходилось прибегать к мифологизации, поощряя создание мифов о русских солдатах и офицерах, якобы переходивших на сторону революционной Венгрии¹. Но независимо от реального отношения их авторов к венгерскому «национальному делу», во многих мемуарах русских офицеров, общавшихся с венграми в период кампании 1849 г. (и даже в совсем верноподданных, где истоки венгерской революции виделись не в последнюю очередь именно в польском «интриганстве»), действительно находит отражение неподдельное уважение к венграм как к достойному противнику². «Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампании между нами и неприятелями нашими всегда проглядывали радужные

отношения, чего нельзя было сказать по отношению к нашим союзникам – австрийцам, государство которых в 1848 г. было спасено Россией», – заметил мемуарист Н. Богдановский, оставивший описание пирушки русских и венгерских офицеров после сдачи венграми крепости в Мункаче (Мукачево)³. Ему вторит М. Лихутин, обративший внимание на явный парадокс: «Мы пришли помогать австрийцам и помогли им – и вдруг наши симпатии оказались, по-видимому, на стороне тех, во вред которым мы действовали»⁴. Венгерский поход ради спасения Габсбургов казался многим офицерам, в нем участвовавшим, бессмысленным, тем более что сопровождался большими жертвами вследствие эпидемии холеры. «Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев?» – вспоминает А. Верниковский⁵. «Дружеского сближения между русскими и австрийскими офицерами, – продолжает он далее, – я не замечал: обе стороны держали себя странно, с каким-то нерасположением и недоверием друг к другу»⁶. А другой участник венгерского похода, Н. Исаков, говорит с еще большей офицерской прямотой: «Цель войны была нам чужда. Союзники наши, австрийцы, были нам противны»⁷. Не выбиваются из общего ряда и воспоминания А. Фатеева, который признает, что «преобладающим чувством было сожаление об унижении врага, к которому в душе не только не чувствовалось ненависти, напротив – полное, искреннее уважение и сочувствие, вместе с отвращением к Австрийцам». При чем мемуаристы вспоми-

¹ См.: Стыкалин А. С. Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. СПб., 2014. № 1. С. 38–54.

² С особым волнением читается в мемуарах И. Дроздова описание последнего перед сдачей знамен и сложением оружия обеда, в котором по приглашению венгерского командования участвовали и российские военнослужащие. Настроение было тягостным, причем с обеих сторон. Собравшиеся как бы на собственную тризну венгерские генералы и офицеры не теряли, однако, достоинства, зная о собственном пленении и неминуемом наказании. См.: Славянский альманах. 2013. С. 518.

³ Богдановский Н. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1. С. 244. Мемуарист И. Павлов также вспоминает, что при встречах с венгерскими офицерами неизменно пили вместе с ними вино, чтобы «показать наши взаимные дружеские чувства»; «Сколько тостов! Какая дружба! Даже страшно вспомнить» (Павлов И. В. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. № 5. С. 9, 11).

⁴ Лихутин М. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 247.

⁵ Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 512.

⁶ Там же.

⁷ Исаков Н. В. Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. СПб., 1913. № 3. С. 838.

нают отнюдь не только о стихийно происшедших братаниях и пьянках с венграми и об уважении русских солдат и офицеров к тем, кто ведет открытую, честную борьбу, но и о частых сожалениях, что государь так и не решился пойти на более смелый шаг, отдав корону святого Стефана (Иштвана) одному из своих сыновей и сделав тем самым не только венгров, но и многих славян подданными дома Романовых¹. По свидетельству А. Фатеева, и многие венгерские офицеры считали реальным осуществление сделки с коронацией короной св. Иштвана представителя Дома Романовых и, соответственно, переходом венгерских земель под российское влияние, находя в этом оптимальный выход из сложившегося положения. Можно предполагать, что тем сильнее было последующее разочарование. Как бы то ни было, «почти каждый из нас Русских, и солдат, и офицер, чувствовал в то время себя участником в этой сумме общего несчастья Венгерцев... Всем нам было грустно, тяжело...», – так, резюмируя, А. Фатеев, свидетель исторического события, передает угнетающую атмосферу сцены пленения достойного противника.

Через несколько лет отношения двух соседних монархий испортились. В условиях начавшейся в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупируют Дунайские княжества Молдову и Валахию, что не отвечало интересам монархии Габсбургов. После вынужденного вывода российских войск из княжеств русскую оккупацию сменила австрийская. Франц Иосиф, по выражению одного из современников, «удивил весь мир неблагодарностью», заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию. Ведь сохранить свою династию на престоле ему не удалось бы без своевременного вмешательства русской армии в 1849 г. Более того, после падения Севастополя Австрия выступила с ультимативным требованием к России о присоединении к пока еще контролируемому Венной Молдавскому княжеству Южной Бессарабии (с 1812 г. входившей, как и вся Бессарабия, в состав Российской империи) с выходом к Дунаю².

¹ Алабин П. Русские в Венгрии в 1849 г. (из походных заметок) // Русская старина. 1882. № 7.

² Проект, реализованный решением Парижского конгресса 1856 г. и находившийся в силе вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.

Николай I никак не мог простить молодому Францу Иосифу неблагодарности. Согласно одной красивой, но при этом довольно правдоподобной легенде, российский император, предчувствовавший резкое обострение отношений с монархией Габсбургов, разглядывая при посещении Варшавы памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: «Собеский и я были самыми большими ослами в истории, поспешив на спасение Австрии, так и не пожелавшей потом по достоинству отблагодарить...».

И наконец, несколько слов об авторе публикуемых ниже мемуаров. Андрей Михайлович Фатеев (1814–1866) происходил из дворянской семьи, был уроженцем подмосковного села Семеновское, получил неплохое образование в частном пансионе. Немало лет посвятил армейской службе, с весны 1848 г. служил поручиком в элитном гусарском полку и в этом качестве с конца апреля 1849 г. в составе армии под командованием Ф. В. Ридигера участвовал в венгерском походе, в том числе в июле в сражении под Вацем. Позже он побывал и на одном из фронтов Крымской войны 1853–1856 гг., впечатления от которой также нашли отражение в его литературном наследии. В 1857 г. Фатеев получил чин штабс-ротмистра, но в 1860 г. по состоянию здоровья вышел в отставку, жил в Москве и до конца своей не очень долгой жизни служил в Московском почтамте в чине коллежского секретаря, равнозначном штабс-капитану и штабс-ротмистру в Табели о рангах. В конце 1850-х годов, обладая определенными творческими дарованиями и имея за плечами немалый жизненный опыт, всерьез занялся литературным трудом и до некоторой степени сблизился с кругом московских славянофилов. Согласно исследованиям И. Хорвата, публикатора наследия А. М. Фатеева на венгерском языке, его перу принадлежит 10 опубликованных произведений (помимо явившегося его литературным дебютом публикуемого ниже текста в мемуарном жанре, это прежде всего бытописательские очерки и зарисовки из военно-походной жизни, а также основанные на личных армейских впечатлениях, но при этом построенные на художественном вымысле рассказы). Произведения Фатеева публиковались в наиболее видных петер-

бургских и московских литературно-художественных журналах разных направлений – «Современнике» (где в 1860 г. в двух номерах были напечатаны его «Мелочи военного быта»), «Библиотеке для чтения», журналах Ф.М. Достоевского и его брата М. М. Достоевского «Время» и «Эпоха»¹, в славянофильской «Русской беседе» А. И. Кошелева и И. С. Аксакова. В некрологе, опубликованном одним из сослуживцев Фатеева по случаю его безвременной кончины, говорилось о том, что «произведения покойного отличаются благородством воззрения, живостью рассказа, рельефностью описаний природы; его описания Венгрии с ее безгранично пустой напоминают картины, встречающиеся у венгерского народного поэта Шандора Петефи»².

В 1880-е годы в Венгрии усилился общественный интерес к современной русской литературе и не удивительно, что на этом фоне скромное творчество Фатеева, не обладавшее выдающимися художественными достоинствами, но отражавшее знание им венгерских реалий, не осталось незамеченным. На одно из его произведений, выполненный в сказовой манере «Рассказ отставного солдата о венгерском походе» (повествование о венгерской кампании, увиденной глазами простого солдата, выступающего как собеседник автора) обратил внимание венгерский греко-католический священник К. Жаткович – закарпатский русин по национальности, он владел русским языком и охотно переводил русских писателей, в том числе рассказы А. П. Чехова. В 1886 г. «Рассказ отставного солдата...» в его переводе начинает публиковаться в газете «Egyetértés» («Согласие»), а в год столетия начала венгерской революции, в 1948 г., в более полном виде и с научными комментариями он был напечатан в одном из юбилейных мемуарных изданий³. Единственное книжное издание произведений Фатеева – вышеупомянутый сборник «От Вилагоша

до Крыма», включающий его тексты в переводе на венгерский язык и подготовленный И. Хорватом⁴. Наблюдательность, открытость к другим культурам, доброжелательное отношение к описываемым людям разных национальностей и языков – характерные черты очерковой манеры Фатеева. Причем, будучи человеком славянофильского круга, он вместе с тем сохранял идеологически непредвзятый взгляд на объекты своего описания и довольно трезво смотрел, в частности, и на губительные последствия для Венгрии самого пребывания на ее территории 200-тысячного иноземного войска: «Венгерщина долго будет помнить поход этот: что виноградников разорено! Что погребов с вином разбито! Что хлеба на корню потоптано, что гусей, овец у жителей потаскано», – вкладывает он эти горькие слова в уста своего персонажа, от имени которого ведется повествование в одном из художественных произведений.

Текст приводится в соответствии с правилами современного правописания и пунктуации.

ДЕНЬ СДАЧИ ВЕНГРОВ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОХОДЕ В ВЕНГРИЮ, В 1849 г.)

Несчастно было для Венгрии 1-е Августа 1849 г.⁵. В этот день шесть миллионов храброго, благородного народа теряли, если не навсегда, то надолго, всякую надежду отстоять свою свободу, на защиту которой подняли оружие против деспотической власти Австрии; все усилия, весь успех, приобретенный в продолжении полутора года рядом битв с Австрийцами, погибали в этот скорбный для Венгрии день. Корпуса войск ея, далеко уступавшие нахлынувшей массе войск Русских и Австрийских, и в числе и в средствах к продолжению войны, после поражения под Дебречином и Темесваром⁶, не могли уже вести неравной борьбы. Их дух и энергия упали от ряда неудач в боевых столкновениях с Русскими войсками; их материальные способы – истощены, пути продовольствия – отрезаны. В этом безнадежном

161

¹ Показателен сам факт внимания Ф. М. Достоевского к беллетристике отставного офицера.

² Опубликовано в 1866 г. (№ 6) в «Современной летописи» («Воскресных прибавлениях» к «Московским ведомостям»). Цит. по: Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя императорского Русского исторического Общества А. А. Половцова. Т. 21. СПб., 1901. С. 25.

³ Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról. Bp., 1948. 9-38.old. Автор выражает признательность коллеге И. Хорвату за указание источника.

⁴ Fatejev A. Világostól Krimig. Bp., 2011.

⁵ 13 августа по новому стилю.

⁶ Битва под Дебреценом состоялась 2 августа, битва под Темешваром (ныне Тимишоара, Румыния) 9 августа.

положении генерал Гёргей первый подал мысль и голос, во избежание напрасного и бесполезного кровопролития, уступить неотразимой силе обстоятельств, и сложить с вверенной себе армией оружие... *но не перед Австрийцами, а перед Русскими войсками.*

По рукам наших офицеров в то время ходил перевод письма, писанного Гёргеем по этому случаю, не помню хорошо, – к корпусному ли командиру нашему, генерал-адъютанту Ридигеру¹, или прямо к его светлости, главнокомандующему нашею армией, графу Паскевичу-Эриванскому². В письме этом ясно выражалось, что только перед Русскими войсками Венгры положат оружие, и что напротив, с Австрийцами они будут драться до последней капли крови. Поручая себя великодушью Русского Монарха, в этом письме Гёргей просил ходатайства перед Его Величеством, чтобы никто из сподвижников его, Гёргея, поднявших, на защиту родной страны оружие, «не был предан свирепой мести врагов»; наконец просил, чтобы ему дозволено было прислать парламентаров, для определения условий, на которых должна была его армия положить оружие... Последовавший на письмо это ответ от князя Варшавского³ предписывал сдачу безусловную!

Нет никакой возможности сказать точно, действовал ли в этих обстоятельствах Гёргей самостоятельно, или согласно желанию целой своей армии, видевшей безысходность своего положения, и находившей неизбежным согласиться на безусловную сдачу, –

¹ Ридигер Федор Васильевич, граф (1783–1856 гг.) – генерал от кавалерии. Член Государственного совета. Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг., наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг. В период венгерской кампании 1849 г. командовал авангардом русских войск. Во время Крымской войны исполнял обязанности Наместника Царства Польского.

² Паскевич Иван Фёдорович (1782–1856 гг.), граф Эриванский, светлейший князь Варшавский. Генерал-фельдмаршал (1829 г.). Крупнейший русский полководец эпохи Николая I. Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., заграничного похода русской армии (1813–1814 гг.) и взятия Парижа (1814 г.). Командующий русскими войсками в ряде крупных успешных кампаний: русско-персидской (1826–1828 гг.) и русско-турецкой войне (1828–1829), подавлении польского восстания (1831 г.) и венгерской революции (1849 г.). Наместник Царства Польского (1832–1856 гг.). Последней военной кампанией с его участием была Крымская война (1853–1856 гг.).

³ Т.е. от И. Ф. Паскевича.

но только этот печальный факт совершился, печальный, потому что надолго убил всякую мысль об освобождении⁴. Нет сомнения, что как в рядах войск Венгерских, так и среди народа, были жаркие противники этой меры, однако же, что касается до большинства, кажется – оно было в то время на стороне безусловной покорности, извиняемой необходимостью и невозможностью продолжать войну... Кто мог ожидать, что дело примет такой крутой оборот?

Все обвинения, впоследствии так жестоко павшие на Венгерского генерала, вследствие сдачи им оружия, все оскорбительные подозрения и толки, распространившиеся на этот счет в массе публики, едва ли могут иметь основание... Здесь представляется простой вопрос: что он мог сделать с какими-нибудь 40 тыс. противу 100⁵, будучи окружен со всех сторон, и имея войска уже изнуренные форсированными маршами, на половину деморализовавшиеся вследствие неудач?

Для сдачи оружия, по обоюдному согласию главных начальников, была назначена равнина близ д. Вилагош, между крепостью Арадом и городом Гросс-Вардейном⁶... Почти весь наш 3-й корпус и часть 2-го стали сюда собираться 1-го Августа и занимать назначенные им по диспозиции места.

Утро было прелестное. Солнце медленно выплывало из-за гребня фиолетовых гор, видневшихся на горизонте. В воздухе, еще влажном от ночной росы, носился аромат от притоптанной конскими копытами травы.

⁴ В условиях углублявшегося в Гасбургской монархии внутривластного кризиса, связанного также с внешнеполитическими неудачами (уход из Северной Италии, поражение в австро-прусской войне) венский двор уже в 1860-е годы был вынужден пойти на серьезный компромисс с венгерским национальным движением, его более умеренным крылом во главе с Ф. Деаком, которое совершило в свою очередь встречный ход, отказавшись от борьбы за полную независимость Венгрии в обмен на неограниченный контроль над землями «венгерской короны» и приобщение к внешней политике большой европейской державы. Это нашло выражение в Соглашении 1867 г. о преобразовании Австрийской империи в Австро-Венгерскую дуалистическую монархию. Система дуализма продлила еще на полвека существование традиционного центра силы в Средней Европе – Дунайской монархии.

⁵ В реальности соотношение сил было еще более разительным: примерно 30-тысячному венгерскому революционному войску противостояла почти 200-тысячная русская армия.

⁶ Венг.: Надьварад. Ныне Орадя-Маре, Румыния.

Войска наши двигались в разных направлениях, становились на позицию, устраивались в боевой порядок. Равнина кипела миллионами звуков: людской говор, ржание коней, стук орудийных лафетов, все сливалось в какой-то неопределенный шум. Было что-то особенно поразительное во всех этих приготовлениях... Венгерская армия еще не показывалась.

Ставши в линию, полк наш спешился. Я тоже слез с усталого коня, прилег на мокрую траву, и, глядя в даль, задумался. Я думал... но, Боже мой, что же я думал в эти минуты?... Помнится мне, что тут было и какое-то торжество удовлетворенного национального самолюбия, и вместе с тем какая-то тайная радость, что скоро наконец наступит предел этой праздной вражде; но преобладающим чувством было сожаление об унижении врага, к которому в душе не только не чувствовалось ненависти, напротив – полное, искреннее уважение и сочувствие, вместе с обращением к Австрийцам.

Но вот, на окраине степи, с юга, поднялось как будто легкое облачко... За ним другое, третье... Облачка наконец превратились в столбы пыли. Показались передовые отряды Венгерцев. Где-то вдалеке, с их стороны, пронеслось несколько пушечных выстрелов.

Как мы узнали впоследствии, эти выстрелы были сделаны Австрийцами, шедшими от Темесвара. Они открыли огонь по арьергарду Венгерской армии, с целью: заставить Венгерскую армию защищаться, завязать дело, разбить ее (так как на стороне Австрийцев было численное превосходство и стратегические условия), и таким образом дать всему делу такой вид, что сдача Венгерской армии есть *следствие победы Австрийцев*. К счастью, генерал Ридигер, вероятно предвидя это, еще заблаговременно направил небольшой отряд, с тем, чтобы он, прорезавшись между арьергардом Венгров и авангардом Австрийцев, не позволил последним начать неприязненных действий. Так и случилось, хотя этот отряд несколько и опоздал...

Вскоре вся противоположная нам сторона равнины покрылась густыми массами Венгерских войск. В подзорную трубу можно было видеть, как эти массы ворочались, свертывались в колонны, строили фронт, выдвигали артиллерию; одним словом, они

делали то же самое, что и мы, но с какими чувствами *они* должны были готовиться к этой катастрофе?

К 11-ти часам все войска были уже на своих местах; в 12-ть прибыл генерал Ридигер, и, окруженный многочисленной свитой, повел всю линию нашу в боевом порядке вперед. Фронт Венгерский сделал то же самое. Несмотря на то, что сдача армии было уже дело почти решенное, оба фронта, казалось, еще сохранили свой угрожающий вид¹; у артиллеристов их и наших дымились пальники². Пройдя по несколько сот шагов, оба фронта снова остановились, и с неприятельской стороны отделилась группа, человек во сто, верхами. Группа эта подвигалась ближе и ближе, и, спустя несколько минут, можно было уже ясно различить каждого из всадников порознь. Впереди всех, в национальной коричневой венгерке с красными шнурками, в белой пуховой шляпе с пером, ехал сам Гёргеи... Генерал Ридигер также тронулся к нему на встречу.

В эту минуту один маловажный случай дал мне возможность присоединиться к его свите, и таким образом мне удалось видеть кое-что, как из этой сцены, так и из последующих... Постараюсь рассказать об этом, как умею.

С блестящей свитой, состоявшей из высших офицеров Венгерской армии³, Гёргеи галопом подъехал к генералу Ридигеру, и, отсалютовавши, подал ему сначала строевой рапорт о числительном составе своих войск, и потом свою шпагу. К сожалению, находясь далеко сзади свиты, я не имел возможности слышать их разговора; я видел только, что Ридигер не принял шпаги⁴; я даже не

¹ Венгерское «войско было расположено вокруг горы, с расставленными орудиями и часовыми на всех пунктах – знак, что гарнизонная служба и в умиравшей в военном своем составе армии была в исправности», – вспоминает другой мемуарист (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 510).

² Приспособления, служившие для воспламенения зарядов в пушках.

³ В окружении Гёргея, замечает мемуарист И. Дроздов, «собран был цвет венгерской молодежи самых знатных фамилий», даже чисто внешне «это собрание можно было назвать живою галерею красавцев-мужчин в роскошных венгерских мундирах» (Славянский альманах. 2013. С. 517).

⁴ Другой мемуарист, И. Дроздов, описывает эту сцену следующим образом: «Ровно в час Гёргеи, сопровождаемый своим блистательным штабом, быстро мчался к нам на прекрасном золотисто-гнедом коне, в своем скромном пальто, с сумкой через плечо и в белой круглой

мог хорошенько разглядеть черты Венгерского генерала, потому что черная повязка, которую он носил вследствие полученной недавно контузии, скрывала большую часть лица его¹. После нескольких минут разговора, Гёргеи, обратясь к своей свите, произнес несколько слов, на которые все отвечали каким-то восторженным кликом *eiien*², и, круто поворотив коней своих, как вихрь помчались к своим колоннам.

пуховой шляпе с пером. Остановив штаб свой в почтительном от нас расстоянии, он, с поникнутой головой, приблизился к графу Ридигеру и открыл торжественный акт сложения оружия продолжительным объяснением; в заключение подал графу рапорт о числе сдаваемых войск и оружия. Возвратясь к своему штабу, Гёргеи передал ему приветствие графа, на которое венгерцы, потрясая в воздухе своими киверами и шляпами, отвечали громким возгласом: «Да здравствуют русские!» Затем Гёргеи приказал, чтобы войска складывали оружие, и в ту же минуту весь штаб его – с места в карьер... каждый понесся к своей части, для исполнения приказа своего вождя» (Там же. С. 519).

¹ Более подробное описание генерала Гёргеи и сопровождавшей его свиты Фатеев дает в своем художественном произведении, где повествует о событиях от лица рядового солдата: Рассказ отставного солдата о венгерском походе // Русская беседа. М., 1860. Кн. II. С. 66-67. Однако более выразительным представляется описание И. Дроздова: «Мы были восхищены увлекательно наружностью молодого генерала, который был пред тем грозой для союзников наших, австрийцев, а теперь облечен в сан диктатора [10–11 августа, после поражения значительного соединения венгерской революционной армии под командованием польского генерала Х. Дембиньского под Темешваром (ныне Тимишоара, Румыния), Л. Кошут и большая часть венгерского революционного правительства подали в отставку. С этих пор вся полнота власти была сосредоточена в руках генерала А. Гёргеи – прим. А.С.] и главнокомандующего всех сил венгерской инсurreкции. Гёргею на вид казалось лет двадцать пять. Он тонок, строен, высок. На круглом миловидном лице его, покрытом небольшими редкими бакенбардами, усиками и бородкою, начертаны кротость и добродушие. Большие голубые глаза его блещут быстрым, неизмеримым взглядом, выражающим полное сознание силы и превосходства. На голове Гёргеи была повязка: пестрый шелковый платок, охватывая одним концом верхнюю часть головы, другим ниспадал на плечи и закрывал на затылке рану [результат сабельного удара, полученного в сражении под крепостью Комаром – прим. А.С.]. При такой фантастической повязке кроткое, доброе лицо его еще более казалось нежным. Его костюм составляли: совершенно простое, темно-коричневое пальто, с красными шнурками на груди и с позументом на воротнике; через плечо неразлучная спутница его – дорожная сумка, огромные (далеко выше колен заходящие) сапоги из самой грубой кожи. Речь его проста; гармонический голос звучит силою воли; в приемах виден врожденный дар повелевать...» (Славянский альманах. 2013. С. 517-518).

² Ёйен (венг.: Да здравствует!).

Вслед за тем генерал Ридигер, в сопровождении Гёргеи, объезжал Венгерские войска, которые делали ему на караул. Во многих полках их, хоры музыки играли наше: Боже царя храни... Можно было бы подумывать, что это парад, если б в загорелых, опаленных солнцем и порохом лицах Венгров, не выражалось какого-то скорбного, тяжелого чувства, которое чтобы понять вполне, нужно многое вспомнить! Здесь страдало и самолюбие воина, случайностями войны принужденного почти бесславно положить оружие, и другое еще чувство, с которым связывается мысль о потере навсегда своей национальной свободы.

И неумолимо-скоро бегут последние минуты... Объехав ряды, генерал Ридигер еще ближе подвел свой фронт и отдал приказание сдавать знамена.

Тяжелое, потрясающее впечатление произвел на Венгров приказ этот. Казалось, что до той минуты они еще верили в возможность другого для себя исхода. Но роковой приказ отдан и глухо из уст в уста понесся по рядам. Раздались звуки похоронного марша... и разноцветные знамена, честь и святыня армии, осенив в последний раз свои колонны, стали переходить в руки Русских, трепеща и колыхаясь в воздухе.

В рядах Венгерских послышался какой-то глухой ропот... рыдания... Кое-где раздались выстрелы... Нашлись такие, что не хотели пережить катастрофы.

Несколько минут позже, войска стали снимать с себя амуницию и оружие. Всё это сбрасывалось в беспорядке перед колоннами... Иные ломали на части клинки своих сабель... Спустя еще два часа, все сорок тысяч солдат, еще сегодня составлявшие боевую армию, были военнопленными в полном смысле слова.

Для приема знамен, лошадей, оружия и для конвоя к обезоруженным войскам еще прежде были приготовлены от нашей армии особые части. Лошади их кавалерии, вместе с седельным убором, приняты нашими кавалеристами, и затем все Венгры были построены в густые колонны, и окружены нашими войсками.

Было что-то особенно тягостное во всей этой церемонии не для одних Венгров, и впечатления этого дня для многих из нас, кто был свидетелем всех этих сцен, надолго

останутся в памяти. В самом деле, положительно можно сказать, что почти *каждый из нас* Русских, и солдат, и офицер, чувствовал в то время себя участником в этой сумме общего несчастья Венгерцев... Всем нам было грустно, тяжело¹...

К вечеру и наши войска и пленные – выступили в поход обратно к главной квартире².

Под влиянием происшествий этого дня, я задумчиво ехал при своем эскадроне, конвоировавшем батальон пленных. Ко мне подъехал какой-то Венгерский офицер в ментике на опаш, с русою окладистою бородою: «Consumatum est!»³ сказал он, многозначительно и впросительно взглянув на меня в глаза.

Я совершенно не нашелся, что отвечать ему... Хотел было протянуть руку... и почти *не посмел*...

«Нешка прииде на нас злы час, брате», прибавил он по Словацки, вздыхая и поникнув головою. Весь мужественный облик его изобразил страшное нравственное страдание⁴.

В последующие за тем дни лагерь наш представлял довольно оживленную картину. Сдавшиеся Венгры размещены были бивуаками по соседству с нашими войсками, и между ими и нашими солдатами успели уже образоваться самые дружеские отношения⁵. Наши делились с ними своими

порциями (потому что для них почему-то не было доставлено продовольствия), а те, в свою очередь, помогали нашим в чистке амуниции и уходе за лошадьми. Кругом кипели живые беседы, на том языке, который сами для себя создают наши солдаты, и с помощью которого они всегда сумеют объясниться со всяким чужеземцем⁶. Здесь для беседы представлялось еще более удобств, потому что из наших солдат почти каждый, квартируя в царстве Польском и Западных губерниях, более или менее ознакомливается с Польским языком, а между Венграми даже и чистые Мадыяры многие говорят по Славянски. Что касается до их офицеров, то они почти все помещены были в городке при нашей главной квартире⁷. Здесь мы имели случай убедиться, как велика была их симпатия к Русским, и как мало они ожидали вмешательства со стороны России в их борьбу с Австриею. Многие из них даже не шутя были убеждены, что Венгрия, отделяясь от Австрии, будет присоединена к России; с увлечением мечтали об этом соединении...

Будущая судьба Венгерцев в то время еще никому положительно не была известна. «Что-то будет с нами?» говорили их офицеры. Многие из них просили нашего главнокомандующего⁸, чтобы им дозволено было поступить в Русскую службу, но все получили отказ, а между тем пронесся слух, что вся обезоруженная армия будет передана Ав-

дружелюбно расположены в пользу русских, не желают войны с ними, а враждуют лишь с австрийцами» (Дневник барона Л. П. Николаи. С. 239).

⁶ При всей корректности отношения русского военного командования к сдавшемуся достойному противнику, сцены братания, выражения солидарности с восставшими венграми, разумеется, не поощрялись. «Об овациях, оказанных нашими офицерами Гёргею, по окончании кампании [...] было заявлено в Варшаве фельдмаршалу [Паскевичу], и нашим офицерам за бестактный энтузиазм в отношении Гёргея, по этому заявлению, объявлена была, как говорили, неприятная благодарность от начальства» (Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 530).

⁷ Своему соратнику Гёргею писал о том, что с венгерскими военными «обходятся так, как храбрый солдат мог ожидать от храброго солдата» (Приводится по: Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 508). Ср. с воспоминаниями И. Дроздова, свидетелевавшего о том, что венгерским генералам и офицерам «дозволено было оставить при себе сабли и предоставлена свобода личности в такой мере, что они могли почти не замечать своего плена» (Славянский альманах. 2013. С. 520).

⁸ Т.е. И. Ф. Паскевича.

¹ Ср. с более подробным описанием А. Фатеева в его художественном произведении: Рассказ отставного солдата о венгерском походе. С. 68-69.

² «Перед самыми уже сумерками, обезоруженные колонны потянулись безмолвно в плен за любимым своим вождем, под конвоем нашей кавалерии, по направлению к Гросс-Вардейну. Вскоре мрак ночи покрыл эту печальную для венгерцев картину непроницаемого завесою», пишет мемуарист И. Дроздов (Славянский альманах. 2013. С. 520).

³ Consumatum est (лат.) – Свершилось!

⁴ «Грустно было смотреть на этих пленных в неизвестности будущей их участи; много надежды питали мы и они на милость царскую, и, действительно, много и было оказано милости, но нельзя ей было распространиться на всех», – рассуждал адъютант Ридигера Ф. Григоров в своих воспоминаниях (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 513).

⁵ Другой мемуарист, адъютант Ридигера, которому было поручено «находиться всегда при наших гостях и доставить им удобное помещение», вспоминает: «Не забуду этого знакомства; мы перестали быть врагами; это была все молодежь самая блистательная, и я узнал потом, что граф Ридигер, ходатайствуя об адъютантах Гёргея, просил также и о них» (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 509). Сам Гёргей, по свидетельству другого мемуариста, общаясь с русскими офицерами, неизменно «был очень вежлив, давая чувствовать в разговоре, что венгерцы весьма

стрии¹. Трудно было положиться в будущем на великодушные Австрии, и как только слухи эти получили некоторую достоверность, многие из них в то же время поспешили скрыться. Можно предположить, что большая часть их бежала в Турцию, куда также перешли и остатки корпуса генерала Бэма², после поражения его в Трансильвании. Из тех же, которые не решились на бегство, а доверчиво надеялись получить прощение Австрии, многие были преданы впоследствии суду,

и по ее бесстыдному вероломству, поплатились или головой своей, или свободой³.

Между тем в главную квартиру уже прибыли от Австрийских войск офицеры с особыми поручениями, для приёма в свое заведение сдавшейся армии, с ее артиллерией, оружием, лошадьми и обозами. Каким образом все это происходило, мне неизвестно, потому что полк, утомленный долговременными передвижениями, был вскоре оттуда выведен и расположен на квартирах...

¹ «Зная близкое будущее, нельзя было смотреть на бивуак венгерцев без особенного стеснения сердца», фиксирует этот момент мемуарист Ф. Григоров (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 510).

² Бем, Юзеф Захариаш (1794–1850 гг.) – деятель польского освободительного движения, крупный военачальник. Участник похода войск Наполеона на Россию в 1812 г., польского восстания 1830–1831 гг. и венгерской революции 1848–1849 гг., после поражения эмигрировал в Турцию, где получил чин фельдмаршала, принял ислам. Умер в Алеппо, руководя подавлением арабского восстания против турецких властей.

³ Сохранение жизни самому Гёргею явилось предметом особой договоренности между российским и австрийским дворами, достигнутой (согласно одной из бытующих в литературе версий) наследником русского престола во время пребывания в Вене. Вплоть до установления в 1867 г. системы австро-венгерского дуализма генерал находился под арестом в австрийском г. Клагенфурте. Любопытно, что имела хождение версия, согласно которой австрийцы держали Гёргея в Клагенфурте, дабы уберечь его от мести венгерских патриотов, не способных простить своему генералу «предательство»: «В Кашау рассказывали, что Гёргея увезли австрийцы на жительство в крепость Клагенфурт, потому что опасались, чтобы венгерцы не убили его за измену, и что ему определила Австрия пенсию бригадного генерала» (Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года... С. 530-531). Гёргей дожил до Первой мировой войны и скончался 98-летним старцем в Будапеште в 1916 г.

А. Шереш

ЛИТОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРОЯВЛЕНИЯ СОЛИДАРНОСТИ С ВЕНГЕРСКИМИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В СССР *

Предисловие к документам

Вниманию российского читателя предлагаются документы, найденные нами в 2018–2019 гг. в Особом архиве Литвы, в фондах бывшего архива КГБ при Совете Министров Литовской ССР. В заглавии нашей статьи мы несколько «самовольно» квалифицировали в качестве «дела» группу документов, раскрывающую перед последующими поколениями судьбу трех молодых литовцев, студентов Вильнюсского государственного университета, ведь они до самого момента своего поступка, т. е. до оставления ими «компрометирующей» надписи на стене центрального здания университета, не находились под наблюдением органов КГБ и на них не были открыты особые «дела-формуляры». Все-таки документы, опубликованные нами, взаимосвязаны друг с другом, они составляют вместе своеобразное «дело» в классическом смысле этого слова, причем «дело», которое в конце концов дошло до самой верхушки университетского руководства.

Документы в первую очередь свидетельствуют о том, как три студента Вильнюсского госуниверситета, Видмантас Микалюнас, Римантас Сабатайтис и Валентинас Вайтекайтис, в ночь на 31-го октября 1956 г., движимые сочувствием восставшему венгерскому народу, сделали надпись на видном месте на центральном здании университета: «Да здравствует революция в Венгрии!»¹. Сам исследовательский процесс, позволивший нам раскрыть это дело, был очень впечатляющим: по мере того, как мы внедрялись в документальную базу архива КГБ, мы постепенно находили всё новую, дополнительную информацию, раскрывающую те или иные нюансы, позволявшую нам проследить в деталях почти все этапы этого интереснейшего дела. Как потом выяснилось из документов, идейный инициатор этого дела,

старший по возрасту в этой группе В. Микалюнас сделал попытку вовлечь в свою «антисоветскую» акцию и четвертого студента, Виктораса-Альгимантаса Пуклевичюса, который в конечном итоге отказался от этого². В результате просмотра обилия документов в хранящихся архивных делах выяснилось, что после допроса органами КГБ всех четырех студентов, их студенческий коллектив попытался организовать общий протест против исключения своих товарищей из университета³.

Хотя органам КГБ и удалось предотвратить массовую демонстрацию в стенах университета, студенчество выразило желание обсудить это дело с самим ректором, Юозасом Булавасом, который не отказался от этого и нашел время для того, чтобы принять посланную к нему студенческую делегацию. В глазах председателя КГБ при Совете Министров Литовской ССР Казимиераса Ляудиса это было его ошибкой, ведь деятельность Ю. Булаваса уже подвергалась критике со стороны партийных органов, а его дочка к тому времени уже попала под подозрение КГБ из-за своего участия в «тайной антисоветской группе». Получалось так, что ректор в данном деле скрыто демонстрировал свои симпатии к протестно настроенному литовскому студенчеству и проявил себя не совсем лояльным к государственному строю должностным лицом⁴.

Мы обрадовались, когда потом, в процессе изучения новых и новых документов совсем неожиданно вдруг обнаружился еще один немаловажный момент прохождения этого дела: мы узнали, что идейным инициатором коллективного протеста студенчества против исключения трех товарищей из университета был студент по имени Ионас Кароблис. Найденный документ позволил

² См. документ № 4.

³ См. документ № 5.

⁴ См. документ № 6.

¹ См. документ № 3.

нам сделать вывод и о том, что И.Кароблис попал в поле зрения советских спецслужб именно в связи с делом В. Микалюнаса: в тот момент, когда органы КГБ проводили обыск в общежитии, где жили В. Микалюнас и его товарищи, он, грубейшим образом, с пистолетом в руках, угрожал агенту КГБ, находившемуся в общежитии¹.

Но вместе с тем, наибольшее исследовательское удовлетворение мы получили, обнаружив в бывшем архиве Литовской Коммунистической Партии, подчиненном в данное время Особому архиву Литвы, рукописные протоколы на литовском языке тех заседаний Вильнюсской университетской организации ВЛКСМ, на которых и было принято решение об исключении В. Микалюнаса, В. Сабатайтиса и В. Вайтекайтиса из рядов комсомола². Читая в русском переводе текст протокола заседания от 3 декабря 1956 г. и прозвучавшее на нем «признание» В. Микалюнаса, мы с удивлением узнали, что он попытался вовлечь в дело о надписи на университетском здании еще одного студента, некое Япертаса, который, таким образом, был уже пятым в ряду лиц, заранее уведомленных о намерениях Микалюнаса³.

Нам бы хотелось подчеркнуть, что первичная цель данной публикации – это введение в научный оборот вышеупомянутых документов. В наши планы входит и написание более подробной, всеобъемлющей статьи о реакции населения Литвы на венгерские революционные события 1956 г., которая была бы представлена на широком историческом фоне, с учетом конкретно-исторического контекста, т.е. положения в Литве в середине 1950-х годов (в поле нашего зрения должны попасть советизация страны в 1940-е – 1950-е годы и вооруженное сопротивление в Литве⁴; взаимоотношения между партийно-административной верхушкой и литовским населением и в связи с этим феномен «централизованной модернизации» Литвы⁵; массовые демонстрации на Каунасских и Вильнюсских кладбищах 2 ноября 1956 г., в день поминове-

ния усопших; и т. д.). В рамках данной публикации мы прежде всего пытаемся ответить на один из существенных вопросов, касающихся непосредственно «дела Микалюнаса»: каким образом оперативным органам КГБ удалось выявить личности тех, кто выполнил надпись на здании университета?

Мы не можем дать на этот вопрос точный, исчерпывающий ответ, однако можем обрисовать некоторые обстоятельства, способные приблизить нас к этому. Во-первых, как мы уже отметили, кроме двух друзей, которые вместе с В. Микалюнасом действительно приняли участие в создании надписи, последний поделился своими планами относительно выражения таким способом своей симпатии к венгерским повстанцам по крайней мере еще с двумя студентами – они в конечном итоге оказались не причастны к этому делу. Расширение круга лиц, осведомленных об акции, само по себе повышало угрозу раскрытия, ведь КГБ имел свою агентурную сеть и среди студенчества Вильнюсского университета. Как наглядно показывает вышеупомянутое спецсообщение Ляудиса о деле И. Кароблиса, после угрозы последнего в адрес оперативника КГБ в общежитии университета 21-го ноября он был подвергнут постоянной проверке и «изобличительные данные» о его «антисоветской» и «преступной» деятельности поставлялись доверенным лицом КГБ под псевдонимом «Ю»⁶.

Надо задуматься и над тем, почему В. Микалюнас, прежде чем поделиться своим намерением с В. Пуклевичюсом, спросил последнего, комсомолец ли он⁷? В принципе это понятно, если иметь в виду, что членство в Комсомоле многим в то время в Литве могло казаться однозначным признаком лояльности к правящим партийным структурам и принятия существующего государственного строя. Короче, вопрос В. Микалюнаса внушает мысль о том, что он больше доверял своим сверстникам-литовцам, не состоявшим в Комсомоле, нежели члену ВЛКСМ. Но с другой стороны, и сам В. Микалюнас и двое его товарищей были членами ВЛКСМ, более того, В. Вайтекайтис был секретарем комсомольской организации⁸, как, впрочем, в свое время и В. Пуклевичюс, еще в школьные годы возглавлявший комсомоль-

¹ См. документ № 9.

² См. документы №№ 7–8.

³ См. документ № 7.

⁴ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1941–1953. М., 2008. С. 128–256.

⁵ Советская модель экономики. Союзный центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г. / Отв. составитель Е. Ю. Зубкова. М., 2015. С. 5–42 и соответствующие документы.

⁶ См. документ № 9.

⁷ См. документ № 4.

⁸ См. документ № 3.

скую ячейку¹. Так, что вопрос В. Микалюнаса не поддается легкому объяснению, если учесть тот факт, что, согласно отчету Вильнюсского государственного университета за 1956/1957-й учебный год, направленному в ЦК КП Литвы, в этом учебном году 70,7 % из всего числа студентов (2370 человек из 3352 глав) состояли в ВЛКСМ².

Значит, В. Микалюнасу, подбиравшему себе единомышленников в целях осуществления задуманного плана, приходилось в университете или в общежитии больше соприкасаться с членами ВЛКСМ, нежели с теми, кто не состоял в этой организации. Не совсем ясной предстает из документов и роль во всей этой истории В. Пуклевичюса. Как можно предположить на основе содержащейся в источниках информации, оперативники КГБ его задержали позже, через две недели после допроса трех его товарищей. Хотя запись допросов В. Микалюнаса, Р. Сабатайтиса и Вайтекайтиса нами не обнаружена, из имеющихся документов создается впечатление, что в ходе допроса они не упоминали имени В. Пуклевичюса. Вообще из первого спецсообщения К. Ляудиса явствует, что в осуществлении акции участвовали три человека, из которых двое, Р. Сабатайтис и В. Вайтекайтис, сторожили с обоих концов улицы, тогда как сам В. Микалюнас написал текст, выражающий сочувствие к венграм³. Вывод о действенном участии В. Пуклевичюса не напрашивается и из второго спецсообщения⁴. О его определенной роли во всем этом деле можно судить только на основе протокола заседания комсомольской организации, на котором было принято решение об исключении В. Пуклевичюса из рядов ВЛКСМ⁵. Если В. Пуклевичюс и был вместе со своими товарищами в ту ночь на 31-го октября, есть основания утверждать, что, будучи задержанными, они на него не доносили.

Литовский историк Кристина Буринская-те, проведя тщательный анализ документов КГБ, хранящихся в Особом архиве Литвы, пришла к выводу, что информация, поступав-

шая в Литву из Будапешта через западные СМИ, особенно радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода», несомненно, оказала воздействие на оживление литовского национального движения. В докладных записках, справках районных и городских отделений КГБ при Совете Министров Литовской ССР уже со второй половины октября 1956 г. неоднократно указывается на активизацию «враждебных элементов» и «националистов», отмечается усиление «бандитизма» на территории Литовской ССР. Причем во всех этих документах устанавливается прямая связь названных явлений с влиянием венгерских и в не меньшей мере польских «событий»⁶. К тому же выводу приходит и российский историк Владимир Козлов, который пишет о том, что массовые демонстрации в Каунасе и Вильнюсе 2 ноября 1956 г. (т.е. в католический праздник, день поминовения усопших или, как его еще иногда называют, Задушный день) состоялись под влиянием антикоммунистического выступления в Венгрии. Сочувственное отношение литовцев к венгерскому восстанию показывает тот факт, что в толпе демонстрантов раздавались выкрики типа «Да здравствует Венгрия!»⁷.

Как показывают опубликованные нами документы, студенты, которые были причастны к «делу Микалюнаса», все четверо были на кладбище Росу и приняли участие в состоявшейся там 2 ноября демонстрации⁸. Нам надо попытаться сегодня, через много десятилетий, представить приподнятую атмосферу той демонстрации: молодые студенты, энтузиасты, поклонники идеи литовской национальной государственности, не принимавшие советизации своей родной земли, при поддержке, открытой либо скрытой, своих преподавателей, выходят на улицу под пение старого государственного гимна Литвы и литовских народных песен. Воодушевленная своими идеалами масса, в осознании собственной силы, направляется в сторону центра Вильнюса, может

¹ См. документ № 8.

² Отчет Вильнюсского государственного университета им. В. Капускаса за 1956/1957 учебный год. Вильнюс, 20 января 1958 г. LYA. F. 1771. Ap. 188. V. 53. L. 23-24.

³ См. документ 3.

⁴ См. документ № 4.

⁵ См. документ № 8.

⁶ Burinskaitė Kristina. Vengrijos sukilimo ir Prahos pavasario atgarsiai Lietuvoje // *Lituanistica*/ T. 55. 2009. № 1–2. P. 42-48.

⁷ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 – начало 1980-х годов. Второе, исправленное и дополненное издание. М., 2010. С. 263-264.

⁸ См. документы №№ 3 и 4.

быть, в тот момент кто-то надеется на возможность перемен... Нельзя исключать, что именно в духоподъемной атмосфере той демонстрации, в конце концов разогнанной отрядами милиции, студенты, сделавшие надпись на главном университетском здании, могли сами, испытывая чувство гордости за свой смелый поступок, рассказать о нем сокурсникам и друзьям. Кстати, сразу после демонстрации спецслужбы задержали 31 студента. Среди задержанных и допрошенных 16 ноября еще не было В. Микалюнаса и его «сообщников»¹. Однако, при тех конкретных обстоятельствах органам КГБ, имевшим свою агентурную сеть среди студенчества, было, наверно, не так уж трудно выявить лиц, сделавших столь «одиозную» по тем временам надпись. Вопрос о том, как сложились дальнейшие судьбы этих студентов, нуждается в особом изучении.

Документы²

1

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ ЛССР секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу о «враждебных проявлениях» связи с событиями в Венгрии Вильнюс, без даты. [6 ноября 1956 г.] (Машинописная копия на русском языке. LVA. F. K-41. Ap. 1. B. 509. L. 315–321atv.)

4/1–3529 Совершенно секретно
31. VII. 57 г. Экз. № 4

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.³

¹ Спецсообщение К. Ляудиса А. Ю. Снечкусу. Вильнюс, 29 ноября 1956 г. LVA. F. K-41. Ap. 1. B. 509. L. 181-203.

² Формат и вид документов сохранены нами полностью. Сохранены также стилистические особенности и пунктуация оригиналов. Заметки, заключения, автографы и цифры, введенные от руки на полях и на нижней полосе листов документов, нами обозначены курсивом после текстов документов. В сносках указаны краткие биографии только известных политических и общественных деятелей, а также ученых, биографии же «обыкновенных» граждан, в том числе и студентов, нам не удалось раскрыть.

³ Снечкус Антанас Юозович (1902–1974 гг.), советский партийный деятель литовского происхождения. С 1940 г. до своей смерти в 1974 г. первый секретарь ЦК КП Литовской ССР.

Спецсообщение

О враждебных проявлениях в связи с событиями в Польше и в Венгрии и в дни религиозного праздника т. н. «Всех святых» и «Задушный день»

В связи с последними событиями среди интеллигенции и молодежи республики, особенно студенчества активизировались антисоветские националистические настроения и враждебные проявления.

25 октября 1956 года в центральном здании Вильнюсского госуниверситета была učinена надпись: «Литовцы! Литва для литовцев. Русские оккупанты убирайтесь вон». В этот же день на стене здания Вильнюсского Госуниверситета была učinена надпись «Да здравствует революция в Венгрии!»⁴.

2 ноября 1956 года на стене общежития Вильнюсского Госуниверситета по ул. Чюрленис обнаружена приклеенной листовка следующего содержания: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру».

27 октября с.г. рабочий завода «Эльфа» Жолняровский рассказал своей соседке Опович:

«Вы во время праздника и демонстрации не выходите в город. Я тоже, как старик, не пойду. Как я слышал, на заводе «Эльфа» рабочие готовятся устроить манифестацию вроде как в Познани⁵. В них могут стрелять, но они могут иметь тоже оружие. Вообще у них есть договор с заводом „Лилия“ и они говорят: если не удастся в Октябрьскую, то обязательно выстим на 1 Мая»⁶.

1 и 2 ноября с. г. студенты V курса Историко-филологического факультета Вильнюсского госуниверситета Паштукайте Люда, 1934 года рождения, Никшите Бируте, 1933 года рождения, Машалайте Дануте, 1934 года рождения, все они члены ВЛКСМ, Вильюнас Витаутас, 1933 года рождения и другие организационно ходили на кладбище Росу, убрали могилы Басанавичюса⁷,

⁴ Тут, по поводу даты появления надписи К.Ляудис ошибается, или это опечатка в тексте. В действительности, студенты сделали надпись 31 октября т. г. См. док. №№ 3 и 4.

⁵ Имеются в виду рабочие волнения в польском городе Познани в конце июня 1956 г. При их разгоне погибло более 70 человек.

⁶ Sic! Так в тексте.

⁷ Басанавичюс Йонас (1851–1927 гг.), историк, фольклорист, публицист, общественный деятель. В 1879 г. был одним из основателей Литовского литературного общества. 4–5 декабря 1905 г. по его инициативе был созван съезд литовцев в Вильне (Великий Вильнюсский Сейм), на заседаниях которого он сам председательствовал. В 1907 г. по его инициативе было учреждено

Чюрлениса¹ и др., на которые 2 ноября возложили изготовленные ими венки и зажгли свечи, купленные на собранные деньги у студентов. После возложения венков вокруг могилы Басанавичюса образовалась большая толпа людей преимущественно из учащихся, которые несколько раз пели гимн буржуазной Литвы и националистические песни.

Характерно, что среди студентов во время пения буржуазного гимна стоял смиренно и снял шляпу профессор госуниверситета Дагис Ионас с[ын] Кристопониса², 1906 года рождения.

Примерно в 23:00 часов 2 ноября часть этой толпы вышла с кладбища и направилась в город распевая националистические песни. На улице Даукиос толпа силами нарядов милиции была рассеяна.

Из этой толпы особенно выделились своими националистическими проявлениями студенты III курса Юридического факультета Вильнюсского Госуниверситета Эндрюкайтис Альгирдас с[ын] Иозаса, 1936 года рождения и Гуделевичюс Альгимантас с[ын] Иозаса, 1937 года рождения, оба члена ВЛКСМ.

Эндрюкайтис, находясь во главе этой толпы, допускал выкрики: «Песню! Идите группой посреди улицы и песню». Эндрюкайтису в этом активно помогал Гуделевичюс.

В этой толпе находились также студенты Историко-филологического и Юридического факультетов Вильнюсского Госуниверситета Вилюнас Витаутас с[ын] Болеславаса, Дичю-

Литовское научное общество. 16 февраля 1918 г. он подписал Акт восстановления литовской государственности. Из-за совпадения даты его смерти с днём восстановления литовской государственности (16 февраля 1918 г.) в советское время у его могилы в годовщины смерти и дни поминовения усопших демонстративно читалась его память и таким образом отмечалась запретная дата 16 февраля.

¹ Чюрленис Микалоюс Константинас (1875–1911 гг.) художник и композитор, родоначальник профессиональной литовской музыки. Автор первых литовских симфонических поэм «В лесу» (1900–1901) и «Море» (1903–1907), кантаты для хора и симфонического оркестра «De profundis» (1899), струнного квартета, произведений для хора, капелл на тексты псалмов. Записал и обработал свыше 60 литовских народных песен. Сочинил свыше 200 произведений для фортепиано (прелюдии, вариации, «пейзажи», произведения для струнного квартета и органа). Как живописец написал около 300 произведений в духе модерна (ар-нуво), сочетающих влияние символизма с элементами народного декоративно-прикладного искусства.

² Дагис Ионас (1906–1993 гг.), биолог, доктор биологических наук, профессор. С 1940 г. по 1975 г. заведующий кафедрой анатомии и физиологии растений Вильнюсского госуниверситета, с 1947 г. член Всесоюзного ботанического общества, с 1952 г. по 1982 г. председатель Литовского ботанического общества, с 1956 г. член-корреспондент АН Литовской ССР.

лис Болеславас, Белицкас Винцас, Юденас Антанас, Баркаускас Лаймутис и другие, которые также распевали антисоветские песни и демонстративно пытались идти по улицам города Вильнюс. О событиях в городе Каунас в дни религиозного праздника Вам доложено спецсообщением³.

Из наиболее активных участников выступления на кладбище в городе Каунас арестованы:

1) Вирбалис, Альгимантас с. Иозаса, 1931 года рождения, студент 4 курса Вильнюсского пединститута.

2) Будрявичюс, Ионас с. Ионаса, 1925 года рождения.

3) Старкаускас, Иозас с. Иозаса, 1937 года рождения, нигде не работает.

4) Пескуновас, Григорий Григорьевич, 1927 года рождения.

Из продолжающих поступать за последние 2-3 дня оперативных и заявительских данных видно, что 7–8 ноября в г. г. Вильнюс и Каунас возможны враждебные выпады и выступления со стороны националистов и других враждебных элементов.

4 ноября с. г. студент Вильнюсского Госуниверситета Петкунас Альгимантас с[ын] Ионаса рассказал Волькене-Петкунайте Веронике д[очке] Винцаса, что студенты Вильнюсского Госуниверситета имеют уже подготовленные флаги буржуазной Литвы, которые намерены поднять в колонне во время демонстрации 7 ноября в момент прохождения [мимо]⁴ правительственной трибуны.

Студент Вильнюсского Госуниверситета Историко-филологического факультета Ягминас намерен бросить камень в трибуну 7 ноября в момент прохождения демонстрации.

2 ноября с. г. в адрес студента Вильнюсского Госуниверситета Пршенаса поступило анонимное письмо, опущенное в городе Вильнюс следующего содержания:

«Будем едины, храбры и решительны! Теперь, когда народ Европы поднялся на борьбу против коммунистической власти, время подниматься и нам, литовцам, и решительно выступить против существующего порядка. Таким образом покажем своим неучастием в демонстрации свой протест и свое единство. Немед-

³ О событиях в Каунасе 2 ноября 1956 г. К. Ляудис отправил спецсообщение В. Ю. Снечкусу тоже 15-го ноября того же самого года под № С/4/900. См.: LYA. F. K-41. Ap. 1. В. 509. L. 163–165atv.

⁴ По-видимому, здесь пропущено слово «мимо» в тексте.

ля ни минуты напиши как можно больше таких писем, и направь своим товарищам, проживающим в Вильнюсе».

3 ноября с. г. в I-й средней школе рабочей молодежи гор. Вильнюса, после вечера, посвященного 39-й годовщине Великой Октябрьской революции, отдельная группа молодежи из числа участников художественной самодеятельности, за занавесом на сцене, после нескольких народных песен стала петь гимн буржуазной Литвы. Учитель этой средней школы Петруленис пошел туда и прекратил пение гимна.

В ночь с 4 на 5 ноября с. г. на стене продовольственного киоска, расположенного по улице Музеяус, обнаружена листовка с призывом к борьбе против советской власти:

«Бей, вешай, снова уничтожай собачью кровь, теперь настало время уничтожить чертовых детей».

В эту же ночь в гор[оде] Новая Вильня на улице Дауканто, около вокзала, обнаружены три листовки антисоветского содержания на польском языке:

«Смерть большевикам», «Ставай народ, довольно спать», «Прочь большевики с нашей земли».

6 ноября с. г. в общежитии Вильнюсского Госуниверситета на улице Тауро на дверях 338 комнаты карандашом была učinена надпись: «Руки прочь от Венгрии».

В этот же день поступили данные, что студенты Вильнюсского госуниверситета намерены не участвовать на демонстрации 7 ноября. Некоторая часть студентов разъехалась на праздник по домам, а оставшиеся, как Мизерайте и другие, хотя и будут участвовать в демонстрации, ожидают какие-то выпады во время демонстрации, к которым они в подобных случаях намерены присоединиться.

6 ноября с. г. оперативным путем получены данные, что епископ Степонавичюс¹ в городе

¹ Степонавичюс Юлийонас (1911–1991 гг.), католический архиепископ Литвы. С 11 сентября 1955 г. викарный епископ Паневежиса, с 1958 г. до 1961 г. апостольский администратор Паневежской епархии и Вильнюсской архиепархии. В 1961 г. арестован и отправлен в ссылку в Жагаре, где находился под домашним арестом. В 1970 г. священники Вильнюсской архиепархии подали петицию властям СССР о возвращении епископа из ссылки, в 1976 г. с воззванием об освобождении Степонавичюса выступила Литовская Хельсинкская группа, но призывы были проигнорированы. Свобода епископу Степонавичюсу была предоставлена только с началом политики перестройки. 21 октября 1988 г. епископ смог прибыть в Вильнюс. 10 марта 1989 г. папа Иоанн Павел II назначил его архиепископом Вильнюса. Обязанности архиепископа он исполнял вплоть до своей смерти 18 июня 1991 г.

Вильнюс, посетил его знакомый², фамилия не установлена, который заявил, что студенты не будут на демонстрации. Если же они будут, значит во время демонстрации на проспекте Сталина организуют восстание. Епископ Степонавичюс к этому добавил: «В настоящее время студенты стали прогрессивными, ничего не боятся».

Этим же оперативным путем стало известно, что учащаяся 11-го класса I-й средней школы города Вильнюс Эйдрюгявичюте Иоланта, 1939 года рождения, изучает текст песни, составленной учащимся этого же класса, для пений во время прохождения демонстрации. При этом она заявила, что когда с трибуны будут кричать: «Да здравствует советская молодежь!», они на это не ответят ни слова.

Эйдрюгявичюте Иоланта а также и ее брат Ромас, как участники антисоветской молодежной группы, в 1955 году были нами допрошены и освобождены.

Инженер геолог Министерства стройматериалов Литовской ССР Ужпалис Д.К. со слов своего брата Витаутаса – студента Художественного института знает, что студенты-филологи и студенты Консерватории и Художественного института собираются сорвать демонстрацию 7 ноября с. г.

Эти студенты намерены с одной из боковых улиц ворваться в демонстрантов и нарушить строй демонстрации. Некоторые студенты Художественного института имеют изготовленные ими штампы с антисоветскими лозунгами и будут их ставить на стенах института³.

Принимаем меры по перепроверке указанных сигналов и пресечения враждебных проявлений.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете министров Литовской ССР генерал-майор (К. Ляудис)⁴

² Sic! Так в оригинальном тексте: и фамилия епископа, и слово «знакомый» в именительном падеже. Очевидно, речь идет о том, что будучи в то время викарным епископом Паневежского епископата, Степонавичюс посетил его знакомого в Вильнюсе, а не наоборот.

³ Этот абзац является концом 5-й страницы документа, а последующий и одновременно последний абзац указан на 7-й странице. Это очевидно опечатка № последней страницы, она должна была бы быть 6-й по ряду.

⁴ Ляудис Казимиерас (1900–1989 гг.), советский партийный и государственный деятель литовского происхождения, с 1956 г. генерал-майор. С 1947 г. по 1950 г. заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР и одновременно министр сельского хозяйства Литовской ССР. С 11 июня 1953 г. по 16 февраля 1954 г. второй секретарь ЦК КП Литвы. В октябре 1953 г.

[...]¹ ноября 1956 года

Справка

1-й экз[емпляр] товарищ Ляудис лично передал секретарю ЦК КП Литвы товарищу Снечкусу. Нач[альник] 2 отд[еления] 1 отд[ела] 4 Упр[авления] КГБ при СМ ЛССР капитан П. Колговас

Черновик уничтожен П. Колговас

2

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ Литовской ССР, секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу об «антисоветских» листовках, найденных в общежитии Вильнюсского госуниверситета.

Вильнюс, 21 ноября 1956 г.

(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ар. 1. В. 509, л. 238–239атв.)

Копия

Совершенно секретно
Экз. № 2

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.

Спецсообщение

Комитетом государственной безопасности при Совете Министров Литовской ССР, 19 ноября с. г. в общежитии Вильнюсского Госуниверситета им. Капускаса по ул. Чюрлионио дом № 23 изъята книга дежурств по общежитию со следующей антисоветской надписью:

«Тов. студенты!

Перелистывая эту тетрадь сразу бросается в глаза нашей молодежи, т. е. в цветку нашего народа студенчеству, нечистые взгляды на жизнь о товариществе и дружбе.

Тов. студенты! Не сейчас время о разных непристойностях, когда наша родина плачет и стонет под пятой аккупантов², когда наши братья и сестры, родители и знакомые мучаются в степях Сибири. Поднялся венгерский народ. «Слава борцам за свободу!» Не зажали их высоких стремлений, а наоборот еще больше направлен на работу в органы государственной безопасности республики в качестве их руководителя, в этом же году ему было присвоено звание полковника. С 7 октября 1953 по 27 марта 1954 г. министр внутренних дел Литовской ССР. С 27 марта 1954 по 30 октября 1959 г. председатель КГБ при СМ Литовской ССР.

¹ Без даты дня.

² Sic! Так в тексте.

расшевелят мир, а особенно прогрессивную молодежь, которая должна и обязана (слова подчеркнуты) перестроить жизнь.

Тов. студенты! Объединяйтесь и накапливайте силы, разжигайте ненависть к своим аккупантам³, готовьтесь к решительной борьбе. Мы обязаны бороться, бороться и еще раз бороться.

Победим мы. Наше дело правое. С нами вся прогрессивная мировая общественность.

Молодежь, подготовляйся, объединяйся и накапливай силы...»

К надписи сделана приписка:

«Кто это написал, является настоящей мужчиной. Повесим еще ни одного кацапа на телеграфных столбах как в Венгрии».

Проводим мероприятия по установлению авторов, учинивших указанных выше надписи.

О результатах сообщим дополнительно.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров Литовской ССР генерал-майор

К. Ляудис

Верно: Нач[альник] 4 Упр[авления] КГБ при СМ ЛССР капитан П. Колговас

21 ноября 1956 года

№ С/4/911

Отп. 2 экз.

1-й адресату

2-й в дело №

Исп. Капустин

Пор. № 1374

Печ. Рачкова 19. XI. 56 г.

Черновик уничтожен П. Колговас

3

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ Литовской ССР, секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу об «антисоветской» надписи на стенах Вильнюсского госуниверситета сделанной тремя студентами Юридического факультета

31 октября 1956 г.

Вильнюс, 24 ноября 1956 г.

(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ар. 1. В. 509.Л. 176–178атв.)⁴

³ Sic! Так в тексте.

⁴ Документ был опубликован на сайте Особого архива Литвы: <http://www.kgbveikla.lt/docs/download/1725>

Копия
Совершенно секретно
Экз. № 2

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.

Спецсообщение

В дополнение к № С/4/914 от 22.XI.1956 г.¹

31 октября 1956 года, т. е. в период разгула реакции в Венгрии, на видном месте центрального здания Вильнюсского госуниверситета была учинена надпись: «Да здравствует революция в Венгрии!».

Принятыми мерами установлено, что указанная надпись учинена студентом I курса Юридического факультета Вильнюсского госуниверситета Микалюнасом Видмантасом с[ыном] Пранаса, 1934 года рождения, уроженцем гор[ода] Радвилышкис, Литовской ССР, литовцем, из рабочих, членом ЛКСМ, при соучастии студентов этого же курса и факультета Сабатайтиса Римантаса с[ына] Леонаса, 1937 года рождения, уроженца д[еревни] Раудоли, Юрбаркского района Литовской ССР, литовца, из рабочих, члена ЛКСМ и Вайтекайтиса Валентинаса с[ына] Владаса, 1937 года рождения, уроженца гор[ода] Кудиркос Науместис, Литовской ССР, литовца, из рабочих, члена ЛКСМ.

Будучи допрошенными вышеуказанные студенты в учинении антисоветской надписи признались. Расследованием установлено, что надпись учинена по заранее состоявшемуся сговору в целях выражения сочувствия венгерской контрреволюции.

Инициатором и организатором учинения надписи является Микалюнас, который на допросе показал:

«...Надпись учинена лично мною примерно в 22:30 часов 31 октября 1956 года... Написана при помощи чернил кисточкой на литовском языке. Длина надписи достигала примерно 2 или 3 метров, а величина букв 15–20 см... В тот момент, когда я писал на стене, Сабатайтис и Вайтекайтис стояли с обеих сторон, и наблюдали за тем, чтобы никто не заметил... О необходимости учинить на стене госуниверситета надпись антисоветского содержания инициативу проявил я, о чем рассказал Сабатайтису и Вайтекайтису, они со мной согласились. Чернила и кисточку для учинения надписи я купил в магазине...».

О причинах учинения надписи прояснил, что он это сделал под влиянием националистических убеждений и якобы нездоровой политической обстановки среди студентов, что и привело его к политически неправильному пониманию советской действительности.

Соучастник учинения надписи показал:

«...Надпись учинена Микалюнасом при моем соучастии и Вайтекайтиса... Надпись по своему содержанию должна была выражать сочувствие лицам, поднявшим путч в Венгрии. Мы распределились так: я должен был наблюдать, чтоб никто нас не заметил со стороны площади Кутузова, а Вайтекайтис с противоположной стороны, т. е. с ул[ицы] Горького, а Микалюнас подошел к стене для учинения надписи...».

Соучастник учинения надписи Вайтекайтис является секретарем комсомольской организации группы. Последний на допросе показал:

«...Сабатайтис пригласил меня в комнату Микалюнаса, где Микалюнас рассказал, что он намерен произвести надпись, как он показал, в сочувствие венгерской революции. Я и Сабатайтис высказали боязнь, но Микалюнас нас успокоил, и мы согласились...».

Кроме того Микалюнас, Сабатайтис и Вайтекайтис 2 ноября 1956 года по случаю религиозного праздника т. н. «Задушного дня» посетили вильнюсское кладбище Росу и участвовали в пении националистических песен и гимна буржуазной Литвы.

В связи с тем, что Микалюнас, Сабатайтис и Вайтекайтис происходят из социально близкой нам среды, последние к уголовной ответственности не привлекались, а были профилированы.

В целях пресечения подобных националистических выступлений со стороны молодежи в дальнейшем, считаем целесообразным указанных выше студентов из университета исключить, и обязать Военного Комиссара Литовской ССР генерал-майора тов. Мацияускаса² призвать их на действительную службу в Советскую Армию.

О чем докладываю на Ваше решение.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров Литовской ССР генерал-майор

² Мацияускас Иван Иванович (1900–1981 гг.), советский военный и политический деятель, генерал-майор. После 1945 г. начальник Политуправления военного комиссариата Литовской ССР, военком Литовской ССР в Совете Министров, председатель Совета ветеранов войны и труда в Вильнюсе.

¹ См. док. № 2.

(К. Ляудис)
*Верно: Нач[альник] 4 Упр[авления] КГБ при
СМ ЛССР капитан П. Колговас*

24 ноября 1956 года
№ С/4/920

Отп. 2 экз.
1-й адресату
2-й в дело № [...]¹
Исп. Капустин
Отп. Белова пор. № 1468
23. XI. 56 г.

*Копия верна
Черновик уничтожен П. Колговас*

4

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ Литовской ССР, секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу о соучастии еще одного студента Юридического факультета Вильнюсского госуниверситета в осуществлении «антисоветской» надписи на стенах Вильнюсского госуниверситета 31 октября 1956 г.

Вильнюс, 7 декабря 1956 г.

(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ap. 1. B. 509. L. 179–180atv.)

*Копия
Совершенно секретно
Экз. № 2*

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.

Спецсообщение

В дополнение к № С/4/920 от 24. ноября 1956 г.²

Комитетом государственной безопасности дополнительно установлено, что в учинении надписи «Да здравствует революция в Венгрии!» 31 октября 1956 г. на стене центрального здания Вильнюсского госуниверситета принял участие студент 2 курса Юридического факультета Вильнюсского госуниверситета Пуклевичюс Викторас-Альгимантас с[ын] Владаса, 1937 года рождения, уроженец деревни Мешкучай³ Шяуляйского района, Литовской ССР, литовец, гражданин СССР, происходит из семьи служащего, член ВЛКСМ.

Будучи допрошенным Пуклевичюс свое участие в учинении надписи признал и показал: «...Вечером 30 октября с. г. к нам в комнату общежития зашел студент I курса Микалюнас и вызвал меня в коридор, спросил комсомолец ли я. Получив утвердительный ответ, он заявил, что ничего мне не скажет. Я попросил его объяснить в чем же дело. Тогда он предложил мне вместе с ним учинить антисоветскую надпись. На мой вопрос какую именно надпись, он ответил, что намерен учинить надпись с поздравлением восстания контрреволюционеров в Венгрии. На это я дал мое согласие...».

Кроме того установлено, что Пуклевичюс В. В. 2 ноября с. г., т. е. в день религиозного праздника т. н. «Задушного» дня, посетил Вильнюсское кладбище Росу.

В целях пресечения подобных проявлений молодежи в дальнейшем, считаем целесообразным Пуклевичюса Виктораса-Альгимантаса с[ына] Владаса, как совершившего преступление, из Вильнюсского госуниверситета исключить, и обязать Военного Комиссара Литовской ССР генерал-майора тов. Мацияускас призвать его на действительную службу в Советскую Армию.

О чем докладываю на Ваше решение.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете министров Литовской ССР генерал-майор

(К. Ляудис)
*Верно: Нач[альник] 4 Упр[авления] КГБ при
СМ ЛССР капитан П. Колговас*

7 декабря 1956 года
№ С/4/969

Отп. 2 экз.
1-й адресату
2-й в дело № 8
Исп. Капустин
Отп. Белова пор. № 2063
4. XII. 56 г.

Черновик уничтожен П. Колговас

¹ Без номера.

² См. док. № 3.

³ Так в тексте. Правильнее: Мяшкучай (Лит. Mieškučaj).

5

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ Литовской ССР секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу о проявлениях поддержки в студенческой среде студентов Историко-филологического факультета В. Микалюнаса, Р. Сабатайтиса и В. Вайтекайтиса.

**Вильнюс, 7 декабря 1956 г.
(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ap. 1. B. 509. L. 240–241atv.)¹**

Копия
Совершенно секретно
Экз. № 2

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.

Спецсообщение

1 декабря 1956 года на досках объявлений в помещениях Юридического и Историко-филологического факультетов Вильнюсского государственного университета им. В. Капускаса были обнаружены две листовки, отпечатанные на пишущей машине следующего содержания:

«Внимание! В понедельник (3 декабря 1956 года) точно в 9 часов утра все студенты собирайтесь не на лекции, а во дворе у центрального здания. Будем просить ректорат, чтобы три наши товарища-студенты не были исключены из университета».

Кроме того были получены агентурные данные, что студенты Историко-филологического факультета 3 декабря с. г. намерены устроить «митинг протеста» против исключения из университета Микалюнаса, Вайтекайтиса и Сабатайтиса, которыми 31. X. с. г. učinена антисоветская надпись на стене центрального здания университета.

В целях предотвращения возможного выступления учащихся ВУЗов 1 и 2 декабря с. г. в КГБ при СМ Литовской ССР было вызвано и допрошено ряд студентов с целью выявления инициаторов этого намерения.

Утром 3 декабря с. г. был организован наряд силами КГБ при СМ Литовской ССР, партактива госуниверситета и органов милиции. Выступление студентов, намечавшееся на 3 декабря с. г. не состоялось.

Автор указанных выше листовок устанавливается.

¹ Документ опубликован на сайте Особого архива Литвы: <http://www.kgbveikla.lt/docs/download/1727>

Председатель комитета госбезопасности при Совете министров Литовской ССР генерал-майор

(К. Ляудис)
Верно: Нач[альник] 4 Упр[авления] КГБ при СМ ЛССР капитан П. Колговас

7 декабря 1956 года
№ С/4/968

Отп. 2 экз.
1-й адресату
2-й в дело № 18
Исп. Колговас
Отп. Белова пор. №
4. XII. 56 г.
Черновик уничтожен П. Колговас

6

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ Литовской ССР, секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу о «неправильном отношении» ректора Вильнюсского государственного университета И. Буловаса к «антисоветским проявлениям» в университете.

**Вильнюс, 29 декабря 1956 г.
(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ap. 1. B. 509. L. 305–308atv.)²**

Совершенно секретно
Экз. № 2

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.
гор. Вильнюс

Спецсообщение

Комитетом госбезопасности при СМ Литовской ССР получены данные о неправильных действиях и скептическом отношении к антисоветским выпадам отдельных студентов со стороны ректора Вильнюсского государственного университета т. Буловас И.³

² Документ был опубликован на сайте Особого архива Литвы: <http://www.kgbveikla.lt/docs/download/1723>

³ Правильно: Булава Юозас (1909–1995 гг.), правовед, общественный деятель. В 1946–1952 гг. директор Института права АН Литовской ССР, в 1953–1956 гг. директор Института экономики АН Литовской ССР, в 1956–1958 гг. ректор Вильнюсского университета. Сопrotивлялся русификации университета, под его руководством в составе преподавателей значительно увеличилась доля литовцев. За это по обвинениям в национализме был освобожден от занимаемой должности, в 1959 году исключен из партии.

Так, 8 декабря с. г. т. Буловас пригласил к себе студентов 5 курса Историко-филологического факультета Паштукайте, Мизарайте, Мамалайте, Вилюнаса и других для объяснения по поводу их участия на антисоветском выезде на кладбище Росу 2 ноября 1956 г.

Присутствовал при беседе и проректор госуниверситета т. Мешкаускас¹.

Выслушав студентов, Буловас порекомендовал им быть более осторожными, много не разговаривать, так как их, якобы, могут спровоцировать.

Тогда же им в присутствии студентов было заявлено, что все дело в отношении происшедшего на кладбище и участия в нем студентов, сильно раздуто, в чем, по его мнению, действует «компания Митропольского», который будучи проректором, не пользовался авторитетом, любые действия студентов рассматривал как действия подпольной организации.

По имеющимся у нас данным, отдельные националистически настроенные студенты, в том числе те, которые участвовали на кладбище 2 ноября с. г., считают ректора Буловас и проректора Мешкаускас своими людьми.

3 декабря с. г. в связи с получением сигнала о том, что значительная группа студентов намерена демонстративно выступить против исключения из госуниверситета лиц, допустивших антисоветские действия², Комитетом госбезопасности были приняты меры по предотвращению этих намерений. В этих целях, наряду с другими мерами, по согласованию с секретарем партийной организации госуниверситета, в здании госуниверситета были размещены несколько работников органов КГБ. Пропускал их комендант здания Заремба.

После ухода работников органов, ректор госуниверситета Буловас вызвал к себе коменданта Зарембу, сделал ему замечание за то, что он пропустил в здание работников КГБ и предупредил, чтобы он впредь таких действий не допускал.

Тогда же Буловас необоснованно Зарембе заявил, что во время пребывания в здании работников органов КГБ, из кабинета проректора Мешкаускаса пропал важный документ. В действительности же такого факта не было.

В беседе с начальником спецчасти госуниверситета Гервицкасом, последнему ректор Буловас указал на необходимость сторожиться работников органов КГБ.

¹ Мешкаускас Еугениус (1909–1997 гг.), философ, профессор. В 1947–1956 гг. декан Историко-филологического факультета, в 1956–1959 гг. проректор Вильнюсского госуниверситета.

² См. док. № 5.

Тенденциозное отношение Буловас к органам госбезопасности было проявлено им в декабре 1955 года. В то время органами госбезопасности среди учащихся старших классов 1-й и 2-й средних школ гор. Вильнюса была вскрыта молодежная антисоветская группа «Аудронаина», в состав которой входила дочь Буловаса, Буловайте Рита, член ВЛКСМ, учащаяся 11 класса 2-й средней школы гор. Вильнюс. В указанной группе Буловайте являлась одной из старших, приняла присягу на верность ей, которую подписала своей кровью.

На сборищах участники группы изучали историю гор. Вильнюса и Литвы по старым учебникам и обсуждали отдельные вопросы истории с позиций враждебных по отношению к советской власти. Группа ставила своей задачей распространение антисоветских листовок, а также сбор средств для посылки высланным из республики литовским националистам.

В момент вскрытия группы, на следствии Буловайте вела себя не откровенно. В связи с этим в целях выяснения практической деятельности группы и ее идейных вдохновителей, Буловайте приглашалась нами на допрос дважды.

Вместо того, чтобы разобраться в поведении дочери и помочь нам выяснить причины ее принадлежности к антисоветской группе, Буловас припятствовал ее явке в органы КГБ, и в своем заявлении тенденциозно изложил действия органов госбезопасности проводивших мероприятия по вскрытию группы и профилактике ее участников.

Кроме того, оперативным путем нами установлено, что 22 октября с. г. состоялся разговор между активно нами проверяемыми бывшим лидером буржуазной партии ляудининков³ олюшисом и бывшим членом этой партии Стремайтисом по вопросу проводимой ими антисоветской деятельности.

В процессе разговора Толюшис спросил: «А как Буловас?». На этот вопрос Стремай-

³ Речь идет о членах Партии социалистов ляудининков (народников) Литвы. Партия была создана весной 1917 г. в Петрограде группой выходцев из Демократической партии Литвы. Выступала за федеративное устройство российской государственности с предоставлением Литве автономии. На своей конференции (27 сентября – 4 октября 1917 г., Петроград) социалисты-народники Литвы исключили из партии правое крыло, образовавшее затем Партию социалистов ляудининков-демократов. В 1918 г. радикальное крыло социалистов-народников Литвы образовало в Москве Партию революционных социалистов-ляудининков Литвы. Революционные социалисты-народники принимали участие в установлении советской власти в Литве в конце 1918 – начале 1919 г.

тис ответил: «Он, ничего, хороший человек, он уже кое-что сделал, но многого нечего хотеть». Согласившись с таким мнением, Толюшис заявил: «У него такое положение».

За последнее время студентами Вильнюсского госуниверситета совершен ряд серьезных антисоветских проявлений. В связи с этим, изложенные действия ректора Буловас считаю ненормальными, о чем ставлю Вас в известность.

Председатель комитета госбезопасности при Совете министров Литовской ССР генерал-майор

(К. Ляудис)

*Верно: Нач[альник]4 Упр[авления] КГБ при
СМ ЛССР капитан П. Колговас*

*Получено 29/XII. 56 г.[...]*¹

[...]² декабря 1956 года

Отп. 2 экз.

1-й адресату

2-й в дело № 18

Исп. Гинько

Отп. Белова пор. № [...]

29. XII. 56 г.

Черновик уничтожен П. Колговас

7

Протокол заседания Комитета ВЛКСМ Вильнюсского государственного университета о личном деле студентов В. Микалюнаса, Р. Саботайтиса и В. Вайтекайтиса.

Вильнюс, 3 декабря 1956 г.

(Рукописный оригинал на литовском языке³. LYA. F. 16587. Ар. 1. В. 18, L. 82–87.)

Протокол заседания № 5 Комитета Комсомола Вильнюсского Государственного Университета, состоявшегося 3 декабря 1956 г.

Принимает участие 11 членов Комитета Комсомола и секретари факультетов.
В повестке дня: 1. Личные дела и заключения по ним.

Обсуждалось: Антисоветские выходки студ[ентов] 1 курса Юридического факультета Саботайтиса, Вайтекайтиса, Микалюнаса

¹ Автограф неразборчивый.

² Без даты дня.

³ Перевод с литовского на русский Римантаса Загре-
каса. Явные орфографические ошибки исправлены.

Высказались:

Вайтекайтис: 31 октября вместе с Саботайтисом и Микалюнасом принимали участие в написании антисоветского лозунга, а 2 ноября пошли на кладбище. И написание лозунга и поход на кладбище организовал Микалюнас. 31 октября все трое пришли к центральному дворцу и написали воззвание «Да здравствует революция в Венгрии!»

На кладбище пришли с опозданием, но еще успели спеть.

Политической цели у него не было, только хотел произвести шум в университете.

Слесорюнас: В какое время это сделали? – В девять часов вечера.

Казбарас: Задумался ли, что делаешь, и что тебя ждет потом? – Не хотел в глазах друзей показаться дураком, выводов никаких не делал и больше не думал.

Казбарас: Знал ли, что это запрещено? – Знал, но не хотелось показаться дураком.

Казбарас: Почему перед тем, как идти, не подумал, что будет дальше? – Легкомысленно поступил.

Казбарас: Вы совершили политическое преступление.

Слесорюнас: Раньше с Микалюнасом были друзьями? – С ним познакомился, когда другие уехали в колхоз. Вместе дискутировали вопросы об отрицании культа личности, по национальным вопросам.

Казбарас: Вы все слушали «Голос Америки»? – Слушали, я привез свой аппарат «Рига 10».

Казбарас: Как вы оцениваете свое поведение? – Поведение не согласуется с членством в комсомоле. Вообще, правильно поступило бюро факультета.

Шопаускас: Кто еще слушал? – Жеймис, Валодзка и другие.

Макштутите: Почему приглашал Саботайтиса, а не Жеймиса или других?

Слесорюнас: Почему вы думаете, что поступили правильно? – Нет, я поступил неправильно.

Казбарас: Где родители работают? – Отец на заготовках работает.

Бярнотавичюс: Знали ли вы членов подпольной организации в Науместис? – Да, знал их.

Бюро Юридического факультета решил исключить из рядов ВЛКСМ.

Постановили: Тов. Вайтекайтиса исключить из рядов ВЛКСМ за антисоветскую выходку.

Обсуждалось: Антисоветская выходка тов. Саботайтиса

Саботайтис: Когда объявили, что в Венгрии революция, Микалюнас предложил написать что-нибудь на стене. Пошли и написали. Писал Микалюнас. Мы с Вайтекайтисом охраняли.

Белинис: Что бы вы делали, если бы кто-то увидел вас? – Сказали бы, что надо прятаться.

Казбарас: С какой целью писали? – Не было никакой цели. Просил, поэтому и охраняли. Хотели произвести шум.

Казбарас: Вы знали, что этот лозунг антигосударственный? – Нет об этом не думали.

Шопаускас: Сам слушал радио? – Слушал один раз с Вайтекайтисом, Валодзкой и Тамошюнасом.

Казбарас: Вы слышали, что они учили лозунги писать? – Нет.

Казбарас: Почему не позвали остальных друзей по комнате? – Не хотели.

Казбарас: Зачем вы это делали? – Цели никакой не было, не хотел показаться дураком и послушался друга.

Казбарас: Почему вы не рассказали комсомольской организации о своих делах? – Думал, что так и пройдет.

Белинис: Когда госбезопасность узнала? – 28 ноября¹.

Макштутите: Зачем пошли на кладбище? – Интересно было. Вся комната ходила: Валодзка, Жеймис, Дубарас, Буткус.

Казбарас: Что делали на кладбище? – Пришли с опозданием, пели и организованно вернулись, некоторые отделились в сторону общезжития.

Белинис: Зачем вырезали буквы из газеты? – Не знаю ничего.

Казбарас: Как оцениваете свой поступок? – Это не согласуется с членством в Комсомоле.

Решено: Подтвердить решение бюро факультета исключить тов. Саботайтиса из рядов ВЛКСМ.

Обсуждали: Антисоветскую выходку Микалюнаса.

Микалюнас: В Вильнюсе подружился с Саботайтисом и Вайтекайтисом. Слушали заграничное радио, спорили. Когда происходили события в Венгрии, предложил Саботайтису и Вайтекайтису написать воззвание. Сделал большую ошибку и готов исправиться.

¹ Этого не может быть, ведь К. Ляудис 23–24 ноября уже доложил А. Снечкусу о фактах вскрытия «группы Микалюнаса». См. документ № 3.

Казбарас: Какова была цель? – Было интересно пойти ночью и написать.

Казбарас: Знал ли, что это политическое преступление? – Думали, что нас не поймают.

Казбарас: Кто отказался идти с вами? – Япертас.

Шопаускас: Кто предложил слушать радио? – Принесли аппарат и начали слушать.

Паеда: К каким заключениям пришли слушающая радио? – Последовать Венгрии.

Бярнотавичус: Где окончили среднюю школу? – В Радвилишкисе.

Слесорюнас: Почему вы организовали шествие на кладбище? – Не помню.

Казбарас: Вы задумались о том, что сделали? – Думал, что это плохо.

Шопаускас: Кто указания давал? – Мною никто не руководил, я сам инициатор.

Решено: Подтвердить решение бюро факультета: исключить из рядов ВЛКСМ. [...]²

Р. Казбарас
Секретарь Комсомола ВГУ
(Р. Казбарас)

8

Протокол заседания Комитета ВЛКСМ Вильнюсского государственного университета о личном деле А. Пуклявичюса

Вильнюс, 25 марта 1957 г.

(Рукописный оригинал на литовском языке³. LYA. F. 16587. Ap. 1. B. 21. L. 29–31.)

Протокол № 11 [заседания] Комитета Комсомола Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, состоявшегося 25 марта 1957 г.

В повестке дня: 1. Личные дела.[...]⁴

Обсуждали: Личное дело студента 2 курса Юридического факультета Пуклявичюса Альгимантаса, [сына] Владаса, комсомольца с 1950 г., № комсомольского билета 16840551.

Суть дела: Вместе с Вайтекайтисом, Микалюнасом, Сабатавичюсом⁵ участвовал в

² В дальнейшем обсуждается «скандал» в актовом зале Спортклуба 1 декабря 1956 г. Не публикуется.

³ Перевод с литовского на русский Римантаса Загречкаса.

⁴ В дальнейшем обсуждается личное дело Л. Альбинаса, студента Факультета естественных знаний. Не публикуется.

⁵ Sic! Так в оригинале.

написании лозунга «Да здравствует революция в Венгрии!» на воротах университета. Участвовал в событиях на кладбище Расу. Плохо учился, живет в общежитии, хотя туда не принят.

Пуклявичюс: В сети Микалюнаса попал случайно, не подумав участвовать в написании антисоветского лозунга и в хождении на кладбище Расу. Теперь понимаю, что поступил плохо.

Казбарас: Почему такой недисциплинированный? – Готовился к сессии, но после обсуждения волновался и плохо сдал экзамен по политэкономии. Пропустил много лекций, потому что готовился ликвидировать долги.

Казбарас: Как оцениваешь свои поступки? – Со мной так впервые в жизни было, в написании лозунга участвовал неосмысленно.

Бярнотавичюс: А сам ощущаешь себя комсомольцем? – Ощущаю.

Казбарас: Какую комсомольскую работу выполнял? – Был членом Шяуляйского [районного] [комитета], секретарем школьного комсомольского комитета.

Казбарас: А сам согласен, что тебе не место в комсомоле? – Согласен.

Казбарас: Предлагаю исключить Пуклявичюса из рядов ВЛКСМ.

Решено: За антисоветские выскочки и нарушение академической дисциплины исключить Пуклявичюса из рядов ВЛКСМ. [...]¹

П. Бярнотавичюс
Секретарь Комитета Комсомола ВГУ
(П. Бярнотавичюс)

9

Спецсообщение К. Ляудиса, председателя КГБ при СМ ЛССР, секретарю ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусу о личном деле студента Юридического факультета Вильнюсского государственного университета И. Кароблиса.

Вильнюс, 24 мая 1957 г.

(Машинописная копия на русском языке. LYA. F. K-41. Ap. 1. B. 523. I. 151–154atv.)

Копия
Совершенно секретно
Экз. № 2

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы
Товарищу Снечкусу А. Ю.
гор. Вильнюс

¹ В дальнейшем обсуждается личное дело студента 2 курса Юридического факультета В. Баронаса. Не публикуется.

Спецсообщение

9 мая с. г. Комитетом госбезопасности при СМ Литовской ССР за антисоветскую деятельность и незаконное хранение огнестрельного оружия арестован студент 2-го курса Юридического факультета Вильнюсского государственного университета Кароблис Ионас с[ын] Стасиса, 1935 года рождения, уроженец деревни Лялишко, Пасвальского района, литовец, беспартийный, из крестьян-середняков.

Основанием к аресту Кароблиса послужили следующие данные и обстоятельства: 21 ноября 1956 года за совершенные антисоветские действия органами КГБ задерживался студент государственного университета Микалюнас, который проживал в одном общежитии с Кароблисом. После задержания Микалюнаса и проведения у него обыска, в присутствии других студентов Кароблис со злобой заявил: «Надо было его трахнуть» (имея в виду убить сотрудника КГБ).

При этом Кароблис вынул из кармана пистолет, несколько раз потряс его в руке и положил обратно в карман.

2 декабря 1956 года с целью изъятия пистолета по вопросу его хранения Кароблис был допрошен². На допросе он признался в незаконном хранении оружия и сдал мелкокалиберный пистолет, который хранил в общежитии государственного университета.

Кроме того, Кароблис показал, что в течение 1956 года из этого пистолета он несколько раз стрелял в комнате общежития, в умывальнике и в парке Вингис, многим своим однокурсникам угрожал убийством. Как правило, во время его стрельб в общежитии присутствовали другие студенты, хотя никто из них, в том числе и комендант общежития административного университета в известность об этом не ставил.

Учитывая, что изъятый у Кароблиса пистолет был малокалиберным и не совсем исправным, и также и то, что на допросе факта хранения пистолета Кароблис не скрывал, было принято решение к уголовной ответственности его не привлекать, а подвергнуть проверке. В связи с этим Кароблис был взят в агентурную разработку.

2 апреля с. г. от доверенного «Ю» были получены данные о том, что Кароблис имеет еще один пистолет. Доверенный «Ю» также сообщил, что Кароблис склонял его к совместному ограблению магазина в гор. Вильнюс, которое намерен осуществить с применением пистолета. Кроме того Кароблис высказал намерение похитить оружие и патроны, хранящиеся в помещении Вильнюсского ДОСААФ. Не получив

² Sic! Так в тексте.

согласия «Ю» на участие в ограблениях, Кароблис предупредил его, чтобы о его предложении он никому не говорил, и в порядке угрозы заявил: «Я постараюсь пустить тебе пулю в лоб».

В процессе проверки Кароблиса тоже были получены данные о том, что в конце 1956 года он подстрекал студентов организованно пойти к ректору университета с требованием не исключать из ВГУ совершившего антисоветские действия студента Микалюнаса¹. Во время контрреволюционного мятежа в Венгрии Кароблис призывал студентов к свержению советской власти в Литве. Антисоветские высказывания Кароблис проявлял на семинарских занятиях по марксизму-ленинизму. Открыто выступал против комсомольской организации, и проводимых ею мероприятий.

В апреле с. г. Кароблис высказывал свое намерение во время летних каникул выехать в Пасвальский район, где ограбить кассу совхоза «Нарадава», в котором работают его мать и сестра. К совершению ограбления Кароблис имел намерение привлечь студента 2 курса Юридического факультета Вилкаса.

Кроме того, Кароблис хранил у себя тетрадь с антисоветскими песнями, которые давал читать другим студентам.

После проверки и документации этих данных по существу 8 мая с. г. Кароблис вторично был допрошен и разоблачен. На допросе Кароблис сознался, что у него действительно имеется второй пистолет системы «Мента», калибра 7,65 мм, который он приобрел в 1956 году во время летних каникул у рабочего совхоза «Нарадава» Пасвальского района Астравскаса. 3 мая 1957 года этот же пистолет с пятью патронами в аудитории Вильнюсского госуниверситета он передал на хранение студенту 2 курса Юридического факультета Мишкинису Альгирдасу, проживающему в пос[елке] Павильнюс, ул. Келейвию, дом № 26/2, кв. 1.

Реализуя показания Кароблиса, у Мишкиниса был произведен обыск, в результате которого на чердаке пистолет был обнаружен и изъят вместе с пятью патронами. Мишкинис подтвердил, что обнаруженный у него пистолет принадлежит Кароблису.

О причинах, побудивших Кароблиса скрыть второй пистолет в момент изъятия у него первого пистолета, он показал: «После того, как органами госбезопасности был изъят у меня первый пистолет, я подумал, что за хранение этого пистолета к уголовной ответственности

привлечен не буду, так как этот пистолет малокалибра, приспособлен для стрельбы патронами от мелкокалиберной винтовки, и по убойной силе слабый. В отношении наличия у меня второго пистолета я скрывал от органов советской власти умышленно, так как сознавал, что за хранение этого оружия буду привлечен к уголовной ответственности. С другой стороны, я не хотел изменить своему слову, которое дал Астравскасу о том, что о получении от него оружия никому не расскажу».

Кароблис также сознался в известных нам фактах проводимой им антисоветской деятельности, в фактах его намерений осуществить ограбление магазина и кассы совхоза «Нарадава».

Причины возникновения у него антисоветских убеждений объяснить не мог, хотя заявил, что возникли они у него еще до поступления на учебу в госуниверситете.

Следствие по делу Кароблиса ведем в направлении возможно проводимой им другой антисоветской деятельности и выявления его антисоветских связей.

Выясняем причины возникновения у него антисоветских взглядов.

Председатель Комитета госбезопасности при Совете министров Литовской ССР генерал-майор

(К. Ляудис)
Верно: Колговас

24 мая 1957 года
№ С/4/534

Отп. 2 экз.
1-й адресату
2-й в дело № 18
Исп. Колговас
Отп. Белова пор. № 352
21. V. 57г.

Черновик уничтожен Колговас

Список сокращений

LYA = Lietuvos Ypatingasis Archivas (Особый архив Литвы)
ар. = апурашас (опись)
атв. = атвиркштинис (оборот)
б. = була (дело)
ф. = фондас (фонд)
л. = лопас (лист)

¹ См. док. № 5.

ВГУ = Вильнюсский государственный университет

ВЛКСМ = Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ДОСААФ = Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

КГБ = Комитет государственной безопасности

ЛССР = Литовская Советская Социалистическая Республика

СМ = Совет министров

г. = год

гор. = город

д. = дочка

дер. = деревня

др. = другие

исп. = исполнитель

мм = миллиметр

отп. = отправитель

печ. = печатал, печатала

пор. = портье

пос. = поселок

с. = сын

с. г. = сего года

см. = смотри

тов. = товарищ

т. г. = того года

т. е. = то есть

т. н. = так называемый

ул. = улица

экз. = экземпляр

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

Бахер Дитер – младший научный сотрудник Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Австрия)

Кечкеш Густав – доктор философии, старший научный сотрудник Центра гуманитарных наук Института истории Академии наук Венгрии

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

Мионов Владимир Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Оберрайтер Микаэла – кандидат наук, Венский университет

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

Романенко Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета

Сальков Анатолий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета

Селиванов Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета

Сироткина Евгения Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета

Шварц Искра – доктор философских наук, Институт истории Восточной Европы Венского университета

Шереш Аттила – научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных наук Академии наук Венгрии, ведущий консультант Национального архива Венгрии

Штейнберг Джон – профессор Государственного университета Остина Пея, (Кларксвилл, Теннесси, США)

Юрлов Александр Романович – магистрант 2 года обучения факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Научное издание

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск VII

Технический редактор и компьютерная вёрстка Н. Неговора

Подписано в печать 27.11.2017

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 21,39	Уч.-изд. л. 20,85
Бумага офсетная	Заказ	Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2